

29
5

15929

БИБЛИОТЕКА
 Л.-ГВ. СЕМЕНОВСКАГО ПОЛКА.

№ _____
 Томъ _____
 Шкафъ № _____
 Полка № _____

ВОИНА

1877 и 1878 гг.

Выпускъ V-й.

ПРОВЕРЕНО
1993/94 гг.

Издано подъ редакціей
Генералъ-Маіоръ Зыкова.

ПРОВЕРЕНО
2007 год

ВОЕННОНАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
 Александровскаго Военнаго Оучища

112752

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
 1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Августа 1880 года.

ШИБКИНСКОЕ СИДѢНЬЕ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Значеніе для всей кампаніи знаменитой обороны Шипки.— Положеніе дѣлъ на Шипкѣ послѣ лѣтняго набѣга генерала Гурко.— Генералъ Радецкій и Сулейманъ-паша.— Описаніе позиціи и расположенія на ней войскъ.

Описавъ переправу черезъ Дунай, взятіе Никополя, забалканскій набѣгъ генерала Гурко и наконецъ плевненскія дѣла отъ несчастныхъ для насъ іюльскихъ дней до 28 ноября, то-есть до дня паденія Плевны, мы имѣли множество случаевъ показать доблесть русскаго солдата и офицера и описать массу блестящихъ подвиговъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ частей войскъ. Казалось бы трудно найти еще что нибудь подобное. А между тѣмъ теперь намъ придется описывать такой подвигъ, отъ котораго зависѣла вся кампанія и безъ совершенія котораго по малой мѣрѣ не выпало бы и половины успѣховъ на долю другихъ войскъ. Это было— сначала геройская защита Шипкинскаго перевала горстью нашихъ храбрецовъ противъ 30-ти тысячной арміи Сулеймана-паши и затѣмъ пятимѣсячная оборона этой важной позиціи противъ той же многочисленной арміи, при необычайно неблагоприятныхъ для насъ условіяхъ. Не даромъ защитники Шипки, за геройскую защиту ея, получили прозваніе „шипкинскихъ орловъ“, а за долгую и необычайно трудную оборону ея — прозваніе „мучениковъ“.

Въ сущности, гарнизонъ Шипки находился все время обороны въ положеніи осажденнаго и испытывалъ едва ли не большія бѣдствія, чѣмъ какія когда нибудь выпадали на долю какихъ либо войскъ въ подобномъ положеніи. Здѣсь выказались полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, несравненные качества русскаго солдата и офицера—сверхъ естественная выносливость и стойкость, доходящая до поражающей высоты и громадная заслуга талантливаго вождя этой арміи—генерала Радецкаго.

вып. v.

Чтобы выяснить значеніе обороны Шипки и причину ея возникновенія, мы должны обратиться предварительно въ общему положенію дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны, передъ началомъ борьбы за Шипкинскій перевалъ.

Какъ извѣстно, первоначальный нашъ планъ кампаніи заключался въ быстромъ форсированіи Шипкинскаго прохода и затѣмъ въ неожиданномъ появленіи передовыхъ нашихъ силъ передъ Адрианополемъ и, если возможно, предъ самымъ Константинополемъ. Вначалѣ, дѣйствительно, многое, по видимому, благопріятствовало осуществленію этого плана. Въ первой половинѣ іюля мѣсяца, т. е. спустя какія-нибудь три недѣли послѣ переправы черезъ Дунай, генералъ Гурко съ передовымъ отрядомъ, какъ мы уже знаемъ, перешелъ Балканы и готовился двинуться къ Адрианополю. Но тутъ неожиданно въ тылу передоваго отряда, на правомъ нашемъ флангѣ, возникаетъ Плевна съ 30-ти-тысячной арміей Османа-паши, а впереди передоваго отряда, у Адрианополя, также неожиданно появляется новая 30-ти-тысячная турецкая армія Сулеймана-паши, прибывшая изъ Черногоріи. Вслѣдствіе этого положеніе дѣлъ на болгарскомъ театрѣ войны быстро измѣняется. 19-го іюля передовой отрядъ генерала Гурко былъ вынужденъ отступить изъ-за Балкановъ. Въ то же время, 18-го іюля, наши войска потерпѣли новую, весьма крупную, неудачу подъ Плевною.

Положеніе наше становилось критическимъ. Въ виду чрезвычайнаго усиленія непріятеля и неожиданнаго появленія новыхъ его отрядовъ, у насъ оказался чувствительный недостатокъ въ войскахъ. По

слано было въ тылъ дѣйствующей арміи и въ Россію за поддержаніями. Но когда еще они могли подойти; имѣвшіяся же въ Болгаріи войска частью были разстроены поражениемъ при Плевнѣ, частью потерпѣли отъ труднаго и утомительнаго похода за Балканы, а частью были прикованы къ р. Янтрѣ дунайскою арміею Мегемета - Али - паши. Передъ Плевною стоялъ сильно пострадавшій и порѣдѣвшій 9-й корпусъ генерала Криденера. Въ Тырновѣ, съ отъѣздомъ отсюда главной квартиры, совсѣмъ почти не оставалось войскъ. Расформированный передовой отрядъ генерала Гурко былъ разсѣянъ въ различныхъ пунктахъ у подножія Балкановъ съ цѣлью отдохнуть и оправиться отъ тяжелаго и неудачнаго забалканскаго набѣга. Словомъ, вся западная часть занятаго нами пространства въ сѣверной Болгаріи была теперь совершенно открыта, а южная—отъ Ловчи вдоль линіи Балкановъ до Елены — защищалась лишь слабыми отрядами. Между тѣмъ, каждую минуту могли опрокинуться на насъ: съ запада—армія Османа-паши и съ юга—армія Сулеймана.

Ловча уже перешла въ руки турокъ безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны. Того же можно было ожидать и съ нѣкоторыми изъ нашихъ южныхъ позицій. Существовало даже опасеніе и за всю нашу армію въ Болгаріи.

Словомъ, это было самое тревожное и тяжелое для насъ время во всю прошлую кампанію.

При такихъ-то обстоятельствахъ возникла Шипка, имѣвшая, безъ сомнѣнія, самую тѣсную связь съ возникновеніемъ Плевны.

Въ началѣ августа, по отступленіи генерала Гурко изъ-за Балкановъ, линія этихъ горъ охранялась 8-мъ корпусомъ генерала Радецаго, въ распоряженіе котораго поступили и нѣкоторыя части изъ расформированнаго передоваго отряда (болгарское ополченіе и 4-я стрѣлковая бригада). Такимъ образомъ, на долю войскъ генерала Радецаго выпала тяжелая, почти непосильная, обязанность—охранять, до прибытія нашихъ поддержаній, всю линію Балкановъ, на протяженіи около 80 верстъ, отъ Сельви до Беброва, имѣя впереди себя, за Балканами, 30-ти-тысячную армію Сулеймана-паши, по слухамъ, готовую уже приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а на лѣвомъ своемъ флангѣ—армію Мегемета-

Али-паши, который хотя и былъ задерживаемъ нашимъ рущукскимъ отрядомъ, но, во всякомъ случаѣ, также могъ ударить чрезъ Османъ-Базаръ на позиціи 8-го корпуса. Обязанность генерала Радецаго значительно усложнялась еще общою тяжестью нашего положенія въ Болгаріи послѣ второй Плевны. Не смотря на крайнюю растянутость занятой 8-мъ корпусомъ позиціи, необходимо было задержать во что бы то ни стало армію Сулеймана-паши, чтобы дать возможность спокойно оправиться нашимъ войскамъ подъ Плевною и собраться поддержаніямъ. Въ то же время необходимо было сохранить за нами балканскіе проходы, а въ особенности Шипкинскій, овладѣніе которымъ стоило нами уже не мало пролитой крови и трудовъ. Удержаніе балканскихъ проходовъ въ данную минуту имѣло для насъ особенно важное значеніе. Во-первыхъ, проходы эти представляли наиболѣе выгодныя позиціи для обороны занятаго уже нами участка въ Сѣверной Болгаріи, а слѣдовательно удержаніе ихъ за нами обезпечивало спокойное веденіе дальнѣйшихъ нашихъ операцій противъ Плевны. Во-вторыхъ, удержаніе Шипкинскаго перевала обезпечивало намъ сохраненіе кратчайшаго и удобнѣйшаго пути за Балканы, къ Адрианополю, куда войска наши неминуемо должны были двинуться вполнѣ слѣдствіи. Наконецъ, занятіе нами Шипкинскаго перевала имѣло, можетъ быть, еще болѣе важное для насъ, чисто-политическое значеніе. Какъ извѣстно, съ отступленіемъ передоваго отряда изъ-за Балкановъ, множество забалканскихъ болгаръ, съ ихъ семействами, селами и городами, подверглись страшному разоренію отъ необузданныхъ полчищъ Сулеймана-паши, послѣ чего вся эта масса разоренныхъ болгаръ переманила на сѣверную сторону Балкановъ, подъ наше покровительство, переполнивъ такіе города какъ Габрово, Тырновъ и даже Систово. Понятно, что съ переходомъ Шипкинскаго перевала снова въ руки турокъ, такое же разореніе могло угрожать и этимъ городамъ, послѣ чего страшная паника жителей неизбежно повліяла бы и вообще на ходъ нашихъ операцій въ Болгаріи. Трудно подыскать болѣе тяжелую отвѣтственность для полководца, какъ ту, которая теперь тяготѣла надъ Радецемъ. Всякій вождь можетъ спокойно видѣть, какъ его солдаты падаютъ вокругъ него, ибо они погибаютъ въ славномъ бою,

они умираютъ, какъ говорится, исполняя свой долгъ. Но сознавать, что при этомъ на нихъ лежитъ еще отвѣтственность за жизнь множества беззащитныхъ семействъ—женщинъ и дѣтей и ихъ кроваго имущества,—это должно быть для всякаго военачальника ужасно. Но за то какаѣ слава вынести на своихъ плечахъ все бремя этой отвѣтственности!

Такова была задача, поставленная корпусу генерала Радецаго съ его прибытіемъ къ Балканскимъ проходамъ.

Но нужно замѣтить, что все, что было сказано нами по поводу удержанія Балканскихъ проходовъ, вполнѣ было примѣнимо и къ позиціи нашей между Османъ-Базаромъ и Бебровомъ, охраненіе которой лежало также на обязанности 8-го корпуса и чрезъ которую, какъ чрезъ болѣе открытое мѣсто, всего легче могли ударить на Тырновъ какъ армія Сулеймана-паши, такъ и армія Мегемета-Али-паши.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію самаго хода послѣдовавшихъ вскорѣ событій, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о характерѣ двухъ столкнувшихся при этомъ личностей—генерала Радецаго и Сулеймана-паши, личныя качества которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣли огромное вліяніе на ходъ дѣлъ въ описываемомъ нами районѣ.

Два блестящихъ дѣла прошлой кампаніи—переправа черезъ Дунай и оборона Шипки, которыя выполнены исключительно корпусомъ генерала Радецаго и подъ его непосредственнымъ руководствомъ—выдвигаютъ этого генерала какъ самаго выдающагося дѣятеля прошлой войны. На Дунай и Шипку въ свое время устремлены были взоры всей Россіи, съ жадностью слѣдившей за ходомъ мельчайшихъ событій на этихъ двухъ важныхъ для насъ пунктахъ; но при этомъ имя генерала Радецаго постоянно какъ-то ступеньвалось и не бросалось въ глаза. Причиной этому служила необычайная скромность этого заслуженнаго и даровитаго полководца, который въ самые тяжкіе дни для его шипкинскихъ орловъ, когда жизнь ихъ и его самого, можно сказать, висѣла на волоскѣ и когда вслѣдствіе этого страшная опасность угрожала нашей арміи подъ Плевною, которую онъ съ полною увѣренностью въ успѣхъ, заслонялъ собою отъ полчищъ Сулеймана, скромно и кратко доносилъ, что на Шипкѣ „все

спокойно“, чтобы только не поселить въ обществѣ и въ войскахъ подъ Плевною напрасной тревоги.

По наружности, Радецкій—типъ боеваго генерала. Не смотря на строгія черты лица, въ нихъ замѣтно выраженіе большой доброты, взглядъ, будто высматривающій что-то въ дали, нѣсколько нахмуренныя сѣдыя брови, прямая постановка видимо сильнаго, на зло лѣтающаго, корпуса, крѣпкая рука и крѣпкія ноги. Къ сѣдлу онъ точно приростае, когда садится на лошадь. Подъ самымъ убійственнымъ огнемъ онъ остается совершенно невозмутимымъ и спокойнымъ. Кажется, ничто не въ состояніи нарушить въ немъ этого спокойствія духа. Радецкій славится также мягкостію и добродушіемъ, которымъ нѣсколько противорѣчитъ его наружность. Онъ страстно любитъ солдата и самъ беззавѣтно любимъ имъ. Это былъ, вмѣстѣ съ Скобелевымъ, самый популярный генералъ прошлой войны.

Федоръ Федоровичъ Радецкій, дворянинъ по происхожденію, родился въ 1820 году въ Казанской губерніи. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ получилъ, однако, отличное образованіе: онъ блистательно окончилъ курсъ военныхъ наукъ сначала въ инженерной академіи, а затѣмъ въ академіи генеральнаго штаба. Выпущенный въ 1841 году на службу изъ инженерной академіи, молодой офицеръ служилъ въ Варшавской инженерной командѣ. Вскорѣ послѣ того былъ онъ переведенъ въ грузинскій инженерный округъ. Большую часть своей жизни прослужилъ онъ на Кавказѣ; главные военные подвиги его относятся къ борьбѣ съ горцами, къ той многолѣтней борьбѣ, уцѣлѣвшіе герои которой занимаютъ въ настоящее время столько видныхъ мѣстъ въ нашей славной арміи.

Первымъ подвигомъ молодого военнаго инженера Радецаго была постройка оборонительной башни на Каменномъ мосту, въ верховьяхъ рѣки Кубани, гдѣ приходилось производить работы подъ непріятельскими выстрѣлами. Въ 1844 году Федоръ Федоровичъ находился въ отрядѣ, направленномъ въ Чертмѣ противъ многочисленнаго и сильнаго непріятеля, который, подъ предводительствомъ знаменитаго Шамиля, занималъ неприступныя позиціи за Теренгульскимъ оврагомъ, близъ

Чертмы. Расположившись на высотах при Чертмѣ, русскій отрядъ, не смотря на многочисленность горцевъ, вытѣснилъ ихъ изъ прекрасныхъ позицій и обратилъ въ бѣгство, послѣ чего преслѣдовалъ неприятеля почти до аула Буртунай. Въ 1845 году Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ отличился при взятіи штурмомъ горы Анчиніера и въ дѣлѣ на высотахъ Заванъ-Бакъ. Въ эти два послѣдніе года Радецкій дослужился до чина поручика, а спустя еще два года поступилъ въ академію генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ курсъ съ отличіемъ и въ 1849 году, назначенный въ дѣйствующую армію, былъ уже капитаномъ генеральнаго штаба. Въ 1852 году отличался онъ въ дѣлахъ съ горцами на лезгинской линіи. Въ 1853 году ему приходилось сражаться противъ тѣхъ же горцевъ въ Дагестанѣ и въ Даргинскомъ округѣ. Въ 1855 году Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ участвовалъ при взятіи въ Табассарѣ главныхъ мятежниковъ на Кавказѣ, а въ 1857 году отличился въ урочищѣ Джончаго-Голь и въ Салатави. Назначенный командиромъ дагестанскаго пѣхотнаго полка, онъ, 16 и 17 іюня 1859 года, отличился при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, а также въ Ичкеріи и Аухѣ. Въ 1860 году онъ получилъ мѣсто начальника штаба войскъ Терской области, и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ генералы. Затѣмъ командовалъ, поочередно, тремя пѣхотными дивизіями: сперва 38-ю, потомъ 21-ю и, наконецъ, 9-ю. Онъ былъ начальникомъ этой послѣдней дивизіи до сформированія въ 1876 году нашей дѣйствующей арміи, когда былъ назначенъ командиромъ 8-го корпуса.

Генералъ Радецкій имѣетъ много орденовъ и отличій; кромѣ того, онъ удостоивался весьма часто Монаршихъ благоволеній. Первый орденъ, полученный Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ въ 1845 году, былъ орденъ св. Станислава 3-й степени. Въ слѣдующія затѣмъ десять лѣтъ онъ получилъ нѣсколько орденовъ съ мечами и нѣсколько именныхъ Монаршихъ благоволеній. Въ 1859 году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; въ 1860 году—золотою саблей съ надписью „за храбрость“; въ 1863 году—орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами; въ 1870 году—св. Станислава 1-й степени и въ 1872 году—св. Анны 1-й степени.

Такимъ образомъ, генералъ Радецкій, какъ долго

прослужившій и много сражавшійся на Кавказѣ, являлся боевымъ генераломъ, хорошо знакомымъ съ войною, которую теперь ему предстояло вести противъ турокъ въ балканскихъ проходахъ.

Противникъ Радецкаго, Сулейманъ-паша, принадлежалъ также къ числу способнѣйшихъ турецкихъ генераловъ. Это былъ боевой генералъ, военный практикъ, прошедшій все степени командованія отъ роты до корпуса. Онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ Турціи, выказалъ себя во время герцеговинскаго восстанія и былъ героемъ джюнишскаго погрома, исполненнаго подъ его непосредственнымъ руководствомъ, при чемъ бывший здѣсь серьдаръ-экремъ игралъ роль лишь безмолвнаго зрителя. На театрѣ войны онъ явился, можно сказать, прямо съ поля сраженія изъ Черногоріи. Кромѣ того, Сулейманъ-паша считался однимъ изъ образованнѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, какъ написавшій „Военную исторію“ и „Всеобщую исторію“ и принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ послѣднихъ реформахъ Турціи. По своему характеру, Сулейманъ-паша отличался непопулярнымъ честолюбіемъ и необычайною энергіею и суровостью. Солдаты его были въ высшей степени дисциплинированы и закалены въ послѣдней борьбѣ съ храбрыми черногорцами. Слѣдовательно, горная война была также имъ извѣстна.

Вотъ съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло войскамъ генерала Радецкаго.

Какъ мы уже сказали, 8-й корпусъ Радецкаго занималъ оборонительную линію на протяженіи около 80 верстъ. При этомъ войска 8-го корпуса распределены были слѣдующимъ образомъ:

Шипкинскій перевалъ былъ занятъ двумя батальонами 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка, со 2-ю и 5-ю батареями 9-й артиллерійской бригады, шестью орудіями 2-й горной батареи, пятью дружинами болгарскаго ополченія и пятью сотнями казаковъ разныхъ полковъ.

На боковой шипкинской дорогѣ, къ западу отъ Шипкинскаго прохода, у с. Зелено Дерево (Иметлійскій перевалъ) были расположены двѣ сотни пластуновъ. На другой боковой шипкинской тропинкѣ, съ восточной стороны шипкинскаго перевала, на горѣ Бердэкъ, расположены были 1½ сотни 30-го казачьяго и 1 сотня 23-го казачьяго полковъ подъ командою войсковаго старшины сотника Галдина.

На пѣшеходной тропинкѣ у монастыря св. Николая, также съ восточной стороны Шипкинскаго прохода, стояла одна сотня 21-го Донскаго полка.

Въ ближайшемъ резервѣ Шипкинской позиціи, въ г. Габровѣ, расположенъ былъ 3-й батальонъ 36-го Орловскаго полка, съ однимъ взводомъ конной казачьей батареи.

Начальникомъ войскъ на Шипкинскомъ перевалѣ былъ командиръ болгарскаго ополченія генералъ-майоръ Столѣтовъ, а начальникомъ войскъ въ Габровѣ и на Шипкѣ—генералъ-майоръ Дерожинскій.

На крайнемъ правомъ флангѣ позиціи 8-го корпуса, въ г. Сельви, расположены были: 35-й пѣхотный Брянскій полкъ и вся 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи (полки: Волыскій и Минскій), подъ общимъ начальствомъ начальника 9-й пѣхотной дивизіи, ген. князя Святополькъ-Мирскаго.

Травненскій перевалъ наблюдался одною дружиною болгарскаго ополченія и одною сотнею 23-го казачьяго полка.

Ханкойскій проходъ былъ занятъ 33-мъ пѣхотнымъ Елецкимъ полкомъ, съ 6-ю батареею 9-й артиллерійской бригады, 1-ю горною батареею и двумя сотнями казаковъ 21-го и 26-го Донскихъ полковъ.

Еленинскій и Вебровскій проходы были наблюдаемы 34-мъ пѣхотнымъ Сѣвскимъ пол-

комъ, 5-ю батареею 14-й артиллерійской бригады и 13-мъ драгунскимъ Военнаго Ордена полкомъ, съ двумя орудіями № 20-го конной батареи.

Весь Еленинскій отрядъ, со включеніемъ гарнизона Ханкойскаго прохода, находился подъ начальствомъ начальника 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-майора Борейши.

Въ общемъ резервѣ 8-го корпуса, близъ Тырнова, находились: въ с. Присово (къ югу отъ Тырнова)—

4-я стрѣлковая бригада генералъ-майора Цвѣнцискаго; въ с. Череметь (къ востоку отъ Тырнова)—2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи генералъ-майора Петрушевскаго.

Собственно же въ Тырновѣ, съ отъѣздомъ оттуда главной квартиры, почти вовсе не было войскъ, исключая 7-го сапернаго батальона, занявшагося укрѣпленіемъ города Тырнова, и трехъ сотенъ 23-го казачьяго полка подполковника Ралгина*).

Въ Тырновѣ же расположился и

самъ генералъ Радецкій, со всѣмъ своимъ штабомъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ генералъ-майоръ Дмитровскій.

Вышеуказанное расположеніе войскъ 8-го корпуса было сдѣлано въ виду необходимости достигнуть, по возможности, двухъ важныхъ цѣлей: во-первыхъ,

*) Въ это же время въ Тырновѣ лишь временно находилась кавалерія расформированнаго передоваго отряда, для переформированія и отдыха.

Генералъ-лейтенантъ Радецкій.

обезопасить балканские проходы и, во-вторых, усилить общий резерв близъ Тырнова, съ цѣлью имѣть возможность двинуть его, смотря по надобности, или на помощь Еленинскому отряду, или на усиление Шипкинскаго гарнизона, или же на подрѣзание Сельвиевскаго отряда.

Правда, общий резерв 8-го корпуса пришлось поставить при этомъ верстъ за 30—40 отъ самыхъ ближайшихъ къ нему передовыхъ позицій, которыя, при томъ же, были почти все заняты весьма слабо; но при крайней растянутости позицій 8-го корпуса и по малочисленности войскъ, избѣжать упомянутыхъ недостатковъ расположенія было рѣшительно невозможно.

Вообще нужно сознаться, что положеніе 8-го корпуса, оборонявшаго самый важный стратегическій пунктъ въ Болгаріи—г. Тырновъ, въ данное время было крайне затруднительное. На него каждую минуту могъ обрушиться съ запада Османъ-паша, со всеми своими силами, изъ Плевны черезъ Ловчу, которая уже перешла въ руки турокъ. Армія Мегемета-паши угрожала Тырнову изъ Османъ-Базара. Со стороны балканскихъ проходовъ и Елены угрожала 8-му корпусу 30-ти-тысячная армія Сулеймана-паши. Конечно, въ случаѣ наступленія на Тырновъ арміи Османа-паши и Мегемета-Али-паши, корпусъ Радецаго могъ ожидать помощи со стороны войскъ генерала Бриденера и рущукскаго отряда. Но что касается до наступленія Сулеймана-паши, то 8-му корпусу приходилось вѣдаться съ его 30-ти тысячной арміей одному, безъ всякой поддержки со стороны вышеупомянутыхъ нашихъ отрядовъ.

Сулейманъ-паша могъ направиться на Тырновъ двумя путями: или двинуться изъ Лени-Загры черезъ открытый Казанскій проходъ и, применивъ затѣмъ къ лѣвому флангу арміи Мегемета-Али-паши, двинуться, при поддержкѣ послѣдняго, на Елену, или же пробиться черезъ Шипкинскій или Ханкюйскій проходы и такимъ образомъ сразу опрокинуться на Габрово и Тырновъ.

Какой изъ этихъ путей выберетъ Сулейманъ-паша въ то время трудно было рѣшить. Движеніе отъ Лени-Загры черезъ Казанскій проходъ давало ему ту выгоду, что онъ могъ тамъ безъ боя перевалить черезъ Балканы и соединиться съ арміею Мегемета-Али-паши. Движеніе же на Шипку хотя и неми-

нуемо было сопряжено съ энергическимъ отпоромъ съ нашей стороны, но за то могло дать Сулейману-пашѣ, въ случаѣ удачи, тѣ выгоды, что онъ могъ отсюда обрушиться прямо на Тырновъ и соединиться сразу съ обѣими турецкими арміями—съ плевненскою и шумлинскою. При томъ же овладѣніе Шипкой возвратило бы туркамъ все балканскіе проходы, и такимъ образомъ окончательно обезпечило бы ихъ отъ вторженія русскихъ въ долины р.р. Тунджи и Марицы.

Однако, въ виду неприступности шипкинскихъ позицій и вообще нерѣшительности турецкихъ армій, никто у насъ не предполагалъ, что Сулейманъ-паша откажется отъ обхода Балкановъ близъ Казана и вдругъ захочетъ взять, какъ говорится, быка за рога и двинется прямо на Шипку. Дѣйствительно, Шипкинскій переваль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, могъ считаться на столько неприступною позиціею, что атаковать его съ фронта значило бы почти тоже, что бить въ стѣну лбомъ, между тѣмъ какъ Сулейманъ-паша, употребивъ всего какою-нибудь недѣлю на обходъ, могъ перейти черезъ Балканы близъ Казана безъ боя для того, чтобы соединиться съ Мегеметомъ-пашею и атаковать русскихъ съ фланга, со стороны Елены.

При такимъ обстоятельствахъ наступилъ августъ мѣсяцъ.

Въ первыхъ числахъ августа въ штабѣ генерала Радецаго о Сулейманъ-пашѣ имѣлось свѣдѣніе, полученное частью чрезъ посредство иностранныхъ газетъ, частью отъ мѣстныхъ жителей, что онъ со своею арміею находится вблизи Лени-Загры и Сливны. Это какъ-бы подтверждало предположеніе, что непріятель хочетъ двинуться на соединеніе съ войсками у Османъ-Базара, черезъ Котель или Казанъ, или выйдетъ во флангъ нашимъ войскамъ, стоявшимъ противъ Османъ-Базара, черезъ Вебровскій и Еленинскій перевалы или черезъ Ханкюйскій проходъ.

Дѣйствительно, 3-го августа въ Ханкюйскомъ ущельѣ завязалась уже перестрѣлка у сотни 21-го донскаго полка съ передовыми частями арміи Сулеймана-паши.

4-го августа турки произвели, повидимому, уже серьезное покушеніе на Ханкюйскій переваль.

Шесть таборовъ турокъ, съ шестью орудіями, одною мицральевою и съ партіею конныхъ черкесовъ, подошли къ расположенію нашего авангарда, но, встрѣченные ружейнымъ огнемъ, къ вечеру отступили и скрылись.

7-го августа генералъ Радецкій получилъ одновременно два донесенія: отъ генерала Столѣтова, съ Шипки, извѣщавшаго, что у Казанлыка показался непріятель въ большихъ силахъ, и отъ генералъ-маіора Борейши, изъ Елены, доносившаго, что высланный имъ отрядъ къ Старо-Рѣвѣ атакованъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ и, не смотря на посланные имъ подрѣзненія, отступилъ къ Веброву, при чемъ само Веброво непріятелемъ сожжено.

Изъ этихъ двухъ донесеній трудно было опредѣлить, гдѣ именно Сулейманъ-паша намѣревается прорваться и куда всего необходимѣе поспѣе двинуть на подрѣзненіе общий резервъ 8-го корпуса. Однако, судя по донесенію генералъ-маіора Борейши, непріятель у Елены какъ будто приступилъ уже къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тогда какъ у Казанлыка только появились его отряды, имѣвшіе, можетъ быть, цѣлью только отвлечь наше вниманіе отъ Елены. Собравшіеся въ квартирѣ генерала Радецаго, въ Тырновѣ, генералы тотчасъ же приступили къ обсужденію положенія дѣлъ. Кто-то замѣтилъ, что, судя по движеніямъ Сулеймана-паши, онъ попытается атаковать Балканы со стороны Казанлыка.

— Очень можетъ быть, замѣтилъ Радецкій.

— Вотъ видите-ли, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, сказалъ генералъ Драгомировъ:—къ чему Сулейману-пашѣ толкаться въ запертую дверь, когда у него есть открытая: ему легче идти черезъ Елену.

Во всякомъ случаѣ, наша еленинская позиція была настолько слаба сравнительно съ шипкинскою, что генералъ Радецкій рѣшился тотчасъ по полученіи вышеупомянутыхъ донесеній двинуть свой резервъ въ Елену.

Пославъ въ Сельви, начальнику 9-й пѣхотной дивизіи, князю Святополкъ-Мирскому, предписаніе, чтобы 35-й пѣхотный Брянскій полкъ былъ немедленно имъ отправленъ въ Габрово, для усиленія, на всякій случай, войскъ на Шипкѣ, самъ генералъ Радецкій съ 4-ю стрѣлковою бригадою и двумя

горными орудіями двинулся къ Еленѣ, направивъ въ то же время генерала Драгомирова со 2-ю бригадою 14-й пѣхотной дивизіи и съ двумя батареями на Златарицу. Такъ какъ донесеніе отъ генерала Борейши было получено въ Тырновѣ лишь вечеромъ 7-го числа, то Радецкій выступилъ изъ Тырнова, по указанному направленію, только съ разсвѣтомъ 8-го августа.

Посмотримъ теперь на положеніе дѣлъ на Шипкѣ.

Какъ мы уже сказали, на Шипкѣ были расположены семь ротъ Орловскаго полка (1-й и 3-й батальоны), пять дружинъ болгарскаго ополченія, пять сотенъ казаковъ (въ томъ числѣ конно-піонерная команда, уральская сотня сотника Кириллова и 25 человекъ конныхъ болгаръ), 2-я батарея 9-й артиллерійской бригады (восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій), 5-я батарея 9-й артиллерійской бригады (восемь 4-хъ фунтовыхъ орудій), четыре орудія 2-й горной батареи, шесть стальныхъ турецкихъ орудій, отбитыхъ нами на Шипкѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, и одно горное турецкое орудіе.

Весь этотъ незначительный отрядъ помѣщался на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря вокругъ горы св. Николая и жилъ буквально въ облакахъ. Въ началѣ августа погода стояла пасмурная, и вершины Балканъ часто, особенно ночью, затягивало наполозавшими на нихъ густыми облаками, пронизывавшими солдатъ насквозь сыростью. Подъ вечеръ и ночью здѣсь уже въ іюлѣ было не теплѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ или Москвѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Поэтому все спали не раздѣваясь, покрывшись чѣмъ только можно было, и тѣмъ не менѣе все заблѣ. Особенно давалъ себя знать сѣверный вѣтеръ, свирѣпствующій здѣсь девять дней изъ десяти. Дѣло въ томъ, что переваль, который былъ занятъ нами, можно сравнить съ корридормъ: направо и налево идутъ относительно высокія горныя вершины. Къ селенію Шипкѣ съ перевала идетъ глубокая и короткая долина, выходящая на обширную равнину. Знойное южное солнце разрѣзаетъ воздухъ надъ этою равниною, болѣе холодный и, слѣдовательно, болѣе тяжелый горный воздухъ, стремясь возстановить нарушенное равновѣсіе, спускается внизъ, и отъ этого на перевалѣ ежедневно къ вечеру разыгрывается маленькое

подобіе урагана, отъ котораго терпятъ и люди, и лошади. При этомъ солдатамъ и офицерамъ приходилось еще по цѣлымъ суткамъ отбывать тяжелую аванпостную службу, которая, въ особенности монотонностью своею, сильно уже надоѣла всѣмъ.

Впрочемъ, Орловцамъ, какъ относительно свѣжему войску, жилось на перевалѣ еще сносно. Они разгуливали днемъ по перевалу большею частью въ однихъ рубашкахъ, вечеромъ пѣли хоромъ пѣсни и были бодры и веселы, какъ и прежде.

Въ иномъ положеніи находились болгарскіе ополченцы. Они участвовали въ трудномъ партизанскомъ набѣгѣ передоваго отряда, вынесли страшный бой въ Ески-Загрѣ, потеряли при этомъ много шинелей, сапоговъ и бѣлья (бросаясь въ атаку, люди снимали съ себя шинели и мѣшки), истощили свой сахарный запасъ; словомъ, въ матеріальномъ отношеніи болгарское ополченіе было поставлено въ самое тяжелое положеніе. Людямъ сначала давали на перевалѣ по четверти фунта сухарей въ день, а потомъ сухарная дача вовсе прекратилась, такъ какъ доставка изъ Габрова сухарей и хлѣба была самая неправильная. Ко всему этому въ концѣ іюля присоединились еще холода и сырость, царствовавшіе на перевалѣ. Болгарскіе ополченцы, не имѣвшіе шинелей, обуви и палатокъ и лишены хлѣбной пищи, по неволѣ стали расходиться съ перевала, въ надеждѣ, при ихъ знаніи мѣстности, отыскать для себя какіе-нибудь ресурсы или въ болгарскихъ, или въ турецкихъ деревняхъ, послѣ чего они, конечно, возвращались опять на перевалъ. Кому удавалось такимъ образомъ побарантовать, тѣ приходили сюда въ турецкихъ штанахъ и фескахъ, за неимѣніемъ собственной одежды. Однако подобныя обстоятельства нельзя было назвать благоприятными для обороны перевала, въ случаѣ нападенія на него арміи Сулеймана-паши.

О непріятелѣ генералъ Столѣтовъ получалъ свѣдѣнія въ томъ смыслѣ, что Сулейманъ-паша со всѣмъ своимъ корпусомъ будто бы находится верстахъ въ 20-ти южнѣ Ески-Загры и, между прочимъ, занимается обученіемъ мусульманскихъ ополченій. Подобныя свѣдѣнія получались, разумѣется, отъ болгаръ, такъ какъ кавалерія наша на Шипкѣ была слишкомъ слаба для рекогносцировокъ. Впрочемъ, навѣдывавшій кавалерію шипкинскаго отряда, вой-

сковой старшина Кириловъ, въ началѣ августа сообщилъ изъ села Шипки о появленіи партій черкесовъ и башибузукровъ въ окрестностяхъ Казанлыка.

Не смотря, однако, на эти тревожныя донесенія, генералъ Столѣтовъ, узнавъ, что въ городѣ Казанлыкѣ находятся значительныя, оставшіяся отъ турокъ, продовольственныя и вещевыя запасы, рѣшилъ оставить на перевалѣ, въ виду затруднительнаго положенія болгарскаго ополченія, только 3-ю дружину; затѣмъ, поручивъ командованіе всѣми войсками, оставшимися на перевалѣ, флигель-адъютанту полковнику князю Вяземскому, Столѣтовъ спустилъ 4-ю дружину на позицію на полугорѣ, по направленію къ с. Шипкѣ, а самъ съ тремя остальными дружинами (1-ю, 2-ю и 5-ю) и съ четырьмя горными орудіями двинулся въ село Шипку.

По прибытіи въ деревню Шипку вечеромъ 2-го августа, генералъ Столѣтовъ увидѣлъ, что бивуаки спасавшихся отъ турокъ болгаръ окружаютъ Шипку на разстояніи, по крайней мѣрѣ, шести или семи верстъ; по причинѣ густыхъ тумановъ, продолжавшихся нѣсколько дней, сверху этого видѣть было невозможно.

3-го августа, въ 9 часовъ утра, генералъ Столѣтовъ отправилъ изъ с. Шипки три вышеупомянутыя дружины съ подводами, подъ начальствомъ полковника Депперадовича, въ Казанлыкъ для сбора продовольственныхъ припасовъ.

По возвращеніи этихъ дружинъ въ тотъ же день изъ Казанлыка, около пяти часовъ пополудни, генералъ Столѣтовъ получилъ отъ казачьихъ разъѣздовъ донесенія о движеніи къ с. Шипкѣ значительныхъ партій черкесовъ и башибузукровъ одновременно съ трехъ сторонъ: отъ Маглиша, Казанлыка и Акъ-Ваши. Довольно оживленная перестрѣлка, завязавшаяся вслѣдъ затѣмъ у казаковъ съ непріателемъ, съ наступленіемъ темноты прекратилась.

Въ виду крайняго неудобства стоять у д. Шипки позади бивуаковъ жителей, толпами бросавшихся на насъ при всякомъ движеніи непріятеля и дѣлавшихъ, такимъ образомъ, невозможною оборону этого селенія, генералъ Столѣтовъ оставилъ въ деревнѣ, для наблюденія за хлѣбопеченіемъ, одну дружину, а другія двѣ дружины, съ горною артиллеріею отвелъ на позицію къ 4-й дружинѣ, на полугорѣ у хана.

Шипкинскій перевалъ со стороны Казанлыка.

Въ то же время было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ жители, какъ селенія Шипки, такъ и бивакировавшіе кругомъ, уходили за переваль, въ сторону Габрова. Это движеніе болгаръ, начавшееся 3-го августа, день и ночь продолжалось въ теченіи 4-го, 5-го, 6-го и 7-го чиселъ, затрудняя насъ въ принятіи мѣръ къ очищенію дороги для провоза на позицію боевыхъ снарядовъ и транспортовъ съ провіантомъ. Шумъ, скрипъ повозокъ, плачь женщинъ и дѣтей, крики, громкій говоръ, бѣготня, мычаніе и блеяніе животныхъ слились на переваль въ одинъ какой-то общій хаосъ, болѣзненно отзывавшійся на защитникахъ Шипки. При этомъ бывали, конечно, и забавные случаи, показывавшіе, между прочимъ, находчивость русскаго солдата. Такъ, однажды около нашего бивуака на переваль расположился на ночь огромный таборъ бѣглецовъ со множествомъ ословъ, которые къ ночи подняли нестерпимый крикъ, долго мѣшавшій уснуть усталымъ людямъ. Крики эти вдругъ стали гораздо рѣже. По утру оказалось, что нѣсколько ословъ стоятъ съ привязанными къ хвосту камнями. Кто-то выразилъ вслухъ удивленіе этой болгарской модѣ. — „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, это сдѣлали мы, — сказалъ стоявшій неподалеку унтеръ-офицеръ. — Ослы не давали спать своимъ крикомъ, и мы замѣтили, что передъ крикомъ они поднимаютъ хвостъ. Вотъ мы и привязали самымъ горластымъ по камню къ хвосту. Онъ хочетъ кричать, а хвоста поднять не можетъ, ну и молчитъ. А то съ ними совсѣмъ нѣтъ сладу, добавилъ солдатикъ, очень довольный успѣхомъ своей выдумки.

Между тѣмъ, 4-го и 5-го августа, казаки наши имѣли живыя перестрѣлки съ черкесами, продолжавшими наступать на д. Шипку съ трехъ сторонъ. Не смотря на сравнительную малочисленность казаковъ, сильное изнуреніе ихъ лошадей, въ оба эти дня, благодаря въ особенности находчивости войскового старшины Кирилова, черкесы вездѣ были прогоняемы. Казаки, преслѣдуя бѣгущихъ, рубили ихъ даже въ улицахъ Казанлыка, не смотря на огонь, производимый мусульманскимъ населеніемъ изъ оконъ домовъ. Потеря казаковъ въ эти два дня убитыми и ранеными простиралась до 17 человекъ.

Имѣя уже случай убѣдиться, что появленіе черкесовъ и башибузузовъ всегда предшествуетъ появленію регулярныхъ турецкихъ войскъ, генераль

Столѣтовъ съ часу на часъ ожидалъ, что тѣмъ или другимъ способомъ обнаружитъ свои дѣйствія и Сулейманъ-паша.

Дѣйствительно, 6-го августа, часовъ въ 10 утра, на высотахъ за Казанлыкомъ показалась первая непріятельская колонна — около шести батальоновъ съ кавалеріею; облака пыли, видѣвшіяся за нею, показывали, что сзади двигаются еще войска.

Въ это время генераломъ Столѣтовымъ было послано въ Тырновъ первое донесеніе о появленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ у Казанлыка, донесеніе, которое, какъ мы уже видѣли выше, и было получено генераломъ Радецкимъ, вечеромъ 7-го августа, одновременно съ извѣстіемъ отъ генерала Борейши о наступленіи непріятеля противъ Елены.

Вышеупомянутый непріятельскій авангардъ, состоявшій изъ шести таборовъ съ кавалеріею, занялъ 6-го августа городъ Казанлыкъ, выславъ кавалерію къ д. Шейново и Янина; главныя же силы турокъ, повидимому, расположились за Казанлыкомъ.

Въ этотъ же день генераль Столѣтовъ обратился къ завѣдывавшему работами по устройству шоссе на переваль, генераль-лейтенанту Кренке, съ просьбою заложить впереди позицій возможно большее число динамитныхъ минъ или фугасовъ. Фугасы пороховые были уже заложены. Въ то же время были вызваны на переваль изъ Габрова еще три роты Орловскаго полка; влѣво отъ Шипкинскаго перевала, въ Янинское ущелье и вправо отъ перевала, на такъ называемую Лысюю гору, гдѣ были прежде турецкія укрѣпленія, были посланы наблюдательные развѣзды.

Между тѣмъ, хлѣбопеченіе въ селеніи Шипкѣ преспокойно продолжалось вплоть до 7-го августа, при помощи нанятыхъ болгаръ. Вообще пятидневное пребываніе четырехъ болгарскихъ дружинъ внизу перевала принесло пользу въ томъ отношеніи, что люди высушили патроны, вычистили ружья, обсушились, а нѣкоторые заручились даже кокакими запасами изъ Казанлыка, не говоря уже о томъ, что все это время люди ѣли хорошей печеный хлѣбъ и находились въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ.

7-го августа, около 10 часов утра, неприятельский авангард занял д. Шейново; главные же силы его развернулись восточнее Казанлыка, в 8-ми верстах от Шипки, на северном склоне пологого отрога горы Бердекъ, и таким образом настолько удачно обнаружили свои силы, что начальник шипкинского отряда, генерал-майор Столѣтовъ, посылая свое новое донесение в Тырново о наступлении турокъ, далъ в немъ подробный расчетъ ихъ силамъ, оцѣнивъ ихъ приблизительно в 46 батальоновъ, три горныя батареи (остальныхъ не было видно) и 3,000 кавалеріи *). Каждый турецкій батальонъ рѣзко отдѣлялся отъ другаго, и вся армія Сулеймана-паши видна была какъ на ладони. Съ полугоры можно было даже ясно видѣть и пересчитать каждое неприятельское горное орудіе, отличавшееся тѣмъ, что сзади не было передковъ и зарядныхъ ящиковъ. Подобное расположеніе войскъ казалось настолько страннымъ, что заставило многихъ изъ нашихъ предполагать въ этомъ преднамѣренный умыселъ со стороны Сулеймана-паши — напугать

*) Въ дѣйствительности, по показанію самого Сулеймана-паши, армія его подошла къ Шипкѣ, 7-го августа, въ составѣ 44-хъ батальоновъ и семи батарей, изъ которыхъ четыре были полевныя и три горныя. О числѣ башибузукъ и черкесовъ, бывшихъ съ нимъ, Сулейманъ-паша вовсе умалчиваетъ. Вся же армія Сулеймана-паши состояла изъ 56 батальоновъ, 6-ти полевыхъ и 3-хъ горныхъ батарей. Съ ними онъ выступилъ 29-го іюля изъ Іени-Загры къ Твардицкому перевалу, у входа въ который отрядъ его оставался до 3-го августа, будто бы съ цѣлью возведенія въ этомъ мѣстѣ укрѣпленій. Затѣмъ, оставивъ здѣсь, для защиты выхода съ перевала, три батальона и шесть орудій, Сулейманъ-паша, съ остальными войсками, двинулся къ Ханкюю, гдѣ пробылъ еще три дня, посвященные также укрѣпленію выхода изъ этого прохода. Оставивъ и здѣсь для защиты позиціи шесть батальоновъ съ шестью орудіями и одной митральезой, Сулейманъ-паша двинулся 6-го августа въ Казанлыкъ, куда прибылъ 7-го августа и, оставивъ здѣсь еще три батальона, двинулся къ Шипкѣ всего съ 44-мя батальонами и семью батареями. Такимъ образомъ, для обезпеченія выходовъ изъ Твардицкаго и Ханкюйскаго проходовъ, Сулейманъ-паша оставилъ всего 9 батальоновъ, подъ начальствомъ Шукри-паши. Послѣднимъ, по словамъ Сулеймана-паши, были произведены рекогносцировки какъ Твардицкаго прохода, по направленію къ Еленѣ, такъ и Ханкюйскаго прохода, по направленію къ Тырнову. Этими, можетъ быть, и объясняется нападеніе туръ 4-го августа на Ханкюйскій перевалъ и движеніе ихъ противъ Елены, о которомъ извѣщалъ генералъ Борейша.

нашъ маленькій шипкинский отрядъ *), о силѣ котораго Сулейманъ-паша могъ имѣть точныя свѣдѣнія.

Вскорѣ обнаружилось, что неприятель своимъ правымъ флангомъ хочетъ приблизиться къ Янинѣ; это невольно наводило на мысль, что, быть можетъ, противъ с. Шипки, съ юга, онъ ограничится лишь простою демонстраціею, а главный ударъ направить по Янинскому ущелью.

Съ наступленіемъ темноты, 7-го августа, генералъ Столѣтовъ, оставивъ 4-ю дружину подполковника Рѣдына на первомъ уступѣ горы, считая отъ подошвы, впереди хана, съ прочими тремя своими дружинами и горною артиллеріею отошелъ на перевалъ.

Дружина Рѣдына стала на полугорѣ въ боевомъ порядкѣ, съ выдвинутою впередъ цѣпью стрѣлковъ. Въ 11^{1/2} часовъ ночи небольшое число турокъ изъ г. Шипки подкралось по изгибамъ спуска на довольно близкое разстояніе къ цѣпи, которая встрѣтила ихъ выстрѣлами, вслѣдствіе чего турки убрались назадъ.

8-го августа, около 6-ти часовъ утра, армія Сулеймана-паши снялась съ бивуака и двинулась почти въ боевомъ порядкѣ, нѣсколькими колоннами, со сплошною цѣпью впереди, въ направленіи къ с. Шипкѣ. Пройдя шесть верстъ, турки остановились между сс. Шейново и Янина и вдругъ начали разбивать шатры. Вначалѣ наши предполагали, что эта остановка есть ничто иное, какъ отдыхъ передъ атакою с. Шипки, въ которой осталось около 500 вооруженныхъ болгаръ жителей, не желавшихъ разставаться съ роднымъ селомъ, и затѣмъ самаго перевала. Но оказалось не то.

Около четырехъ часовъ пополудни неприятель вновь развернулъ свои силы на равнинѣ къ юго-востоку отъ с. Шипки, упирая свой правый флангъ къ д. Янина. Затѣмъ небольшія конныя и пѣшія колонны неприятеля направились къ с. Шипкѣ. По этимъ колоннамъ, въ видахъ точной

*) Пять слабыхъ дружинъ болгарскаго ополченія (около 2,500 человекъ), десять ротъ Орловскаго полка (около 1,600 человекъ), 27 орудій и 240 казаковъ разныхъ полковъ, всего около 4—5 тысячъ человекъ, противъ 26-ти тысячной арміи Сулеймана-паши, какъ это онъ самъ показывалъ.

пристрѣлки, тотчасъ же было сдѣлано съ горы Св. Николая нѣсколько выстрѣловъ изъ нашихъ 9-тифунтовыхъ орудій. Не взирая на это, турки, въ числѣ двухъ или трехъ таборовъ, произвели правильную атаку села Шипки и послѣ трехчасоваго боя заняли его. Село было буквально засыпано только-что смолоченнымъ зерномъ и окружено скирдами хлѣба. Однако, тотчасъ же послѣ упомянутой побѣды, къ нему подсказали черкесы и зажгли какъ скирды, такъ и дома, хотя хлѣбъ былъ бы не лишнимъ и для самихъ турокъ.

Такъ прошелъ день 8-го августа до сумерекъ.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за неприятелемъ, если бы онъ пошелъ въ обходъ нашего лѣваго фланга, отъ д. Янина, генералъ Столѣтовъ еще съ утра этого дня послалъ флигель-адъютанта полковника князя Вяземскаго осмотрѣть ущелье, ведущее отъ Янины къ Травнѣ; кромѣ того, на гору Малый Бердекъ былъ посланъ гвардіи штабсъ-ротмистръ Лукашевъ, которому поручено было сообщать о всемъ замѣченномъ съ этой стороны у неприятеля.

Донесенія князя Вяземскаго и штабсъ-ротмистра Лукашева, а равно и наблюденія самого генерала Столѣтова и начальника штаба болгарскаго ополченія, подполковника Рынкевича, показали, что неприятель не имѣетъ въ виду оперировать ни на Травну, ни на Габрово *) Однакожъ увѣренность въ томъ, что расположеніе неприятеля отнюдь не обнаруживаетъ простой лишь демонстраціи, а напротивъ, выказываетъ рѣшительное намѣреніе его овладѣть Шипкою, — заставила генерала Столѣтова немедленно категорически телеграфировать въ этомъ смыслѣ начальнику габрово-шипкинскаго отряда, генералъ-майору Держинскому, самому командиру 8-го корпуса, и его Высочеству Главнокомандующему.

*) Расположеніе неприятеля было настолько открыто, что предположенія эти вполне оправдались. По показанію Сулеймана-паши, 8-го августа у него собраны были всѣ старшіе начальники, офицеры генеральнаго штаба и адъютанты (?) для совѣщанія относительно плана атаки Шипки. Одною изъ бригадъ сулеймановской арміи командовалъ Хулжоси-паша, тотъ самый, который занималъ Шипку въ іюль мѣсяцѣ. Конфигурація Шипкинскаго перевала была ему вполне извѣстна, по словамъ Сулеймана, и по его-то указаніямъ Сулейманъ послалъ 8-го августа своего начальника штаба, Омера-бей, на ре-

Весь день 8-го августа прошелъ, такимъ образомъ, спокойно до сумерекъ.

Часовъ въ 10 вечера прибылъ изъ Габрова остальной батальонъ (2-й) Орловскаго полка.

Ночью неприятель неожиданно началъ производить залпы отъ с. Шипки по 4-й дружинѣ подполковника Рѣдына, оставшейся на полугорѣ, у хана. Передъ разсвѣтомъ 9-го августа 4-я дружина вынуждена была отойти на перевалъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе нашего маленькаго отряда на Шипкѣ и дальнѣйшій ходъ событій, намъ необходимо предварительно познакомиться поближе съ позиціями на Шипкѣ и съ расположеніемъ на нихъ нашихъ укрѣпленій и гарнизона.

Шипкинская позиція отстояла отъ Габрова верстъ на 18, а отъ Тырнова верстъ на 60, т. е. на два добрыхъ солдатскихъ перехода, притомъ же по весьма трудной горной дорогѣ. Горы собственно начинаются уже отъ самаго Тырнова, но изъ послѣдняго идетъ по нимъ на протяженіи сорока верстъ, вплоть до Габрова, довольно хорошо устроенное шоссе. Изъ Габрова шоссе проходитъ узкимъ ущельемъ на протяженіи шести или семи верстъ, и затѣмъ уже начинается подъемъ собственно на Шипкинскій перевалъ.

Въ общихъ чертахъ Шипкинскій перевалъ имѣетъ видъ длиннаго, верстъ въ 9 или 10, извилистаго кряжа, постепенно поднимающагося и оканчивающагося вершиною Св. Николая. На этомъ горномъ кряжѣ, служащемъ какъ-бы основаніемъ, поднимаются по мѣстамъ высокіе холмы и скалистыя вершины. По сторонамъ же этого кряжа, направо и налево, идутъ глубокія лѣсистыя ущелья или впадины, съ болѣе или менѣе крутыми спу-

когносцировку лѣваго фланга противника, какъ самаго доступнаго; по возвращеніи этого офицера, отыскавшаго дорогу къ горѣ Бердекъ, Сулейманъ снова собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было атаковать лѣвый флангъ шипкинскихъ позицій, а для отвлеченія вниманія неприятеля направить ложную атаку съ фронта, по шоссе отъ с. Шипки къ г. Св. Николая. Изъ дальнѣйшихъ показаній Сулеймана выяснилось, что этотъ планъ атаки, основанный, главнымъ образомъ, на указаніяхъ Хулжоси-паши, былъ предложенъ послѣднимъ вовсе не вслѣдствіе его хорошаго знанія мѣстности, а просто потому, что онъ помнилъ атаку Шипкинскаго перевала генераломъ Гурко 6-го іюля и хотѣлъ воспользоваться его примѣромъ.

сками. За этими ущельями, на востокъ и западъ, опять поднимается цѣлое море валовъ, вершинъ, хребтовъ и гребней.

Конецъ перевала, гора Св. Николая соединяется, на восточной своей сторонѣ, узкимъ перешейкомъ съ горою Бердекъ, идущею почти параллельно Шипкинскому хребту. На западной сторонѣ, также неподалеку отъ горы Св. Николая, Шипкинскій перевалъ соединяется длиннымъ лѣсистымъ перешейкомъ съ Лысою горою, совершенно свободно отъ лѣса, почему и получившею свое названіе. Впереди вершины Св. Николая, къ югу отъ нея, за глубокою долиною, также поднимаются высокія вершины.

Прежде всего нужно замѣтить, что вся поверхность Шипкинскаго перевала, не исключая и вершины Св. Николая, лежитъ значительно ниже окружающихъ его вершинъ, какъ напримѣръ, горы Бердека и Лысой горы. Это даетъ возможность нападающему обстрѣливать съ послѣднихъ пунктовъ всю поверхность Шипкинскаго перевала, такъ сказать, сверху. Что же касается до обороняющагося, то онъ не имѣетъ ни съ которой стороны перевала обширнаго и открытаго поля, въ которомъ огонь его могъ бы дѣйствовать безпрепятственно. Онъ не можетъ пронизывать своимъ огнемъ окружающія перевалъ лѣсистые холмы и ущелья. Бригада пѣхоты можетъ сосредоточиться въ какой нибудь ложбинѣ, въ ста шагахъ отъ передовыхъ позицій перевала, вовсе неподвергаясь артиллерійскому огню.

Въ этихъ двухъ неблагоприятныхъ условіяхъ—въ открытости перевала выстрѣламъ съ сосѣднихъ вершинъ и въ невозможности концентрировать огонь съ него на угрожаемые пункты—заключается первая слабая сторона Шипки, какъ оборонительной позиціи. Даже сильно защищенная многочисленными орудіями и войсками, позиція эта, какъ она ни высока сама по себѣ, все-таки легко можетъ подвергаться атакамъ и въ особенности выстрѣламъ, и на ней трудно удерживаться съ безопасностью, хотя она и недоступна прямому нападенію.

Съ другой стороны, Шипка легко можетъ быть окружена. Стоитъ только нападающему занять по лѣвую и по правую стороны Шипки горы Бер-

декъ и Лысую, спуститься оттуда въ долины, примыкающія съ востока и запада къ шипкинской возвышенности, взобраться затѣмъ на крутыя склоны ея, и тогда оба непріятельскія отряда встрѣтятся какъ разъ на дорогѣ, пролегающей вдоль шипкинскаго перевала, отрѣзавъ такимъ образомъ гарнизонъ Шипки отъ сообщеній съ Габровомъ.

Наконецъ, шипкинская позиція легко можетъ быть обойдена, во-первыхъ, съ западной ея стороны, по Иметлійскому перевалу, черезъ деревню Зелено Древо, гдѣ совершилъ впоследствии свой обходъ Шипки генералъ Скобелевъ 2-й, и, во-вторыхъ, съ восточной стороны, по Травненскому перевалу и даже по перевалу Бердекъ. Какъ-бы въ доказательство возможности такого обхода, еще утромъ 9-го августа по сторонамъ нашей позиціи на Шипкѣ не успѣвшіе убраться ранѣе болгары перегоняли стада быковъ цѣлиной. Надо полагать, что турецкіе таборы могли обладать не меньшею подвижностью...

Для того, чтобы обороняющему Шипку избѣжать возможности обложенья и обхода, ему необходимо занять, кромѣ вершины Св. Николая, еще горы по правую и по лѣвую стороны ея, т. е. Лысую гору и Бердекъ. Въ этомъ только случаѣ шипкинская позиція становилась дѣйствительно неприступною и неуязвимою; но зато она имѣла бы тогда не меньше шести верстъ по фронту, что потребовало бы для обороны ея значительныхъ силъ, а у насъ было на Шипкѣ всего только 4,000 человекъ.

Такимъ образомъ, мы занимали, въ сущности, одну только точку шипкинской позиціи, то есть гору Св. Николая, да и ту занимали весьма слабо, такъ какъ, по обширности этой горы, защита ея требовала гораздо большихъ силъ, нежели какими мы здѣсь могли располагать.

Теперь можно представить себѣ, каково же должно было быть положеніе нашего 4-хъ-тысячнаго отряда на Шипкѣ, въ виду 30-ти-тысячной арміи Сулеймана-паши? При этомъ не нужно забывать, что шипкинскій гарнизонъ не имѣлъ серьезныхъ подкрѣпленій ближе Тырнова и Сельви, откуда два дня труднаго перехода до горы Св. Николая; а такъ какъ въ данномъ случаѣ и въ Тырновѣ не было войскъ, ибо они только что ушли подъ Елену, то шипкинскій отрядъ ранѣе трехъ дней и не могъ

ожидать себѣ подкрѣпленій, между тѣмъ какъ атака турокъ была уже на носу.

Что же касается до укрѣпленій Шипки, то на прочность ихъ отрядъ нашъ менѣе всего могъ рассчитывать, такъ какъ они были весьма слабы и находились, такъ сказать, еще въ зародышѣ. Со времени отступленія генерала Гурко изъ-за Балкановъ и до появленія передъ Шипкою арміи Сулеймана-паши мы успѣли сдѣлать только самое необходимое, именно—устроить удобную дорогу на перевалѣ, безъ чего защита его была бы совершенно немислима. Всего какихъ-нибудь дней десять назадъ черезъ Шипкинскій перевалъ шла отъ Габрова лишь горная тропинка, по которой съ грѣхомъ пополамъ можно было проѣхать въ мѣстной телѣгѣ на волахъ. Подвозъ провіанта и боевыхъ припасовъ, а равно и движеніе войскъ по этой тропинкѣ были весьма затруднительны. На устраненіе этого неудобства и было прежде всего обращено вниманіе. Дорога устраивалась, подъ руководствомъ инженернаго генерала Кренке, рабочими болгарами, которыхъ переименовалось на этой работѣ въ десять дней до 3,000 человекъ, сошедшихся изъ семидесяти слишкомъ деревень. Не смотря на то, что дорога строилась исключительно для военныхъ цѣлей и должна была быть окончена въ возможно-кратчайшій срокъ, она все-таки вышла хорошая: теперь по склонамъ перевала извивалось уже великолѣпное шоссе, въ четыре сажени шириной, съ водостоками и съ русскими верстовыми столбами.

Тотчасъ по окончаніи шоссе принялись-было и за устройство укрѣпленій на перевалѣ. Генералъ Кренке хотѣлъ прочно укрѣпить гору Св. Николая, прорыть безопасныя траншеи для сообщенія между различными частями отряда, блиндировать помѣщенія для стрѣлковъ, минировать гору и т. п. Небольшая команда саперъ начала уже было эту работу, но при самомъ началѣ ея къ Шипкѣ подошла армія Сулеймана-паши. Такимъ образомъ, пришлось намъ ограничиться почти одними лишь турецкими укрѣпленіями, которыя были найдены нами на Шипкѣ въ іюль мѣсяцѣ, послѣ бѣгства турокъ съ перевала.

Посмотримъ же, каковы были эти укрѣпленія.

Шипкинская позиція раздѣляется собственно на двѣ части: на передовую позицію или вершину Св.

Николая и такъ называемую „главную позицію“ или сѣверную гору, расположенную позади Св. Николая, т. е. къ сѣверу отъ него. Обѣ эти позиціи—Св. Николая и Сѣверная гора—соединены между собою узкою площадкою или перешейкомъ, на половинѣ котораго стоятъ два турецкихъ домика или караулки и покинутая казарма.

На вершинѣ Св. Николая устроены были двѣ батареи. Одна находилась на восточномъ концѣ этой вершины, обращенномъ къ горѣ Бердекъ; на этой батарее помѣщалось шесть турецкихъ стальныхъ орудій и одно горное турецкое, почему и самая батарея называлась „стальною“ или „турецкою“. Другая батарея была устроена на западномъ концѣ вершины Св. Николая, обращенномъ частью на югъ, къ с. Шипкѣ, и частью на западъ, къ Лысой горѣ. На этой батарее помѣщалось восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій. Она считалась самою неприступною, такъ какъ ее окружали страшные обрывы и скалы. Между „стальною батареею“ и „девятифунтовою“ расположены были на скалистой вершинѣ Св. Николая стрѣлковые ложементы.

Мѣстность къ востоку отъ „стальной батареи“ и отъ перешейка, соединяющаго гору Св. Николая съ Сѣвальною горою, круто спускается въ глубокую и обширную лѣсистую долину, внизу которой течетъ обильный ключъ и имѣется фонтанъ, а далѣе снова поднимаются лѣсистыя склоны высокой горы Бердекъ. На упомянутой восточной покатости перешейка и горы Св. Николая были расположены передовые ложементы или ложементы лѣваго фланга. Это были просто неглубокіе ровики, съ насыпанною впереди землею, которые не могли предохранить даже отъ пуль, такъ какъ тылъ и фланги ихъ не были защищены такъ называемыми эполементами.

Что же касается „главной позиціи“, находившейся на Сѣвальной горѣ, то она имѣла видъ изогнутой вдоль перевала дуги, обращенной вогнутою стороною къ западу, т. е. къ Лысой горѣ. На правомъ или на сѣверномъ концѣ этой дуги, на небольшомъ холмѣ, собственно говоря въ тылу позиціи, расположена была турецкая земляная батарея, нами совсѣмъ не занятая, а позади ея, на восточной сторонѣ шоссе, обращенной къ горѣ Бердекъ, находился большой турецкій ложементъ, обшитый

плетнемъ и также нами незанятый. На лѣвомъ или южномъ концѣ упомянутой дуги, на томъ мѣстѣ, откуда начинается перешеекъ, ведущій къ горѣ Св. Николая, возвышаются два холма или — вѣрнѣе — двѣ вершины Сѣверной горы, одна на западной сторонѣ шоссе, а другая на восточной. На западномъ холмѣ было расположено прежнее турецкое укрѣпленіе, не вполне приспособленное для насъ, въ которомъ, однако, были помѣщены четыре нашихъ 4-хъ-фунтовыхъ орудія. Батарея эта называлась „среднею“ или „центральною“. На восточномъ холмѣ находилось также старое турецкое укрѣпленіе, вооруженное нами также четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями. Батарея эта имѣла только одинъ выходъ и потому называлась „круглою“.

Какъ вершина (у „средней батареи“), такъ и склоны Сѣверной горы, на востокъ и югъ, были защищены нѣсколькими рядами ложементовъ, весьма, впрочемъ, неглубокихъ. Къ западу отъ „средней батареи“, на склонѣ перешейка, обращеннымъ къ Лысой горѣ, былъ также устроенъ длинный рядъ ложементовъ, составлявшихъ правый флангъ позиціи, впереди которыхъ заложены были фугасы или мины. Далѣе, на западъ отъ средней батареи, за линією фугасовъ, находилась небольшая горка, названная „боковою“, съ половины которой начинался лѣсъ, переходившій затѣмъ далѣе на западъ на вторую гору, называемую „Лысою“, за которою стояла уже Лысая гора, командующая надъ всѣми этими горами.

Насколько была обширна вся описанная нами шипкинская позиція, можно уже судить по тому, что отъ передовой позиціи на Св. Николая до незанятой тыльной батареи было не менѣе четырехъ верстъ по шоссе или около двухъ верстъ по прямой линіи. Ширина же перевала не вездѣ одинакова. Самое узкое мѣсто, не болѣе ста шаговъ въ ширину, находится на перешейкѣ, у подножія горы Св. Николая.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще прибавить, что вся поверхность Шипкинскаго перевала представляетъ собою совершенно открытую скалистую мѣстность; только передъ ложементами лѣваго фланга и на перешейкѣ находилось нѣсколько отдѣльно стоящихъ деревьевъ, и далѣе, по спуску къ горѣ Бердекъ, шель густой кустарникъ, который скорѣе могъ по-

мѣшать намъ разсмотрѣть движеніе непріятеля, нежели защищать насъ отъ выстрѣловъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ слабы были наши укрѣпленія на Шипкѣ и насколько недостаточенъ былъ для обороны ея нашъ 4-хъ-тысячный отрядъ, который, къ тому же, легко могъ быть обойденъ и даже окруженъ многочисленнымъ противникомъ, тѣмъ болѣе, что большихъ резервовъ, если бы они даже и имѣлись у насъ, въ сущности, негдѣ было скрыть на перевалѣ. Всякая большая масса войска, поставленная на любомъ мѣстѣ перевала, неминуемо должна была бы подвергнуться перекрестному огню съ окружающихъ его высотъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е августа, по отступленіи 4-й дружины подполковника Рѣдкина съ полугоры на перевалъ, нашъ шипкинскій гарнизонъ занялъ слѣдующее расположеніе.

3-й батальонъ Орловскаго полка занялъ передовую позицію на вершинѣ Св. Николая, съ „девятифунтовою“ и „стальной“ батареями включительно.

1-й батальонъ Орловскаго полка занялъ ложементы праваго фланга и составлялъ прикрытіе батарей „средней“ и „круглой“.

Двѣ роты 2-го батальона Орловскаго полка, пришедшія изъ Габрова наканунѣ, были посланы на боковую гору, находящуюся впереди праваго фланга, передъ фугасами.

2-я, 3-я и 5-я дружины болгарскаго ополченія заняли ложементы лѣваго фланга.

Три остальныхъ роты Орловскаго полка, а также 1-я и 4-я дружины болгарскаго ополченія и четыре орудія 2-ой горной батареи составили резервъ, расположенный на перешейкѣ, между подножіемъ горы Св. Николая и ближайшими къ нему двумя турецкими домиками.

Здѣсь же, на перешейкѣ, у казармы, назначенъ былъ перевязочный пунктъ.

Начальствованіе передовою позиціею на вершинѣ Св. Николая поручено было флигель-адъютанту полковнику графу Толстому. Командованіе ложементами лѣваго фланга было поручено флигель-адъютанту полковнику князю Вяземскому. Начальствованіе правымъ флангомъ и тыломъ „Главной Позиціи“ было ввѣрено полковнику Депрерадовичу.

Еще днемъ 8-го августа было приказано на

батареяхъ принятъ всѣ мѣры для безостановочной подноски снарядовъ, для чего мѣстами были подвинуты ящики, мѣстами снаряды сложены на батареяхъ. „Стальная“ или „турецкая“ батарея была обезпечена снарядами по 70 штукъ на каждое орудіе.

Кромѣ того, на разсвѣтъ 9-го августа, по отступленіи 4-й дружины съ полугоры на перевалъ, были заложены на шоссе, подъ горою Св. Николая, въ сторонѣ с. Шипки, динамитные фугасы.

Ночью на непріятельской сторонѣ все какъ-бы замерло; не видно было даже обычныхъ костровъ, не слышно было гула, который днемъ еще явственно

доносился къ нашимъ позиціямъ. Нужно замѣтить, что со времени прибытія арміи Сулеймана-паши по года на Шипкѣ измѣнилась: дни сдѣлались жаркими и солнечными, а ночи установились ясныя и лунныя.

Въ ту же ночь генералъ Столѣтовъ собралъ офицеровъ и выразилъ надежду отстоять Шипку, не смотря на превосходство непріятеля и на наши слабыя силы.

— До послѣдняго ляжемъ костями, сказалъ онъ въ заключеніе, — а позицій не отдадимъ. Ну, господа, теперь по мѣстамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Атаки Сулеймана 9-го августа.—Дѣйствія 10-го и 11-го августа.—Движеніе Радечнаго къ Шипкѣ.—Трудность перехода.—Отчаянное положеніе дѣлъ на Шипкѣ.—Прибытіе подрѣзанных.—Ходъ дѣлъ до 1-го сентября.

Въ семь часовъ утра 9-го августа противъ „стальной“ батареи, на возвышеніи горы Бердекъ показалась густая непріятельская цѣпь, медленно спускавшаяся по зеленому скату; на самомъ же гребнѣ горы появилась группа всадниковъ, одинъ изъ которыхъ, на сѣрой лошади, сильно жестикнулъ руками, видно объясняя что-то...

Въ то же время, на дорогѣ, идущей отъ горы Бердекъ, противъ нашего лѣваго фланга, показались черкесы подъ командою офицера въ форменномъ красномъ англійскомъ мундирѣ. Этотъ офицеръ расположился верстахъ въ двухъ отъ насъ на уступѣ горы и, какъ казалось, снималъ кроки съ нашей позиціи.

Вскорѣ съ горы Св. Николая было замѣчено также, что на западной высотѣ горы Бердекъ появилась большая партія турецкихъ рабочихъ, — повидимому, болгаръ, — тотчасъ же приступившихъ къ насыпкѣ бруствера.

Расстояніе до этого мѣста отъ горы Св. Николая было около 900 сажень. Наша „стальная“ и девятифунтовая батареи немедленно открыли огонь. Такъ какъ всѣ орудія на Шипкѣ были заблаговременно пристрѣлены къ разнымъ точкамъ мѣстности, то турецкимъ рабочимъ пришлось возводить батарею подъ мѣткими выстрѣлами картечными гранатами. Видно было, какъ при каждомъ дымкѣ, появлявшемся на нашихъ батареяхъ, все на высотѣ у турокъ пряталось

или ложилось, за исключеніемъ бѣлыхъ фигуръ волонеровъ, втащившихъ наверхъ орудія. Затѣмъ, по пролетѣ и взрывѣ русскихъ снарядовъ, турки снова поднимались, продолжая усиленно и спѣшно работать. Вскорѣ на горѣ выросъ брустверъ, и батарея была такимъ образомъ насыпана. Первое турецкое орудіе было втащено и поставлено благополучно; за то едва только показалось второе, какъ вѣрно направленный снарядъ съ одной изъ нашихъ батарей подбилъ его и обрушилъ въ кручу. Не смотря, однако, на нашъ частый и мѣткій огонь, непріятель упорно продолжалъ работы на горѣ, и въ 10-ти часамъ утра установилъ на батареѣ четыре горныхъ орудія, снаряды которыхъ начали падать на сѣверномъ склонѣ горы Св. Николая, за нашимъ паркомъ.

Открытіе огня на Бердекѣ, а также замѣчаемое на этой горѣ и ея возвышеніяхъ движеніе значительныхъ силъ непріятеля и энергично производимыя имъ работы, — все это ясно показывало намѣреніе непріятеля главною массою силъ обрушиться на лѣвый флангъ горы Св. Николая, именно на нашу „стальную“ или турецкую батарею. Поэтому, въ 10 часовъ утра, генералъ Столѣтовъ приказалъ придвинуть туда изъ резерва 1-ю и 4-ю дружины и двѣ роты Орловскаго полка.

Между тѣмъ, непріятель, желая отвлечь наше вниманіе отъ лѣваго фланга горы Св. Николая, началъ движеніе противъ фронта горы, по шоссе изъ

с. Шипки. Какъ мы уже упоминали выше, на этомъ шоссе, подъ горою Св. Николая, еще съ ранняго утра закладывала фугасы небольшая команда саперъ, подъ руководствомъ поручика 7-го сапернаго батальона Романова, того самаго, который еще во время нашей стоянки на Дунаѣ взорвалъ выстрѣломъ изъ орудія турецкій броненосецъ „Люфти-Джелиль“. Едва саперы успѣли заложить фугасы, какъ въ десятомъ часу утра показался изъ Шипки неприятель. Часть саперовъ завязала съ нимъ перестрѣлку, но принуждена была начать отступление. Неприятель продолжалъ подвигаться впередъ, прямо на фугасы. Отступая, саперы произвели взрывъ фугасовъ, но, къ сожалѣнію, это случилось ранѣе, чѣмъ неприятель вошелъ въ линію фугасовъ; тѣмъ не менѣе взрывъ этотъ остановилъ наступленіе неприятеля по шоссе-ной дорогѣ на весь день.

Около того же времени съ нашихъ позицій было замѣчено, какъ отрядъ конныхъ черкесовъ, силою около одного полка, двинулся по долинѣ отъ Шейнова по направленію къ Лысой горѣ, въ обходъ нашего праваго фланга, но въ продолженіи дня объ этомъ отрядѣ также ничего не было слышно.

Въ 10 часовъ утра неприятель открылъ по всей линіи, какъ съ горы Бердекъ, такъ и съ высотъ передъ фронтомъ Св. Николая, къ югу отъ с. Шипки, артиллерійскій и ружейный огонь, и вслѣдъ затѣмъ неприятельскія войска, сошедшія съ шоссе послѣ взрыва фугасовъ влѣво на высоты, произвели оттуда атаку во фронтъ девятифунтовой батареи на Св. Николаѣ, гдѣ была расположена 3-я стрѣлковая рота Орловскаго полка. Атака была отбита. Подкрѣпивъ атакующихъ свѣжими войсками, неприятель произвелъ еще двѣ послѣдовательныя атаки на ту же батарею, но каждый разъ былъ отбиваемъ съ значительнымъ для него урономъ стрѣлками 3-й стрѣлковой роты, поддержанными ротой 1-й дружины.*) Видя здѣсь

*) По показанію Сулеймана-паши, на фронтъ Св. Николая долженъ былъ произвести ложную атаку Шакир-паша съ восемью батальонами. Шакиру-пашѣ, по словамъ Сулеймана, приказано было не подвигаться далѣе хана, расположеннаго на полугорѣ, остановиться здѣсь, выдвинуть стрѣлковъ и ограничиться дѣйствіями чисто демонстративными, хотя такая демонстрація, собственно говоря, никого не могла обмануть, потому что сверху все было видно. Приказаніе Сулеймана-паши, однако, не было исполнено. Турецкіе батальоны продвинулись къ сѣверу отъ хана, появились убитые и раненые, и ложная

неудачу, неприятель направилъ свои атаки на западный склонъ батареи Св. Николая, гдѣ, встрѣченный 9-ю и 11-ю ротами Орловскаго полка, поддержанными ротой 1-й дружины, также былъ отбитъ съ огромнымъ для него урономъ.

Въ это время, т. е. въ 11^{1/2} часовъ утра, прибылъ изъ Габрова на Шипку 35-й пѣхотный Брянскій полкъ, приведенный самимъ начальникомъ габрово-шипкинскаго отряда, командующимъ 1-ю бригадою 9-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоромъ Держинскимъ.

Прибытіе Брянцевъ имѣло весьма важное нравственное вліяніе на защитниковъ Шипки и привѣтствовалось громкимъ „ура“ на всемъ пространствѣ обширной шипкинской позиціи.

Тотчасъ же по прибытіи Брянцевъ, командиръ этого полка полковникъ Липинскій, нынѣ генераль-маіоръ, какъ старшій, принялъ начальствованіе надъ нашими правыми ложеентами и тыломъ позиціи, вмѣсто полковника Десперадовича. Затѣмъ четыре роты Брянскаго полка для обезпеченія нашего тыла въ резервѣ были расположены позади незащитной тыльной земляной батареи, въ большомъ турецкомъ ложементѣ.

Остальные батальоны Брянцевъ расположились на главной позиціи въ ложеентахъ у Сѣверной горы, обезпечивъ такимъ образомъ „среднюю“ и „круглую батарею“ и смѣнивъ при этомъ двѣ роты Орловскаго полка, находившіяся въ передовыхъ ложеентахъ праваго фланга, передъ фугасами и „бюковою“ горою.

Въ общемъ командованіи шипкинской позиціею съ этого времени принялъ участіе, кромѣ генерала Столѣтова, и генераль-маіоръ Держинскій.

Смѣненныя Брянцами въ передовомъ ложементѣ

атака начала обращаться въ дѣйствительную. Сулейманъ лично, по его словамъ, бросился къ мѣсту завязавшагося боя и началъ упрекать Шакира-пашу за неисполненіе его инструкцій, какъ вдругъ одинъ изъ офицеровъ приказалъ подать сигналъ къ атакѣ. Турки бросились впередъ и начали штурмовать съ фронта гору Св. Николая. Сулейману, по его словамъ, не оставалось ничего дѣлать, какъ послать Шакиру-пашѣ еще два батальона для прикрытія его отступления, такъ какъ онъ будто бы нисколько не сомнѣвался въ дурномъ исходѣ изолированной атаки Шакира. Однако турки, получивъ это подкрѣпленіе, не отступили, а остались въ числѣ десяти батальоновъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ укрѣпленій Св. Николая потому будто бы, что отступать было опасно.

двѣ роты Орловскаго полка были немедленно посланы въ подкрѣпленіе войскамъ на горѣ Св. Николая. Этими силами приказано было графу Толстому во что бы то ни стало отстоять гору Св. Николая отъ готовившихся на нее атакъ неприятеля съ горы Бердекъ.

Между тѣмъ, еще до начала этихъ атакъ, обнаженная, растянутая несоразмѣрно по длинѣ и обставленная лѣсными вершинами—шипкинская позиція дала уже знать намъ о своихъ невыгодахъ. Неприятель, не ограничиваясь атаками Св. Николая, по всему фронту поддерживалъ жестокую ружейную пальбу, осыпая пулями не только всю позицію, но и мѣстность за нею, вдоль по шоссе. На перевалѣ буквально не было мѣста, не поражаемаго ружейнымъ огнемъ турокъ. Надъ позиціями нашими стоялъ такой страшный свистъ пуль, что для посылки приказаній надо было вызывать охотниковъ. Брянскій полкъ, находившійся въ ложеентахъ и частію только въ резервѣ, и то болѣе или менѣе укрыто и вообще, такъ сказать, не принимавшій пока участія въ дѣлѣ, потерялъ въ нѣсколько часовъ болѣе сорока человекъ убитыми и ранеными.

На остальныхъ нашихъ позиціяхъ, спуская какойнибудь часъ или два съ завязки боя, выбывшихъ изъ строя было уже много. Засуетились, забѣгали по позиціи фельдшера и санитары, подавая помощь раненымъ. Въ носилкахъ оказался уже недостатокъ, и ихъ приходилось замѣнять ружьями и солдатскими шинелями. Многихъ раненыхъ, переносимыхъ въ казарму на перешейкѣ, догоняли турецкія пули и добивали. Въ бинтахъ также скоро оказался недостатокъ, и раны пришлось перевязывать кусками парусины отъ бывшей на позиціи турецкой палатки.

Къ тому же день начинался жаркій. Защитниковъ Шипки брали уже усталъ, голодъ, а пуще всего жажда. Напиться было негдѣ, воды на позиціи ни капли. Чтобы достать манерку воды, приходилось спускаться, рискуя жизнью, въ глубокую долину къ протекающему по дну ея ручью и фонтану съ восточной стороны горы Св. Николая, чуть не въ черту неприятельскаго расположенія. Черкесы смѣло зашли надъ водоемомъ и стрѣляли въ каждаго солдата, приближавшагося къ ручью съ манеркой.

Но трусовъ, нерѣшительныхъ въ этотъ достопамятный день у насъ не было. Каждый солдатъ былъ героемъ. Офицеры въ ложеентахъ не сидѣли и не лежали, а все время или стояли, или ходили, указывая, куда стрѣлять, и служа, въ свою очередь, цѣлью для неприятеля. Въ особенности опасно было положеніе нашихъ на „стальной“ батарее, такъ какъ орудія и прислуга въ теченіи всего дня на этой батарее были совершенно открыты, и потери здѣсь съ самаго начала были весьма значительны.

Въ 12 часовъ дня къ востоку отъ Св. Николая, на возвышенности горы Бердекъ, показались огромныя, густыя цѣпи турокъ, въ три линіи спускавшіяся съ лѣсистыхъ высотъ въ открытую долину, расположенную у подножія горы Св. Николая, противъ того мѣста, гдѣ была расположена наша „стальная“ батарея. Густыя цѣпи турокъ шли одна за другою. Дойдя по гребню возвышенности Бердекъ до начала ската, идущаго къ узкой и крутой сѣдловинѣ, соединяющей Бердекъ съ Св. Николаемъ, неприятельская пѣхота начала разсыпаться по этому скату, причемъ разсыпка производилась и въ глубину, т. е. батальоны просто разомкнулись во всѣ стороны, а солдаты, пользуясь крутизной ската, покрытаго мелкимъ кустарникомъ, открыли неумолкаемую стрѣлбу, причемъ задніе стрѣляли черезъ головы переднихъ. Такимъ образомъ задымился весь скатъ. Атакующіе медленно спускались внизъ. Дойдя до начала самой сѣдловины, у которой оканчивались кусты, турки остановились, и только отдѣльные стрѣлки начали перебѣгать черезъ сѣдловину къ другому противоположному скату, поднимавшемуся къ нашей „стальной“ батарее и находившемуся въ мертвомъ пространствѣ. При боѣ къ атакѣ и съ криками „алла“, турецкіе смѣльчаки съ необычайною энергіей и настойчивостью лѣзли по склону горы Св. Николая къ „стальной“ батарее...

Эта атака турокъ, по всѣмъ признакамъ, была главною, хотя, въ сущности, была такою же *лобовою*, какъ и предъидущія атаки турокъ, такъ какъ велась она не на флангъ нашей *позиціи*, а на флангъ горы Св. Николая, батареи котораго были построены фронтомъ къ югу и *востоку*. Сверхъ того, атака отлично обстрѣливалась нашимъ фланговымъ огнемъ съ „круглой“ батареи полковника

Венецаго. Такимъ образомъ войска турецкія поражались перекрестнымъ огнемъ со „стальной“ батареи и съ „круглой“ и фронтальнымъ ружейнымъ огнемъ изъ ложементовъ лѣвѣ „стальной“ батареи. „Средняя“ батарея (штабсъ-капитана Поликарпова) дѣйствовала, между тѣмъ, по 4-хъ орудійной горной неприятельской батарее, возведенной на горѣ Бердекъ. Такимъ образомъ, первая неприятельская атака, не смотря на всю ея силу и настойчивость, была отбита какъ ружейнымъ огнемъ пѣхоты, такъ и огнемъ артиллеріи.

Атакующіе отодвинулись назадъ и поднялись вновь въ кусты, на скатъ возвышенности горы Бердекъ*).

Въ сторонѣ неприятеля наступило нѣкоторое затишье; видно, войска устраивались, замѣнялись свѣжими.

Одни наши защитники перевала были безсмѣнны, и здѣсь двѣ братскія національности соперничали въ мужествѣ и самоотверженіи.

Вскорѣ опять раздались сигналы въ атаку и воинственные крики турокъ, и началась вторая атака противъ „стальной“ батареи, веденная чрезвычайно энергично, большими массами, и сопровождавшаяся сильною атакою на фронтъ горы Св. Николая. Отдѣльныя кучки турокъ доходили въ этотъ разъ до самыхъ батарей, съ которыхъ были сбрасываемы штыками Орловцевъ и болгаръ. Атака была до того неистова, что турки хватались за наши штыки, стягивая къ себѣ такимъ образомъ солдатъ и моментально рубили ихъ на куски. Наши раненные, оставшіеся внизу, были изуродованы до послѣдней крайности. Но, въ концѣ концовъ, и эта атака была отбита страшнымъ огнемъ артиллеріи и пѣхоты. Турки были отброшены опять въ кусты на скатъ горы Бердекъ.

Послѣ этихъ первыхъ атакъ турки произвели еще двѣ послѣдовательныхъ атаки свѣжими войсками. Нашему маленькому отряду не приходилось покидать своихъ ложементовъ, такъ какъ атаки шли одна за другою почти непрерывно. Орловцы и Брянцы должны были драться съ неприятелемъ

*) По показанію Сулеймана-паши, для веденія атаки на лѣвый флангъ горы св. Николая были назначены отборныя 2-я и 3-я бригады (16 батальоновъ), подъ начальствомъ Реджеба-паши.

голодные, истощенные, усталые, не подкрѣпившіеся сномъ; турки же постоянно посылали свѣжія войска. Колонна за колонною двигались на нихъ цѣлый день; чуть только дрогнетъ одна подъ выстрѣлами, слышится рожокъ, наигрывающій наступленіе, затѣмъ крикъ „алла“, и новая черная масса взбѣгаетъ вверхъ, чтобы тотчасъ же смѣниться новою. Турки не выдерживали нашего „ура“. Наши крикнуть, бросаясь на нихъ сверху, точно лавина, и сметутъ внизъ турецкія колонны. Разъ пятнадцать человекъ болгаръ опрокинули и погнали стовосемьдесятъ турокъ подъ общее „ура“ и одобрительныя восклицанія Орловцевъ, усѣявшихъ карнизы горы. Такимъ образомъ, третья и четвертая атаки были отбиты.

Послѣ четвертой атаки въ сторонѣ неприятеля опять наступило затишье. Видно было, что турки собираются съ силами и подтягиваются, чтобы нанести намъ рѣшительный ударъ.

Въ 3 часа по-полудни турки поставили на свою батарею на горѣ Бердекъ еще два полевыхъ орудія, снаряды которыхъ начали ложиться около нашей „круглой“ батареи.

Вслѣдъ затѣмъ турки бросились въ новую атаку, на „стальную“ батарею, по счету пятую, огромными массами и съ необычайною стремительностію, поддерживая штурмъ „стальной“ батареи сильною атакою на фронтъ Св. Николая. Наши открыли яростный артиллерійскій и ружейный огонь. Орловцы били на выборъ, а наши артиллерійскіе снаряды выхватывали сотни жертвъ; трупами турокъ набились всѣ лощины. Случалось, что треть неприятельской колонны ляжетъ, не достигнувъ вершины, кажется—вотъ-вотъ пойдутъ назадъ и остальные, но нѣтъ—идутъ новыя и свѣжія колонны, и бой кипитъ на томъ же мѣстѣ, а тамъ, глядишь, съ дикимъ крикомъ лѣзутъ на наши скаты новые ряды красныхъ фесокъ, а сзади ихъ и изъ лѣсу сверкаютъ тысячи ружей, поднимающихся сюда же... Но турки не выдерживали нашего огня. Иногда одна кучка нашихъ стрѣлковъ, человекъ въ двѣсти, останавливала напоръ массы тысячи въ три человекъ. Такимъ образомъ, и пятая, самая яростная атака турокъ была отбита огнемъ артиллеріи и пѣхоты.

Потери турокъ были огромны. Какъ видно, Сулейманъ-паша не жалѣлъ „пушечнаго мяса“.

Нашъ уронъ, относительно, былъ тоже великъ. Артиллерія на горѣ св. Николая потеряла уже много наводчиковъ. Чтобы пособить этому, туда были посланы нѣсколько человекъ отъ 4-хъ-фунтовой батареи. Кромѣ того, артиллерія наша разстрѣляла уже болѣе половины снарядовъ, почему, въ виду возможности повторенія новыхъ атакъ, приказано было беречь снаряды (и отвѣчать на выстрѣлы неприятеля рѣже) и стрѣлять только въ случаѣ рѣшительнаго неприятельскаго нападенія. Особенно это вмѣнено было въ обязанность „стальной“ батареи, у которой осталось не болѣе десяти снарядовъ на орудіе.

Узнавъ отъ генерала Держинскаго, что въ Габровѣ находится взводъ конной казацкой батареи (№ 10-го), генераль Столѣтовъ попросилъ его разрѣшенія вызвать этотъ взводъ на Шипку.

Въ сумерки, двѣ роты Орловскаго полка, поставленныя съ праваго фланга на „боковой“ горѣ, были смѣнены двумя ротами Брянскаго полка. Смѣненныя двѣ роты Орловцевъ были посланы въ подкрѣпленіе на гору Св. Николая.

Остальныя роты Брянскаго полка генераль Столѣтовъ рѣшилъ на этотъ день оставить въ резервѣ и употребить только въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ нужно было ожидать атакъ неприятеля и на слѣдующій день, между тѣмъ какъ новыхъ подкрѣпленій мы не могли ожидать ранѣе двухъ дней.

Послѣ отбитія пятой атаки турки не унялись. Они произвели еще нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ свѣжими войсками, но опять безуспѣшно. До поздняго вечера раздавались сигналы къ атакѣ и крики атакующихъ.

Такъ прошелъ цѣлый день—въ приливахъ и отливахъ турокъ.

Въ девятомъ часу вечера, при лунномъ свѣтѣ, турки произвели еще послѣднюю атаку, сомкнутыми частями, на лѣвый флангъ и фронтъ горы Св. Николая; но и эта атака была также отбита ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, причѣмъ неприятель понесъ огромныя потери.

Наступила ночь. Атаки неприятельскія прекратились. Но и тутъ солдатамъ нашимъ почти не

пришлось отдохнуть. То и дѣло завязывалась перестрѣлка съ разными отрядами черкесовъ и башибузукъ, которые, занявъ лѣсныя трупы и спрятавшись за скалы, посылали оттуда на нашу позицію пулю за пулю. Кромѣ того, на всѣхъ нашихъ батареяхъ и ложементахъ, подъ прикрытіемъ резервовъ, всю ночь производились дѣятельныя работы для ихъ усиленія и исправленія, а также насыпка новыхъ брустверовъ и земляныхъ батарей и углубленіе прежнихъ ложементовъ.

У неприятеля также слышны были въ теченіи всей ночи работы по устройству новой батареи и ложементовъ, изъ которыхъ два—турки выкопали въ разстояніи не болѣе ста шаговъ отъ нашей позиціи. Малочисленность нашего гарнизона и желаніе дать хотя нѣсколько часовъ отдыха утомленнымъ защитникамъ перевала не позволили намъ сдѣлать вылазку, съ цѣлью воспрепятствовать работамъ неприятеля.

Судя по движенію огня, турки въ эту ночь распространяли районъ своихъ операций и противъ лѣваго фланга нашей „главной позиціи“.

На „Лысой горѣ“ во весь этотъ день и въ теченіи ночи ничего не показывалось.

Такимъ образомъ Сулейманъ-паша, по непонятной причинѣ, ничего не предпринималъ въ первый же день своего наступленія, ни для обхода нашей позиціи, ни для обложенія ея. Иначе Шипка еще задолго до прибытія нашихъ подкрѣпленій была бы въ его рукахъ.

Тѣмъ не менѣе положеніе нашихъ защитниковъ Шипки было критическое. То, чего неприятель не успѣлъ сдѣлать въ первый день, онъ могъ вернуть это на второй или на третій день, тѣмъ болѣе, что за все это время мы не могли ожидать себѣ подкрѣпленій.

Тяжела была эта ночь на Шипкѣ. Не многіе могли забыться сномъ и отдохнуть сколько нибудь. Рассказываютъ, что засыпавшіе солдаты бредили атаками и крикъ одного солдата въ просонкахъ надѣлалъ-было не мало тревоги.

Ряды защитниковъ сильно порѣдѣли. Единственный докторъ на Шипкѣ не успѣвалъ перевязывать всѣхъ раненныхъ и выбивался изъ силъ. Запахъ разлагающейся крови уже носился надъ нашими позиціями. А впереди предстояли новые подвиги и по-

выя жертвы, еще болѣе тяжелыя, безъ всякой надежды на скорую поддержку.

10-го августа, съ разсвѣтомъ, около пяти часовъ непріятель открылъ сильную ружейную пальбу изъ вновь построенныхъ имъ ложементовъ, а въ 6 часовъ утра артиллерійскій огонь изъ двухъ батарей. Сейчасъ же было со многихъ мѣстъ нашей позиціи открыто, что непріятель роетъ ложементы и вооружается. Оказалось, что турки за ночь построили вторую батарею, съвернѣе построенной наканунѣ, да и самыя силы ихъ замѣтно распространились съвернѣе лѣваго фланга нашей „главной позиціи“. Теперь на двухъ батареяхъ непріятеля находились уже восемь 4-хъ и 6-ти-фунтовыхъ орудій и два горныхъ.

Однако тотъ фактъ, что многочисленный непріятель, такъ отважно атаковавшій насъ вчера, укрѣпляется и роется, значительно поднялъ увѣренность защитниковъ, какъ начальниковъ, такъ и солдатъ. Только теперь всѣ поняли, чего стоили непріятелю наканунѣ нами отбитыя его атаки.

Тѣмъ не менѣе, непріятель, пополняя нѣсколько разъ убыль въ своихъ войскахъ свѣжими таборами, пробовалъ переходить въ наступленіе и шесть разъ пытался было произвести атаку противъ горы Св. Николая и противъ лѣваго фланга въ глубинѣ оврага; но попытки эти были не такъ энергичны, какъ наканунѣ, и легко были отбиты огнемъ съ нашихъ позицій. Вѣрнѣе, въ этотъ разъ непріятель наступалъ значительными массами, желая занять всѣ пункты, которые онъ считалъ для себя важными.

Такъ какъ непріятель около полудня сталъ загигать свой правый флангъ, то флигель-адъютантъ полковникъ графъ Толстой усилилъ свой лѣвый флангъ одною ротой 4-й дружины.

Въ этотъ день наша артиллерія не могла уже отвѣчать столь частыми выстрѣлами, какъ непріятельская, такъ какъ подвозъ нашихъ снарядовъ не могъ ожидатьсѣ ранѣе 12-го числа, между тѣмъ какъ нашей „стальной батарее“ оставалось всего только 80 снарядовъ. Не смотря на то, дѣйствіями нашей „круглой“, „средней“ и „стальной“ батарей одна изъ турецкихъ батарей была сбита и взорвано у непріятеля два снарядныхъ вьюка.

Въ свою очередь, турки хотя и не предпринимали въ этотъ день ничего рѣшительнаго, но зато поддерживали безъ умолку усиленный артиллерійскій и ружейный огонь по всей нашей позиціи и по мѣстности сзади нея. Обстрѣливавшаяся мѣстность была такъ обширна, что нѣкоторые были ранены на перевязочномъ пунктѣ, въ тылу позиціи почти въ верстѣ сзади. Вообще огонь, особенно ружейный, пристрѣлявшихся турецкихъ стрѣлковъ былъ въ этотъ день, быть можетъ, губительнѣе, чѣмъ наканунѣ, такъ что потери наши были вездѣ значительны. Турки такъ пристрѣлялись, что выставленные изъ ложементовъ шапки были пробиты пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Непріятель даже навѣсными выстрѣлами старался, и не безуспѣшно, попадать за валы. Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ нашихъ позицій не было квадратнаго аршина безопаснаго мѣста. Всюду сыпались пули сверху и горизонтально, и отъ нихъ некуда было укрыться. Черкесы же начали показываться въ тылу у насъ и обстрѣливали дорогу отовсюду; даже по одиночнымъ всадникамъ стрѣляли залпами.

Вообще турки въ этотъ день безпрепятственно занимали разные выгодные для нихъ пункты, которыхъ мы не могли защищать по малочисленности нашихъ силъ и чтобы не растягивать еще болѣе и безъ того уже сильно растянутую нашу линію.

Солдаты пикинскаго отряда въ это время весь день находились въ выжидательномъ положеніи. Отбивъ нѣсколько слабыхъ атакъ, они ожидали рѣшительныхъ дѣйствій со стороны настойчиваго противника и потому не могли отдохнуть какъ слѣдуетъ. Болѣе всего боялись всѣ, чтобы пикинская позиція не была отовсюду отрѣзана непріателемъ, чему, при нашей малочисленности, мы не могли помѣшать.

Помимо этихъ тревогъ и страшнаго непріятельскаго огня, наши испытывали еще всѣ неудобства открытаго положенія подъ знойнымъ солнцемъ. День былъ необыкновенно жаркій. Всѣхъ мучила страшная жажда, а воду можно было добывать только въ глубокой долинѣ, съ восточной стороны перевала, куда нужно было спускаться по длинному скату, почти ничѣмъ не защищенному, на довольно порядочное разстояніе подъ мѣткими выстрѣ-

лами противника, занимавшаго противоположные склоны возвышенности. Не смотря на такіа усложненія въ дѣлѣ добыванія воды, являлись охотники, которые, забравъ въ руки нѣсколько манерокъ, отправлялись за водою, рискуя своею живнью. Молодой солдатикъ, новичекъ еще, съ манерками въ рукѣ тихо ползетъ изъ ложемента, выжидая удобной минуты для успѣха предпринятаго дѣла.

— Ну, бѣги скорѣе до дерева, наставляетъ солдата фельдфебель:— до дерева добѣжишь—передохни,

а потомъ снова бѣги до слѣдующаго дерева, такъ и доберешься до ущелья, гдѣ вода.

Солдатъ пускается бѣжать. Въ догонку ему летятъ нѣсколько турецкихъ пуль; инны изъ нихъ падаютъ почти у самыхъ ногъ солдата, взрывая землю.

Въ ложементахъ смѣются.

— Ишь, ты, турка съ рыломъ своимъ тоже стрѣлять вздумалъ, острятъ солдаты.

Но, увы, охотники часто платились жизнью за рискованное предпріятіе. Ждутъ, бывало, охотника

Генераль-маіоръ Столбовъ.

товарищи съ нетерпѣніемъ, пока тотъ принесетъ свѣжей воды, да такъ и не дождутся...

Около полудня прибылъ изъ Габрова вызванный наканунѣ взводъ казачей № 10 конной батареи, которой съ наступленіемъ сумерекъ былъ поставленъ въ „круглую“ батарею.

Часовъ въ восемь вечера четыре роты Брянска-

го полка—1-я стрѣлковая, 1-я, 2-я и 3-я линейныя роты, т. е. весь 1-й батальонъ, подъ начальствомъ командующаго батальономъ капитана Скородинскаго, смѣнили на горѣ Св. Николая въ „стальной“ батарее четыре роты Орловскаго полка (2-ю стрѣлковую, 3-ю 5-ю и 7-ю линейныя роты), которыя и были отведены въ резервъ „главной позиціи“.

Въ то же время начальствовавший правымъ флангомъ и тыломъ главной позиціи, полковникъ Липинскій, въ виду важности для насъ позиціи впереди праваго фланга на „боковой“ горѣ, занятой только двумя линейными ротами Брянцевъ, прибавилъ туда еще полувзводъ стрѣлковъ и 9-ю линейную роту.

Дѣйствительно, вечеромъ, верстахъ въ пяти впереди „боковой“ горы, на Лысой горѣ, показались уже турецкія батареи; но онѣ пока молчали, готовясь къ завтрашнему дню. Такимъ образомъ, турки уже въ эту ночь окружили насъ подковою съ трехъ сторонъ. Теперь стоило только имъ соединить концы этой подковы, чтобы окончательно отрѣзать шипинскій отрядъ отъ Габрова.

„Боковая“ гора была важна для насъ въ томъ еще отношеніи, что она вела прямо на перешеекъ, отдѣляющій „среднюю“ батарею отъ горы Св. Николая. Между тѣмъ, это мѣсто перешейка, какъ мы уже знаемъ, было защищено только фугасами и рядомъ ложементовъ, безъ достаточнаго резерва. Самая мѣстность здѣсь не представляла тѣхъ препятствій для наступающаго непріятеля, какія встрѣчались съ другихъ сторонъ перевала.

Какъ непріятель не догадался въ первый же день боя направить сюда свой ударъ—кажется непонятнымъ, въ виду того, что при Сулейманъ-пашѣ находился Хулусси-паша, хорошо знавшій мѣстность на перевалѣ.

Но очевидно было, что турки готовились нанести сюда рѣшительный ударъ на слѣдующій же день *).

*) Изъ показаній Сулеймана-паши видно, что Омеръ-бей все время настаивалъ на занятіи высотъ противъ праваго фланга шипинской позиціи и наконецъ убѣдилъ Сулеймана въ необходимости этой мѣры, потому что на 11-е августа были сдѣланы имъ слѣдующія распоряженія: правая колонна усилена была пятью батальонами, и начальство надъ нею вручено Вессилью-пашѣ. Часть этой колонны должна была дѣйствовать на лѣвый флангъ противника, другая часть совершить обходъ на Габрово, для чего Вессиль-паша долженъ былъ еще 10-го августа выбрать позицію сѣвернѣе той, которая занята была накануне; на Лысую гору направлена была колонна изъ трехъ батальоновъ съ тремя горными орудіями, подъ начальствомъ Рассама-паши; въ атаку праваго фланга позиціи на Шипкѣ должна была принять участіе и центральная колонна на шоссе, для чего ей приказано было охватить гору Св. Николая съ западной стороны. Общее начальство надъ этою и лѣвою колоннами получилъ Ша-

Ночью на Шипку пріѣзжалъ изъ Габрова, отъ командира 8-го корпуса генеральнаго штаба капитанъ Мальцевъ узнать о положеніи дѣлъ и сообщилъ, что генералъ Радецкий находится уже въ Габровѣ и что на слѣдующій день, 11-го числа, въ три часа утра, выступитъ изъ Габрова на Шипку 5-я стрѣлковая бригада и самъ командиръ 8-го корпуса.

Какъ ни пріятно было извѣстіе для изнуренныхъ и сильно уже порѣдѣвшихъ защитниковъ Шипки, но и оно теперь не могло уже особенно радовать ихъ. Отъ Габрова былъ добрый переходъ по трудной горной дорогѣ. На батареяхъ нашихъ снарядовъ оставалось мало, зарядовъ для ружей—тоже; между тѣмъ, многочисленный непріятель, по всѣмъ признакамъ, готовился нанести намъ рѣшительный ударъ до прибытія подкрѣпленій. Всѣ съ ужасомъ думали, что будетъ, если въ самомъ дѣлѣ наши подкрѣпленія хоть немного опоздадутъ?

Какъ только стало смеркаться, было тотчасъ же приступлено опять къ исправленію батарей и ложементовъ, къ насыпкѣ траверзовъ и постройкѣ новыхъ двухъ ложементовъ. Всѣ эти работы производились подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, продолжавшимся всю ночь. Огонь былъ такъ силенъ, что еще съ вечера рѣшено было отправить всѣхъ артиллерійскихъ лошадей, во избѣжаніе напрасной ихъ убыли, за второй домикъ на шоссе, т. е. за восемь верстъ отъ позиціи. Черезъ это отступленіе артиллеріи, въ крайнемъ случаѣ, становилось невозможнымъ. Шипинцы, такимъ образомъ, „сожгли за собой корабли“.

Ночь была холодная и сырая. Не смотря на усталость, слабость и холодъ, спать никому не хотѣлось. Взглядъ невольно устремлялся на турецкія позиціи, какъ-бы ища въ нихъ отвѣта на тревожныя думы. На высотахъ, занятыхъ непріятелемъ, горѣли костры, и зарево ихъ широкою лентою тянулось надъ Балканами.

И такъ на завтрашній день для малочисленныхъ защитниковъ Шипки ставился крупный вопросъ: быть или не быть? Вопросъ этотъ могъ быть

каръ-паша. Такимъ образомъ атака 11-го августа должна была быть введена 32-мя батальонами, которые были потомъ подкрѣплены еще пятью или шестью таборами.

разрѣшенъ только своевременнымъ прибытіемъ подкрѣпленій.

11-го августа, задолго еще до восхода солнца, часа въ четыре утра, непріятель неожиданно открылъ сильнѣйшій ружейный огонь по нашей позиціи съ обоихъ фланговъ и съ фронта. Въ то же время началось частая артиллерійская пальба по Шипкѣ съ прежней батареи на Бердекѣ, съ нижней батареи на скатѣ Бердека близъ шоссе, (всего на Бердекѣ стояло уже 10 орудій) и съ воздвигнутой въ ночь батареи на Лысой горѣ, на которой находилось пока четыре орудія.

Тотчасъ же была открыта и съ нашей стороны ружейная стрѣльба и канонада со всѣхъ батарей. Но, по случаю малаго количества оставшихся у насъ артиллерійскихъ снарядовъ артиллерія наша могла отвѣчать непріятельской только въ крайнихъ случаяхъ и при наступленіи непріятельскихъ колоннъ.

Около пяти часовъ утра на покатоности Лысой горы, обращенной къ намъ, показались четыре большія непріятельскія колонны, спускавшіяся частью на Лысую гору, отдѣлявшую нашу „боковую“ гору отъ Лысой горы, частью на горный отрогъ, идущій отъ Лысой горы къ сѣверу, почти параллельно Шипинскому перевалу, намѣреваясь, такимъ образомъ, зайти отсюда черезъ глубокую долину въ тылъ нашему отряду. Ружейные же дымки надъ Лысною горой показывали, что непріятель занялъ уже эту гору.

Въ то же время противъ нашего лѣваго фланга на склонахъ горы Бердекъ видѣнъ былъ сильный ружейный огонь, а собравшіяся влѣво надъ восточною долиною значительныя массы турокъ обнаруживали намѣреніе обойти насъ съ тыла и съ этой стороны.

Передъ фронтомъ же Св. Николая непріятель открылъ ружейную пальбу изъ ложементовъ, расположенныхъ на самомъ близкомъ разстояніи отъ насъ.

Такимъ образомъ, турецкія войска въ огромныхъ массахъ расположились вокругъ русскихъ позицій на подобіе двухъ гигантскихъ клешней краба, готовыхъ сомкнуться и схватить русскихъ. Непріятельскія колонны, спускавшіяся съ востока и запада къ шипинскому гребню, повидимому, были близки

къ тому, чтобы подать другъ другу руки на габровской дорогѣ, въ тылу русской позиціи.

Расположеніе нашего отряда въ это время, т. е. на разсвѣтѣ 11-го августа, было слѣдующее:

Шесть ротъ Орловскаго полка, 1-я и 4-я дружины и 1-й батальонъ Брянскаго полка находились на горѣ Св. Николая, подъ командой полковника графа Толстаго.

Четыре роты Орловцевъ расположились на перешейкѣ, позади Св. Николая, у турецкой казармы; они были подчинены, вмѣстѣ съ двумя сосѣдними ротами Брянскаго полка, полковнику Линдстрему.

Остальныя роты Орловскаго полка находились между „среднею“ и „круглою“ батареями, составляя общій резервъ „главной“ позиціи.

2-я, 3-я и 5-я дружины, подъ начальствомъ полковника Деирерадовича, занимали ложементы лѣваго фланга, на восточной сторонѣ перешейка, передъ круглою батареею.

„Главная“ же позиція, полковника Липинскаго 1-го занята была слѣдующимъ образомъ:

Верхній рядъ ложементовъ Сѣверной горы (вокругъ „средней“ и „круглой“ батарей) занимали роты 2-го батальона Брянскаго полка, имѣя въ резервѣ 5-ю и 6-ю роты.

Часть 3-го батальона, 10-я и 12-я роты и полурота 3-й стрѣлковой роты Брянскаго полка занимали „боковую“ гору, за фугасами, составляя боковой отрядъ.

Остальныя роты Брянскаго полка занимали огромную, почти въ версту длиною, линію ложементовъ праваго фланга, расположенную почти параллельно шоссе, по западной сторонѣ перешейка, передъ „среднею“ батареею. Въ передовыхъ ложементахъ этой стороны, передъ фугасами и „боковою“ горою, находилась 11-я рота Брянскаго полка.

Задняя же или тыльная батарея съ турецкимъ ложементомъ оставались незанятыми.

Получивъ увѣдомленіе о движеніи четырехъ большихъ непріятельскихъ колоннъ противъ нашего праваго „боковаго“ отряда, полковникъ Липинскій въ пять часовъ утра выслалъ туда предназначенныя накануне въ составъ этого отряда полуроту стрѣлковъ 3-й стрѣлковой роты Брянскаго полка и 9-ю линейную роту того же полка, такъ что въ боковомъ отрядѣ составилось четыре роты, подъ на-

чалством батальоннаго командира, подполковника Шваба.

Около шести часов утра неприятель перешелъ въ энергическое наступленіе по всей линіи.

Изъ возведенныхъ турками ложементовъ противъ всего фронта Св. Николая начались бѣшенныя атаки неприятеля противъ этой горы, направленные, главнымъ образомъ, на лѣвый флангъ ея, на наши ложементы у „стальной“ батареи. Какъ ни гибельны были эти атаки для неприятеля, такъ какъ ему приходилось здѣсь взбираться по страшной кручѣ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, однако онъ, съ силами около 16 таборовъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ повелъ атаку за атакою на эту позицію со всѣхъ сторонъ. Резервъ, находившійся за брустверомъ „стальной“ батареи, сталъ тотчасъ же страдать отъ фланговаго и тыльнаго огня, а потому было немедленно приказано вырыть нѣсколько рядовъ ложементовъ, куда резервъ съ этого времени и былъ положенъ.

Одновременно съ этимъ турки повели наступленіе и съ восточной стороны перевейка, на наши ложементы лѣваго фланга. Расположенные въ нихъ три дружины болгарскаго ополченія, усиленные еще на своемъ правомъ флангѣ, по распоряженію полковника графа Толстаго, двумя ротами 1-й и 4-й дружинъ, посланными имъ со „стальной“ батареи, подъ начальствомъ полковника князя Вяземскаго, встрѣтили атакующихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Не смотря на то, неприятель, силою около шести таборовъ, началъ повторять энергическія атаки и на эти ложементы, занятые дружинами.

Въ то же время густая неприятельская цѣпь начала медленно приближаться съ восточной стороны перевала въ направленіи къ нашей незанятой тыльной батарее и ниже ея расположенному ложементу. Разсчитывая, что наши подкрѣпленія должны подойти не ранѣе десятаго часа утра, и опасаясь, чтобы до того времени неприятель не занялъ тыльную батарею съ ложементомъ и, такимъ образомъ, не отрѣзалъ бы насъ отъ ожидаемаго подкрѣпленія, генераль Столѣтовъ приказалъ немедленно занять названныя укрѣпленія бывшимъ въ резервѣ четыремъ горнымъ орудіямъ, взводу 6-й роты Брянскаго полка и взводу 2-й стрѣлковой роты Орловскаго полка.

Между тѣмъ, неприятель повелъ главную атаку съ запада на нашъ боковой отрядъ на правомъ флангѣ. Въ 6¹/₂ часовъ утра турки въ значительныхъ силахъ двинулись изъ Лѣсной горы противъ „боковой“ горы, осыпая ее изъ лѣсу адскимъ огнемъ, такъ что всѣ наши четыре роты, находившіяся здѣсь, были введены уже въ дѣло. Начальникъ боковаго отряда, подполковникъ Швабъ, немедленно отправилъ полковнику Липинскому записку съ увѣдомленіемъ, что для выдержанія натиска ему необходимо имѣть въ резервѣ по крайней мѣрѣ двѣ роты.

Полковникъ Липинскій, не располагая свободными войсками, отправилъ къ генералу Столѣтову ординарца съ просьбою пожаловать на правый флангъ, дабы разъяснить важность наступленія неприятеля съ этой стороны и дать средства воспрепятствовать этому наступленію. Но генераль Столѣтовъ, по прибытіи, заявилъ, что подкрѣпленія дать болѣе не можетъ, такъ какъ на лѣвомъ флангѣ также замѣчено движеніе неприятельскихъ колоннъ, почему, для обезпеченія нашихъ тыльных укрѣпленій, онъ самъ попросилъ изъ резерва полковника Липинскаго еще 5-ю роту Брянскаго полка. Полковнику же Липинскому, въ случаѣ надобности, посоветовалъ обращаться за подкрѣпленіемъ на гору Св. Николая, къ графу Толстому, которому послано было приказаніе насколько возможно удовлетворять такія просьбы. Затѣмъ, сообщивъ полковнику Липинскому, что, по его расчету, подкрѣпленія наши должны прибыть между девятымъ и десятымъ часами утра, и что до тѣхъ поръ мы должны обходиться тѣмъ, что есть, и держаться до послѣдней крайности, генераль Столѣтовъ отправился самъ на наши тыльныя укрѣпленія, съ цѣлью принять на себя непосредственную оборону тыла и устроить тамъ батарею для горныхъ орудій, подъ прикрытіемъ уже находившихся тамъ двухъ полуротъ, и приказалъ двигаться туда же изъ резерва 5-й ротѣ Брянскаго полка.

Такимъ образомъ полковникъ Липинскій вынужденъ былъ ограничиться тѣмъ, что, отправивъ изъ своего резерва на „боковую“ гору еще двѣ роты Орловскаго полка (3-ю и 6-ю), приказалъ передать начальнику боковаго отряда, подполковнику Швабу, чтобы онъ держался до послѣдней крайности, въ виду скорого прибытія подкрѣпленій.

Между тѣмъ, турецкій обхватъ позиціи развивался все болѣе и болѣе. Въ то время, какъ неприятель энергично наступалъ на нашъ боковой отрядъ и производилъ атаку за атакою на фронтъ горы Св. Николая и на ложементы лѣваго фланга, занятые дружинами, въ тылу позади подошвы Сѣверной горы, на восточномъ склонѣ перевала, въ кустахъ, была замѣчена густая неприятельская цѣпь, направленная прямо на шоссе, въ тылъ „круглой“ батареи.

Пока генераль Столѣтовъ устраивалъ въ тыльных укрѣпленіяхъ батарею для горныхъ орудій, вышеупомянутая неприятельская цѣпь быстро двигалась впередъ. 4-я рота Брянскаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Шней, и другой взводъ 6-й роты того же полка, подъ начальствомъ капитана Канчиолова, шедшія какъ разъ въ это время въ прикрытіе горной батареи, на тыльное укрѣпленіе, едва успѣли развернуться вдоль шоссе, позади „круглой“ батареи, какъ были встрѣчены неприятельскими залпами съ разстоянія 100 шаговъ, такъ что роты, не сдѣлавъ выстрѣла, прямо бросились въ птыки и сразу отбросили неприятеля, послѣ чего завязалась сильная перестрѣлка. Однако неприятель, усиливаемый подкрѣпленіями, неоднократно вновь переходилъ на этомъ пунктѣ въ наступленіе, но былъ отражаемъ залпами пѣхоты и картечными гранатами изъ вновь устроенной въ тыльномъ укрѣпленіи горной батареи капитана Константинова.

Около 7¹/₂ часовъ утра, на нашей „боковой“ горѣ, послѣ упорнаго боя, также было остановлено наступленіе неприятельскихъ войскъ. Роты подполковника Шваба преслѣдовали турокъ залпами, и передовыя части неприятеля въ безпорядкѣ отступили на Лѣсную гору. Но векорѣ показались свѣжія неприятельскія колонны, перешедшія въ рѣшительное наступленіе.

Полковникъ Липинскій послалъ еще одну роту изъ резерва въ помощь боковому отряду.

Между тѣмъ, по всей линіи и въ особенности на „боковой“ горѣ, противъ фугасовъ, шель ожесточенный бой. Неприятель велъ энергичныя атаки, наступая съ трехъ сторонъ. Шипѣніе и свистъ пуль, вой гранатъ, трескъ разлетающихся осколковъ, крики „ура“ и „алла“, звуки турецкихъ рожковъ —

заглушали стоны раненыхъ и, то усиливаясь, то ослабѣвая, сливались въ какой-то страшный хаосъ.

Независимо отъ упорныхъ атакъ, веденныхъ неприятелемъ непрерывно съ трехъ сторонъ, открытая мѣстность нашей позиціи вся обстрѣливалась перекрестнымъ огнемъ со всѣхъ сторонъ, такъ что не было на ней буквально мѣста, гдѣ бы неприятельскія пули не поражали. Даже ложементы почти не предохраняли отъ пуль, такъ какъ пули летѣли въ нихъ и съ фронта, и съ фланговъ, и съ тылу. Позади позиціи и по сторонамъ ея подъ самымъ носомъ у насъ гнѣздами засѣли чересы въ лощины и за деревья густаго чернолѣся и били оттуда на выборъ.

Ряды защитниковъ Шипки быстро рѣдѣли. Раненые въ передовыхъ ложементяхъ оставались неперевязанными по причинѣ малочисленности санитаровъ и фельдшеровъ и по неудобству переноски подъ огнемъ. Обыкновенное, необходимое на позиціи сообщеніе, какъ напримѣръ: переноска раненыхъ, передача приказаній, подноска патроновъ, посылка за водою, были столько же опасны, какъ и нахожденіе въ самомъ бою. Такъ, переносившіе раненыхъ достигали перевязочнаго пункта, имѣя съ собою, вмѣсто одного, двухъ или трехъ раненыхъ. Бывали и такіе случаи: несутъ раненаго — вдругъ граната разрывается и осколками убиваетъ какъ раненаго, такъ и носильщиковъ. За отсутствіемъ санитаровъ, которыхъ не мало поубавилось за предшествовавшіе два дня, тяжело раненыхъ переносили ихъ строевые товарищи. Вслѣдствіе этого, весьма немногіе раненые пользовались удобствами носилокъ; многихъ переносили на плечахъ, другихъ въ палаточныхъ полотнахъ на ружьяхъ; было не мало и такихъ, которые сами доползали или допрыгивали на одной ногѣ до перевязки, при чемъ весьма часто ихъ добивали на пути неприятельскія пули. Около девяти часовъ утра само собою образовалось на позиціи нѣсколько перевязочныхъ пунктовъ, именно — у каждой батареи, у погребовъ, какъ болѣе безопасныхъ мѣстъ, и въ резервѣ около запасныхъ зарядныхъ ящиковъ. На этихъ импровизированныхъ перевязочныхъ пунктахъ управлялись одни фельдшера, а матеріаломъ для перевязки, за скорымъ израсходованіемъ всѣхъ припасовъ,

служило имъ бѣлье и грязныя палаточныя полотно.

Люди, посылаемые за патронами и съ приказаніями, подвергались той же участи. Изъ бывшихъ при полковникѣ Липинскомъ ординарцевъ для передачи приказаній и изъ находившагося при немъ прикрытія во время его обхода позиціи и посылокъ было убито и ранено нѣсколько человѣкъ, такъ что ему приходилось иногда оставаться совершенно одному, а для прикрытія и передачи приказаній вызывать нѣсколько разъ новыхъ охотниковъ.

Еще въ семь часовъ утра, вслѣдствіе значительныхъ потерь въ лошадяхъ, всѣ лошади, даже отъ патронныхъ ящиковъ и лазаретныхъ линейекъ, были отправлены за восемь верстъ позади позиціи, къ тому домику, куда еще наканунѣ были отправлены всѣ артиллерійскія лошади. Оставшіяся же на позиціи лошади къ девяти часамъ утра были всѣ перебиты.

Люди, не имѣвшіе и въ теченіи двухъ предыдущихъ дней отдыха, теперь были утомлены страшно. День былъ необыкновенно жаркій. Солнечный зной палилъ и угнеталъ закоптѣлыхъ въ дыму солдатъ. И лица, и спины, и грудь, и все тѣло ихъ обливалось потомъ; солдатскія рубахи были мокры, липли къ тѣлу. Все это мѣшало работать. А тутъ еще одолѣвали міриады мухъ, носившихся надъ мертвыми тѣлами.

Къ тому же всѣ были голодны. 11-го августа ни у кого даже и сухарей уже не было.

Но всего болѣе получила всѣхъ нестерпимая жажда. Воды на позиціи не было ни капли; ее приходилось добывать опять чрезъ охотниковъ, спустившихся съ манерками, подъ адскимъ огнемъ противника, по головоломному скату на самое дно глубокой долины, расположенной на восточной сторонѣ перевала, къ фонтану и горному ручью. Съ какою трудомъ и опасностью сопряжено было добываніе этой воды, можно уже видѣть изъ того обстоятельства, что къ 12-му августа дорога, ведущая къ ключу, усѣялась длиннымъ рядомъ труповъ, служившихъ, нѣкоторымъ образомъ, живою траншеею: да, именно живою траншеею, потому что солдаты, идя впослѣдствіи за водою, проползали между трупами своихъ же товарищей и чрезъ это

не представляли для непріятеля слишкомъ видимой цѣли, а кого мертвый товарищъ не прикрывалъ, того пуля застигала, и онъ самъ превращался въ траншею. Вотъ что значило въ то время вызываться охотникомъ за водою, а между тѣмъ этихъ охотниковъ находилось все-таки много, ибо всѣхъ мучила смертная жажда!

Истощенные нравственными и физическими усиленіями, люди гибли, такимъ образомъ, десятками на всѣхъ пунктахъ позиціи и при исправленіи всякихъ обязанностей боевой службы. Непритель, между тѣмъ, все напиралъ и напиралъ, все новыми, свѣжими силами. Солдаты просто понять не могли, откуда все это берется у него? Все пространство впереди было уже усѣяно валавшимися тѣлами въ красныхъ фескахъ. „Словно макъ въ огородѣ алѣлся“, какъ замѣчали солдаты, а между тѣмъ новыя и новыя цѣпи и колонны красныхъ фесокъ лѣзли на нихъ отовсюду... Хриплые крики „алла“ тамъ и сямъ мѣшались съ русскимъ „ура“, но все это покрывалось воплями раненныхъ, грохотомъ выстрѣловъ, свистомъ пуль и шипѣніемъ улетающихъ и пролетающихъ гранатъ.

По истинѣ, это были ужасныя минуты!

Наступилъ десятый часъ утра. Обѣщанныя подкрѣпленія не явились; начальники сообщили, что войска наши придутъ въ два часа пополудни.

Еще приходилось пережить солдатамъ четыре ужасныхъ часа, безъ всякой смѣны и поддержки.

Въ десять часовъ утра полковникъ Липинскій послалъ изъ своего резерва въ помощь боковому отряду послѣднюю, 5-ю роту Орловскаго полка, оставивъ изъ нея лишь полувзводъ для прикрытія знамени. А такъ какъ начальникъ бокового отряда, подполковникъ Швабъ, былъ сильно контуженъ, ротные же командиры въ этомъ отрядѣ всѣ переранены или убиты, то команду надъ 3-мъ батальономъ Брянскаго полка принялъ штабсъ-капитанъ Понамаренко, а начальникомъ всего бокового отряда былъ назначенъ Орловскаго полка майоръ Вазилевичъ, которому приказано было держать роты, взводы и даже звенья по два въ совокупности. Это дало возможность боковому отряду осаживать цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, не смотря на ихъ многочисленность, а также удерживаться на высотѣ „боковой“ горки.

Часу въ 12-мъ дня генералу Столѣтову удалось уговорить генерала Дерожинскаго покинуть позицію и отправиться въ Габрово, гдѣ онъ, какъ начальникъ габровскаго отряда, могъ лично распорядиться заготовкою большого числа подводъ, которыя могли бы перевести скорѣе передовыя части приближавшагося къ Габрову подкрѣпленія.

Къ полудню, съ отъѣздомъ генерала Дерожинскаго, бой на Шипкѣ достигъ своего апогея. Отбитыя атаки турокъ смѣнились новыми, можно сказать положительно—бѣшенными, неистовыми. Видимо турки, провѣдавъ о чемъ-то, рѣшились взять Шипку теперь же. Солдаты наши едва уже отбивались, рядами падая и умирая подъ ударами непріятеля. Нашъ огонь также убійственно дѣйствовалъ на турокъ, но толпы ихъ все прибывали, проходя вверхъ по тѣламъ своихъ павшихъ товарищей. Нѣкоторые рвы были съ верхомъ завалены ими, трупы грудями лежали между деревьями, тѣмъ не менѣе непритель упорно продолжалъ наступать, какъ-бы не чувствуя потерь.

— Какъ лѣзутъ-то — точно бѣлены обѣлились! острять солдатъ, но лица ихъ сохраняютъ серьезное, сосредоточенное выраженіе; видимо, они приносятъ эти остроты для того только, чтобы нѣсколько приободрить себя.

Съ каждою минутою положеніе защитниковъ Шипки становилось все тяжелѣе и тяжелѣе.

На „стальной“ батарее три нашихъ орудій были уже подбиты, но зато дважды были подбиты по два непріятельскихъ орудія на ихъ нижней батарее, поставленной на скатѣ Бердека, близъ шоссе.

Съ другой стороны, на Лысой горѣ у непріятеля дѣйствовали съ полудня уже восемь орудій.

Наши пока еще держались на всѣхъ пунктахъ. У каждаго на рукахъ еще оставалось немного патроновъ. Но еще двѣ, три атаки, — и всѣ патроны израсходуются. Какой конецъ ждетъ тогда защитниковъ?

А подкрѣпленій все нѣтъ и нѣтъ.

На горѣ Св. Николая мѣстами наступилъ уже критическій моментъ. Патроны у нѣкоторыхъ солдатъ израсходовались, а новыхъ взять неоткуда.

— Зачѣмъ вы здѣсь остаетесь? Вѣдь вы стрѣлять не можете, замѣчаютъ имъ офицеры.

— Такъ точно, ваше благородіе; для того мы и въ особую команду собираемся, чтобы, значить, работать штыками.

Какъ разъ подъ горою Св. Николая, на самой кручѣ, противъ нашихъ ложементовъ, застѣли турки за большими камнями и, выдвигая камни влево и вправо, удлиняли, такимъ образомъ, и уширили закрытіе, откуда они, безъ всякаго вреда для себя, поражали на выборъ противника, находившагося надъ ними. Убыль людей отъ ихъ мѣткого огня становилась все болѣе и болѣе ощутительною. Надо было принять рѣшительныя мѣры къ огражденію потерь на нашей сторонѣ, происходившихъ отъ горсти людей, такъ удачно выбравшихъ позиціи.

Пробовали-было вызвать охотниковъ, но рискъ былъ слишкомъ очевиденъ.

Въ минуту такой нерѣшимости, сознавая, однако, всю опасность и важность задачи, рядовой Леонъ Крудовъ, съ неразорвавшеюся турецкою гранатою въ рукѣ, выскочилъ изъ ложемента и со словами: „чтожъ-жъ, братцы, умирать, такъ умирать!“ бросился внизъ къ непріятельскому загражденію. Удаля Крудова воодушевила его товарищей: тридцать человѣкъ съ крикомъ „ура“ бросилось за нимъ. Крудовъ бросилъ гранату внизъ о камень, въ толпѣ у турокъ раздался взрывъ, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ повалились, причемъ и Крудову досталось отъ осколка, задѣвшаго его за щеку. Но наши тотчасъ же бросились въ штыки и, послѣ ожесточенной свалки, выбили непріятеля, большая часть котораго осталась на мѣстѣ.

Но вотъ еще болѣе тяжелая минута: у насъ всѣ артиллерійскіе снаряды, кромѣ картечи, разстрѣляны. Орудійная пальба становится рѣже.

На всѣхъ нашихъ позиціяхъ получается приказаніе кричать „ура“, для того что будто мы сами переходимъ въ наступленіе...

Зловѣще разносится это „ура“ по позиціямъ.

А турки въ отвѣтъ открываютъ еще болѣе усиленный и учащенный огонь.

Наступило два часа пополудни. Обѣщанныя подкрѣпленія не явились. Въ войска стало закрадываться отчаяніе.

Изъ бокового отряда къ полковнику Липинскому былъ присланъ офицеръ съ донесеніемъ, что при

большомъ числѣ раненыхъ въ отрядѣ и при вновъ прибывающихъ силахъ непріятеля *), наступающихъ на фланги „боковой горы“, удержать позицію на ней нѣтъ никакой возможности, если не будутъ присланы новыя подкрѣпленія.

Но, увы, въ резервѣ полковника Липинскаго находился одинъ лишь полувзводъ со знаменами!

Въ это же время въ тылу Сѣверной горы раздалась сильная стрѣльба. Непріятель, опрокинутый утромъ отъ тыла „круглой“ батареи, все время продолжалъ упорствовать въ намѣреніи овладѣть шоссе между „круглой“ батареей и нашимъ тыльнымъ укрѣпленіемъ, гдѣ были поставлены горныя орудія капитана Константинова. Густая цѣпь турокъ, хотя медленно, продолжала упорно подаваться впередъ, пользуясь всякимъ мѣстнымъ закрытіемъ. Число защитниковъ этой позиціи, поражаемыхъ огнемъ съ фронта и съ тыла (съ лѣснаго горнаго отрога, идущаго къ сѣверу отъ Лысой горы, почти параллельно шоссе), быстро уменьшалось. Теперь же непріятель пустилъ въ атаку, по направленію къ нашему тыльному укрѣпленію, массу черкесовъ; но они были пока отражены залпами 2-й стрѣлковой роты Орловскаго полка, подъ начальствомъ поручика Никифорова, и 6-ю ротой Брянскаго полка, а также картечью горной батареи.

Однимъ словомъ, вся позиція кругомъ была атакована непріятелемъ.

Видя безвыходность положенія праваго боковаго отряда, полковникъ Липинскій обратился за помощію къ начальнику передовой позиціи, полковнику графу Толстому, прося его прислать хоть одну роту. Такъ какъ послѣ двухъ часовъ пополудни энергія непріятеля противъ горы Св. Николая начала какъ будто ослабѣвать, то графъ Толстой напелъ возможнымъ послать полковнику Липинскому 1-ю линейную роту Брянскаго полка, которую послѣдній и поставилъ у себя въ резервѣ. Въ боковой же отрядѣ полковникъ Липинскій послалъ приказаніе держаться во что бы то ни стало, такъ какъ онъ получилъ записку отъ самого командира 4-й стрѣлковой бригады, генерала Цвѣ-

*) По сознанию самого Сулеймана-паши, онъ подкрѣпилъ въ это время свой отрядъ на Лысой горѣ еще пятью или шестью таборами.

цинскаго, что стрѣлковая бригада прибудетъ на Шипку черезъ два часа. Въ случаѣ же, если не будетъ уже никакой возможности держаться отряду на „боковой“ горѣ то полковникъ Липинскій указалъ ему отступать на перешеекъ, минуя фугасы, къ турецкой казармѣ, гдѣ былъ устроенъ временный перевязочный пунктъ, причемъ всѣ раненные должны немедленно занимать ложементы на перешейкѣ передъ среднею батареею. Тутъ же было приказано 7-го сапернаго батальона поручику Романову, чтобы онъ держалъ свою гальваническую батарею отъ фугасовъ наготовѣ.

Въ это время, въ тылу Сѣверной горы, черкесы повели новую, но самую энергичную атаку противъ горной батареи. Для пораженія черкесовъ во флангъ, часть 1-й роты Брянскаго полка, присланной полковнику Липинскому отъ графа Толстаго, открыла изъ резерва стрѣльбу залпами, по направленію на горную батарею, по атаковавшимъ ее черкесамъ, чѣмъ не мало способствовала отбитію и этой атаки.

Было уже четыре часа пополудни.

Подкрѣпленія опять не явились...

Положеніе наше становилось отчаяннымъ. Патроны у самыхъ скудныхъ на выстрѣлы солдатъ подходили уже къ концу. Картечь на батареяхъ тоже истощалась. Самихъ бойцовъ стало уже такъ мало, что для защиты позицій солдаты должны были перебѣгать съ мѣсто на мѣсто. Нѣкоторые же ложементы были уже совсѣмъ пусты и если еще держались, то только благодаря спокойствію уцѣлѣвшихъ сосѣднихъ частей.

Въ 4^{1/2} часа пополудни графъ Толстой, по приказанію генерала Столѣтова, выслалъ ему изъ своего резерва для защиты тыльной горной батареи двѣ роты 1-й дружины и одну роту 4-й дружины болгарскаго ополченія на круглую батарею, подъ начальствомъ командира 1-й дружины, полковника Кесякова. Роты эти, потерявши во время перехода отъ горы Св. Николая къ тыльной батарее болѣе половины своихъ наличныхъ людей, прибыли туда какъ разъ во-время и помогли протянуть еще нѣсколько времени оборону этой батареи противъ все сильнѣе и сильнѣе напиравшаго на нее непріятеля.

Въ то же время графъ Толстой, поручивъ вре-

менно командованіе передовою позиціею командиру 4-й дружины майору Рѣдкину, отправился самъ къ полковнику Липинскому, на правый флангъ, взявъ съ собою весь свой остальной резервъ: 2-ю линейную роту Брянскаго полка.

Прибытіе на правый флангъ графа Толстаго съ одною ротой Брянцевъ усилило резервъ главной позиціи настолько, что ближайшіе къ этому резерву ложементы были заняты надлежащимъ образомъ, причемъ еще осталась небольшая сомнутаая часть.

Тѣмъ не менѣе, положеніе вообще, а въ особенности же боковаго отряда, было критическое. Ясно было видно, какъ отсюда, въ продолженіе уже нѣсколькихъ часовъ, тянулись массы раненныхъ, направляясь къ временному перевязочному пункту.

Въ первой линіи ложементовъ, передъ фугасами, и даже въ резервѣ была также сильная убыль въ людяхъ, вслѣдствіе двѣнадцатичасоваго перекрестнаго огня по всей позиціи. Всѣ штабъ-офицеры Брянскаго полка и половина оберъ-офицеровъ были ранены и выбыли изъ строя. Ихъ должны были замѣнять въ ложементахъ не только фельдфебеля и унтер-офицеры, изъ которыхъ также многіе были ранены, но даже ефрейторы.

Прибывшій на правый флангъ графъ Толстой принялъ на себя повѣрку и управленіе правофланговыми ложементами.

На горѣ Св. Николая въ это время отбивалась отъ непріятеля лишь ничтожная горсть храбрецовъ, истощавшая послѣднія свои усилія. Тыльная наша

батарея едва уже держалась. Непріятель же усиливалъ свои атаки со всѣхъ сторонъ. Казалось, еще двѣ три минуты, и конецъ: Шипка будетъ опять турецкая.

А подкрѣпленія наши все-еще не приходили.

Что же такъ долго задерживало войска генерала Радецаго?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и уяснить себѣ дальнѣйшій ходъ событій на Шипкѣ, намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ, къ положенію дѣлъ за все это время въ тылу Шипки, въ Тырновѣ и Габровѣ, въ резервѣ 8-го корпуса.

Какъ мы уже знаемъ, генералъ Радецкій, получивъ 7-го августа, вечеромъ, одновременно два донесенія о появленіи непріятеля у Казанлыка и противъ Елены, приказавъ тотчасъ же Брянскому полку двинуться изъ Сельви на Шипку, и, направивъ генерала Драгомирова со 2-ю бригадою 14-й пѣхотной дивизіи на Златарицу (противъ Османъ-Базара), самъ съ 4-ю стрѣлковою бригадою двинулся подъ Елену,

гдѣ, по донесеніямъ генераль-майора Борейши, непріятель перешелъ въ рѣшительное наступленіе, причемъ подразумевалось движеніе арміи самого Сулеймана паши.

Такимъ образомъ, 8-го августа въ Тырновѣ совсѣмъ не оставалось войска. Въ Сельви же оставалась 1-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи (полки Минскій и Волянскій).

Сдѣлавъ 8-го августа около 40 верстъ (отъ Тырнова до Елены) и прибывъ въ тотъ же день

Генераль-майоръ Липинскій.

въ Елену, генераль Радецкий убѣдился, что тамъ лишь полное вооруженное возстаніе жителей, подержанное башибузуками и черкесами и только небольшою частью регулярныхъ войскъ *). Въ виду этого, генераль Радецкий, давъ указанія генералу Борейшѣ, направилъ 4-ю стрѣлковую бригаду съ перевала у Монастыря въ тотъ же день обратно въ д. Присово, а самъ отправился въ Златарицу.

Поздно вечеромъ 8-го августа генераль Радецкий получилъ въ Златарицѣ отъ генераловъ Столѣтова и Держинскаго донесенія, что вся армія Сулеймана-паши готова атаковать Шипку. Отправивъ немедленно, утромъ же 9-го августа, 2-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи изъ Златарицы обратно въ Череметь, генераль Радецкий прибылъ самъ, въ то же утро, въ Тырновъ, гдѣ засталъ депешу съ извѣстіемъ, что съ семи часовъ утра идетъ атака турокъ на Шипку. Деша была подписана генералами Столѣтовымъ и Держинскимъ.

— Надо идти, замѣтилъ Радецкий, и, обращая вниманіе на двойную подпись депеши, добавилъ: „Точно о трудно больномъ бюллетенѣ“. Затѣмъ, обращаясь къ генералу Драгомирову, сказалъ: „Вотъ Сулейманъ стукнулся въ запертую дверь“.

Не смотря на страшное утомленіе войскъ отъ только-что совершенныхъ ими переходовъ въ Златарицу и Елену и обратно, генераль Радецкий, давъ имъ лишь самый короткій отдыхъ, съ разсвѣтомъ 10-го августа двинулъ къ Габрову: 4-ю стрѣлковую бригаду съ двумя горными орудіями изъ Присова, 2-ю бригаду 14-й пѣхотной дивизіи со 2-ю и 3-ю батареями 14-й артиллерійской бригады изъ Черемета, оставивъ отъ этой бригады одинъ батальонъ Подольскаго полка въ Тырновѣ, для прикрытія обоза, госпиталя и города и оставшихся тамъ батарей. Кроме того, предписалъ: 2-й пѣхотной дивизіи князя Имеретинскаго, только-что прибывшей изъ-за Дуная, перейти изъ Мурадбея

*) Позади Елены, въ Казанѣ (Котель) были расположены четыре турецкихъ батальона, одна полевая батарея и три горныя орудія. Мегеметъ-Али-паша, предъ выступленіемъ Сулеймана-паши изъ Іени-Загры, предоставилъ послѣднему полное право располагать этими войсками по его усмотрѣнію. Этимъ и объясняется демонстрація турокъ противъ Елены при движеніи арміи Сулеймана-паши къ Шипкѣ.

(Мрадего) въ Сельви, откуда, по прибытіи ея, тотчасъ же направить къ Габрову и 1-ю бригаду 14-й дивизіи съ 4-ю батареею 14 артиллерійской бригады.

Самъ генераль Радецкий, сѣвъ на коня, выѣхалъ изъ Тырнова въ пять часовъ утра того же дня (10-го августа), въ сопровожденіи генерала Драгомирова, начальника штаба 8-го корпуса генерала Дмитровскаго и прочей своей свиты.

Предстояла великая цѣль: во что бы то ни стало выручить защитниковъ Шипкинскаго перевала. Выручка своихъ на войнѣ—первая обязанность военачальника. Понятно, слѣдовательно, то чувство, которое овладѣло всѣми, начиная отъ корпуснаго командира и до послѣдняго солдата, когда они выступили утромъ 10-го августа изъ Тырнова на Шипку.

Военная исторія оцѣнитъ по достоинству замѣчательный маршъ Радецкаго на выручку Шипки. Всѣ трудности этого дѣла намъ будутъ сразу понятны, если мы припомнимъ, что отъ Тырнова до Шипкинскаго перевала 60 верстъ, отъ Черемета до перевала 68 верстъ, отъ Присова до перевала 52 версты, причемъ къ самому перевалу послѣднія 12 версты предстояло подниматься по чрезвычайно крутому подъему. Прибавьте къ этому еще необыкновенно жаркую погоду и страшное утомленіе войскъ отъ длинныхъ предъидущихъ переходовъ, и тогда будетъ вполне понятно, какихъ трудовъ стоила войскамъ выручка Шипки.

Для довершенія картины обстановки этого движенія, намъ необходимо еще упомянуть о томъ, что тотчасъ же по полученіи извѣстія о нападеніи турокъ на Шипку въ Тырновѣ и Габровѣ поднялась неописанная паника. Оба эти города были переполнены бѣглецами болгарами, удаленными генераломъ Столѣтовымъ съ Шипкинскаго перевала. Мѣстные жители, въ свою очередь, бѣжали или собирались бѣжать въ Систово. По сторонамъ дороги бѣглецы эти стояли шпалерами вплоть до самаго Габрова, прося у войскъ милостыни и оглашая воздухъ воплями отчаянія и просьбами о защитѣ.

Можно сказать съ увѣренностью, что русскіе солдаты еще съ большею серьезностью относились къ дѣлу выручки Шипки потому, что они съ сердца-ми, полными состраданія, и со словами утѣшенія

проходили мимо этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, приютившихся вдоль дороги, и которымъ дѣйствительно грозило страшное бѣдствіе, въ случаѣ прорыва черезъ Шипку арміи Сулеймана-паши. Торопясь на Шипку, наши великодушные солдаты высыпали хлѣбъ изъ своихъ мѣшковъ на колѣни голоднымъ болгарскимъ женщинамъ и дѣтямъ, хотя сами оставались безъ пищи и даже не знали, когда имъ придется снова ѣсть. Они шарили по карманамъ, вытаскивая послѣдніе мѣдные гроши, сбереженные на водку или табакъ, а можетъ быть и для своихъ малютокъ на далекой родинѣ, и отдавали ихъ, вмѣсто того, исхудалымъ дѣтямъ бѣдныхъ бѣглецовъ, сопровождая свою милостыню шуткою, чтобы скрыть слезу.

Генераль Радецкий, всегда спокойный, ѣхалъ молча и, достигнувъ перекрестка дорогъ у Дренова, остановился, чтобы пропустить мимо себя 4-ю стрѣлковую бригаду.

Знаменитые стрѣлки, столько разъ уже разбившіе непріятеля во время набѣга генерала Гурко за Балканы и прозванные турками кара-аскерами—„черными солдатами“, за то что носили черныя суконныя штаны, тогда какъ у солдатъ другихъ нашихъ частей были бѣлыя лѣтніе штаны, — эти храбрые стрѣлки находились теперь въ ужасномъ состояніи. Возвратившись изъ-за Балкановъ оборванными, измученными и истощенными, съ опухшими ногами, стрѣлки расположились было въ Тырновѣ съ цѣлью отдохнуть отъ похода и оправиться. Но не успѣла еще пройти опухоль на ихъ ногахъ, какъ ихъ опять двинули подъ Елену, а оттуда обратно въ Тырновъ, и теперь вотъ вели ихъ во главѣ подерѣпленій на Шипку.

Стрѣлки шли безъ ранцевъ, налегкѣ. На нихъ были шапки потертыя, съ поломанными козырьками; мундиры порванные или пожженные отъ костровъ; на нѣкоторыхъ, вмѣсто черныхъ штановъ, надѣты были синіе турецкіе. Многие были безъ сапогъ: ноги просто обмотаны тряпками, а поверхъ нихъ надѣты лапти или болгарскія опанки.

Не смотря на то, стрѣлки шли хотя и тихо, но стройно. Люди глядѣли серьезно; они точно сознавали, что имъ предстоитъ не легкое дѣло.

Какъ только подошла головная часть стрѣлковъ, на невозмутимомъ всегда лицѣ генерала Радецкаго усилился нѣсколько румянецъ.

— Хорошо, братцы, идете, сказалъ имъ Радецкий. — Сегодня вы помѣритесь съ врагомъ.

— Постараемся, ваше превосходительство! — отвѣтили сильно уже утомленные стрѣлки.

Между тѣмъ становилось очень жарко. Солнце сильно пекло. На небѣ—ни одного облачка и хоть бы откуда нибудь подулъ вѣтерокъ.

Выйдя на шоссе, стрѣлки разомкнулись, стали правильнѣе идти, шагъ сдѣлался пошире. Но шоссе постепенно перешло въ предгорія Балкановъ, подъемы сдѣлались круче и труднѣе, вной все становился невыносимѣе, и идти людямъ было все тяжелѣе.

Толпившіеся по сторонамъ болгары сотнями подходили къ войскамъ и предлагали имъ кувшины, наполненные водою, которую солдаты пили съ жадностью.

Къ полудню жара дошла до 30 градусовъ по Реомюру. Духота въ воздухѣ сдѣлалась нестерпимою; идти многимъ было не въ ногу, и люди начали массами падать по дорогѣ. Еще до Дренова болѣе сорока человекъ подверглись солнечному удару, отъ котораго шесть человекъ уже умерли.

Но всего труднѣе было идти по этой убійственной жарѣ полкамъ 14-й пѣхотной дивизіи. Они шли съ шинелями, ружьями, сухарями и ранцами за плечами. Это для нихъ былъ настоящій „суворовскій“ переходъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у Суворова люди шли безъ всякой ноши. Уже подъ самымъ Тырновомъ лежали у дороги оставшіе солдаты этой дивизіи, большею частью пораженные солнечнымъ ударомъ, съ распаренными красными лицами, остеклѣвшими полупомѣшанными глазами и безсильно раскинутыми руками. Видимо, не хватило силъ даже ранцы съ себя сбросить. Гдѣ одинъ, гдѣ два. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, а верстахъ въ двѣнадцати отъ Тырнова уже разбросаны вдоль дороги точно шпалерами. Около каждаго солдата суетились болгарки: одна обливала ему голову водою, другая поила. Отлежится, встанетъ бѣдняга и опять побредетъ впередъ.

Верстахъ въ пятнадцати отъ Тырнова въ Житомирскомъ полку выбыло отъ солнечнаго удара до ста человекъ. Солдаты валялись у дороги въ страшной агоніи, испуская стоны и дикіе вопли. Нѣ-

которые корчились въ страшныхъ судорогахъ; другіе лежали въ истомѣ почти уже омертвѣвшіе. Солдаты здоровые, отдохавшіе около, тоже были изморены до невозможности.

— Должно быть, очень скверно на Шипкѣ! разговариваютъ между собою офицеры.

— А что?

— Радецкій знаетъ, что лучше здѣсь положить сто солдатъ, чѣмъ тамъ потерять нѣсколько полковъ. Повѣрьте, онъ спѣшить не даромъ.

Потомъ это предположеніе оправдалось вполне.

Чтобы хотя сколько нибудь облегчить движеніе частей, въ Дреновѣ было собрано около 240 подводъ, запряженныхъ волами, изъ которыхъ 120 было отдано подъ стрѣлковую бригаду и такое же число подводъ подъ 14-ю дивизию. На эти подводы были посажены наиболѣе изнеможенныя люди. Отдохнувши, люди эти смѣнялись другими.

Въ Царво-Ливада генераль Радецкій приказалъ генеральнаго штаба капитану Мальцеву ѣхать на Шипкинскій перевалъ, узнать о положеніи дѣлъ и пріѣхать въ Габрово для доклада.

Не смотря на всѣ усилія самихъ солдатъ и ихъ начальниковъ, войска достигли, и то лишь къ утру слѣдующаго дня, только до Габрова, причѣмъ, однако, стрѣлковая бригада сдѣлала въ теченіи этихъ сутокъ, съ короткими привалами, 40 верстъ, а 2-я бригада 14-й дивизіи—56 верстъ.

Стрѣлковая бригада пришла въ Габрово въ два часа пополудни, въ ночь съ 10-го на 11-е августа, а 2-я бригада 14-й дивизіи—въ семь часовъ утра 11-го августа. Солдаты были такъ утомлены, что на мѣстѣ ночлега не поставили даже палатокъ и расположились на отдыхъ голодные; отъ усталости рѣдкій даже пожевалъ сухарей.

Генераль Радецкій сначала полагалъ, что войска къ полудню 11-го августа поспѣютъ на перевалъ, но теперь объ этомъ нельзя было и думать.

Ночью генераль Радецкій получилъ съ Шипки извѣстіе, что все 10-е число прошло въ горячей перестрѣлкѣ, но что штурмы батарей и траншей турками не повторялись.

Въ виду этого обстоятельства, а также чрезвычайнаго утомленія войскъ, предположено было начать выступленіе изъ Габрова на Шипку не ранѣе шести часовъ по-полудни того же 11-го августа.

Между тѣмъ въ Габровѣ происходила неописанная паника. Агенты товарищества по продовольствію арміи бѣжали изъ города. Множество бѣжавшихъ съ Шипки болгарскихъ семействъ запряжали рѣшительно всѣ улицы и закоулки городка. Масса раненыхъ русскихъ и болгаръ ополченцевъ наполняли всѣ лазареты и частныя квартиры. Сверху то и дѣло приходили вѣсти, что турки яростно и по нѣскольку разъ лѣзутъ на высоты что нѣкоторыя высоты уже заняты ими; что гора Св. Николая съ трудомъ удерживается нами. Коменданта города Габрова, капитана Маслова, положительно рвали на части; домъ его съ утра и до утра переполнялся разнообразною публикою.

Вдругъ, еще до разсвѣта 11-го августа, въ сторонѣ послышалась страшная артиллерійская пальба. Съ балконовъ габровскихъ домовъ ясно были видны даже клубы дыма, вылетающіе изъ артиллерійскихъ орудій. Была ли это просто перестрѣлка, или турки снова полѣзли на штурмъ,—разобрать было невозможно. У всѣхъ сердце замирало отъ неизвѣстности. А усталые и измученные длиннымъ переходомъ солдаты спали тутъ же крѣпкимъ сномъ.

Генераль Радецкій всталъ рано утромъ. Часу въ седьмомъ утра, къ корпусному командиру, по его требованію, явился съ перевала генераль Дерожинскій. Предчувствіе чего-то очень недобраго было видно на его смугломъ, серьезномъ лицѣ.

Генераль Дерожинскій доложилъ о критическомъ положеніи защитниковъ перевала, о томъ, что послѣдній обстрѣливается непріателемъ съ трехъ сторонъ; что турки обходятъ нашу позицію, что они съ 4-хъ часовъ утра ведутъ настойчивые приступы и что положеніе защитниковъ настолько тяжело и опасно, что требуется немедленная отправка свѣжихъ силъ.

Генераль Радецкій, выслушавъ докладъ, приказалъ Дерожинскому немедленно ѣхать на перевалъ и объявить войскамъ, защищавшимъ его, что онъ скоро выступаетъ на Шипку.

Ровно въ девять часовъ утра прискакалъ съ перевала ротмистръ драгунскаго полка, прикомандированный къ дружинамъ болгарскаго ополченія.

— Ну, что? спросилъ его спокойно Радецкій.

— Дѣла весьма плохи; турки настойчиво атакуютъ шоссе; нашъ тылъ обстрѣливается уже на

двѣ версты отъ тыльной батареи; на позицію надо входить подъ выстрѣлами... отвѣтилъ ротмистръ.

— Я скоро выступаю... До прихода продѣржитесь!

— Трудно ручаться...

Корпусный командиръ послалъ его на Шипку и отдалъ приказаніе 4-й стрѣлковой бригадѣ и части 14-й пѣхотной дивизіи готовиться къ выступленію.

Люди закопошились.

Ровно въ 10 часовъ съ позиціи прискакалъ полковникъ Денпрерадовичъ.

— Ну, что? спросилъ его Радецкій.

— Идите скорѣе, ваше превосходительство.. Войска на Шипкѣ третій день ѣдятъ только сухари... Люди измучились... Патроны выходятъ... Турки яростно лѣзутъ на высоты!..

— Наши, конечно, продержатся до моего прихода? спокойно спросилъ Радецкій.

— Продержатся, за это ручаюсь!

— Ну, вотъ—это хорошо!

На лицѣ генерала Радецкаго появилась какая-то мягкая улыбка. Это былъ чуть-ли не единственный отвѣтъ, утѣшавшій и обнадеживавшій.

— Поѣзжайте наверхъ, сказалъ ему Радецкій, и скажите, что черезъ полчаса я выступаю.

Денпрерадовичъ поскакалъ на позицію.

Такимъ образомъ, войскамъ не пришлось отдохнуть въ Габровѣ какъ слѣдуетъ. Кто-то замѣтилъ, что не лучше ли послать кого-нибудь изъ генераловъ на Шипку съ головными частями подкрѣпленія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ генераль Радецкій, ужъ лучше я самъ пойду со стрѣлками.

Въ 11 часовъ утра стрѣлки выступили изъ Габрова. За ними, въ шесть часовъ по-полудни, должны были выступить полки 14-й дивизіи. Самъ генераль Радецкій выступилъ въ часъ дня.

За ночь стрѣлки немного поотдохнули, утромъ успѣли даже закусить и потому теперь нѣсколько приободрились.

Итакъ, первый актъ великаго дѣла—выручки своихъ—былъ исполненъ. Оставалось сдѣлать до Шипки 18 верстъ; но, увы, эти-то версты и были самыя трудныя!

Дорога отъ Габрова идетъ верстъ семь узкимъ

ущельемъ, но на седьмой верстѣ, отъ фонтана, начинаются крутые и длинные подъемы на самый перевалъ и тянутся верстъ на 12 до Св. Николая.

Жара 11-го августа стояла еще невыносимѣе, чѣмъ въ первые два дня. Солнце ярко блестяло. Скалы, окаймляющія шоссе, накалились до невыносимости и дѣлали духоту на дорогѣ невыносимою. Къ тому же ущелье было запружено бѣглецами-болгарами. Въ воздухѣ ни малѣйшаго вѣтерка. Пыль мѣстами стояла, словно туманъ, безъ всякаго движенія, затрудняя дыханіе людей.

Стрѣлки съ самаго начала подвигались чрезвычайно медленно. Недостатокъ отдыха, усиленные переходы 8-го и 9-го августа и особенно трудный маршъ отъ Присова до Габрова въ знойный день—въ-конецъ обезсилили людей. Стрѣлки три часа употребили, чтобы пройти только габровское ущелье, т. е. какихъ-нибудь шесть, семь верстъ. Уже на второй верстѣ многіе до-того устали, что садились по сторонамъ дороги, совершенно равнодушные ко всему, происходившему вокругъ.

Между тѣмъ еще отъ самаго города начали встрѣчаться раненые, кое-какъ плетущіеся съ перевала. Число ихъ съ каждымъ шагомъ увеличивалось все болѣе и болѣе. Многіе изъ нихъ шли сами, нѣкоторые несли даже съ собою ружья; другихъ вели подъ руки или везли верхомъ на лошадахъ болгары.

Еле-переводившіе духъ отъ усталости стрѣлки осаждали раненыхъ вопросами.

Стрѣлки подбираются и идутъ впередъ.

— „Ура!“—вдругъ грянуло въ толпахъ стрѣлковъ.

— Что такое?

— А вонъ—„она“!..

Впереди, высоко въ синевѣ неба, за крутымъ изгибомъ лѣснаго хребта, показалась крутая вершина Св. Николая. Вся она въ дыму. Оттуда слышится частый грохотъ орудій. Казалось, громъ пушекъ раздастся съ облаковъ.

— „Ура!“—подхватываютъ новыя толпы стрѣлковъ, и гулко бѣжитъ оно по габровскому ущелью.

Солдаты точно обрадовались. Съ утра имъ твердили: „Скорѣе, скорѣе, тамъ умираютъ, думаютъ отступить, если не придетъ во-время“. Понятно, что все это дрогнуло отъ внезапнаго порыва, увидавъ

мѣсто, гдѣ стойко бьются Орловцы и Брянцы съ дружинами, бьются и таютъ каждымъ часомъ. Солдаты идутъ и глазъ отъ вершины не отводятъ... Сердце бьется сильно, хочется каждому скорѣе добѣжать туда, пристроиться къ этимъ умирающимъ рядамъ, уже трое сутокъ выдерживающимъ бой одного противъ десяти... Хочется крикнуть имъ: „стойте еще часа три — и мы будемъ съ вами“... Лихорадочное нетерпѣніе увеличивается въ рядахъ солдатъ.

— Дали-ли имъ знать, что идемъ?

— Знаютъ ли они?... Казаковъ бы послать, — волнуются стрѣлки.

Вонъ впереди показался казакъ на взмыленной лошади. Во весь опоръ мчится впередъ.

— Гдѣ корпусный?

— А что?..

— Помочь скорѣе нужно. Не выстоимъ: больно пруть...

Большое чувство все растеть и растеть... Ну, какъ опоздаемъ?.. А что, если все уже кончено?..

— Ну, что?.. какъ дѣла? — встрѣчаютъ другъ друга казака.

— Не выстоять... Со всѣхъ сторонъ, братцы!.. валомъ валить...

— Ужли отдадутъ Орловцы?..

— И рады бы не отдать, да нашихъ мало стало...

Это „нашихъ мало“ быстро пробѣгаетъ по рядамъ. Солдаты подтягиваются, идутъ скорѣе, точно добѣжать хотять... „Нашихъ мало стало“, раскатывается отъ переднихъ рядовъ къ заднимъ. „Вогъ милостивъ... Авось еще часокъ-другой выстоятъ... Вѣсть бы имъ послать, что мы идемъ“..

Но, увы, силы покидаютъ стрѣлковъ. У конца ущелья, у подъема на перевалъ, всѣ стрѣлки полегли... Усталость была общая.

Было два часа пополудни. Къ головной части стрѣлковъ подъѣхалъ генералъ Радецкій.

— Ну, съ Богомъ! — сказалъ онъ стрѣлкамъ...

Люди начали вставать и шагъ за шагомъ поплылись на подъемъ.

Тяжко, невообразимо тяжело было взбираться на подъемъ. Измученные отъ физическаго и нравственнаго напряженія люди садились и ложились, пройдя какихъ нибудь сорокъ-пятьдесятъ шаговъ.

А тамъ, на высотахъ, всего въ какихъ нибудь семи, восьми верстахъ впереди, турки яростно бьютъ

ся съ горстью русскихъ... Какой-то неопредѣленный шумъ, точно грохотъ артиллеріи, залпы тысячъ ружей и крики одолаивающаго непріятеля смутно доносятся сюда, и до всего этого никакъ не могутъ добраться наши солдаты...

Стрѣлки тяжело работали ногами; шапки на бекрень; потъ градомъ лился съ загорѣлыхъ, измученныхъ лицъ... Мундиры всѣ разстегнуты... Груды обнаженные и покрыты каплями крупнаго пота... Утомленіе было страшно! Но по мѣрѣ приближенія къ перевалу и по мѣрѣ того, какъ выстрѣлы и шумъ съ позицій доносились все явственнѣе и явственнѣе, лица стрѣлковъ принимали все болѣе и болѣе серьезное выраженіе. На нихъ была уже замѣтна злоба къ противнику.

— Скорѣе, братцы, скорѣе! — кричитъ на лету казакъ, стремглавъ спускаясь внизъ на конѣ.

— Идемъ... Торопимся и то...

— Не ѣли ничего... сообщаетъ другой. Все отбиваемся... Понатужтесь, братцы...

— Идемъ, идемъ...

И по мѣрѣ того, какъ росла тревога, все молчаливѣе и сосредоточеннѣе становились солдаты. Крикнетъ одинъ: „продержатся ли“?.. И опять наступятъ, только больше шаги стараются дѣлать, да ружья подтягиваютъ.

А тутъ какъ нарочно перевалъ за переваломъ, лощина за лощиною. Изморились страшно. Даже съ командиромъ 2-й бригады 14-й дивизіи, генераломъ Петрушевскимъ, сдѣлался солнечный ударъ. Не задумываясь, онъ пошелъ подъ фонтанъ, изъ котораго била холодная вода: — этимъ только и спасся.

Наступилъ уже пятый часъ пополудни. До позиціи всего оставалось верстъ пять, шесть. Уже ясно былъ видѣнъ артиллерійскій огонь, и стали отчетливо слышаться и ружейные залпы.

— Иди, иди, братцы... обращался къ людямъ Радецкій: — сегодня будетъ того... смотрите!

Наконецъ солдаты достигли первой турецкой караулки на перевалѣ, гдѣ стояли артиллерійскія и обозныя лошади шипчинскаго отряда, убранныя съ позиціи изъ-подъ убійственнаго огня. Стрѣлки пришли въ окончательное изнеможеніе и тутъ же всѣ попадали. Было безъ двадцати минутъ шесть.

Вдругъ, съ высотъ перевала, на шоссе показался

скачущій всадникъ. Всѣ притаили дыханіе, съ замيرانіемъ сердца ожидая, что онъ повѣдаетъ...

Всадникъ поровнялся съ корпуснымъ командиромъ. Это былъ храбрый маіоръ Поповъ, прикомандированный къ болгарскому ополченію.

— Ради Бога спѣшите! — почти крикнулъ онъ.

— Ну, что? — спокойно спросилъ его Радецкій.

— Очень тяжелое положеніе, — запыхавшись объяснилъ маіоръ Поповъ. — Люди въ отчаяніи, что помощь не идетъ.

— До вечера продержитесь? — спросилъ корпусный командиръ.

— Трудно ручаться, — отвѣтилъ почти съ отчаяніемъ Поповъ: — турки заняли обѣ Лысыя горы и спускаются на нашу позицію... Гора Николай легко можетъ быть отрѣзана.

Генералъ Радецкій сдѣлался очень серьезенъ. Положеніе, казалось, было безвыходное. Тамъ, на перевалѣ, несомнѣнно было очень тяжело. Но и здѣсь тоже не легче... Стрѣлки не въ состояніи были немедленно явиться на перевалъ, а между тѣмъ оставалось всего какихъ нибудь четыре версты...

Вдругъ новая мысль пришла въ голову... Исходъ найденъ!

Генералъ Радецкій приказалъ посадить стрѣлковъ на коней, что стояли подлѣ турецкой караулки. Мгновенно мысль эта облетѣла стрѣлковъ.

— Стрѣлковъ на лошадей велѣно сажать!..

— Стрѣлки на лошадей!.. громко разносится команда.

— Садитесь по-двое на одну!

Радостное чувство охватило стрѣлковъ. Тотчасъ же начали разбираться коней и садиться по-двое и по-трое на одну лошадь, такъ какъ послѣднихъ было немного.

Усталости и унынія — какъ и не бывало. Пошли разные шутки и остроты.

На лошадахъ были отправлены впередъ люди 16-го стрѣлковаго батальона. За ними двинулся взводъ горной батареи Орлова.

Часть стрѣлковъ пошла тоже впередъ пѣшкомъ — это были отборные ходоки.

Двѣ сотни (1-я и 5-я) Донскаго № 23-го полка полковника Ранглая были отправлены впередъ, съ приказаніемъ спѣшиться и тотчасъ же выслать ло-

шадей для подвоза на позицію остальныхъ стрѣлковъ.

Вслѣдъ затѣмъ поскакалъ на позицію самъ генералъ Радецкій.

Вернемся теперь къ положенію дѣлъ въ нашемъ шипчинскомъ отрядѣ съ того момента, какъ мы оставили его.

На позиціи стоялъ невообразимый шумъ; слышались воинственные крики тысячей людей. Громъ орудій былъ ужасный, точно горы заговорили. Стрѣлба непріятельская приняла яростный, бѣшеный характеръ. Противникъ стрѣлялъ со всѣхъ своихъ батарей безъ умолку. Ружейные залпы слѣдовали одинъ за другимъ. Турки облѣпили нашу позицію со всѣхъ сторонъ.

Защитники Шипчи въ нѣкоторыхъ пунктахъ уже и не отбивались. Черные отъ пороха и загара, солдаты были до невѣроятной степени измучены жаромъ, голодомъ и жаждою. Три дня не было варки, а воды теперь совсѣмъ не было въ русскихъ рядахъ. Турки заняли всѣ спуски къ ручьямъ и фонтанамъ. Вѣдники лежали въ изнеможеніи на обнаженной позиціи, равнодушно относясь къ обстрѣливанію пулями. Другіе дрались какъ львы, но большая часть уже отбивались машинально, механически и, вынужденные къ отступленію, мрачно и сердито пятились. Извѣрились солдаты въ поддержку своихъ и умирали на своихъ постахъ съ горькимъ чувствомъ брошеннаго и забытаго бойца. Горы и долины оглашались уже торжествующими криками турокъ: „Аллахъ-иль-Аллахъ“! Турецкіе наши развѣзжали на лошадахъ позади своихъ рядовъ и подбадривали отстававшихъ; турецкіе офицеры пристрѣливали тѣхъ изъ своихъ, кто бѣжалъ. Казалось еще одно усиліе — и Шипча будетъ турецкая!

А подкрѣпленій нашихъ все-еще не было видно.

Въ пять часовъ по полудни положеніе нашего отряда впереди праваго фланга, на „боковой“ горѣ, сдѣлалось невозможнымъ. Державшаяся еще на горѣ горсть этого отряда, дравшагося подъ-рядъ двѣнадцать часовъ противъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, начала, наконецъ, отступать кучками, вынеся предварительно большую часть раненыхъ и подбирая съ собою послѣднихъ. Почти

всѣ офицеры этого отряда, бывшіе въ боевой линіи, были убиты или ранены. Возвращавшіяся роты представляли изъ себя небольшія перемѣшанные по полкамъ группы людей.

Турки, занявъ „боковую“ гору, наступали медленно къ опушкѣ лѣса, окаймляющагося на половинѣ горы. Полковникъ Липинскій приказалъ открыть изъ ложементовъ праваго фланга огонь залпами. Залпы эти были столь дружны, что неприятель, не дойдя до опушки, остановился въ лѣсу, на покатости боковой горы, обращенной къ намъ.

Помощи, однако, все-еще не было видно.

Положеніе защитниковъ сдѣлалось болѣе чѣмъ критическое. На батареяхъ всѣ артиллерійскіе снаряды, кромѣ картечи, были уже разстрѣляны. На тыльной горной батарее и картечь уже израсходовалась. Ружейные патроны у солдатъ также вышли, у нѣкоторыхъ осталось только по два патрона на брата, но ихъ надо было приберечь для крайности. Ружья годились теперь только для рукопашнаго боя.

Страшная минута быстро шла на встрѣчу защитникамъ Шипки. Опоздай наши подкрѣпленія еще на полчаса или на часъ—и Шипка навсегда потеряна. Утомленные бойцы изрѣдка пристально всматриваются назадъ, вдоль на дорогу изъ Габрова, но она оставалась попрежнему пустынною и безлюдною. Если что и шевелилось на ней, такъ это партіи черкесовъ, пробиравшихся къ намъ въ тылъ. Очевидно было, что неприятель приготовилъ уже кавалерію для нашего преслѣдованія.

Наступила тяжелая, роковая минута. Солдаты тѣснѣе жались другъ къ другу. На батареяхъ, лежавшихъ надъ ними, происходило что-то непонятное, страшное. Орудія молчатъ, ружейныхъ выстрѣловъ не слышно, солдаты суетятся, бѣгутъ, а надъ всѣмъ этимъ разносится непрерывно и громко: „алла, алла!“

На нашей „стальной“ батарее, на горѣ Св. Николая, за убылью людей и израсходованіемъ всѣхъ патроновъ и снарядовъ, огонь былъ окончательно прекращенъ. Поощряемые этимъ безмолвіемъ, турки съ величайшею смѣлостью кинулись на приступъ этой важной позиціи. Они уже находились близко къ вершинѣ, какъ вдругъ рус-

скіе, вышедши изъ своихъ ретраншементовъ, осыпали ихъ градомъ каменныхъ глыбъ, бревенъ и прочаго, отбросивъ ихъ въ глубину той долины, изъ которой они выступили. Нѣсколько турецкихъ смѣльчаковъ, взобравшихся было на вершину, были проколоты штыками и также полетѣли внизъ. Въ теченіи часа русскіе защищались этими странными снарядами; когда же у нихъ не хватило большихъ камней, они стали швырять въ турокъ сломанныя ружья, глыбы земли, патронташи, набитые камнями и проч. Тѣмъ не менѣе, турки, поощряемые своими офицерами, неотступно лѣзли на скалу. Солдаты наши пугливо оглядываются на смолгнувшія батареи.

Почти около шести часовъ пополудни шесть турецкихъ таборовъ подобрались къ тыльному ложементу, позади горной батареи. Турки кричали снизу по-русски, чтобы по нимъ не стрѣляли, что идутъ-де „свои“. Дѣйствительно, съ одной стороны ожиданіе подкрѣпленій, а съ другой стороны—Богъ знаетъ откуда взявшееся предположеніе, что часть нашихъ подкрѣпленій, можетъ быть, пошла въ обходъ:—все это произвело нѣкоторое колебаніе. По приближавшимся туркамъ, принимая ихъ за своихъ, не стрѣляли. Сомнѣніе, однако, продолжалось не долго: турки, съ крикомъ „алла“, открыли стрѣльбу и пошли впередъ.

— Картечную гранату! — командуетъ громко Константиновъ, замѣчая начавшуюся панику, и въ то же время, обращаясь къ поручику Лихачеву—говорить: у меня нѣтъ ни одного снаряда.

Вдругъ раздается страшный крикъ: „взяли, взяли!“...

— Никакъ бѣгутъ наши!.. съ ужасомъ замѣчаютъ другіе.

Дѣйствительно, произошло нѣчто ужасное.

Масса раненыхъ, давно уже запрудившихъ шоссе и тянувшихся по направленію къ горной батарее мимо Сѣверной горы, не могла произвести хорошаго впечатлѣнія на войска, отчаянно дравшіяся въ продолженіи дня, подъ градомъ неприятельскихъ пуль, и остававшіяся цѣлый день безъ пищи и воды, такъ что вскорѣ за массою раненыхъ потянулась съ позиціи горсть отступившаго съ „боковой“ горы отряда, по шоссе мимо „круглой“ батареи, полагая, что началось общее отступленіе.

За ними начали отступать кучки людей и съ многихъ другихъ пунктовъ.

Но отступленія, въ сущности, и не могло уже быть. Турки были слишкомъ близко отъ насъ. Черкесы стояли уже на флангахъ наготовѣ. Дорога въ тылу позиціи давно уже обстрѣливалась перекрестнымъ огнемъ. Лошадей на позиціи для перевозки орудій не было.

Минута была, по-истинѣ, ужасная.

Для предупрежденія несчастія, полковникъ Липинскій попросилъ графа Толстаго остаться на правомъ флангѣ, для поддержанія порядка въ ложементахъ, а самъ съ 20-ю человекъ бросился на шоссе объяснять людямъ, что отступленія нѣтъ и что всѣ должны идти занимать убывшія мѣста въ ложементахъ. Тогда смѣшанная толпа, человекъ

Генераль-маіоръ Дерожинскій.

150 обоихъ полковъ и дружины бросилась къ ложементамъ; къ нимъ примкнули и легко раненые.

Оставивъ съ командою здѣсь, на шоссе, фельдфебеля, полковникъ Липинскій бросился на „круглую“ батарею, гдѣ нашелъ возвращавшуюся къ орудіямъ прислугу, такъ какъ оказалось, что, по недоразумѣнію, командиръ батареи, полковникъ Бенецкій, предполагая начавшееся общее отступле-

ніе и не имѣя снарядовъ, счелъ нужнымъ вынуть замки отъ орудій и очистить батарею. Замѣтивъ тотчасъ свою ошибку, онъ бросился бѣгомъ на батарею вмѣстѣ съ прислугою и снова вставилъ замки, но тутъ же былъ убитъ наповаль, пулею въ лобъ.

На горѣ Св. Николая тоже произошла суматоха. Кругомъ уже турки. Нужно отступать. Болгары тащатъ пушки. Уже отошли, какъ вспомнили, что ра-

ненный офицеръ остался на батарее. Подходить къ нему. Тотъ самъ не можетъ встать.

— Пристрѣлите меня, — умоляетъ онъ. Если бы его понесли, то турки перебили бы медленно идущихъ людей. Они уже очень близко, но приостановились пока. Нужно отступить скорѣе.

— Мы къ вамъ принесемъ револьверъ.

Оставили его на батарее. Спустя нѣсколько минутъ, солдатикъ приноситъ ему револьверъ.

— Ну, уходи самъ... едва говоритъ офицеръ. Прощай. Подойдутъ турки — застрѣлюсь.

— Зачѣмъ уходить, ваше благородіе. Садись ко мнѣ на спину.

— Что ты, съ-ума сошелъ?

— Садись, говорю, растабарывать некогда. Солдатъ вваливаетъ офицера на спину. Только-что сдѣлали нѣсколько шаговъ — пули засвистѣли кругомъ.

— Такъ будетъ не ладно. Убьютъ тебя... сообразилъ солдатъ. Ты у нихъ подъ выстрѣлами.

Взялъ офицера впередъ, себѣ на руки, и, подставивъ турецкому огню собственную спину, дошелъ до нашихъ линій невредимый.

— Никогда я тебя не забуду... чуть не плакалъ спасенный офицеръ.

— Я и револьверъ-то вашъ захватилъ. Что ему пропадать!

— Стоило!..

— Вы только ваше благородіе за грубость простите. Тамъ некогда разговаривать было.

Съ тыльной батареи также начали уже снимать орудія и свовить внизъ, по направленію къ Габрову. Туда же потянулись мимо тыльной батареи толпы изнуренныхъ и окровавленныхъ людей.

Минуты Шипки были сочтены.

— Пальба залпами! — командуетъ на тыльной батарее молодой оберъ-офицеръ, стоя у траншеи и обращаясь къ оставшейся на позиціи сборной командѣ изъ Орловцевъ и Брянцевъ, челоуѣкъ въ двѣсти. А пули такъ и свистятъ кругомъ. Непріятель былъ уже въ восьмистахъ шагахъ, поднимаясь къ батарее въ нѣсколько стрѣлковыхъ цѣпей, а за ними, шагахъ въ двухстахъ, виднѣлись пять или шесть колоннъ пѣхоты, шедшихъ въ правильномъ порядкѣ.

Исходъ для батареи былъ очевидный...

Во время суматохи перевязочный пунктъ также бѣжалъ; остался только одинъ докторъ Коньковъ. Съ Коньковымъ остался поваръ болгарскаго ополченія, русскій солдатъ. „Чего-жъ ты не уходишь?“ — спрашиваютъ его. — „А какъ же посуда будетъ, ваше высокоблагородіе?“

Между тѣмъ полковникъ Липинскій, возвратившись къ правофланговымъ ложеамтамъ предъ „боковой горою“, приказалъ на время прекратить залпы, чтобы успокоить людей, и объявилъ, что отступленія быть не можетъ, на что люди отвѣчали громкимъ одобреніемъ. Турки, расположенные напротивъ, на „боковой“ горѣ, озадаченные предыдущими залпами, пока не выходили изъ опушки лѣса.

Тѣмъ временемъ подпоручикъ сапернаго батальона Романовъ, контуженный осколкомъ гранаты, держалъ уже на-готовѣ свою гальваническую батарею для взрыва фугасовъ предъ „боковой“ горою, управляя въ то же время обороною того ложеамта, при которомъ самъ находился.

Казалось, все уже было потеряно. Рѣшимость горсти храбрецовъ остаться на позиціи равнялась рѣшимости умереть.

Наступившій перерывъ въ сраженіи не могъ уже доставить имъ никакихъ выгодъ, потому что все съ нашей стороны было уже въ огнѣ, или же отступало. Только турки съ величайшимъ удобствомъ могли воспользоваться этимъ перерывомъ, чтобы собраться съ силами и моментально сместить насъ съ перевала. Но, во всякомъ случаѣ, горсти нашихъ храбрецовъ рѣшилась защищаться до послѣдней капли крови.

Силу драматизма этой минуты трудно передать словами.

Было шесть часовъ.

Оба генерала, Столѣтовъ и Дерожинскій, боясь, чтобы ихъ не окружили, отправили къ Радецкому послѣднюю телеграмму съ выраженіемъ своихъ опасеній и изложеніемъ того, что они предпринимаютъ для противудѣйствія.

Оба генерала стояли на гребнѣ, занятомъ „главною“ позиціею. Бинокли ихъ, не отрываясь отъ глазъ, перебѣгали по участкамъ дороги, спускавшейся къ Габрову по ущелью, между зелеными кустарниками и сѣрыми глыбами утесовъ. Вдругъ генералъ Столѣ-

товъ вскрикнулъ въ порывѣ охватившаго его восторга, схватилъ за руку своего товарища по оружію и указалъ ему на дорогу въ проходѣ. Голова длинной черной колонны ясно выступала на желтомъ фонѣ дороги, извивавшейся вдоль ущелья... „Слава Богу!“ торжественно воскликнулъ генералъ Столѣтовъ. Оба генерала обнажили головы. Солдаты мгновенно вскочили на ноги и вперили уставные взоры въ длинную черную змѣю, ползшую по желтой полосѣ дороги. Неужели идутъ „свои“? Даже турецкая пальба и крики „алла“ какъ-бы ослабѣли. Красные лучи заходящаго солнца, падавшие на кустарники и утесы, озарили издали сверкавшіе штгики. Тогда раздалось такое громкое радостное „ура“, что покрыло собою побѣдные крики турокъ.

Войска увидѣли подерѣпленія.

Но то была странная конница. Лошадей можно было ясно различить; на каждой виднѣлись по два, по три всадника со штгиками за спиной. Что такое случилось съ Радецкимъ? Пришлось ли ему самому настолько трудно, что онъ выслалъ такую странную кавалерію сражаться противъ турецкой пѣхоты среди балканскихъ пропастей? Но вдругъ всадники соскакиваютъ съ лошадей, мгновенно обращаются въ пѣхоту и стройною массою, почти бѣглымъ шагомъ, направляются впередъ, на позицію, съ ружьями на перевѣсѣ и потрясая воздухъ страшными криками „ура“!..

То были славные стрѣлки, шедшіе почти бѣгомъ выручать своихъ братьевъ. На загорѣлыхъ, пыльныхъ лицахъ солдатъ отражалось нетерпѣніе — видимо, они боялись опоздать къ выручкѣ своихъ.

Вѣсть о приходѣ стрѣлковъ какъ молнія пронеслась по всей позиціи. Новое, дружное радостное „ура“ загремѣло въ отвѣтъ товарищамъ, шедшимъ на помощь, и далеко разнеслось по горамъ. Подброшенные шапки черными птицами замелькали въ воздухѣ. „Отстояли, спасены!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ съ радостными лицами поздравляли другъ друга съ избавленіемъ отъ явной смерти.

Подъ радостные крики защитниковъ Шипки и подъ громъ непріятельскихъ выстрѣловъ, генералъ Радецкій, остановивъ предварительно бѣжавшихъ съ позиціи людей, въ карьеръ влетѣлъ по крутой горѣ

на брустверъ тыльной батареи, откуда открылась вся атака турокъ какъ на ладони. Генералъ Радецкій подъ градомъ пуль съ невозмутимымъ спокойствіемъ осмотрѣлъ въ бинокль мѣстность. Кавказскій герой, опытный въ горной войнѣ, онъ уже оцѣнилъ взаимное положеніе борющихся и былъ уже увѣренъ, что наша возьметъ.

За Радецкимъ, къ тыльной батарее подвѣхалъ свѣжій взводъ горной батареи Орлова.

Было уже половина седьмого вечера. Внезапное появленіе свѣжихъ силъ произвело на непріятеля деморализующее впечатлѣніе.

— Покажите имъ скорѣе пушки, — приказалъ генералъ Радецкій... — Стрѣляйте залпами! — обратился онъ къ сборной командѣ на батарее и къ расположеннымъ уже правѣе ея въ небольшихъ ложеамтахъ стрѣлкамъ.

Дружные залпы и картечь горныхъ орудій быстро опрокинули турокъ, массами поднимавшихся уже къ тыльной батарее.

Между тѣмъ челоуѣкъ двѣсти стрѣлковъ, не ожидая приказаній, бросились по шоссе къ правофланговымъ ложеамтамъ полковника Липинскаго.

Другая часть стрѣлковъ кинулась на гору Св. Николая и залегла на ея карнизяхъ.

Въ то же время генералъ Радецкій спустилъ отъ тыльной батареи, вправо по ущелью, три роты 16-го батальона, двинувъ ихъ, по направленію турецкихъ выстрѣловъ, прямо къ „боковой“ горѣ.

Замѣтивъ это, полковникъ Липинскій снова открылъ изъ ложеамтовъ залпы по всей линіи, предоставивъ въ то же время подошедшимъ охотникамъ стрѣлковой бригады занять болѣе свободныя мѣста въ ложеамтахъ. Залповый огонь изъ ложеамтовъ по „боковой“ горѣ продолжался болѣе получаса, когда три роты 16-го стрѣлковаго батальона, добравшись по ущелью до опушки лѣса на „боковой“ горѣ, занятой турками, и открывъ сильный огонь, двинулись въ обхватъ лѣваго фланга непріятеля, такъ что вскорѣ своимъ движеніемъ закрыли наши правофланговые ложеамты. Тогда полковникъ Липинскій, прекративъ огонь, приказалъ 11-й ротѣ Брянскаго полка, бывшей въ передовомъ ложеамтѣ предъ фугасами, двинуться впередъ съ пѣсьями для общаго ободренія. Турки, пораженные внезапнымъ оборотомъ дѣла, начали быстро очищать

„боковую“ гору. Тогда не было возможности удерживать общего увлечения. Устали, голода и изнеможения точно и не бывало. Все было забыто. Орловцы и Брянцы, находившиеся в передовых ложиментах, и охотники стрѣлковой бригады безъ удержу неслись впередъ съ оглушающими криками „ура“! Едва ихъ можно было остановить у опушки лѣса на „боковой“ горѣ, потому что увлечение это было бесполезно, по случаю наступившихъ сумерекъ и совершеннаго отступленія непріятеля съ „боковой“ горы на вторую—Лѣсную гору. Масса труповъ, оставленныхъ непріятелемъ по всей горѣ, свидѣтельствовала о жестокомъ боѣ, свирѣпствовавшемъ здѣсь въ продолженіи болѣе чѣмъ двѣнадцати часовъ.

Къ восьми часамъ вечера стрѣлба съ нашей стороны совсѣмъ затихла, но непріятельскія пули еще роємъ носились надъ позиціею.

Генералъ Радецкій поѣхалъ осматривать позицію. Почти совсѣмъ уже стемнѣло. Изъ-за горы Бедекъ всплыла блѣдная луна и освѣтила мрачную картину. Массы необрушенныхъ раненыхъ и мертвыхъ тѣлъ загромождали дорогу. Ѣхать пришлось очень осторожно. Непріятельскія пули продолжали свистѣть и визжать кругомъ.

— Дураки — скверно стрѣляютъ! — замѣтилъ Радецкій...

У правофланговыхъ ложиментовъ графъ Толстой доложилъ корпусному командиру о важности для насъ позиціи на „боковой“ горѣ и о необходимости занять ее.

— Отлично, сказалъ генералъ Радецкій:—мы ее займемъ.

Немедленно были посланы опять впередъ три роты 16-го стрѣлковаго батальона и 11-я рота Брянскаго полка на штурмъ „боковой“ горы.

На турецкой сторонѣ продолжали раздаваться въ темнотѣ пронзительные сигналы къ атакамъ и слышалась частая ружейная пальба, направленная на насъ.

Не смотря на то, не прошло и сорока минутъ, какъ стрѣлки, успѣвъ дать по дорогѣ всего какихъ-нибудь три залпа, очутились уже на вершинѣ „боковой“ горы и заняли ее.

Корпусный командиръ поѣхалъ на гору Св. Николая.

Какъ во-время пришлось защитникамъ Шипки помощь стрѣлковъ, показываетъ уже слѣдующій случай. Взобравшись на „стальную“ батарею, генералъ Радецкій увидѣлъ на днѣ ея человѣкъ семнадцать солдатъ, лежавшихъ въ повалуе одинъ за другимъ. Подлѣ нихъ одиноко стоялъ молодой подпоручикъ. На немъ былъ мундиръ, голова обнажена, лицо окровавлено, штаны изорваны, на одной ногѣ туфля.

— Что это они у васъ? спятъ?—спросилъ Радецкій, указывая на лежавшихъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, они всѣ убиты: это были мои наводчики...

— А вы одинъ что же здѣсь дѣлаете?

— Дожидаю своей очереди, ваше превосходительство,—отвѣтилъ офицеръ тихо и спокойно.

Генералъ Радецкій, тутъ-же, на „стальной“ батарее, написалъ депешу Его Высочеству Главнокомандующему съ извѣщеніемъ объ одержаніи побѣды. Вдругъ послышался крикъ: „затмѣніе! затмѣніе“!..

Было ровно десять часовъ ночи. Какая-то полукруглая тѣнь медленно надвигалась на дискъ луны, закрыла ее и чрезъ нѣсколько минутъ оставила по краямъ луны лишь тонкій золотисто-красный кругъ вокругъ темнаго пятна...

Это лунное затмѣніе было многими сочтено за хорошее предзнаменованіе для насъ и плохое—для турокъ.

Такъ закончился трехдневный бой за отстояніе Шипкинскаго перевала двумя полками пѣхоты, пятью дружинами ополченія, при 29 орудіяхъ и при помощи 16-го стрѣлковаго батальона, противъ всей 30-ти-тысячной арміи Сулеймана-паши.

Потери наши были весьма велики. Огромное число убитыхъ и раненыхъ составляло громадный процентъ убитыи сравнительно съ общимъ числомъ оборонявшихся и доказывало, что желаніе Главнокомандующаго отстоять Шипкинскій перевалъ во что бы то ни стало было выполнено войсками съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ.

Дорого и непріятель заплатилъ за свои упорныя атаки. Такъ, противъ одной только тыльной нашей батареи, на восточномъ склонѣ перевала, было найдено болѣе 500 непріятельскихъ труповъ. Очистка лѣса отъ непріятельскихъ труповъ на „боковой“

горѣ потребовала двухдневной работы четырехъ ротъ. Не смотря на это и на всѣ мѣры, принимавшіяся самими войсками, вся мѣстность вокругъ Сѣверной горы и по всѣмъ оврагамъ была очищена отъ труповъ турокъ только къ 19-му августа, т. е. въ теченіи цѣлой недѣли, и то лишь съ помощью болгаръ, присланныхъ для этой цѣли изъ Габрова ежедневно въ числѣ 400 человѣкъ.

Вокругъ же горы Св. Николая и на скатахъ Лѣсной горы, гдѣ этой очистки дѣлать было невозможно, турки изъ своихъ труповъ буквально строили ложименты, накладывая по нѣскольку труповъ одинъ на другой и сверху засыпая ихъ слоємъ земли.

Можно съ положительностію сказать, что число убитыхъ у турокъ простиралось до 5,000 человѣкъ, а вмѣстѣ съ ранеными убитыи непріятеля за всѣ три дня боя можно опредѣлить въ 15,000 человѣкъ *).

Понятно, что послѣ такихъ потерь турки не могли уже тотчасъ же предпринять ничего серьезнаго противъ нашей шипкинской позиціи.

Ночь съ 11-го на 12-е августа прошла спокойно. Войска наши нѣсколько оправались,—впрочемъ, не столько отъ отдыха, сколько отъ вкоренившейся во всѣхъ увѣренности въ успѣхъ. Отдохнуть же утомленнымъ войскамъ и въ эту ночь не пришлось какъ слѣдуетъ: необходимо было перевести и перенести съ позиціи массу трудно раненыхъ на главный перевязочный пунктъ, находившійся верстахъ въ четырехъ сзади позиціи; нужно было также собрать убитыхъ товарищей и вырыть имъ могилы; необходимо было пополнить на батареяхъ снаряды, которые были доставлены на позицію въ часъ пополуночи. Для всего этого нужны были рабочіе, да, кромѣ того, большое число рабочихъ потребовалось на батарее для исправленія прежнихъ и возведенія новыхъ закрытій. Такъ что привезенная въ одиннадцать часовъ ночи горячая пища, не смотря на предшествовавшій трехдневный голодъ людей, разбиралась чрезвычайно медленно, такъ какъ люди были

* Сулейманъ-паша опредѣляетъ свои потери въ 1,602 человека убитыми и 5,042 ранеными. Но судя по тому, что онъ тотчасъ же потребовалъ себѣ изъ Константинополя присылки 20,000 человѣкъ, можно, кажется, смѣло принять послѣднюю цифру за дѣйствительное число его потерь.

страшно утомлены и почти всѣ заняты. Да и распространившійся ночью на позиціи сильнѣйшій смрадъ отъ гнившихъ вокругъ тысячъ человѣческихъ труповъ не могъ способствовать возбужденію аппетита. Всего больше обрадовало солдатъ, когда они увидели на позиціи болгаръ, принесшихъ вечеромъ изъ Габрова боченки съ водою, а также 50 ведеръ мѣстнаго краснаго вина и большое количество табаку.

Только къ двумъ часамъ пополуночи люди управились со всею работою на позиціи. Но многіе и послѣ этого не спали: теплая ночь, наступившая послѣ знойнаго дня, при одиночныхъ, правда, выстрѣлахъ, на которые, впрочемъ, никто уже не обращалъ никакого вниманія, сознаніе исполненнаго долга и впечатлѣнія пережитой днемъ ужасной бойни—видимо отбивали сонъ даже у солдатъ. Говоръ между ними и рассказы о совершенныхъ подвигахъ и поведеніи товарищей слышались до утра.

Настало утро 12-го августа. Сильно пострадавшія наканунѣ всѣ пять болгарскихъ дружинъ были отправлены въ Габрово, для укомплектованія и отдыха. На мѣсто ихъ прибыли на Шипку утромъ 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи (полки Подольскій и Житомирскій), съ генераломъ Драгомировымъ, а къ вечеру подошла и 1-я бригада 14-й дивизіи (полки Волынскій и Минскій).

Со стороны турокъ утромъ не было замѣтно никакихъ попытокъ перейти въ наступленіе. Въ этотъ день непріятель пока ограничивался только открытjemъ сильнаго ружейнаго и артиллерійскаго огня противъ горъ Св. Николая и обоихъ нашихъ фланговъ. За то съ нашей стороны наступательныя дѣйствія только теперь еще должны были начаться.

Дѣло въ томъ, что вечеръ достопамятнаго дня 11-го августа принесъ намъ лишь одно, что Шипка была спасена—не болѣе. Турки продолжали занимать командующія надъ переваломъ высоты, оглябая насъ подковою и осыпая всю нашу позицію адскимъ огнемъ. Сохраненіе шипкинской позиціи за нами при такихъ обстоятельствахъ было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ тылу шипкинской позиціи на берегахъ рѣки Ятры и въ особенности подъ Шлевною, гдѣ еще ожидалось прибытіе изъ Россіи подкрѣпленій для нанесенія рѣшительнаго удара арміи Османа-паши, требовало

съ нашей стороны удержанія во что бы то ни стало шипкинской позиціи за нами и недопущенія ни въ какомъ случаѣ арміи Сулеймана-паши форсировать Шипкинскій перевалъ, сохраненіе котораго за нами было важно также и въ виду предстоявшаго намъ въ послѣдствіи движенія на Адрианополь. Все это неминуемо вело, въ свою очередь, къ продолжительному занятію нами шипкинской позиціи, что, при сильнѣйшемъ обстрѣлѣ ея турками съ командующихъ высотъ, являлось весьма рискованнымъ, въ особенности въ виду обстрѣливанія чересами дороги въ тылу позиціи, откуда производился подвозъ на Шипку провіанта и боевыхъ снарядовъ.

Вотъ почему даже для всегда спокойнаго и невозмутимаго генерала Радецкого невозможно было удержаться отъ попытки сбить турокъ съ командующихъ надъ Шипкою высотъ, хотя это и сопряжено было, въ свою очередь, также съ величайшимъ рискомъ и съ неминуемымъ растягиваньемъ и безъ того уже сильно растянутой нашей позиціи. Но стоить только припомнить, что отряду нашему предстояло пробить на Шипкѣ, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это и оправдалось въ послѣдствіи, подъ постояннымъ убійственнымъ огнемъ непріятеля съ сильно обстрѣливаемой въ тылу позиціи единственной коммуникаціонной линіи отряда, — стоить только, говоримъ, припомнить все это, чтобы понять необходимость попытки генерала Радецкого — сбить непріятеля съ окружающихъ Шипку высотъ.

И такъ, съ утра 12-го августа рѣшено было отбросить отъ перевала оба фланга непріятеля. Съ этою цѣлю отрядъ нашъ на „боковой“ горѣ (три роты 16-го стрѣлковаго батальона и 11-я рота Брянскаго полка) былъ усиленъ всѣми остальными ротами 16-го батальона стрѣлковъ, а также двумя ротами 14-го стрѣлковаго батальона и 2-мъ батальономъ только что подошедшаго на Шипку Житомирскаго полка.

Въ то же время роты 13-го стрѣлковаго батальона были направлены отъ тыльной батареи влѣво по лѣвостой долинѣ противъ непріятельскихъ ложементовъ на ближайшихъ къ перевалу скатахъ горы Бедекъ.

Наконецъ, съ цѣлю поддержки боковаго отряда, отъ тыльной батареи былъ направленъ вправо, черезъ лѣсистыя ущелья, 3-й батальонъ Житомир-

скаго полка, въ обходъ лѣваго фланга турокъ, по направленію къ Лѣсной горѣ.

Между тѣмъ непріятельскій огонь страшно свирѣпствовалъ на всей нашей позиціи. Генералъ Драгомировъ, расположившійся у тыльной батареи и только что направившій Житомирцевъ въ обходъ непріятеля, былъ сраженъ пулею въ ногу навзлетъ, и та же пуля на излетѣ попала въ стоявшаго рядомъ капитана генеральнаго штаба Мальцова и зашла у него въ кости бедра... „Готово“... успѣлъ только проговорить Драгомировъ, и былъ вынесенъ съ позиціи вмѣстѣ съ капитаномъ Мальцовымъ на перевязочный пунктъ.

Въ 12-мъ часу дня, прежде чѣмъ наши успѣли достигнуть какихъ-нибудь успѣховъ на флангахъ, непріятель неожиданно перешелъ самъ въ наступленіе противъ горы Св. Николая, выбравъ для атаки скалы малой (девятифунтовой) батареи. Начальникъ передовой позиціи, полковникъ графъ Толстой, немедленно послалъ въ траншеи вдоль дороги, на восточномъ склонѣ перешейка, 4-ю роту Брянскаго полка, а въ скалы — 4-ю роту Орловскаго полка; поддержаніями къ нимъ служили: 1-я стрѣлковая рота Брянскаго полка и 4-я рота 15-го стрѣлковаго батальона. Цѣлый таборъ, подъ прикрытіемъ двухъ другихъ, бросился на скалы и подъ сильнымъ огнемъ взобрался наверхъ, но былъ дружно встрѣченъ штыками; большинство его было уничтожено, а остаткамъ пришлось отступить подъ сильнымъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ.

Въ то же время 13-й стрѣлковый батальонъ, поддержанный огнемъ съ нашихъ батарей, дойдя до лѣвистаго ската горы Бедекъ, атаковалъ непріятельскіе ложементы праваго фланга, сильно безпокоившіе нашъ лѣвый флангъ, а отчасти и тылъ, и послѣ боя выбилъ оттуда турокъ, заставивъ ихъ предварительно убрать отсюда ихъ батарею.

Между тѣмъ бой между „боковой“ и Лѣсною горами только еще разгорался. Не смотря на сильную поддержку со стороны всѣхъ русскихъ батарей, наши не могли овладѣть Лѣсною горою. Битва происходила въ густой чащѣ лѣса, представлявшей всѣ невыгоды для наступающаго. Кромѣ того, турки сильно укрѣпили гору завалами изъ бревенъ въ нѣсколько рядовъ и ужасными траншеями изъ троповъ своихъ-же товарищей, имѣя на самой вершинѣ

горы сильную батарею. Нашимъ приходилось подвигаться впередъ шагъ за шагомъ, встрѣчая повсюду все новыя и новыя препятствія, въ то время какъ турки обсыпали ихъ изъ-за заваловъ адскимъ огнемъ. Раненые, шатаясь, кучками выходили изъ темной чащи лѣса, стараясь доползти до перевязочнаго пункта. Бѣлые клубы дыма подымались надъ темною листвою Лѣсной горы, какъ мыльная пѣна. Оттуда доносился дикій шумъ битвы и хриплые крики сражающихся. Наши выбивали турокъ изъ-за ихъ заваловъ штыками, но вслѣдъ затѣмъ были сами выбиваемы оттуда убійственнымъ огнемъ непріятеля изъ-за слѣдующаго ряда заваловъ. Было ясно, что сраженіе колебалось: то русскіе, то турки одерживали верхъ попеременно.

Тогда генералъ Радецкий рѣшился склонить удачу на свою сторону, пославъ въ поддержаніе боковому отряду еще двѣ роты Брянскаго полка и одну роту Орловскаго полка. Во главѣ одной изъ этихъ ротъ сталъ самъ генералъ Радецкий и повелъ ее на штурмъ Лѣсной горы, чтобы принять личное участіе въ борьбѣ. Но, не смотря на то, намъ не удавалось отбѣснить съ упомянутой горы непріятеля. Упорный бой продолжался до вечера, и, наконецъ, генералъ Радецкий, убѣдившись въ невозможности атаки съ фронта и оставивъ на „боковой“ горѣ 2-й батальонъ Житомирскаго полка и двѣ роты 14-го стрѣлковаго батальона, вынужденъ былъ отвести остальныя войска назадъ, на позицію. Однако непріятель, въ свою очередь, вынужденъ былъ снять батарею съ вершины Лѣсной горы.

Результатомъ этого дня было то, что оба наши фланга были нѣсколько освобождены отъ опаснаго вѣдства непріятеля; турецкій же правый флангъ былъ значительно отодвинутъ назадъ.

Потери наши въ этотъ день были весьма чувствительны и доходили до 1,500 человекъ убитыми и ранеными. Пришедшіе во множествѣ изъ Габрова, болгары частію съ запасами воды, частію просто для мародерства, весь день занимались уборкою раненыхъ на-ряду съ санитарями и очисткою мѣстности отъ мертвыхъ тѣлъ. Сколько было сдѣлано подобной работы въ этотъ день, можно уже судить по слѣдующему разсказу одного изъ корреспондентовъ: „Въ 4-й день битвы на перевязочномъ пунктѣ я говорилъ съ однимъ докторомъ,

сидѣвшимъ противъ меня на ящикѣ. Вдругъ докторъ упалъ; я подумалъ, что съ нимъ обморочъ; нѣтъ — это онъ моментально, среди разговора, заснулъ, проведя три безсонныя ночи“.

3-й батальонъ Житомирскаго полка, направленный черезъ лѣсныя горныя трущобы въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, не могъ достигнуть въ этотъ день до предполагаемаго пункта.

Въ седьмомъ часу утра слѣдующаго дня, т. е. 13-го августа, 3-й батальонъ Житомирскаго полка подошелъ къ непріятельскому расположенію у Лѣсной горы и завязалъ съ нимъ дѣло.

Услышавъ выстрѣлы, генералъ Радецкий приказалъ полковнику Липинскому съ войсками боковаго отряда, усиленными однимъ батальономъ Подольскаго и тремя ротами Брянскаго полковъ, атаковать укрѣпленія на Лѣсной горѣ. Для атаки приказано было полковникомъ Липинскимъ: двумъ ротамъ 14-го стрѣлковаго батальона наступать прямо по дорогѣ съ „боковой“ горы, оставивъ на себя огонь отъ наступавшихъ вправо и влѣво атакующихъ колоннъ; батальону Житомирскаго полка наступать правѣе стрѣлковъ, а батальону Подольскаго полка лѣвѣе. Оба сказанные батальоны разсыпали передъ собою густую цѣпь, соединивъ по два звена въ кучки; за цѣпью въ правой линіи шли по двѣ роты, а во второй линіи остальныя роты по двѣ вмѣстѣ. Цѣпямъ приказано было наступать безъ выстрѣла.

День начинался знойный. Солнце жгло уже невыносимо. Скалы и утесы перевала накалили такъ, что къ нимъ трудно было прислониться.

По прошествіи часа со времени выступленія штурмовыхъ колоннъ, всѣ части ихъ достигли подошвы Лѣсной горы и остановились передохнуть, какъ это было условлено заранее; стрѣлковыя же цѣпи батальоновъ были уже на покатоности Лѣсной горы. Послѣ нѣкотораго отдыха атака началась одновременно всѣми колоннами. Атака была поддержана огнемъ съ нашей новой батареи, на канунѣ сооруженной близъ перевязочнаго пункта. Русскіе подвигались впередъ какъ индійцы, подъ прикрытіемъ деревьевъ, которыя однако не были достаточно высоки, чтобы доставить хорошую защиту; по пути они продолжали стрѣлять. Въ во-

семь часов надъ вершиною Лѣсной горы и надъ турецкими ложементами стали рваться шрапнели, брошенные нашими батареями, именно „среднею“ и „круглою“. Наши шагъ за шагомъ брали турецкія позиціи, взбираясь на высоты.

Усиленный огонь неприятеля изъ ложементовъ и изъ укрѣпленія на вершинѣ горы направленъ былъ сначала исключительно на средній нашъ отрядъ, наступавшій по дорогѣ; но когда турки замѣтили наши стрѣлковыя цѣпи, подвигавшіяся справа и слѣва, то они, развернувшись и разсѣявъ выстрѣлы во все стороны, нѣсколько ослабили огонь противъ дороги. Тогда вся средняя колонна, роты 14-го стрѣлковаго батальона и пришедшая съ позиціи 3-я рота Брянскаго полка быстро бросились вверхъ, опрокидывая все на своемъ пути, и въ короткое время очутились въ разстояніи пятидесяти шаговъ отъ редута. Но здѣсь храбрецы наши встрѣтили неожиданное препятствіе, почти непреодолимое въ ту минуту. Турки срѣзали деревья вокругъ редута и сдѣлали изъ нихъ завалы, черезъ которые нашимъ положительно невозможно было прорваться. Войска сосредоточились вокругъ окраины просѣки подъ прикрытіемъ деревьевъ и внезапно бросились на приступъ, но были отброшены съ ужасными потерями. Солдаты путались въ массахъ древесныхъ стволовъ и вѣтвей и старались выкарабкаться изъ засады, между тѣмъ какъ турки сыпали на нихъ градъ пуль на очень недалекомъ разстояніи и подкашивали ихъ какъ траву.

Въ этотъ моментъ наша артиллерія не могла, разумеется, дѣйствовать, чтобы не поражать своихъ и замолчала. Вдругъ раздалась выстрѣлы съ батарей, вновь сооруженныхъ турками на горѣ Бедекъ. Неожиданные выстрѣлы турецкихъ орудій подали сигналъ къ общему дѣйствію нашихъ батарей, такъ что одновременно, съ грохотомъ и трескотней ружейныхъ выстрѣловъ на Лѣсной горѣ, слился грозный ревъ пушекъ, потрясавшихъ воздухъ на громадное пространство кругомъ.

Между тѣмъ неприятель, замѣтивъ малочисленность первоначально ворвавшейся кучки въ редутѣ на Лѣсной горѣ, вышелъ изъ за закрытій и бросился было впередъ, но былъ встрѣченъ дружнымъ ударомъ въ штыки: съ фронта средней колонной,

а справа и слѣва подосигѣвшими на выручку Житомирцами и Подольцами. Послѣ непродолжительной штыковой работы турки обратились въ бѣгство, оставивъ множество убитыхъ на мѣстѣ рукопашной схватки. Натискъ нашъ былъ такъ друженъ, что резервъ неприятеля не думалъ даже обороняться въ другомъ укрѣпленіи, расположенномъ сзади перваго, и, разсыпавшись въ длинную цѣпь, началъ быстро отступать, отстрѣливаясь съ плеча на удачу. Но здѣсь наши войска, увлеченныя успехомъ, вмѣсто того, чтобы остановиться и устроиться, бросились за отступающимъ неприятелемъ и, преслѣдуя его, дошли до ложементовъ, выстроенныхъ на скатахъ Лысой горы. Встрѣченныя оттуда свѣжими неприятельскими силами, наши были остановлены въ дальнѣйшемъ наступленіи и завязали съ неприятелемъ жаркую перестрѣлку.

Солдаты нашихъ брала уже сильная усталость. Люди отряда, взявшаго Лѣсную гору, весь день не имѣли капли воды и ничего не ѣли; къ тому же нашъ отрядъ понесъ уже значительныя потери. Съ Лѣсной горы то и дѣло спускались на нашу позицію раненые. Нѣкоторыхъ несли на носилкахъ, нѣкоторые ползли сами, представляя ужасное зрѣлище покрытыхъ пылью, почернѣлыхъ отъ дыма и растерянныхъ людей. У турецкой караулки, въ тылу нашей позиціи, все свободное отъ камней и скалъ пространство было занято носилками съ тяжело-ранеными. Самое шоссе почти на семь верствъ было также занято носилками. Озабоченные доктора работали здѣсь безъ усталости весь день и все-таки не могли справиться съ дѣломъ.

Какой убійственный огонь выдержали въ этотъ разъ войска боковаго отряда, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа одного солдата, участвовавшаго въ штурмѣ Лѣсной горы:

„Офицеръ, рассказывалъ солдатъ, подпоручикъ Березкинъ, только что получилъ командованіе ротой. Молодой совсѣмъ, а добрый и смѣлый. „Ребята!—говорить:—другъ друга не выдавать, стоять крѣпко, цѣлится мѣтко, даромъ патроновъ не пускать! Я за васъ, вы за меня, все другъ за друга стоять по смерти! Съ нами Божья помощь и сила!“ Пошли мы на „ура“! а онъ (турка) такъ градомъ и сыплетъ, такъ и жарить. Падаютъ наши солдатики, какъ колосья срѣзанные. А шли мы

въ обходъ надъ кручею; противъ насъ неприятель, снизу тоже онъ. Жарко стало, а идемъ за ротнымъ дружно, я какъ разъ возлѣ. Пули такъ и свистятъ. Жутко! Вдругъ одна угодила въ ротнаго,шибла его съ ногъ. Какъ стоялъ надъ кручею, такъ и полетѣлъ онъ внизъ. Вижу, смерть ему. „Братцы! кричу своимъ: помогите ротнаго спасти, смерть ему!“ Бросилъ ружье, да за нимъ. Катится онъ прямо на турецкіе штыки, да за кустъ зацѣпился. Я поймалъ его (тайносно на ухо) за воротъ, удержалъ, говорю ему: „Ваше благородіе! Извините!“ а самъ тащу его къ нашимъ; товарищи помогли, вытащилъ я командира, перекрестился: Богъ спасъ! А кровь бьетъ ручьемъ. Завернулъ я его въ шинель, да и вынесъ изъ огня на перевязку. Какъ принесъ, тутъ только почувствовалъ, что турка снизу мнѣ прямо въ пятеу угодила,—это какъ я командира тащилъ на гору. И Богъ его знаетъ, какъ мы живы остались. Потому прикрытія никакого, а онъ такъ и жарить! Ружья у него—на двѣ тысячи бьютъ безъ прицѣла; патроновъ не жалѣетъ,—такъ дождемъ и сыплетъ“.

Не только въ боевой нашей линіи, но и на всей шипшинской позиціи весь день 13-го августа былъ огонь убійственный. Генералъ Держинскій, распорядившійся у тыльной батареи, былъ убитъ наповалъ: пуля пробила ему легкія, и онъ умеръ скоропостижно. Начальникъ штаба 8-го корпуса, генералъ Дмитровскій, находился въ ложементѣ, когда граната лопнула около него, осыпавъ его землей; онъ упалъ и оставался безъ чувствъ нѣсколько минутъ.

Между тѣмъ генералъ Радецкій, узнавъ о приостановкѣ наступленія въ нашемъ боковомъ отрядѣ, прибылъ самъ на „боковую“ гору въ сопровожденіи части своего штаба. Не имѣя средствъ продолжать наступленіе для занятія сильно укрѣпленной турками Лысой горы, генералъ Радецкій послалъ 2-й батальонъ Волынскаго полка въ подкрѣпленіе сражающимся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ полковнику Липинскому отвести немного войска назадъ отъ Лысой горы, а для занятія взятаго у неприятеля укрѣпленія на Лѣсной горѣ выслалъ 3-й батальонъ Волынскаго полка, подъ командою флигель-адъютанта полковника графа Адлерберга;

остальнымъ же войскамъ приказалъ отойти на свои позиціи.

При нашемъ отступленіи турки сначала насъ не преслѣдовали, но, получивъ вскорѣ значительныя подкрѣпленія*), перешли въ наступленіе и начали снова упорный бой за свои укрѣпленія на Лѣсной горѣ, бывшія у насъ въ рукахъ.

3-й батальонъ Волынскаго полка, усиленный двумя ротами Брянскаго, въ теченіи всей наступившей ночи отбивалъ атаки турокъ на Лѣсную гору; полковникъ графъ Адлербергъ наконецъ послалъ донесеніе, что съ имѣющимися у него силами онъ не можетъ удержать Лѣсной горы и просилъ подкрѣпленія.

Усилить боковой отрядъ генералъ Радецкій не считалъ возможнымъ, такъ какъ въ резервѣ оставался лишь одинъ Минскій полкъ, а между тѣмъ нѣкоторыя части, какъ на „боковой“, такъ и на Лѣсной горахъ, необходимо было смѣнить свѣжими войсками; онъ уже третьи сутки оставался безъ горячей пищи и почти безъ воды. Потому генералъ Радецкій приказалъ графу Адлербергу, въ случаѣ крайности, отойти съ Лѣсной горы и занять прежнюю позицію.

Бой 13-го августа за Лѣсную гору стоилъ обѣимъ сторонамъ огромныхъ потерь. Послѣ этого боя у насъ нѣкоторыя роты Житомирцевъ, стрѣлковъ, Подольцевъ остались вовсе безъ офицеровъ; въ 3-й и 4-й ротахъ 14-го стрѣлковаго батальона накануне оставалось отъ побойца только 100 человекъ, а 13-го августа изъ нихъ вернулось лишь 37. Во второмъ батальонѣ Житомирскаго полка выбылъ второй комплектъ офицеровъ, а отъ третьяго батальона не осталось и одной трети.

Результатомъ дня 13-го августа было полное очищеніе турками нашего лѣваго фланга, откуда Сулейманъ-паша вынужденъ былъ взять войска для усиленія своего отряда на Лысой горѣ.

Съ разсвѣтомъ 14-го августа въ холодномъ еще горномъ воздухѣ рѣзко раздалась съ турецкой

*) По показанію самого Сулеймана-паши, у него было 13-го августа на Лысой горѣ вначалѣ 8 батальоновъ, а затѣмъ онъ подкрѣпилъ ихъ еще 18-ю батальонами, взятыми съ праваго фланга Весселя-паши. Такимъ образомъ, на Лысой горѣ было всего 26 батальоновъ противъ нашихъ 4-хъ (2 батальона Житомирскаго полка, одинъ батальонъ Подольскаго, 3 роты Брянскаго и 2 роты 14-го стрѣлковаго батальона).

стороны сигнальные рожки, вдали слышались беспорядочные крики: „алла“, „алла“, „алла“, и на нашу передовую цѣпь на Лѣсной горѣ ударила растаявшая на большое разстояніе турецкая колонна. Весь скатъ горы внизу покрылся отрядами неприятеля. Между деревьями то и дѣло мелькали красныя фески и синія куртки. Турки подходили такъ близко, что наши отчетливо могли различить ихъ разгоряченныя, смуглыя лица. Но атака ихъ скоро дрогнула. Стройные, выдержанные залпы и дружное „ура“ отряда графа Адлерберга обратили ихъ въ беспорядочное бѣгство. Турки бѣжали опрометью; многіе скатывались въ боковыя ущелья, а одинъ со слѣпу налетѣлъ на нашъ постъ и, разумѣется, былъ тотчасъ же убитъ. Однако неприятель вскорѣ повторилъ свой штурмъ свѣжими войсками. Но и въ этотъ разъ турки, понеся огромныя потери, были отбиты. Не смотря на то, они вновь оправились и опять собрались атаковать насъ еще большими силами. Тогда графъ Адлербергъ, понеся уже значительный уронъ, вынужденъ былъ отойти на „боковую“ гору. Неприятель не преслѣдовалъ насъ.

Такимъ образомъ, Лѣсная гора снова перешла въ руки турокъ.

Послѣ этого турки, утомленные всѣми предшествовавшими дѣйствіями, съ 15-го августа и въ послѣдующіе дни уже не предпринимали наступлений, а ограничивались лишь обстрѣливаніемъ нашей позиціи и дороги въ Габрово артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ съ окружающихъ высотъ.

Весь нашъ уронъ за время съ 9-го по 14-е августа простирается до 3,500 человѣкъ убитыми и ранеными и около 100 офицеровъ. Неприятель же понесъ неизмѣримо большія потери. Всѣ окрестныя балки были завалены турецкими трупами; смрадъ былъ по временамъ невыносимый. Съ помощью болгаръ удалось очистить лишь ближайшіе къ позиціи овраги; въ отдаленныхъ же балкахъ неприятельскіе трупы такъ и остались гнить.

17-го августа шипкинскую позицію посетилъ начальникъ штаба дѣйствующей арміи, генералъ Непокойчицкій. Передавъ войскамъ благодарность Главнокомандующаго за отстояніе Шипки, генералъ Непокойчицкій осмотрѣлъ позицію и, отбѣзжая затѣмъ съ перевала, приказалъ оставаться въ оборонительномъ положеніи.

Дѣйствительно, силы нашего отряда, доходившія до 15,000 человѣкъ, не позволяли намъ разбрасываться на обширномъ пространствѣ, имѣя передъ собою многочисленную и предприимчивую неприятельскую армію*). Въ виду этого, намъ необходимо было держать наши силы, такъ сказать, въ вулакъ. Да и вообще погоня за командующими высотами, по самому свойству горной мѣстности, никогда не могла бы окончиться: всегда нашелся бы гдѣ нибудь по сосѣдству съ отбитою высотой другой какой-нибудь командующій кряжъ или высота и т. д. Такой опытный и хорошій боевой генералъ, какъ Радецкий, не могъ, конечно, увлечься подобной погоней за высотами и потому послѣдшилъ прекратить наступленія, обративъ теперь главное вниманіе свое на укрѣпленіе и защиту позиціи.

Что же касается до Сулеймана-паши, то, съ военной точки зрѣнія, онъ сдѣлалъ непростительныя промахи: во-первыхъ, не предпринявъ никакого обходнаго движенія противъ шипкинской позиціи и, во-вторыхъ, не попытавшись даже окружить насъ въ первый день атаки, до прибытія къ намъ подкрѣпленій. Движенія его до дня атакъ отличались также непонятною медленностью: въ противномъ случаѣ онъ могъ бы занять Шипку еще въ іюль, слѣдуя изъ Ески-Загры по пятамъ разбитыхъ имъ войскъ генерала Гурко. Тогда онъ не встрѣтилъ бы на Шипкѣ и тѣхъ ничтожныхъ силъ, какія нашелъ на ней въ августѣ.

Не смотря на то, Сулейманъ-паша своими упорными атаками достигъ значительныхъ выгодъ. Онъ занялъ наиболѣе высокіе пункты Шипкинскаго прохода и выходы изъ него. Русскіе не могли теперь ни отступить съ перевала, ни идти впередъ. Они не могли совершить ни одного движенія, которое не было бы замѣчено турками, и не могли показываться на перевалѣ, не сдѣлавшись тотчасъ же мишенью для турецкихъ артиллеристовъ и стрѣлковъ.

Помимо сильнаго обстрѣливанія нашихъ позицій, турки стѣсняли насъ еще своимъ черезчуръ близкимъ сосѣдствомъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ приходилось встрѣчаться съ турками положительно по-

*) По показанію Сулеймана-паши, у него осталось въ строю послѣ августовскихъ боевъ около 19,000 штыковъ, а у насъ теперь было на перевалѣ около 15,000.

Авангардъ 4-й стрѣлковой бригады спѣшить на Шипку.

сомъ въ носу. Такъ, однажды, рядовой Минскаго полка спустился въ ущелье за водою и наткнулся въ кустахъ на турецкаго солдата, прехладноровно рубившаго дрова. Минець, не желая себя выдать преждевременно, спрятался за кусты и зорко слѣдилъ за движеніями турка. Послѣдній, нарубивъ дровъ въ томъ количествѣ, какое ему было нужно, вытащилъ изъ-за пояса веревку, связалъ ею дрова и, вваливъ на плечи, тронулся-было въ путь, но въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что чьи-то желѣзные руки какъ клещи давятъ ему шею. „Аманъ, аманъ“! завопилъ турокъ, но это ему не помогло. — „Пойдемъ, братъ, къ намъ, а тамъ начальство разбереть“, — замѣтилъ ему поучительно солдатъ.

Вообще, близкое сосѣдство непріятеля и сильное обстрѣливаніе имъ всего перевала дѣлали наше пребываніе на немъ весьма непріятнымъ. Воду пришлось доставать изъ фонтана, находящагося позади перевала, у подъема на него. Вслѣдствіе недостатка лѣса, на перевалѣ, пищу пришлось варить также внизу, у Янтры, и доставлять на позицію въ большихъ котлахъ. При этомъ, подвозъ на позицію снарядовъ, патроновъ, а также и пищи нижнимъ чинамъ могъ производиться только по ночамъ.

Ночью же производились и саперныя работы для исправленія въ ложементяхъ и батареяхъ поврежденій, производимыхъ непріятельскими выстрѣлами днемъ.

Для защиты гарнизона Шипки отъ шальныхъ непріятельскихъ пуль, приступлено было къ постройкѣ укрѣпій. Съ этой цѣлью ежедневно готовились, всѣми свободными людьми, до 240 туровъ, а также устраивались на позиціи крытые ходы для сообщенія или углубленныя дороги, подъ руководствомъ подполковника Рѣзваго, прибывшаго 20-го августа съ двумя ротами 2-го сапернаго батальона. Лѣсъ на „боковой“ горѣ былъ очищенъ. Вообще, благодаря работамъ саперъ, позиція на Шипкѣ съ каждымъ днемъ усиливалась и войска гарнизона, по возможности, были укрыты отъ шальныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ что потери наши съ 15-го августа по 1-е сентября были среднимъ числомъ отъ 5—10 человекъ въ сутки.

Резервы шипкинскаго гарнизона были располо-

жены на перевалѣ, позади позиціи, на бивуакахъ. Самъ Радецькій поселился тутъ-же, не то въ бѣсѣдкѣ, не то въ пещерѣ, вырубленной въ одномъ изъ утесовъ перевала. Непріятельскія шальные пули залетали и сюда въ изобиліи. Зловонныя испаренія отъ множества непогребенныхъ турецкихъ труповъ дѣлали пребываніе на Шипкѣ еще болѣе тягостнымъ.

На ружейный огонь непріятеля мы по большей части не отвѣчали, такъ какъ непріятель былъ совершенно закрытъ лѣсомъ и стрѣлялъ съ большихъ разстояній. На орудійный огонь турокъ наша артиллерія отвѣчала каждый разъ энергически.

Вообще непріятель, въ ожиданіи подрѣзанныхъ, ничего серьезнаго пока не предпринималъ, ограничиваясь перестрѣлкою, а также рекогносцировками обходныхъ тропинокъ на Балванахъ, причѣмъ у насъ произошло двѣ стычки съ непріятелемъ, у Зелена-Древа и на перевалѣ Бердекъ (противъ Травны).

Позиція у деревни Зелено-Древо, черезъ которую пролегаетъ обходная тропинка изъ Казанька къ Габрову, была занята вначалѣ лишь двумя сотнями пластуновъ. Но потомъ, съ 15-го августа, сюда прибыли изъ Габрова еще двѣ дружины болгарскаго ополченія, а съ перевала Шипки подошли три сотни (1-я, 2-я и 5-я) Донскаго № 23 полка полковника Ранглая. Въ самой деревнѣ Зелено-Древо расположилась 5-я дружина, только что укомплектованная въ Габровѣ, послѣ потерь на Шипкѣ, еще не вполне обученными рекрутами изъ болгаръ. Верстахъ въ трехъ отъ Зелена-Древа, ближе къ подъему на перевалъ, въ деревушкѣ Турманецъ, расположились пластунскія сотни. Три сотни Донцовъ стали позади этихъ двухъ деревень, на равномъ отъ обѣихъ разстояніи.

18-го числа на перевалъ Зелена-Древа прибылъ изъ Габрова генералъ Столѣтовъ съ остальными тремя дружинами и расположился въ деревушкѣ Турманецъ, гдѣ стояли пластуны.

Отъ всѣхъ этихъ отрядовъ выставлялись днемъ пикеты, а ночью выдвигались впередъ цѣпи и заставы; пластуны же очень часто производили развѣдки въ самому непріятельскому лагерю у Лисой горы.

Но вся бѣда была въ томъ, что передовую по-

зицію у Зелена-Древа занимала 5-я дружина, в которой большинство ополченцев еще не умѣло обращаться хорошо съ ружьемъ. Къ тому же ночная цѣпь отъ этой дружины почему-то отзвѣчалась назадъ очень рано утромъ. Черкесы, вѣроятно, все это узнали и 20-го августа, на разсвѣтъ, внезапно нагрянули на Зелено-Древо, партией около 1,000 человекъ, поддержанныхъ небольшими частями пѣхоты. Говорятъ, что ополченцы въ это время занимались обученіемъ и были даже безъ патроновъ, съ незаряженными ружьями. Понятно, что черкесы овладѣли селомъ почти безъ всякаго сопротивленія. Всѣ кадровые унтеръ-офицеры 5-й дружины были изрублены въ куски; остальные ополченцы, кто успѣлъ — скатились съ горы, получивъ предварительно удары шашками и оставивъ на горѣ кто шапку, кто мундиръ. Самое село было выжжено и разграблено. Но въ это время къ Зелено-Древу подходилъ Якутскій пѣхотный полкъ, которому было приказано занять въ этотъ день эту деревню и который, узнавъ о появленіи черкесовъ, ускорилъ движеніе. Черкесы, завидѣвъ полкъ, стали быстро отступать. Посланныя за ними въ погоню, двѣ сотни Донскаго № 23-го полка отбили у нихъ захваченный скотъ обратно, положивъ на мѣстѣ до 30 черкесовъ. Наша потеря заключалась въ 10 чел. раненыхъ и убитыхъ.

Послѣ этого на перевалѣ Зелено-Древо были вызваны изъ Тырнова оставшіяся тамъ сотни 23-го Донскаго полка.

Въ это время по другую сторону Шипкинскаго прохода, на перевалѣ Бердекъ, занимали позицію на горѣ, укрѣпленной ложементами, полторы сотни 30-го и одна сотня 23-го казачьихъ полковъ, подъ командою сотника Галдина. Противъ нихъ былъ расположенъ лагерь непріятельскихъ войскъ, составлявшихъ крайнее правое крыло арміи Сулеймана-паши.

На разсвѣтъ 28-го августа сотникъ Галдинъ замѣтилъ впереди наступающую непріятельскую цѣпь, а за нею небольшія колонны турокъ: черкесы, джигиты, шли впереди всѣхъ. Давъ тотчасъ же знать о наступленіи турокъ, какъ генералу Радецкому, такъ и на сосѣдній перевалѣ Крестецъ, занятый 6-ю дружиною болгарскаго ополченія, сотникъ Галдинъ встрѣтилъ непріятеля изъ ложементовъ залпами и въ продолженіи двухъ часовъ выдерживалъ его натискъ, пока, наконецъ, не подошли на помощь казакамъ еще двѣ сотни 23-го и одна сотня 30-го полковъ изъ подвижнаго резерва на Шипкинскомъ перевалѣ, а вслѣдъ затѣмъ подошла сюда же и 6-я дружина съ Крестецкаго перевала. Тогда турки бѣгомъ бросились назадъ, провожаемые нашими залпами при громкихъ крикахъ „ура“. Потеря наша заключалась въ одномъ убитомъ и двухъ раненыхъ казакахъ. Послѣ этого подкрѣпленія наши возвратились на свои мѣста, а турки болѣе не показывались.

Между тѣмъ, противъ нашихъ шипкинскихъ позицій непріятель, съ 23-го августа, значительно усилилъ какъ орудійный, такъ и ружейный огонь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Бой 5-го сентября.—Критическое положеніе горы св. Николая.—Упасная зимовна на Шипкѣ.—Обходъ турецкихъ позицій.—Сдача турецкой арміи.

Разсчитывая оттянуть къ Шипкѣ часть нашихъ силъ отъ Плевны и отъ линіи Янтры, Сулейманъ-паша снова рѣшился атаковать съ фронта злополучный для него балканскій проходъ. На этотъ разъ онъ позаботился подготовить свою атаку продолжительнымъ огнемъ артиллеріи.

1-го сентября, занявъ половину южнаго спуска горы Св. Николая къ западу отъ перевала, турки устроили на немъ батарею и начали бомбардиров-

ку нашей позиціи навѣснымъ огнемъ изъ четырехъ мортиръ большаго калибра. Стрѣльбу бомбами производили больше ночью. Потери наши увеличились ежедневно до 40 человекъ.

Еще съ вечера 4-го сентября, по словамъ очевидцевъ и участниковъ боя, болгарскіе лазутчики давали намъ знать о приготовленіяхъ турокъ къ новому штурму. Передъ разсвѣтомъ секреты наши, лежавшіе по лощинамъ у праваго фланга за „бо-

Первая атака турокъ на гору св. Николая.

ковою" горою, шагахъ въ трехстахъ и болѣе впереди линій, стали замѣчать въ турецкой цѣпи какое-то движеніе. Слышенъ былъ гулъ и разговоры. Давъ знать на позицію подполковнику Волынского полка Сендецкому, секреты остались на своемъ мѣстѣ, и лишь позади ихъ разсыпана была новая цѣпь стрѣлковъ. Роты Волынцевъ, занимавшія „боковую" гору, были разбужены и поставлены въ ружье. Всѣ распоряженія на случай атаки были сдѣланы. На остальныхъ пунктахъ позиціи все было, повидимому, тихо. Съ тревожнымъ сердцемъ ожидали наши чего-то срѣзнаго. Дано было знать начальникамъ другихъ пунктовъ позиціи и корпусному командиру. На перевязочномъ пунктѣ, гдѣ спали спокойно, люди стали подыматься и готовиться къ работѣ. Саперы торопились досыпать траншею. Нѣсколько казаковъ забѣгали, а потомъ усаkali куда-то, по направлению къ Габрову, съ приказаніями. Въ офицерскихъ землянкахъ и шалашахъ, устроенныхъ въ ложементгахъ, ложбингахъ и траншеяхъ, стали суетиться: зажгли огоньки и забѣгала прислуга. Между тѣмъ, сырой туманъ прохватывалъ до костей. Все было тихо пока; однако сердце нервно и нетерпѣливо билось. Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ участниковъ боя: „Выкуривъ папиросу и прождавъ напрасно съ полчаса, я уже думалъ, что это напрасная тревога, завернулся въ пальто, бывшее у меня въ нагидку, и башлыкъ, и прилегъ у траншеи, гдѣ стояла наша рота. Солдаты, сидѣвшіе въ траншеяхъ, тихо переговаривались и, какъ теперь помню, одинъ изъ нихъ, нынѣ убитый—съ эническимъ спокойствіемъ торговался о „двухъ двугривенныхъ" (здѣсь ходило много и нашихъ монетъ) съ товарищемъ, прося „утро-съ" подкинуть подметки къ его сапогамъ".

Вдругъ, такъ около трехъ часовъ утра, 5-го числа, въ сторонѣ Св. Николая выстрѣлъ.... другой, третій, десятый, залпъ, опять одиночный выстрѣлъ, трескотня, опять залпъ, опять трескотня, выстрѣлы и выстрѣлы, и—пошла горячая перепалка! Началась суета: крики, команда. Всѣ вскакиваютъ и бросаются къ брустверу. Гора Св. Николая вся въ огнѣ. Ночью это выходило удивительно эффектно. Очевидно, опять турки сдѣлали нападеніе на гору Св. Николая. Тамъ завязался горячій бой. Осо-

бенно поражала всѣхъ трескотня какихъ-то хлопучекъ; никто сначала не могъ понять: что это?—выстрѣлы—не выстрѣлы и не разрывъ пушечныхъ гранатъ. Впослѣдствіи это объяснилось: турки при нападеніи кидали въ траншеи и на брустверы маленькія ручныя гранаты, которыя, при разрывѣ, рѣзко хлопали. Какъ потомъ рассказывали, неприятель всю ночь ползъ, крадучись, на животѣ къ горѣ Св. Николая. Секреты говорили, что ихъ очень поражали темныя пятна на землѣ, въ ложинѣ передъ горою Св. Николая, которыя время отъ времени какъ-бы передвигались по землѣ, то вправо, то влево, но все ближе и ближе. Это подкрадывались турецкія штурмовыя колонны. Сторона горы къ неприятелю очень крута. Тѣмъ не менѣе неприятельскіе стрѣлки, какъ кошки, вскарабкались на скалу и, около трехъ часовъ, какъ сказано выше, съ дикимъ крикомъ кинулись на секреты и на штурмъ передней траншеи на скалѣ Св. Николая, гдѣ были всего двѣ неполныя стрѣлковыя (2-я и 3-я) роты Подольскаго полка*). Держа ружье на перевѣсъ одною рукою, турки другою кидали трехфунтовыя гранаты вверхъ чрезъ траншею. Было даже нѣсколько человекъ безъ ружей, съ гранатами въ обѣихъ рукахъ. Гранаты, впрочемъ, не смотря на огромное ихъ число, не принесли особеннаго вреда, такъ какъ лопались плохо. Въ первую минуту нашихъ молодыхъ солдатъ озадачила эта новинка. Они попытились; но вскорѣ, замѣтивъ, съ быстротою русской сметки, что новинка эта хоть и дѣйствительно нова, но не больно страшна, они принялись прыскать къ турокъ залпами. Первая неприятельская цѣпь, ворвавшаяся въ ложементы, была опрокинута назадъ къ самому отвѣсу горы; но изъ-за горы вышла

*) Для этой ночной атаки Сулейманъ-паша составилъ три колонны: центральную, назначенную для атаки горы Св. Николая, изъ восьми батальоновъ, изъ которыхъ три батальона набраны были изъ однихъ охотниковъ, лѣвую—изъ шести батальоновъ, правую—изъ четырехъ. Три батальона охотниковъ, подъ командою майора Ахмета-Эффенди, должны были, соблюдая полную тишину, двигаться ползкомъ впередъ и атаковать Св. Николая. Прочія колонны должны были поддерживать атаку охотниковъ. Всѣмъ частямъ были розданы самыя подробныя инструкціи и пароли, чтобы съ успѣхомъ ориентироваться въ темнотѣ ночи. Любопытно то, что Сулейманъ-паша выставляетъ поводомъ къ этой атакѣ занятіе нами Ловчи. При чемъ тутъ Ловча—непонятно.

новая цѣпь „чертей“, какъ говорили наши солдаты, такъ какъ это были все анатолійцы, арабы и цыгане — черные-пречерные. Въ полутьмѣ они казались еще страшнѣе. Это подкрѣпленіе поддерживало сбитую цѣпь, и турки опять погнали наши роты въ траншею и, отерывъ по ней сильный ружейный огонь, забросали вдобавокъ траншею ручными гранатами. Четыре офицера и много нижнихъ чиновъ пали на мѣстѣ, вслѣдствіе чего слабые числомъ защитники, въ виду многочисленнаго непріятеля, принуждены были оставить эти траншеи и отошли къ ложементамъ 9-й роты, стоявшей за ними въ резервѣ.

Командующій 14-ю пѣхотною дивизіею, генералъ-майоръ Петрушевскій, получивъ первоначальное донесеніе о тревогѣ отъ полковника Духонина, завѣдывавшаго обороною горы Св. Николая, послалъ на гору двѣ роты Житомирскаго полка, выставленныя на ночь въ резервѣ къ подошвѣ Св. Николая. Изъ нихъ полковникъ Духонинъ послалъ одну роту на поддержку стрѣлковыхъ ротъ Подольскаго полка, а другую роту оставилъ въ деревнѣ. Въ то же время, прибывъ на мѣсто боя, генералъ Радецкій приказалъ командиру Житомирскаго полка, полковнику Тяжелникову, послать на гору Св. Николая остальные восемь ротъ 2-го и 3-го батальоновъ.

Но такъ какъ дѣло начинало разгораться, то до прибытія житомирскихъ ротъ были направлены на гору двѣ роты Волынскаго полка, расположенныя по близости въ резервѣ. На мѣсто Житомирцевъ къ тыльной горѣ были придвинуты со своего bivouaka семь ротъ Брянскаго полка, изъ которыхъ пять ротъ были посланы потомъ въ подкрѣпленіе войскамъ на горѣ Св. Николая.

Между тѣмъ, за первыми густыми непріятельскими цѣпями залзали на гору еще нѣсколько турецкихъ ротъ въ разомкнутомъ строю. При начинающемся разсвѣтѣ можно было видѣть, какъ число враговъ на горѣ все прибываетъ и прибываетъ, а наши роты спускаются назадъ внизъ. Треть унтеръ-офицерамъ и двумъ рядовымъ, убитымъ въ ложементахъ и тамъ оставшимся, турки отрѣзали, на глазахъ нашихъ ротъ, головы тесаками и стали стягивать съ нихъ сапоги, шинели и мундиры. Вслѣдствіе всего этого, по приказанію командира корпуса,

поспѣшно прибывшаго на позицію, огонь со всѣхъ нашихъ ближайшихъ ложементовъ былъ направленъ на непріятеля, а наша батарея стрѣляла по немъ непрерывно картечью и гранатами. Особенно тутъ отличилась 4-я батарея 14-й артиллерійской бригады полковника Гофмана. Тѣмъ не менѣе дѣла наши, видимо, шли нехорошо въ этомъ пунктѣ. Впрочемъ, мы надѣялись, что какъ разсвѣтетъ вполне — дѣла поправятся, такъ какъ у насъ сзади были резервы.

Въ то время, какъ все это происходило у горы Св. Николая, непріятель не оставилъ въ покоѣ и нашего праваго фланга, такъ что опасеніе атаки, вызванное извѣстіями, полученными ночью отъ секретовъ, имѣло основаніе. Въ исходѣ пятого часа утра непріятель демаскировался окончательно въ лѣсу передъ „боковою“ горою и, вскочивъ на ноги, — такъ какъ онъ скрытно лежалъ за деревьями въ лощинахъ, — густыми толпами бросился вверхъ, вразсыпную, въ атаку на „боковую“ гору. Крики „Алла!“ и ругательства стояли дивнымъ гуломъ въ воздухѣ. Наши секреты бросились бѣжать назадъ; стрѣлковая цѣпь безпорядочно стала отступать вверхъ на резервы, отстрѣливаясь, впрочемъ, горячо. Непріятель ее преслѣдовалъ по пятамъ. Съ пронзительнымъ крикомъ, какой можетъ испускать въ остервененіи лишь звѣрь или дикій человекъ, лѣзли толпы турокъ на скалы. Пригнувшись къ землѣ, дабы избѣжать нашихъ пуль, спотыкаясь и поминутно падая, цѣпляясь за кусты и камни, съ выпученными и налитыми кровью глазами, съ красными лицами, почти переставъ стрѣлять, валяла вся эта красноголовая волна на русскую позицію. Между тѣмъ, благодаря распорядительности подполковника Сендецакаго, командовавшаго на „боковой“ горѣ семью ротами Волынскаго полка и предупрежденнаго о шумѣ въ лѣсу секретомъ, у насъ все уже было готово къ встрѣчѣ. Роты стояли у ложементовъ и на открытомъ мѣстѣ, готовясь встрѣтить незваныхъ гостей. Подполковникъ Сендецкій лично всѣмъ приказалъ не открывать рано огня и стрѣлять по преимуществу залпами. Роты были возвращены. Едва стрѣлки успѣли убраться, въ полныхъ, за фронтъ, а изъ боковыхъ ложементовъ сосѣднія роты открытъ бѣглый огонь, какъ турки поднялись толпами на послѣдній приторокъ подъема,

явились прямо передъ нашимъ фронтомъ и бросились тремя большими группами на Волынцевъ. Командиръ 1-й стрѣлковой роты, капитанъ Остаповъ, подпустилъ турокъ на 50 шаговъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1-й ротѣ раздалась команда, послышалось въ воздухѣ криканье вводимыхъ курковъ, снова команда... секунда молчанія, облако бѣлаго дыма — и, затѣмъ, дружный трескъ залпа въ турокъ. Спѣшать зарядить снова ружья. Вправо стоящая рота Волынцевъ даетъ съ мѣста такой же залпъ. Еще команда — опять криканье курковъ, наклонъ ружей, бѣлый дымъ и трескучій залпъ. На минуту турецкіе вопли стихли; за пороховымъ дымомъ ничего не видно впереди; еще минута — и раздается какое-то шурканье, затѣмъ какъ бы топанье бѣгущихъ подъ гору людей. Дѣйствительно, турки побѣжали навадь. Тотчасъ же стали обстрѣливать турокъ: рота Подольскаго полка, съ горы Св. Николая, и 4-я батарея 14-й артиллерійской бригады. Вотъ какъ описываетъ картину турецкаго бѣгства одинъ изъ очевидцевъ-офицеровъ: „Дымъ разсѣялся; смотримъ, красныхъ рожъ не видно; видны одни затылки съ глубоко напыленными на нихъ красными фесками, болтающимися кисточками, здоровыя синія спины, широчайшія синія шаровары, — и все это, по утиному переваливаясь съ боку на бокъ, стремглавъ бѣжитъ назадъ, подъ гору, кидая ружья, натываясь на трупы убитыхъ, барахтающихся раненыхъ, тщетно пытающихся подняться съ земли и руками старающихся укрыть лицо отъ нашихъ пуль;... масса винутыхъ ружей, сумокъ, потерянныхъ фесокъ. Красивый, съ бронзовымъ лицомъ, молодой солдатъ-турокъ лѣтъ двадцати, въ ярко красной фескѣ, сидѣлъ на землѣ, шагахъ въ шестидесяти передъ нашимъ фронтомъ. Онъ былъ раненъ. Онъ лѣвою рукою еще держалъ ружье, а правою прижималъ на груди раненое мѣсто. Онъ сдѣлалъ усилие, чтобы подняться на ноги и бѣжать за товарищами, но силы ему измѣнили, и онъ не могъ бѣжать. Тогда онъ протянулъ ружье къ нашимъ солдатамъ и бросилъ его, желая дать понять, что онъ сдается. Съ секунду онъ молча сидѣлъ, понуривъ голову и держась рукою за рану; изрѣдка онъ проводилъ рукою по лицу и останавливалъ ее на лбу; можетъ быть, онъ молился, чувствуя приближеніе смерти; но вдругъ красивое его лицо

судорожно искривилось и, забарахтавшись, онъ упалъ навзничь, продолжая прижимать руку къ ранѣ. Вѣрно онъ очень страдалъ. Черезъ три минуты онъ былъ мертвъ. Около валялось еще нѣсколько десятковъ раненыхъ турокъ и нашихъ, приколотыхъ непріятелемъ, стрѣлковъ, корчившихся въ предсмертныхъ мукахъ“.

Удачное отраженіе приступа въ этомъ мѣстѣ было встрѣчено въ нашихъ войскахъ радостными криками. Три раза повторяли тутъ свои атаки турки, но каждый разъ были отбиваемы перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ и особенно отличнымъ дѣйствіемъ картечныхъ гранатъ 4-ой батареи полковника Гофмана. Къ девяти часамъ турки прекратили нападеніе на нашу правый флангъ.

Въ разсказѣ объ атакѣ турокъ на гору Св. Николая мы остановились на томъ моментѣ, когда непріятелю удалось занять передовые ложементы скалы. Это было около четырехъ или пяти часовъ утра. Опасность увеличивалась именно тѣмъ обстоятельствомъ, что гора Св. Николая есть командующая точка позиціи. Непріятель хорошо это понималъ, и теперь, завладѣвъ горою, пытался укрѣпиться на ней. Онъ подвелъ сюда саперъ, принесъ туры и, разставивъ послѣднія, усиленно началъ окапываться ложементами.

Сильный и мѣткій огонь изъ нашихъ ложементовъ наносилъ огромный вредъ туркамъ, но они съ поразительнымъ упорствомъ и храбростью держались на скалахъ Св. Николая. Непріятель постоянно также придвигалъ сюда все свѣжія и свѣжія войска. Здѣсь собралось уже болѣе десяти турецкихъ ротъ.

Двѣ стрѣлковыя роты Подольскаго полка, устроившись и получивъ въ поддержку роту Житомирскаго полка, пошли въ атаку на турокъ, занявшихъ скалы. Ротамъ этимъ приходилось брать скалы по узкому перешейку между двухъ пропастей. Поэтому потери ихъ были громадны, и три атаки, веденныя весьма горячо, не удались. Между тѣмъ, турки все время лѣзли и лѣзли на скалы и въ шестомъ часу утра утвердили на нихъ бѣлый флагъ съ красною луною*). Это означало, что

*) Знакъ, условленный съ турецкимъ главнокомандующимъ для обозначенія мѣста нахождения госпиталей и

они требуют прекращения огня, желая приступить къ уборкѣ раненныхъ. Русскія войска прекратили огонь. Но генералъ Радецкій понялъ сразу, что это военная хитрость, что флагъ объ уборкѣ раненныхъ можно поднимать лишь по окончаніи сраженія, а не среди боя: поэтому тотчасъ разослалъ по войскамъ приказаніе не обращать вниманія на флагъ и немедленно открыть по горѣ Св. Николая усиленную канонаду. Такимъ образомъ хитрость турокъ, думавшихъ укрѣпиться на горѣ во время перемирія, была парализована.

Между тѣмъ, непріятель въ значительныхъ силахъ повелъ атаку и на другіе пункты фронта позиціи: около шоссе на гору, противъ батареи № 2, на Св. Николаѣ, и изъ ложины противъ батареи № 3, на Зеленой горѣ, и противъ ложементовъ 9-й роты Подольскаго полка, расположенныхъ правѣе этой батареи. Немедленно были посланы противъ него рота Подольскаго полка, двѣ роты Житомирскаго и одна—Волынскаго полковъ.

Совокупныя усилія этихъ четырехъ ротъ, при блестящемъ дѣйствіи артиллеріи, отразили турокъ. Особенно большія потери нанесла непріятелю 1-я батарея 14-й артиллерійской бригады, командиръ которой, полковникъ князь Мещерскій, былъ убитъ въ самомъ началѣ боя. Дѣйствовала она преимущественно картечью, причѣмъ поручикъ Сидоринъ, не могши стрѣлять въ атакующихъ изъ-за бруствера, подъ градомъ пуль выкатилъ орудія изъ ложемента на удобное мѣсто и удачными выстрѣлами картечью разсѣялъ нѣсколько турецкихъ колоннъ, причѣмъ самъ получилъ двѣ раны и былъ вынесенъ изъ строя.

Къ восьми часамъ утра непріятельскія атаки, хотя и съ большими потерями съ нашей стороны, были отражены на всѣхъ пунктахъ, кромѣ скалы Св. Николая, на которой число турокъ все увеличивалось.

Понимая, что нельзя позволить непріятелю долго владѣть горою: иначе онъ окопается, его потомъ не выбьешь и онъ заставитъ насъ очистить всю шипкинскую позицію на перевалѣ, командиръ 8-го корпуса, генералъ Радецкій, сталъ дѣлать распоряже-

перевязочныхъ пунктовъ, и имѣющій одинаковое значеніе съ краснымъ крестомъ на бѣломъ полѣ.

нія о немедленномъ отбитіи обратно горы Св. Николая у турокъ. Наскоро стянуты были сюда нѣсколько свѣжихъ ротъ Житомирскаго и Волынскаго полковъ, а полковнику Тяжелъникову, князю Хилкову и полковнику генеральнаго штаба Реннерфельту была объяснена Радецкимъ вся настоятельная необходимость обратнаго взятія позиціи.

Между тѣмъ турки, видя готовящееся нападеніе, рѣшились обороняться упорно. Первые три наши нападенія были отражены ими, и мы въ безпорядкѣ принуждены были отступить, потерявъ нѣсколько сотъ убитыми и ранеными. Послѣ каждаго штурма наши отходили назадъ, снова строились и поддерживали живую канонаду противъ горы, занятой турками. Такъ дѣло продолжалось все утро. Нѣсколько разъ направлялъ въ бой штурмовыя колонны самъ генералъ Радецкій, находясь постоянно подъ сильнымъ огнемъ противника. Послѣ каждой неудачи онъ хладнокровно ободрялъ войска словами: „Ничего, попробуемъ еще. Взять обратно гору необходимо, необходимо!“ — „Дайте людямъ отдохнуть и штурмуйте снова“, — приказывалъ онъ начальникамъ. Рассказываютъ, что послѣ втораго неудачнаго штурма на гору въ войскахъ возникло было сомнѣніе въ возможности отбить позицію у турокъ: до такой степени трудно это было. Турки держались массою; окопы ихъ возвышались ежеминутно; огонь ихъ вырывалъ изъ строя сотни людей въ какіе нибудь полчаса. Роты, дѣйствовавшія противъ скалы, сильно порѣдѣли и не въ силахъ были отнять ея у непріятеля. Въ резервѣ оставалось всего двѣ роты Житомирскаго полка, которыя полковникъ Духонинъ не рѣшался расходовать до прибытія подкрѣпленія. Тогда генералъ Радецкій отправилъ на гору Св. Николая полковника Тяжелъникова съ баталіономъ Житомирскаго полка.

Съ прибытіемъ полковника Тяжелъникова сформирована была штурмовая колонна изъ двухъ ротъ Житомирскаго и роты Волынскаго полковъ. Атака, порученная сначала полковнику Тяжелъникову, поведена была удачно, но тутъ вскорѣ былъ раненъ молодецкій командиръ Житомирскаго полка, храбрый полковникъ Тяжелъниковъ, шедшій на штурмъ впереди колоннъ. Атака была отбита. Генералъ Радецкій стоялъ на своемъ. „Мы должны или отбить гору, или лечь здѣсь. Я не уйду до тѣхъ поръ.

Это ключъ всей позиціи. Я стану самъ во главѣ васъ въ крайнемъ случаѣ. Именемъ Государя и военной чести—приказываю взять обратно гору, какія бы ни были жертвы!“ Всѣ снова бросались по своимъ мѣстамъ, барабаны гудѣли штурмъ, и утомленные Житомирцы и Волынцы шли опять на приступъ, подъ командою князя Хилкова, командовавшаго волынскими ротами и замѣнившаго полковника Тяжелъникова. Горы опять оглашались широкимъ „ура“, и, карабкаясь, солдаты лѣзли на высоты.

Было безъ четверти двѣнадцать часовъ дня, когда, послѣ неоднократно отбитыхъ приступовъ, храбрыя войска наши ворвались—таки въ ложементы турокъ, сбили послѣднихъ, смали въ кучу и потнали съ горы, преслѣдуя ихъ въ догонку ружейными залпами и штыками съ ужаснымъ остервененіемъ. Турки, спасаясь отъ ихъ штыковъ, прыгивали со скалы и катились внизъ кубаремъ. До тридцати человекъ были перебиты штыками на краю пропасти. Житомирцы зарвались ужасно впередъ и на протяжении всего спуска гнались за непріятелемъ, который лишился тутъ около восьми сотъ человекъ. Нѣсколько турецкихъ ротъ, бросившихся съ горы влѣво, въ оврагъ, попали подъ гранаты нашей стальной батареи и потеряли тутъ еще нѣсколько сотъ. Южный склонъ горы Св. Николая весь алѣлъ отъ красныхъ фесокъ убитыхъ турокъ; весь скатъ горы, почти сплошь, былъ покрытъ турецкими тѣлами. Вообще, это былъ день, дорого стоившій непріятелю за временное торжество и владѣніе скалою Св. Николая.

Хотя и намъ дорого стоила эта атака, но зато этимъ молодецкимъ дѣломъ былъ окончательно отбитъ штурмъ.

По окончаніи боя, генералъ Радецкій дружески пожалъ руку подполковника князя Хилкова, храбро начальствовавшаго послѣ Тяжелъникова штурмовыми колоннами. Улыбаясь, генералъ Радецкій сказалъ: „Теперь я готовъ принять пріостановку военныхъ дѣйствій для уборки раненныхъ, если гг. турки того желаютъ.“ Затѣмъ онъ побѣхалъ благодарить солдатъ за мужество и поздравить ихъ съ побѣдою.

Потери наши 5-го сентября были велики, что лучше всего доказываетъ, съ какою настойчивостью велъ атаку непріятель. Мы потеряли убитыми и ранеными 31 штабъ и оберъ-офицера и болѣе 1,000 нижнихъ чиновъ. Но непріятель понесъ гораздо большія потери; точную цифру трудно опредѣлить, но не менѣе 3,000.

Послѣ 5-го сентября на Шипкѣ опять наступило затишье. Турки ограничивались одною лишь перестрѣлкою и бом-

бардированіемъ шипкинской позиціи.

16-го сентября Сулейманъ-паша, по предписанію изъ Константинополя, повинулъ свою шипкинскую армію, чтобы принять командованіе надъ восточною дунайскою арміею, вмѣсто Мегмета-Али-паши. Командовать шипкинскою турецкою арміею остался Реуфъ-паша.

По примѣру своего предшественника, Реуфъ-паша продолжалъ усиливать свои укрѣпленія противъ Шипки и увеличивать число своихъ орудій, откры-

Полковникъ Тяжелъниковъ.

вая по временамъ сильный ружейный и артиллерійскій огонь противъ шипкинскихъ позицій.

Все это заставило и генерала Радецкого приложить всѣ старанія къ усиленію нашихъ позицій на Шипеѣ.

21-го октября на Шипеу прибыли 24-й пѣхотная дивизія, полки — Красноярскій, Енисейскій и Иркутскій, для смѣны измученныхъ и оборванныхъ Орловцевъ и стрѣлковъ 4-й бригады. Орловскій полкъ и 4-я стрѣлковая бригада были отправлены въ Тирновъ для отдыха и поправки; но и тутъ этимъ героямъ недолго пришлось отдыхать: 22-го ноября Сулейманъ-паша атаковалъ нашъ еленинскій отрядъ, и Орловцы со стрѣлками были двинуты туда на помощь. Съ этого времени они такъ и остались въ еленинскомъ отрядѣ.

Повсемѣстное усиленіе турецкихъ отрядовъ, а съ другой стороны неудачный нашъ штурмъ Плевны 30-го августа и рѣшимость главнаго начальства покончить съ нею обложеніемъ, очевидно, затягивали кампанію надолго, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо затягивалось и наше сидѣнье на Шипкѣ. Въ виду этого, не только были приняты мѣры къ усиленію нашихъ позицій на Шипеѣ, но и приступлено было къ приспособленію ихъ для долгой зимней стоянки. Насколько этого можно было достигнуть въ суровой обстановкѣ горъ, на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря и подъ постоянными выстрѣлами непріятеля, — мы увидимъ послѣ, а теперь приведемъ краткій обзоръ нашихъ и турецкихъ позицій на Шипеѣ въ томъ окончательномъ видѣ, какой онѣ приняли постепенно.

Дорога изъ Габрова, подымаясь на горы, прежде всего пересѣкаетъ вершину Рашейску, гдѣ стоялъ Брянскій полкъ въ брянскихъ землянкахъ. Черезъ лощину шоссе взбѣгаетъ на слѣдующую гору, гдѣ стояла такъ называемая, по имени своего командира, Подтягинская батарея № 8. Батарея эта обстрѣливалась (и въ свою очередь обстрѣливалась, какъ и вся эта дорога) горную турецкую батарею, лежавшую за лощиною на западѣ.

За Подтягинскою батареею, на скатахъ невысокой горы, находилась Райская долина. Прелестное имя это дано ей генераломъ Мольскимъ потому, что достаточно было днемъ пройти по ней, чтобы неминуемо переселиться въ рай. Она ожесточенно обстрѣ-

ливалась турками изъ аванпостовъ и траншей, лежавшихъ вокругъ ихъ горной батареи. Прицѣлка у турокъ дошла до того, что здѣсь били на выборъ. Часто по одному всаднику пускали гранаты, а по пѣшеходу ружейные залпы. Снаряды пускались вдоль этой узкой полосы и сметали все, что ни встрѣчали на своемъ пути. Днемъ поэтому Райская долина была пуста. Никто по ней не ходилъ, не двигался. Только ночью здѣсь шли войска, проѣзжали изъ Габрова транспорты и кухни. И при этомъ турки съумѣли вредить намъ. Днемъ они ставили свои орудія, взявъ прицѣлъ на шоссе Райской долины, а ночью, когда по ней открывалось движеніе, они открывали свой артиллерійскій огонь по ней. Вообще нужно отдать имъ справедливость: пристрѣлка у нихъ была изумительная. Появлялась-ли на шоссе, не только въ Райской долинкѣ, но и въ другихъ пунктахъ телѣга: они по телѣгѣ гранатой — и попадали. Для Райской долины была специальная батарея. Разъ, въ сумерки, тамъ ѣхала телѣга съ ротною пищею. Только-что достигла она Райской долины — падаетъ граната и ранитъ лошадь. Кашеваръ останавливается отвязать ее; падаетъ вторая граната — и другая лошадь падаетъ мертвой. Возится съ этой: — третья граната убиваетъ его и послѣдняго коня. Радецкій, приѣзжая сюда съ большою свитою, обыкновенно оставлялъ ее за брянскимъ домикомъ до сумерекъ. Потомъ это уже вошло въ обыкновеніе, и днемъ не ѣздили, такъ что въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ не было большихъ потерь. Самымъ спокойнымъ пунктомъ почему-то сдѣлалась Подтягинская батарея. На ней въ четыре мѣсяца было убито только двое.

Противъ нея турки поставили специальную батарею, и Подтягинъ, а потомъ Пиуновъ постоянно перестрѣливались съ нею, желая непременно оканчивать послѣдними.

Этотъ батарейный командиръ Пиуновъ когда-то стоялъ на № 4 и тоже славился тѣмъ, что оканчивалъ всегда послѣднимъ. Дастъ выстрѣлъ — турки смолкаютъ. Другой — отвѣта нѣтъ. Если и на третій безмолствуютъ, тогда и Пиуновъ прекращалъ дѣйствіе своей артиллеріи.

За Райскою долиною, подъ защитою довольно высокого вала, былъ расположенъ Подольскій полкъ за траверсами, въ землянкахъ, воздвигнутыхъ поверхъ земли, а не врытыхъ, почему солдаты здѣсь очень

завли. Единственно, кто врылся какъ слѣдуетъ, — это Минцы, по указанію тогдашняго своего командира полковника Мольскаго. Мольскій — старый севастопольецъ и потому зналъ на практикѣ, какъ нужно устраиваться на подобныхъ позиціяхъ. И въ то время, какъ у Подольцевъ были десятки выбывшихъ изъ строя, у Минцевъ ни одного. Ранѣе этого у Минцевъ было 40 человекъ потери въ сутки; послѣ того, какъ они закопались, только изрѣдка появлялись раненые.

По другую сторону шоссе, у позицій Подольскаго полка, находилась двухъ-орудійная батарея, которую прозвали „Скороспѣлкою“; она дѣйствовала противъ одной изъ турецкихъ батарей на Лѣсной горѣ и новой горной ихъ батареи. Название свое Скороспѣлка получила потому, что ночью ее началъ строить подполковникъ Рѣзвой, а утромъ она уже была по турецкимъ позиціямъ изъ двухъ своихъ девятифунтовыхъ орудій.

На слѣдующей высотѣ находилась батарея № 7-й, называемая „Драгомировскою“ (прежде „тыльная“), потому что тутъ былъ раненъ генералъ Драгомировъ 12 августа.

Между „Драгомировскою“ батареею и „Скороспѣлкою“, за валомъ, находилась землянка начальнической позиціи, командира 14-й дивизіи, генерала Петрушевскаго. Здѣсь онъ жилъ съ командиромъ 2-й бригады, генераломъ Бискупскимъ, и начальникомъ своего штаба, Якубовскимъ. Она довольно просторна. Тутъ, когда еще не рыли землянокъ, въ валу каменистаго ската была выбита пещера, въ которой лѣтомъ помѣщались Радецкій, Дмитровскій, Петрушевскій и другіе. На этомъ же мѣстѣ смертельно раненъ генералъ Дерожинскій. Здѣсь было до-того скверно, что даже писарей дивизионаго штаба ранило во время ихъ канцелярскихъ занятій. Всѣ, начиная отъ корпуснаго командира и кончая послѣднимъ кашеваромъ, были въ постоянной опасности. Жилье Петрушевскаго было собственно не землянка, потому что оно не было врыто въ землю, и не домъ, потому что оно было крыто дерномъ сверху. Потери въ такихъ землянкахъ были велики. Послѣ того уже врывались въ землю всѣ. Петрушевскій даже отдалъ приказаніе, что если хотя одинъ солдатъ будетъ убитъ или раненъ на мѣстѣ ночлега, то за него отвѣчаетъ командиръ. Это подѣйствовало. Стали глубоко заваливаться въ землю и убійственное дѣйствіе турецкихъ пуль прекратилось.

Кухни выводили подъ выстрѣлами и старательно ихъ блиндировали. Первый перенесъ кухни сюда опять-таки Мольскій. Дѣло въ томъ, что прежде кухни были внизу перевала и пищу привозили холодной по ночамъ. Въ морозное время горячая пища была положительно необходимостью. „Говядина на ногахъ идетъ, воду найдемъ, а крупу принесутъ за ночь“, говорили солдаты, оцѣнивая сравнительное удобство своихъ кухонь съ прежними порядками, когда обѣдать имъ приходилось ночью. Теперь къ нимъ по ночамъ притоняли только быковъ.

Не доходя до „Драгомировской“ батареи, по лѣвую сторону шоссе, стояли саперы, нѣсколько далѣе Житомирскій полкъ, а по правую сторону его — мортирная батарея № 2-го. Здѣсь турецкія бомбы дали-таки себя чувствовать. Особенно сильна была канонада 27-го октября, ознаменовавшаяся однимъ комическимъ эпизодомъ. Въ то время, когда огонь былъ въ разгарѣ, вдругъ около траншей Житомирскаго полка показывается заяцъ. Солдаты точно позабыли опасность и, выскочивъ изъ своихъ закрытій, открыли такую облаву по косому, отъ которой въ восторгъ пришелъ бы любой охотникъ. Около получаса члвкъ сто кружились и гонялись за зайцемъ, съ криками „агу его, агу его“, не обращая вниманія, что тутъ посреди нихъ лопаются бомбы и гранаты. Наконецъ заяцъ былъ пойманъ и торжественно принесенъ въ траншею. Тогда только люди успокоились и опять стали хорониться отъ непріятельскаго огня.

Драгомировская батарея была противъ турецкихъ батарей на Лысой и на Лѣсной горахъ. Ее прозвали въ первое время солдаты Маревуткой, потому что, вооруженная малокалиберными орудіями, она никуда не попадала. Потомъ на нее поставили уже крупныя; но презрительное названіе Маревутки такъ и осталось за нею. Мортирная батарея № 2 была по всѣмъ направленіямъ, даже по „Девятиглазой“ турецкой батарее, въ юго-востоку отъ Николая, которую такъ называли потому, что въ ней было девять амбразуръ.

Южнѣе мортирной батареи находились позиціи Минскаго полка. Тутъ были особенно сосредоточены оборонительныя силы. Направо и налѣво были заложены фугасы. Батарея „Круглая“ № 6, штурмовая № 2 защищали ее съ востока; большая „Центральная“ (прежде „Средняя“) — съ сѣвера. „Круглая“ ба-

тарей замѣчательна по своему устройству. Она стрѣляла по обѣ стороны, почему имѣла выходные брустверы изъ туровъ. Она стояла ниже Николая, но это было самое лучшее мѣсто, чтобы стрѣлять на Лысую гору и „Девятиглазую“ батарею. Круглая батарея была устроена на семь орудій. „Центральная“ батарея тоже была въ разныхъ направленіяхъ и поставлена была въ центрѣ минской позиціи. Минская позиція была средоточіемъ всего района, занятого нами здѣсь. Фугасы были заложены кругомъ, потому что она была самымъ слабымъ нашимъ пунктомъ здѣсь.

Отъ минской позиціи наши расположенія батарей и войскъ раздвоились. Волынской полкъ располагался на западъ по „Божовой“ горѣ, прозванной теперь „Волынской“, гдѣ были поставлены батареи скорострѣльная № 2 и штурмовая № 1. На Волынской же горѣ были наши самыя глубокія и сильныя траншеи. Здѣсь именно болѣе всего падало жертвъ.

Отъ минскихъ позицій къ Волынской горѣ путь былъ и очень труденъ, и очень опасенъ. Его осыпали гранатами и пулями; сверхъ того, кручи и обледѣлые скаты затрудняли доступъ даже и ночью, когда турки не могли видѣть движенія нашихъ войскъ. Серебряныя вершины этихъ горъ тонуть въ синевѣ небесъ, дорога ложится не тамъ, гдѣ удобнѣе, а тамъ, гдѣ безопаснѣе; поэтому многіе нѣсколько разъ скатывались внизъ прежде, чѣмъ добивались. Истинною мукою для солдатъ было идти сюда. Пока доходили до траншей—теряли нѣсколькихъ, потому что турки на западъ занимали командующія вершины, и каждый былъ передъ ними, какъ на ладони. Какъ двигались тутъ солдаты съ ружьями, сумками, патронами—понять невозможно. Какъ тутъ носили раненыхъ—еще непонятнѣе. Траншеи представляли также ненадежное убѣжище. Достаточно было высунуть голову отсюда, чтобы моментально получить пулю въ лобъ.

„Волынская“ горка теперь вся была пересѣчена траншеями; въ нее были врыты хорошо блиндированныя землянки. Солдаты 14-й дивизіи, благодаря разнымъ предупредительнымъ мѣрамъ, отлично выносили тутъ свое почти ужасное положеніе.

Съ центральныхъ позицій Минскаго полка, какъ мы уже сказали, позиціи наши раздвоились: въ одномъ направленіи на Волынскую горку, въ дру-

гомъ—на югъ, на Св. Николая. Это собственно одна нѣсколько-вершинная гора. Каждая передняя выше той, которая осталась позади. Наконецъ вся эта на первый взглядъ грозная позиція оканчивается громадою скалъ, вѣнчающихъ вершину Св. Николая. Скалы эти очень удачно прозваны Орлинымъ гнѣздомъ.

Между центральною позиціею и Св. Николаемъ, въ лощинѣ, находился перевязочный пунктъ. Позиція Св. Николая тоже охвачена линіею фугасовъ. Тутъ, на западной сторонѣ вершины, были батареи: № 4, мортирная № 1, батарея № 3 князя Мещерскаго, названная такъ потому, что онъ былъ убитъ здѣсь, на югъ—батарея „Промежуточная“, на востокъ—батареи горная и стальная. Гарнизонъ позиціи Св. Николая составлялся изъ дежурныхъ частей всѣхъ другихъ полковъ, расположенныхъ позади. Противъ промежуточной батареи, на южномъ склонѣ Св. Николая,—наши аванпосты въ ложе-ментахъ.

На Волынской горѣ и на позиціяхъ Св. Николая впереди обыкновенно располагались наши секреты. Какая нибудь кучка камней, засыпанныхъ снѣгомъ. Ночью туда пробирались нѣсколько человекъ и ложились въ секретъ въ сорока, пятидесяти шагахъ отъ непріятеля. Часто противъ нашего секрета оказывался секретъ непріятельскій. Нерѣдко два секрета отлично видятъ другъ друга и молчатъ, точно по взаимному соглашенію, т. е. не тронь меня, и я тебя не трону.

Всѣ наши шипицкиныя позиціи составляли вереть шесть или семь. Это длинная линія траншей, батарей и землянокъ. Идешь по ней—вершины наши кажутся громадными, а все обружающее—малымъ и ничтожнымъ. Такъ грузны массы нашихъ горъ, такъ смѣлы ихъ очертанія. И только когда турки сдались, то оказалось, что всѣ русскія твердыни и даже самъ грозный оплотъ Св. Николая гораздо ниже вершинъ, на которыхъ было-сталь твердую ногою нашъ исконный врагъ. Отсюда, съ вершины Лысой горы, Девятиглазой батареи и „Соска“ видно, на какихъ ничтожныхъ, въ сущности, позиціяхъ мы держались. Турецкія позиціи командуютъ нашими. Онѣ къ намъ смотрѣли сверху внизъ, причемъ все, что дѣлалось у насъ, туркамъ было видно отлично.

Перейдемъ къ позиціямъ турецкимъ. На восточной сторонѣ, т. е. на ихъ правомъ флангѣ, турецкіе пикеты начинались противъ позицій Подольскаго полка. Высота, соответствующая мѣсту расположенія Житомирскаго полка, была укрѣплена большими непріятельскими траншеями; впереди нея, грозя нашей минской позиціи, высится гора „Сосокъ“, на верхушкѣ которой сильная турецкая батарея. Съ „Соска“, „Сахарной Головы“ восемь десятыхъ нашихъ минскихъ позицій обстрѣливались даже ружейнымъ огнемъ прицѣльно. Высоты эти круты и рельефны. Батареи на ихъ вершинахъ кажутся черными черточками,—тогда онѣ бросали молнии къ намъ и бросали безнаказанно, потому что съ нашихъ, сравнительно малыхъ, высотъ мы могли наносить имъ весьма ничтожный вредъ. Высоты Соска и Сахарной Головы нечувствительно переходятъ въ громадную высь Малаго Бедека, съ которой во всѣ свои девять глазъ смотритъ на все протяженіе нашихъ позицій знаменитая девяти-амбрузная батарея. Она громила и Св. Николая, и минскую, и волынскую позиціи.

Такимъ образомъ, обращаясь на востокъ отъ Св. Николая, видишь прежде всего Малый Бедекъ, потомъ Сахарную Голову и Сосокъ. Тутъ сначала стояло двадцать, потомъ двѣнадцать таборовъ и около одиннадцати орудій и пяти мортиръ, за исключеніемъ батарей, которыя турки понадѣлали здѣсь надъ лощинами, на случай нашего обхода. Съ ними число орудій на правомъ флангѣ турецкихъ позицій доходило до тридцати, а число траншей—до ста. Изъ этихъ траншей въ однѣ выходили устья землянокъ, и народъ тамъ былъ постоянно; другія оставались пустыми до тревоги, когда въ нихъ вбѣгали дежурные таборы.

Въ центрѣ турецкихъ позицій, противу насъ на горѣ, соответствующей Св. Николаю, находилось нѣсколько грозныхъ редутовъ, мортирныхъ батарей, батареи дальнѣйшихъ крупновесныхъ орудій и непрерывный нѣсколкоярусный рядъ ложементовъ и траншей. Последнія здѣсь были устроены съ глубокими рвами, такъ что если бы мы и дошли до брустверовъ, то въ траншеи и редуты все-таки проникли бы не иначе, какъ наполнивъ рвы своими трупами и сдѣлавъ изъ нихъ родъ моста. Самныя стѣны траншей и редута были испещрены отверстіями, такъ

что непріятель, засѣвшій въ нихъ, могъ защищаться, не показываясь. Были траншеи даже блиндированныя. Цѣль этихъ укрѣпленій въ центрѣ непріятельскихъ позицій—мѣшать нашему дебушированию въ долину. Здѣсь у турокъ стояло обыкновенно до восьми таборовъ и притомъ самыхъ испытанныхъ изъ старыхъ черногорскихъ кадровъ Сулеймана. Большинство турецкихъ солдатъ на этой позиціи украшены были серебряными медалями съ изображеніемъ горъ, на которыхъ водружено знамя съ полумѣсяцемъ; внизу турецкая надпись „Кардагъ“ (Черная гора).

На лѣвомъ флангѣ турецкихъ позицій непріятельскіе аванпосты приближались къ намъ на очень близкое разстояніе. За нашею Волынскою горою на Лысой горѣ была поставлена ихъ мортирная батарея. Подъемъ къ ней очень тяжелъ, на что турки видимо рассчитывали. Подъ огнемъ онъ невозможенъ, крутизна необычайная и во всѣхъ направленіяхъ обстрѣливается турками. Сверхъ того, какъ и вездѣ здѣсь, поверхность скала обледѣла. Вѣтеръ свѣялъ снѣгъ,—и по гладкимъ ледянымъ крутизнамъ всякое движеніе было крайне опасно. Нельзя сказать „невозможно“, потому что наши здѣсь проходили; но какихъ усилий это стоило, и какая нужна была для этого выносливость! Мортирная батарея ихъ была обведена пятью рядами ложементовъ и траншей, весьма глубокихъ и прочныхъ, съ хорошо блиндированными и просторными землянками. Брустверъ мортирной батареи безъ амбразуръ. За нимъ пять мортиръ какъ будто на днѣ колодца. Стѣны бруствера были обшиты камнемъ и сверхъ того обложены турами и землею. Подъ батареею глубоки и превосходно блиндированныя погреба для пороха и снарядовъ. Запасы здѣсь были изумительны по своему богатству. Съ высоты этого бруствера видно уже, какъ ничтожны наши позиціи. Она командуетъ даже горою Св. Николая, а Лысая гора командуетъ и Лысою. Между Лысой и Лысой горами двѣ отдѣльныя вершины заняты батареями, и, наконецъ, грозными очертаніями въ синеву неба уходитъ подавляющая громада Лысой горы, вооруженной большимъ редутомъ и батареями. Редутъ особенно прочный. Тѣ же глубокиіе рвы, та же цѣпь траншей и ложементовъ въ нѣсколько ярусовъ. Брать эти позиціи въ лобъ

было бы безумством. Позади — на склонах горь, защищенных от нашего огня, всюду укрепленные лагери. Здесь турки жили даже зимою в палатках. Такъ, при сдаче левого ихъ фланга, Хаджи-Османа-пашу нашли в палатке, где, какъ оказывается, онъ жилъ и спалъ, не смотря на морозы. Всюду было изумительное изобиліе снарядовъ, патронныхъ ящиковъ, запасовъ ружей, бомбъ для мортиръ — цѣлыя горы.

Вообще же турецкія позиціи окружали насъ подковою. Только сообщеніе съ Габровомъ было свободно, хотя также обстрѣливалось турками. Восточная, западная и южная стороны оказывались стѣснены ихъ аванпостами, батареями, редутами, такъ что во всякое время они могли съ трехъ сторонъ ударить на насъ или форсировать соединеніе своего крайняго праваго съ лѣвымъ флангомъ. Тогда бы концы подковы сошлись, и мы бы были отрѣзаны отовсюду. Турки здѣсь все усиливались, а положеніе наше становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе.

Особенно тяжело становилась жизнь на Шипкинскомъ перевалѣ съ наступленіемъ зимней погоды. Въ половинѣ сентября появился легкій морозецъ — предвѣстникъ осени, уже начавшейся здѣсь въ концѣ этого же мѣсяца густыми туманами и холодными дождями.

Въ концѣ сентября на протяженіи всего подъема грязь сдѣлалась мѣстами настолько глубокою, что лошадямъ она доставала до самыхъ плечъ, а колесъ фургоновъ совсѣмъ не было видно, такъ что запрягали въ повозку по шести-восьми лошадей и двѣ-три пары быковъ и т. д. Если прибавить ко всему этому рѣзкій, сырой, холодный вѣтеръ, бьющій въ лицо снѣгъ и дождь, то это будетъ приблизительно вѣрное опредѣленіе всей обстановки.

Въ это время полученъ былъ приказъ изъ главной квартиры, въ виду предстоящей зимовки, озанботиться постройкою для войскъ бараковъ, а гдѣ можно — и землянокъ. За неимѣніемъ по близости готоваго деревяннаго матеріала для постройки бараковъ, занялись постройкою землянокъ, что требовало очень мало времени и искусства. Каждая землянка, смотря по числу людей, для которыхъ она предполагалась, вырывалась аршина на полтора, на два вглубь; въ одномъ изъ угловъ вырѣзыва-

лось горизонтальное четырехъ-угольное углубленіе, замѣняющее печь, съ отверстіемъ наверху для дыма, и сверху все это накрывалось подъ угломъ сперва сучьями, сѣномъ, а затѣмъ заваливалось толстымъ слоемъ земли. Вообще же всѣ землянки окапывались маленькими ровиками для стока воды, и трубы всѣ тотчасъ же послѣ топки печей сверху накрывались досками или двумя-тремя кирпичами, чтобы тепло не выходило очень быстро изъ этого импровизированнаго жилья. Но такое помѣщеніе дѣйствительно было ужасно во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, все время печь постоянно топилась; но отъ вѣтра забиваемый обратно дымъ, наполняя собою всю землянку, невольно выгонялъ обитателей ея наружу, уже не говоря, что эти частыя явленія вредно дѣйствовали на глаза, которые рѣзало отъ этого ѣдкаго дыма. Во-вторыхъ, кромѣ оттепелей, снѣгъ, покрывавшій крыши, тая отъ внутренней теплоты землянокъ, въ видѣ дробнаго дождика смачивалъ живущихъ, не говоря уже о постоянной почти капели, на которую никто не обращалъ вниманія, ни о томъ, что стѣны всегда были настолько мокры и влажны, что пальцемъ можно было дѣлать дыры гдѣ угодно. Весь здѣсь сидишь мокрымъ, ложишься на мокрую солому, накрываешься мокрымъ платьемъ, и, кромѣ пронизывающей до костей сырости, страшный холодъ. Въ-третьихъ, въ землянкахъ всегда стоялъ влажный, спертый воздухъ, такъ что, понятно, каждый предпочиталъ лучше по возможности дольше пробыть на морозѣ, чѣмъ въ такомъ помѣщеніи, куда только ночь поневолѣ загоняла для ночлега.

Не лучше этого была и жизнь въ траншеяхъ. Траншей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, на Шипкѣ у насъ не было до зимы. Ихъ первыми стали проводить Минцы. А прежде просто вырывали узкую полосу земли, защищали себя невысокою кладкою камня и просиживали дни и ночи въ такихъ ложементяхъ. Мокрота въ это время была ужасная. Отъ продолжительнаго сидѣнія въ сырыхъ мѣстахъ ранѣ морозовъ уже здѣсь начали повторяться частые случаи отмораживанья. Вымокнуть солдаты и — къ костру грѣться; а потомъ доктора удивлялись, что послѣдствія одинаковыя съ отмораживаніемъ.

И въ такой обстановкѣ еще шутили. Воду про-

текающую въ землянкахъ сверху, называли „протекціей“ — и смѣялись. Къ чему нельзя привыкнуть!..

Морозы уже съ конца октября по ночамъ доходили до двадцати градусовъ, что при постоянномъ почти вѣтрѣ еще болѣе давало себя чувствовать. Съ 14-го же ноября горы покрылись снѣгомъ почти до самаго спуска въ Габрово. Настала ужасная погода. Попеременно шелъ то снѣгъ, то дождь въ видѣ замерзающихъ крупинокъ, въ сопровожденіи порядочнаго мороза и сильнаго холоднаго вѣтра, достигавшаго часто до размѣровъ настоящего урагана.

Укрыться отъ непогоды было некуда, такъ какъ по-прежнему въ землянкахъ была страшная сырость, которая не уменьшилась и съ наступленіемъ морозовъ. Землянки были построены на глинистомъ грунтѣ, вслѣдствіе чего вода отъ таявшаго на крышахъ землянокъ снѣга скоплялась внутри ихъ. Во время оттепелей вода съ горъ стекала вдоль крутыхъ скатовъ также въ землянки, подмывая ихъ стойки; выкапываемыя для стока воды канавки вокругъ землянокъ безпрестанно заплывали; осушить мѣсто расположенія землянокъ не было никакой возможности. По причинѣ страшной сырости и за недостаткомъ дровъ, въ землянкахъ не всегда можно было развести огонь, чтобы согрѣться и высушиться. Доставка дровъ съ крутыхъ скатовъ овраговъ, покрытыхъ снѣгомъ въ 1½ аршина, дѣлалась крайне затруднительною.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, люди, почти во все время зимней стоянки на Шипкѣ, не имѣли на себѣ ничего сухаго и ни разу не могли порядкомъ отогрѣться и отдохнуть. Послѣ этого можно себѣ представить, каковы были зимніе ночлеги солдатъ на Шипкѣ. Солдаты ложились въ землянкѣ не раздѣваясь, прямо на сырую землю, безъ всякой подстилки; одежда его, прохваченная туманомъ, вся мокрая, равно рубашка и нижнее платье; сапоги грязные; чрезъ нихъ сочится вода; въ довершеніе всего, его ѣдятъ мириады насѣкомыхъ, такъ какъ рубашки пережнать негдѣ, да и нѣтъ ея: въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ безснѣжнаго стоянія, онъ уже успѣли пооборваться въ-конецъ; при всемъ томъ, лежитъ онъ еще впроголодь, окруженный земляными мышами, которые лезятъ ночью по его

тѣлу и лицу, поднимая произвительный пискъ и междоусобную драку изъ-за черстватаго сухаря, который онъ найдутъ въ карманѣ солдата.

Одежда людей скоро изнашивалась. Нижніе чины стали нуждаться въ рукавицахъ, брюшникахъ, штанахъ и обуви, изнашившейся и испорченной на „Николаѣ“. Шинели до-того истаскались, что подходили на какое-то дырявое полотно; мнѣе портянокъ было негдѣ, сапогъ не снимали по цѣлымъ мѣсяцамъ, и потому ноги у многихъ попрѣли и разрались; волосы у многихъ отросли, какъ у поповъ, бороды тоже отросли какими-то влочкими; лица неумытыя; кепи ужъ были не бѣши, а какіе-то грязные колпаки, люди — просто дикарями какими-то смотрѣли. Страшный и чудовищный костюмъ оборванныхъ солдатъ, кутающихся отъ холода во все, что ни попало, походило скорѣе на дикихъ обитателей крайняго сѣвера: голова обвязана башлыкомъ и тряпками; весь онъ закутанъ въ палаточный холстъ, спускавшійся до колѣнъ; на ногахъ воловь шкуры, перевязанныя бичевками; на бородѣ и усахъ торчатъ ледяныя сосульки; физиономія закрыта, только видны два глаза да красный багровый носъ; верхняя одежда и обувь покрыты сплошнымъ слоемъ льда и въ твердости нисколько не уступаютъ дереву.

— Что, ребята, холодно вамъ? — спрашиваютъ ихъ.

— Вотъ какъ холодно, ваше благородіе! — отвѣчаютъ они: — сидѣшь и подняться нельзя; въ головѣ задурманить, ноги и руки застынуть, все равно, какъ-бы ихъ не бывало.

Иногда промокшая одежда сразу промерзала до тѣла, такъ что людямъ трудно было двигаться. Одежда представляла толстую ледяную кору; сгибать руки было почти невозможно; ходьба весьма затруднительна; свалившійся съ ногъ человекъ безъ посторонней помощи подняться былъ не въ состояніи. Шинели такъ крѣпко промерзали, что полы не сгибались, а ломались; солдаты не въ состояніи были распоясываться, чтобы удовлетворить естественнымъ потребностямъ.

У солдатъ скоро начали, вслѣдствіе отмораживанія, сильно пухнуть ноги; оттираніе спиртомъ мало помогало. Для того, чтобы снять сапогъ съ опухшей ноги, приходилось разрѣзать его въ подъемѣ. Постоянно мокрая одежда расслабляла людей; почти

всѣ страдали изнурительнымъ поносомъ и многіе кровавымъ. Отпускаемое въ роты для чая красное вино мало помогало. Люди мало-по-малу начали терять аппетитъ и стали отказываться отъ пищи. Число больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; господствующія болѣзни были; опухоль, отмороженіе рукъ и ногъ и поносъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ заболѣвало въ одинъ день по сту человекъ и болѣе.

Особенно тяжело было защитникамъ Шипки во время сильныхъ мятелей и бурь, которыя случались на перевалѣ весьма часто, преимущественно по ночамъ. Страшнымъ ураганомъ нерѣдко сбрасывало людей съ горы Св. Николая. Мятель свирѣпствовала тамъ до-того ужасно, что никакое человеческое существо не могло оставаться подъ открытымъ небомъ. Форпосты обѣихъ сторонъ сносило, причѣмъ солдаты съ трудомъ избѣгали смерти. По нѣсколькимъ дней сряду, по причинѣ мятели, нельзя было никого узнавать въ пятидесяти шагахъ; нѣкоторыя землянки въ русскомъ лагерѣ разворачивало до самаго фундамента на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ. Сообщенія съ Габровымъ прерывались, и находившіеся на перевалѣ были отрѣзаны отъ всего міра и предоставлены на произволъ судьбы, посреди разъяренныхъ стихій, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Офицеры, которые проводили зиму въ Сибири и Сѣверной Россіи, не могли припомнить такой ужасной зимней обстановки. Даже огнемъ нельзя было согрѣться, потому что вѣтеръ проникалъ сквозь стѣны и выдувалъ обратно въ баракъ дымъ, выходящій изъ первобытныхъ трубъ, вслѣдствіе чего невозможно было поддерживать хоть какую-нибудь теплоту. Большія массы снѣга крутились по долинѣ, образующей настоящей Шипкинскій перевалъ. Лошади, волю и всякій вьючный скотъ инстинктивно спасались въ лагерѣ и нерѣдко помѣщались подъ однимъ кровомъ съ людьми. Счастливы были тѣ, которые, помѣщаясь вмѣстѣ съ животными и благодаря ихъ испареніямъ, могли пользоваться въ известной степени теплотой. Мятелью и вьюгою сообщенія между различными участками позиціи также прерывались. Проходившіе изъ одного ложеента въ другой солдаты, въ своихъ обледевшихъ костюмахъ, падая подъ напоромъ бури, не были затѣмъ въ состояніи приподняться, и ихъ моментально заносило снѣгомъ, такъ что приходилось отыскивать ихъ или откапывать. Ложе-

менты всѣ заносило снѣгомъ до верху. Солдаты не могли очищать ихъ своими озябшими руками со скорченными отъ холода пальцами, да это было и бесполезно: мятель снова ихъ заносила. Ружья обледевали. Костровъ въ ложеентахъ при сильномъ вѣтрѣ невозможно было разводить. Люди зябли до невѣроятности. Солдаты сбивались въ кучки и усиленнымъ движеніемъ старались отогрѣвать другъ друга.

Въ землянкахъ во время мятелей было не лучше: онѣ наполнялись копотью, дымомъ и золою, выбрасываемою вѣтромъ изъ первобытныхъ печей. Дыханіе становилось затруднительнымъ. Глаза разѣдало гарью. Мало того: землянки заносились снѣгомъ наравнѣ съ крышею, такъ что послѣ каждой мятели приходилось выкапывать изъ землянокъ людей. Весь скатъ горы у Брянскаго домика, гдѣ были расположены землянки, по утрамъ представлялъ ровное снѣжное поле, на которомъ штыки ружей, поставленныхъ въ козлы, вершка на три-четыре торчавшіе изъ снѣга, указывали мѣсто расположенія землянокъ. По ружейнымъ штыкамъ и голосамъ изподъ снѣга люди выкапывались изъ землянокъ. Поэтому многіе офицеры предпочитали оставаться въ ложеентахъ. Укрывавшихся же въ землянкахъ офицеровъ приходилось черезъ часъ или два выкапывать.

Понятно, что во время мятелей, которыя иногда свирѣпствовали дня по два и по три, доставка на позиціи горячей пищи прекращалась. Пища готовилась на ротныхъ кухняхъ, расположенныхъ у Брянскаго домика. Доставлялась на позиціи горячая пища въ котлахъ, установленныхъ на передки провіантскихъ телѣгъ, запряженныхъ четырьмя, шестью подъемными полковыми лошадьми. При гололедицѣ и въ мятель, котлы съ горячей пищею, разумѣется, не могли быть доставляемы на позицію, почему самая раздача пищи дѣлалась весьма затруднительною. Къ привозимымъ котламъ, которые останавливались на дорогѣ у мортирной батареи, приходилось посылать людей съ Св. Николая за варкою командами; а такъ какъ сообщеніе между нашими позиціями, по случаю стрѣльбы турокъ, производилось только ночью, то доставка пищи по крутымъ и обледевшимъ скаламъ дѣлалась невозможною и для посылаемыхъ командъ. Въ темнотѣ люди падали, опрокидывали

Атака турокъ на гору Св. Николая 8-го сентября.

котлы и поневоле отказывались отъ приготовленной пищи. Такимъ образомъ, солдатамъ, сидѣвшимъ въ страшную мятель и стужу въ ложементяхъ, приходилось довольствоваться по нѣскольку дней чаркою водки и сухарями. Но нужно знать, что это были за сухари! Положенные въ мокрые ранцы, они проникались сыростью, мокли, прокисали и пахли невообразимою кислотиною. Чай и сахаръ раздавались на руки солдатъ, но, за невозможностью развести въ мятель огня, они не могли приготовить кипятку. Немудрено послѣ этого, что во время сильныхъ морозовъ и бурь бывали, напримѣръ, такіе случаи: стоять, напримѣръ, часовой, прислонившись къ брустверу, — стоять недвижимо, какъ-бы упорно смотреть куда-то. „Проснись!“ толкаетъ его унтеръ-офицеръ. При этомъ толчекъ часовой падаетъ, какъ деревянный. Оказывается, что бѣдняга замерзъ и не проснется никогда. Мало этого: разъ цѣлая траншея была найдена съ замороженными солдатами, а въ одну ночь оказалось, что всю западную позицію Шипки защищали девять живыхъ солдатъ. Остальные вымерзли.

Чтобы предохранять людей, по возможности, отъ обмораживанія во время сильныхъ ночныхъ вьюгъ, ихъ заставляли работать, дабы они, находясь въ постоянномъ движеніи, не засыпали. Съ этою цѣлію ихъ посылали за водою, за дровами и заставляли плести туры. Воду брали изъ фонтана у перваго перевалочнаго пункта. Дрова добывались изъ окружающихъ позицію лѣсныхъ овраговъ. Мелкій лѣсъ весь былъ вырубленъ; поэтому приходилось срубать большія буковые деревья и дубы, что для внутреннихъ солдатъ было весьма тяжело. Срубленные бревна и вода доставлялись на позицію всегда на людяхъ, что, при глинистомъ тундрѣ и крутыхъ скатахъ, покрытыхъ сугробами, также было чрезвычайно трудною работою. А такъ какъ доставка воды и дровъ въ ложементы, во избѣжаніе излишнихъ потерь въ людяхъ отъ турецкой стрѣльбы, производилась только по ночамъ и въ туманные дни, то работа эта становилась еще въдесятеро труднѣе. Плетеніе туровъ, а равно и постройка землянокъ сопряжены были для солдатъ тоже съ большимъ трудомъ и даже съ нѣкоторою опасностью. Мелкій кустарникъ, годный для туровъ, какъ мы уже сказали, былъ большею частью уже вырубленъ;

приходилось спускаться на самое дно глубокихъ и отдаленныхъ отъ позиціи овраговъ. Ходили ночью, причѣмъ партіямъ солдатъ иногда въ туманѣ приходилось заблудиться. Былъ случай, когда, съ бревнами, люди, обманутые мглой, забрались на турецкіе аванпосты. Неизвѣстно уже, какъ ихъ проглядѣли турецкіе секретны. Вѣрно, спали. Наши не растерялись, крикнули „ура“ и бросились на турокъ. Нападеніе было столь неожиданное, что неприятель кинулъ гранату и ушелъ въ редуть. Этимъ и воспользовались наши солдаты и ушли во свояси.

Такимъ образомъ, нижніе чины постоянно были въ работѣ или же отправляли очередь въ ложементяхъ, безъ возможности ночью хорошенько согрѣться и отдохнуть.

Между тѣмъ погода съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе портилась. Начались страшные морозы при сильномъ вѣтрѣ, а къ вечеру 7-го декабря поднялась ужасная мятель, которая продолжалась съ самыми небольшими перерывами до утра 15-го числа. Эта недѣля для войскъ шипкинскаго отряда была самая губительная; потери отъ огня были незначительны, но убыль людей отъ болѣзней приняла ужасающіе размѣры, такъ что, не смотря на всѣ мѣры, принятыя къ возможному сохраненію людей, число обморожившихся и вообще заболѣвающихъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Больше всѣхъ отъ стужи пострадали полки 24-й пѣхотной дивизіи, которые, на первыхъ же порахъ, попали на трудную службу, при описанной выше обстановкѣ. Хотя эти части и были снабжены полушубками и имѣли, приди на Шипку, по 1½ пары сапоговъ на человѣка, но сапоги были очень узки и не надѣвались на теплыя портянки; солдаты ихъ разрывали въ подъемѣ, вслѣдствіе чего ноги были обуты плохо и число обмороженныхъ въ 24-й дивизіи за упомянутую недѣлю приняло огромные размѣры; въ одномъ Красноярскомъ полку 12-го числа заболѣло 629 человѣкъ, а вообще число больныхъ въ трехъ полкахъ 24-й дивизіи къ 13-му декабря дошло до 6,013 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ другихъ частяхъ число заболѣвшихъ хотя было также велико, но далеко не въ такой уже степени. Впрочемъ, легкими поносами подъ-конецъ заболѣли всѣ до одного человѣка. За общую заболѣваемостью, иногда некого было посылать на аванпостную службу.

Землянки у Брянскаго домика пришлось закрыть и обратить въ пунктъ для отогрѣванія и пересмотра больныхъ. Наплывъ заболѣвшихъ и ознобившихся въ землянкахъ и баракахъ у Брянскаго домика былъ такъ великъ, что они не могли помѣститься въ немъ и наполняли окружающее ихъ пространство. Заболѣвшихъ въ ложементѣхъ невозможно было отвозить сюда, вслѣдствіе глубокой грязи и совершенно испортившейся дороги, а потому больные отправлялись сами къ Брянскому домику, причѣмъ падали на дорогѣ, и многіе вовсе не доходили до околотка, умирая на дорогѣ. Нужно при этомъ припомнить, что всѣ движенія совершались на перевалѣ только ночью. Перевозка больныхъ отъ Брянскаго домика до Габрова также сдѣлалась почти невозможною. Вся дорога была занесена снѣгомъ; очищать было некому. Да и въ Габровѣ давно уже всѣ госпитали были тѣсно заняты больными. Подвижные лазареты тоже больше не принимали больныхъ. Для эвакуаціи же ихъ въ Драново и Тырново не было никакихъ средствъ.

Околотокъ у Брянскаго домика представлялъ ужасающее зрѣлище. Пола во всѣхъ землянкахъ были сплошь заняты людьми съ почернѣвшими, отмороженными руками и ногами. Кругомъ — мракъ, страданія. Сверху — вода льетъ ручьями прямо на больныхъ, которые буйвально лежатъ и задыхаются въ грязи или на мокрой соломѣ. Вопли, потрясающіе душу: „Холодно. Господи, хоть бы смерть!“ Въ потемкахъ видно только ближайшихъ, а вдали во мракѣ копаются и движутся еще сотни какихъ-то силуэтовъ. Всѣ они обернуты въ лохмотья. „Холодно, ваще б—діе!“ стонутъ кругомъ. Доктора хватаются за головы. Они сами, какъ и все прочее начальство, живутъ въ такой же атмосферѣ, въ такихъ же землянкахъ. Уйти некуда.

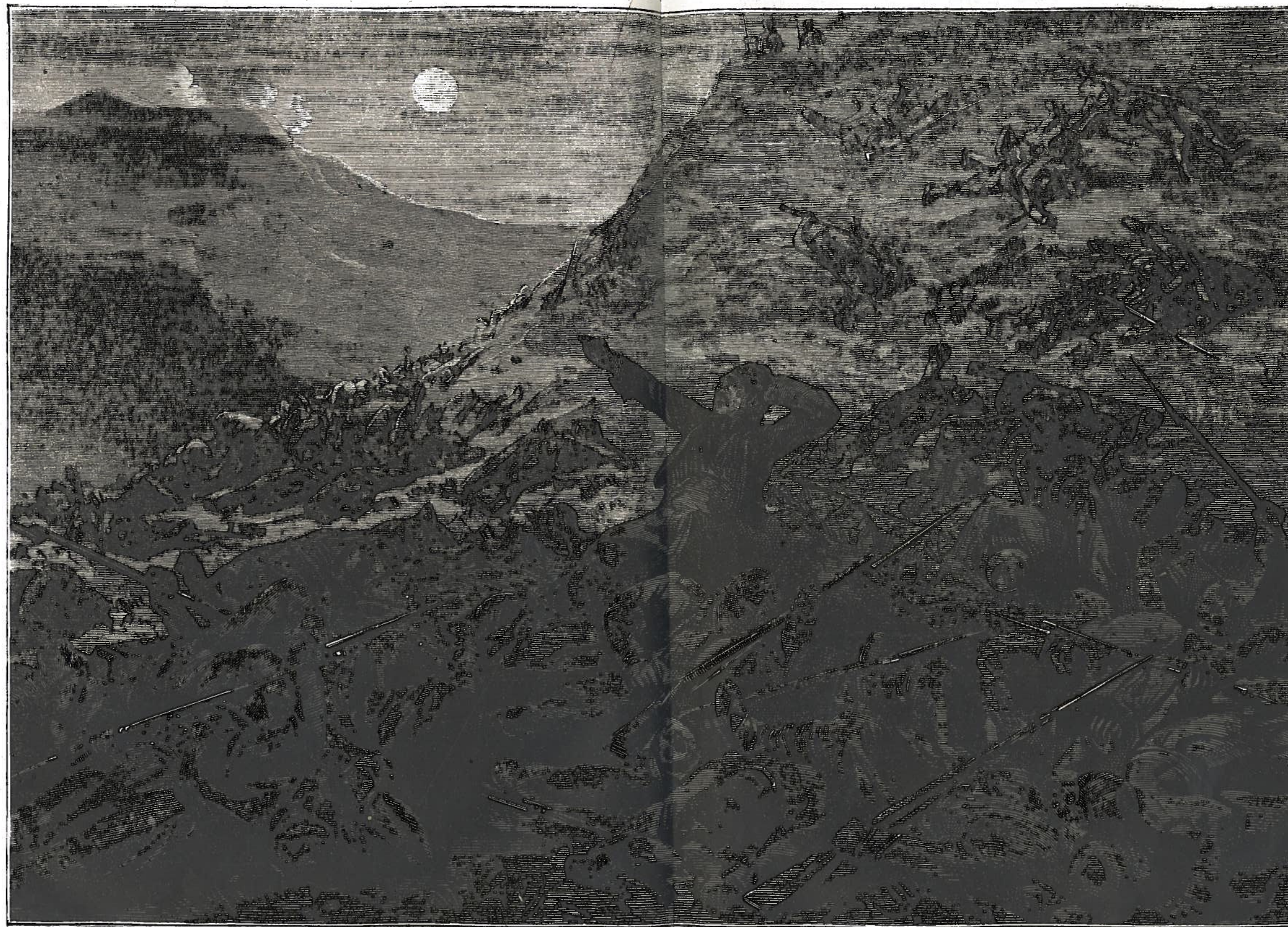
И этотъ ужасный перевязочный пунктъ занесено еще снѣгомъ такъ, что приходилось откапывать больныхъ, и, къ довершенію ужаса, турки иногда еще громили ихъ бомбами, какъ и всѣ другіе пункты шипкинскихъ позицій. Въ одно изъ этихъ подземелій разъ попала бомба. Тамъ стояли прежде однѣ лошади, а послѣ помѣстили туда и больныхъ, потому что дѣвать ихъ было некуда. Не бросать же на дорогѣ... Одну лошадь убило осколкомъ — и она служила изголовьемъ для че-

тырехъ больныхъ. Такъ на мертвечину и положили головы бѣдные страдальцы.

Передъ землянками на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, лежали уже умершіе и еще живые больные. Часть изъ нихъ голые... Больные сами просили снять съ мертвыхъ платье и накрыть имъ еще живыхъ. Такъ и сдѣлали. Но тутъ сколько ни накрывай — все равно. Кругомъ свистъ вѣтра, порывы бури, холодъ и сырость, пронизывающіе до костей. Въ воздухѣ цѣлыми вереницами несутся столбы снѣжной пыли, точно призраки. Глаза залѣпляются. Въ свистѣ и воѣ бури чудится какой-то тоскливый плачь...

Помимо страшныхъ бѣдствій отъ холода и непогоды, защитники Шипки не мало терпѣли и отъ сильной турецкой бомбардировки. Кромѣ обыкновенныхъ полевыхъ батарей, турки стрѣляли еще изъ орудій 12-ти-фунтоваго калибра и съ мортирныхъ батарей. Первые мортиры появились у турокъ, какъ уже было выше замѣчено, перваго сентября. Въ этотъ день они выпустили 370 снарядовъ на позиціи Св. Николая. Затѣмъ весь сентябрь отъ 300—400 снарядовъ падали къ намъ ежедневно. Цѣлую ночь можно было наблюдать огнистый полетъ этихъ бомбъ; днемъ мячики эти были замѣтны только тогда, когда они падали и разрывались. Иногда бомбы, какъ дождь, сыпались на наши позиціи. Вслѣдствіе точнаго измѣренія разстояній и большой опытности, приобретенной послѣ артиллерійскихъ боевъ, продолжавшихся нѣсколько мѣсяцевъ, турецкимъ канонирамъ удавалось-таки попадать кое-гдѣ въ цѣль. Но когда мы зарылись, — турецкія бомбы мало уже приносили намъ прямого вреда, за то нравственное ихъ вліяніе было очень велико. Съ утра до ночи и ночью онѣ падали вездѣ и всюду, отнимая покой и не давая спать никому. Если турки хотѣли насъ истомить этимъ, то они вполне достигли своей цѣли.

Завѣдывалъ у нихъ этимъ Леманъ-паша, убитый впоследствии нашей гранатой. Леманъ-паша обнаружилъ большія артиллерійскія познанія и только благодаря ему наши шипкинскія позиціи сдѣлались такъ невыносимы. На турецкой „Центральной“ батарее на Лысой горѣ, видимой со всѣхъ нашихъ и турецкихъ позицій, ежедневно въ определенное время появлялся „нѣкто“, вамаживалъ

Третья атака турокъ на гору Св. Николая.

руками, давая сигнал и, какъ у насъ подъ Плевною, — со всѣхъ батарей общимъ залпомъ громила русская часть шипкинскаго перевала.

Каково приходилось защитникамъ Шипки въ дни подобныхъ бомбардировокъ, можно уже видѣть изъ слѣдующаго, напечатаннаго въ свое время письма священника 14-й дивизіи, о. Цитовича, прожившаго на Шипкѣ съ 11-го августа по 1-е января.

„Перейти изъ ложементовъ въ ложементъ, — пишетъ о. Цитовичъ, — принести воды или дровъ“, — все это „каждый изъ насъ совершалъ съ опасностью потерять жизнь. Сотни случаевъ было самаго неожиданнаго раненія или смерти: тотъ пошелъ за водой, тотъ за дровами, тотъ для естественной потребности, тотъ отправился за поюзкой въ г. Габрово, тотъ посылъ повѣрять, тотъ стоялъ на часахъ, — и потомъ оказывается, что или раненъ, или убитъ. Только ночью мы спокойно выползали изъ ложементовъ, чтобы расправить кости и свободнѣе вздохнуть воздухомъ. Погребеніе умершихъ, а также служеніе молебновъ мы совершали ночью или же при сильномъ туманѣ, когда ничего не видно врагу, что у насъ дѣлается. А сколько было несчастныхъ случаевъ раненія при служеніи! Бывало, отправляется погребеніе, вдругъ непріятель пускаетъ гранату по собравшейся кучкѣ солдатъ, и вы слышите команду „ложись“, и ложишься въ облаченіи на землю, притаивъ дыханіе. При погребеніи умершаго священникомъ Подольскаго полка, когда пущена была по немъ граната, церковникъ до-того перепугался, что никакъ не могъ продолжать погребеніе, а читалъ только взволнованнымъ голосомъ: „св. Боже, св. Боже, св. Боже“...

Превосходно одинъ изъ русскихъ проповѣдниковъ охарактеризовалъ Шипку, назвавъ ее „Голгоою“, гдѣ постоянно проливалась кровь христіанская за своихъ собратій — христіанъ.

Только въ сильный туманъ или мятель ни изъ орудій, ни изъ ружей стрѣльбы не производилось, какъ со стороны непріятеля, такъ и съ нашей. Но чуть только погода разяснялась, турки тотчасъ же отрывали канонаду и ружейный огонь, на который мы, обыкновенно, почти не отвѣчали, развѣ только представлялась крупная цѣль на хорошемъ разстояніи. Обыкновенно наши стрѣлки били по одиночнымъ туркамъ, которые въ теплые

и ясные дни выходили изъ своихъ ложементовъ и садились на насыпь погрѣться на солнышкѣ. Что же касается до артиллерійскаго огня, то наши отвѣчали на него очень часто, а иногда и сами начинали пальбу. Особенно сильный артиллерійскій бой происходилъ на Шипкѣ 3-го декабря. Наши сдѣлали два выстрѣла съ батареи № 3-го, на Св. Николаѣ, по въюкамъ, поднимавшимся къ Лысой горѣ. Непріятель отвѣчалъ на эти выстрѣлы со всѣхъ своихъ батарей и, четверть часа спустя, артиллерійскій огонь сдѣлался общимъ съ обѣихъ сторонъ по всей позиціи. Потери наши въ этотъ день заключались: въ убитыхъ двухъ нижнихъ чинахъ, въ раненыхъ — одномъ офицерѣ и 17 нижнихъ чинахъ и контуженныхъ — одномъ офицерѣ и 11 нижнихъ чинахъ.

Наши, въ свою очередь, приобрѣли необыкновенную опытность въ артиллерійской стрѣльбѣ. Такъ во время артиллерійскаго боя 3-го декабря, наводчикъ 2-й батареи 24-й бригады, бомбардиръ Михайлъ Васильевъ, наводилъ орудіе такъ удачно, что три гранаты, одна за другою, разорвались въ самой амбразурѣ непріятельской „Девятиглазой“ батареи, вслѣдствіе чего батарея эта должна была замолчать. Въ этотъ же день, рядовой Орловскаго пѣхотнаго полка, Лейбусъ Файгенбаумъ, изъ евреевъ, состоявшій за наводчика въ числѣ прислуги у горнаго орудія, увидя бомбу, упавшую возлѣ самаго орудія, готовую уже разорваться, быстро схватилъ ее и, не смотря на то, что трубка горѣла, съ явной опасностью для жизни, бросилъ ее черезъ брустверъ въ оврагъ. Этотъ еврей совершенно вошелъ во вкусъ боевой жизни. Первое удовольствіе его было забраться на батарею и командовать: „закладывай, наваживай, выпаливай“. Мужественный еврей особенно не любилъ, если солдатъ кланялся пулямъ. — „И чего ты, шволачь, кланяешься?“ приговаривалъ онъ.

Вообще, между нашими солдатами на Шипкѣ случалось не мало фактовъ баснословной удали.

Всего вышеизложеннаго достаточно, чтобы представить себѣ, сколько нравственной силы, энергіи и мужества нужно было нашему шипкинскому отряду для пятимѣсячной стоянки при такихъ адскихъ условіяхъ жизни и въ такомъ невыгодномъ отношеніи ко врагу. Невольно удивляешься и нѣ-

мѣшь предъ этимъ страшнымъ терпѣніемъ и нечеловѣческой выносливостью.

Между тѣмъ, генералъ Радецкій все время кратко и скромно сообщалъ, что „на Шипкѣ все спокойно“. Онъ зналъ, что помощи ему оказать пока не могутъ, и потому посылалъ свои утѣшительныя извѣстія. Сколько великодушія и чистоты души скрывалось подъ этимъ постояннымъ „все спокойно“. Радецкому не хотѣлось тревожить Россіи, тревожить тѣхъ, кто работалъ на другихъ боевыхъ поляхъ и въ особенности подъ Плевною. Успокоивая ихъ, самъ онъ находился въ отчаянномъ положеніи и былъ крѣпокъ духомъ только потому, что зналъ своихъ солдатъ и офицеровъ. Не смотря на всѣ окружающія ихъ бѣдствія, не падала отвага и бодрость этихъ героевъ, не гасла вѣра въ побѣду.

Чтобы сколько нибудь облегчить суровую службу этихъ защитниковъ Шипки, генералъ Радецкій приказалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ въ передовыхъ ложементахъ на Николаѣ держать только часовыхъ и секреты, которые смѣнять какъ можно чаще; на остальныхъ участкахъ позиціи люди смѣнялись постоянно и по очереди отогрѣвались въ землянкахъ, если только можно назвать отогрѣваніемъ охватываніе сыростью до костей послѣ сильнѣйшаго мороза.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ шипкинская позиція, какъ и прежде, занималась слѣдующимъ образомъ: на Николаѣ однимъ батальономъ Брянскаго полка и двумя полками отъ 1-й бригады 24-й пѣхотной дивизіи; батальоны эти черезъ три дня смѣнялись другими батальонами своихъ же полковъ, и, такимъ образомъ, трудная служба на Николаѣ была, насколько возможно, облегчена. Волынскую гору занималъ Красноярскій полкъ. Минскій полкъ оставался на своей прежней позиціи. Ближайшіи резервы составляли Подольскій и Житомирскій полки. Затѣмъ у Брянскаго домика находились остальные батальоны 1-й бригады 24-й пѣхотной дивизіи, а у ставки Радецкаго—два батальона Брянскаго полка.

Страшная убыль въ войскахъ 24-й пѣхотной дивизіи заставила вскорѣ смѣнить ее и дать ей оправиться. Поэтому 13-го декабря съ Николая были сведены Иркутскій и Енисейскіе батальоны

и замѣнены Подольскими и Житомирскими. Красноярскій полкъ на Волынской горѣ былъ смѣненъ, 10-го декабря, батальономъ Минскаго полка, а 16-го числа туда же былъ направленъ и батальонъ Волынскаго полка. Остальные два батальона этого полка, отправленные въ ноябрѣ мѣсяцѣ на подкрѣпленіе Еленинскаго отряда и возвратившіеся въ Габрово 9-го декабря, были поставлены у Брянскаго домика.

24-я дивизія, по смѣнѣ, расположилась первоначально въ Габровѣ, а затѣмъ, по приказанію Главнокомандующаго, была отправлена въ Тырновъ и никакого участія въ бояхъ впоследствии не принимала.

Нужно еще замѣтить, что турки не всегда ограничивались однимъ бомбардированіемъ шипкинскихъ позицій. Иногда они снова переходили противъ насъ въ наступленіе. Такъ, 30-го октября и 9-го ноября турки опять дѣлали попытки атаковать гору Св. Николая, осыпавъ ее предварительно, буквально, градомъ пятипудовыхъ бомбъ. Но самыя попытки атаковать насъ въ этотъ разъ были настолько слабы, что непріятельскія цѣпи отступали назадъ предъ нашими ружейными залпами, едва отойдя нѣсколько шаговъ отъ своихъ передовыхъ ложементавъ.

Такъ проходили на Шипкѣ дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, а конца этому сидѣнью, казалось, и не придвигалось. Долгая стоянка, какая бы то ни была, вообще уже всегда утомляетъ солдатъ, а нашему многострадальному шипкинскому отряду приходилось, къ тому же, сидѣть уже шестой мѣсяцъ чуть ли не въ орлиныхъ гнѣздахъ, въ царствѣ вьюговъ и морозовъ, и безпомощно умирать на этихъ негостеприимныхъ высотахъ отъ страшнаго холода и отъ непрерывно сыпавшагося на нихъ града непріятельскихъ снарядовъ. Начиная отъ генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣмъ здѣсь приходилось тяжело. Какъ кроты, люди зарывались въ землю. Днемъ не видѣли свѣта Божьяго и ночью не находили себѣ ни отдыха, ни покоя. Давно уже и Плевна пала, а шипкинскіе герои все-еще томились въ своихъ подземельяхъ и не видѣли этому исхода. Прежде Плевна приковывала насъ къ Шипкѣ, а теперь приходилось выжидать, когда

западный отрядъ генерала Гурко перейдетъ черезъ Балканы. Нужно было перевалить за Балканы всѣмъ одновременно. За всѣхъ приходилось страдать шипкинскимъ мученикамъ-героямъ. А тутъ, во второй половинѣ декабря, получено было еще извѣстіе, что Сулейманъ-паша ведетъ на Сливну 10-ти-тысячный отрядъ, чтобы присоединиться къ турецкой шипкинской арміи и рѣшительнымъ штурмомъ покончить съ защитниками Шипки и тѣмъ вознаградить неудачу турокъ подъ Плевною. Многострадальная 14-я дивизія умерла бы, защищая свои позиціи, но Шипка была бы потеряна для насъ. Положеніе наше становилось невозможнымъ. Отъ однихъ вьюговъ и морозовъ войска наши пришли бы въ полное разстройство. А потому необходимо было и здѣсь покончить со врагомъ.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря получено было, наконецъ, столь давно ожидаемое извѣстіе, что генералъ Гурко перешагнулъ за Балканы и 23-го декабря занялъ Софію.

Тотчасъ же по полученіи этого извѣстія, Его Высочество Главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе о наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны Шипки. Съ этою цѣлію, генералу Радецкому, усиленному частію войскъ, освободившихся подъ Плевною: отрядомъ генерала Скобелева 2-го, тремя полками кавалеріи и 30-ю пѣхотную дивизію,—указано было начать наступленіе 24-го декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для отвлеченія силъ и вниманія непріятеля отъ Шипкинскаго перевала, отрядъ генерала Карцова, занимавшій позицію въ Балканахъ къ западу отъ Шипки, долженъ былъ форсировать 21-го декабря трудно-доступный Троянскій перевалъ, а отрядъ генерала Деллингаузена (11-я пѣхотная дивизія), смѣнившій въ Еленѣ 9-ю пѣхотную дивизію, долженъ былъ, въ то же время, произвести энергичскія демонстраціи къ Ахметли, Твардицѣ и Хаинкию.

Тѣмъ временемъ генералъ Радецкій, во исполненіе приказа Главнокомандующаго, сдѣлалъ распоряженіе для атаки турецкихъ позицій у Шипки. Пользуясь тѣмъ, что по обѣ стороны Шипкинскаго перевала, верстахъ въ 7—12 на западъ и востокъ отъ него, проходили двѣ обходныя дороги—Иметлійская черезъ Зелено-Древо и Травненская—на Сельцы тщательно осматрѣнныя и

изслѣдованныя нами посредствомъ рекогносцировокъ и плохо наблюдаемыя турками,—генералъ Радецкій предположилъ направить по этимъ дорогамъ за Балканы двѣ обходныя колонны, на фланги и въ тылъ туркамъ, съ цѣлію выручки и освобожденія шипкинскаго гарнизона.

Задача была не легкая. Зима въ Балканахъ вступила уже во всѣ свои права. Упомянутыя обходныя дорожки или—вѣрнѣе—тропинки пролегли по обледѣлымъ скаламъ и страшнымъ кручамъ горъ, на которыхъ уже два мѣсяца лежалъ толстымъ слоемъ снѣгъ, мѣстами сажени въ 1½ вышиною. Къ тому же, движеніе войскъ по этимъ адскимъ тропинкамъ нужно было совершить съ возможной скоростью, чтобы турки не заняли заблаговременно выходовъ изъ нихъ и не перебили бы насъ тамъ на выборѣ, а главное—необходимо было исполнить это движеніе какъ можно быстрѣе, чтобы не дать времени подойти къ Шипкѣ двигавшемуся, по слухамъ, изъ Сливны 10-ти-тысячному турецкому отряду. Не смотря на всѣ эти затрудненія, планъ обходнаго движенія, съ цѣлію освобожденія шипкинскихъ героевъ, былъ рѣшенъ окончательно, какъ единственно возможный и ближе всего ведущій къ цѣли.

И такъ начался безпримѣрный въ лѣтописяхъ войны зимній переходъ войскъ черезъ снѣжныя выси Балканскихъ горъ, съ цѣлію выручки своихъ,—переходъ, наиболѣе прославившій насъ въ прошлую кампанію.

Къ 24-му декабря обѣ наши обходныя колонны были уже составлены и сосредоточены въ назначенныхъ имъ пунктахъ: правая—у Зелена-Древа, лѣвая—въ Травнѣ.

Въ составъ правой колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Скобелева, вошли: 16-я пѣхотная дивизія, 9-й, 11-й и 12-й стрѣлковыя батальоны, семь болгарскихъ дружинъ, двѣ роты 4-го сапернаго батальона, Донской казачій № 9-го полкъ, Уральская казачья сотня, 2-я горная батарея и шесть 4-хъ-фунтовыхъ полевыхъ орудій 16-й артиллерійской бригады, приспособленныхъ къ перевозкѣ на саняхъ.

Въ составъ лѣвой колонны, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Святополкъ-Мирскаго, вошли: три полка 9-й дивизіи, 33-й Елецкій, 34-й

Сѣвскій и 36-й Орловскій, 4-я стрѣлковая бригада, 30-я пѣхотная дивизія, рота 5-го сапернаго батальона, одна болгарская дружина, 23-й Донской казачій полкъ, горная № 1-го батарея, первая батарея 9-й артиллерійской бригады, приспособленные къ перевозѣ на саняхъ.

На шипкинской позиціи остались: 14-я пѣхотная дивизія, 35-й пѣхотный Брянскій полкъ и двѣ роты 2-го сапернаго батальона.

Генераль-лейтенантъ, князь Святополкъ-Мирскій.

этой предстоялъ переходъ въ 45 верстъ изъ Травны до Гюзова, — расположенія крайняго праваго фланга непріятеля.

Правая колонна начала движеніе 24-го числа, вечеромъ, такъ какъ ей предстоялъ переходъ отъ Топлиша до сел. Иметли, по ю сторону Балканъ,

Изъ этихъ войскъ 2-я бригада 14-й дивизіи и одинъ батальонъ Брянскаго полка предназначены были для фронтальнаго наступленія, по занятіи дер. Шипки обходными колоннами.

Выступленіе назначено было 24-го декабря, такъ какъ къ этому только времени подходила въ Травну 30-я пѣхотная дивизія.

Лѣвая колонна выступила 24-го числа, съ разсвѣтомъ, черезъ Сельченскій перевалъ; колоннѣ

близъ лѣваго фланга непріятеля, всего отъ 16 до 20 верстъ.

Обѣ колонны, по расчету генерала Радецкаго, при благоприятной погодѣ, должны были подойти къ непріятелю вечеромъ 26-го и 27-го, чтобы атаковать его.

Такъ какъ колоннѣ князя Святополкъ-Мирскаго приходилось пройти разстояніе въ два раза болѣе, чѣмъ правой колоннѣ, то ему предписывалось наступать самымъ энергическимъ образомъ; колоннѣ-же генераль-лейтенанта Скобелева — двигаться съ такимъ расчетомъ, чтобы быть по ту сторону Балканъ не ранѣе вечера 26-го.

Обѣимъ колоннамъ приказано прикрыть себя во время движенія съ лѣвой стороны: князю Святополкъ-Мирскому занятіемъ Маглиша, противъ возможнаго наступленія непріятеля со стороны Хаскіоя; правой колоннѣ занять Караджу, противъ лѣваго фланга непріятельскаго расположенія на Шипкѣ, такъ какъ движеніе этой колонны было весьма близко отъ непріятельскаго расположенія (въ пяти-шести верстахъ) и прикрывалось лишь горой Караджою.

Обѣимъ колоннамъ, по спускѣ съ горъ, атаковать деревню Шипку: князю Мирскому отъ Гюзова и лѣвымъ своимъ флангомъ стараться войти въ связь съ колонною генерала Скобелева; этому послѣднему — отъ Иметли черезъ Шеново и своимъ правымъ флангомъ стараться войти въ связь съ колонною князя Святополкъ-Мирскаго.

Согласно предписанію генерала Радецкаго, войска лѣвой колонны выступили изъ Травны, 24-го декабря, съ разсвѣтомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: 4-я стрѣлковая бригада, двѣ сотни казаковъ 23-го полка, 9-я дружина болгарскаго ополченія и 1-я горная батарея — двинулись въ авангардѣ черезъ Крестецъ къ д. Сельцы, подъ общимъ начальствомъ командира стрѣлковой бригады, полковника Крока. За ними вслѣдъ направлены были 33-й пѣхотный Елецкій полкъ, 34-й Сѣвскій, съ 4-й батареею 14-й артиллерійской бригады, и 36-й пѣхотный Орловскій полкъ съ 1-ю батареею 9-й артиллерійской бригады. Три сотни казаковъ слѣдовали впереди главныхъ силъ, а одна сотня — въ арьергардѣ. 30-й пѣхотной дивизіи предписано было перейти въ этотъ день изъ Дранова въ Травну. Впереди двигавшихся войскъ занимались расчисткою дороги отъ глубокаго снѣга до двухъ тысячъ болгаръ, подъ надзоромъ роты 5-го сапернаго батальона.

Горный путь на Сельцы, идущій по невообразимо-крутымъ подъемамъ и спускамъ, въ данное

время былъ засыпанъ и лежалъ подъ снѣгомъ въ теченіи уже двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, и представлялся въ ширину не болѣе шести футовъ, со снѣгомъ, въ которомъ нога погружалась по колѣно, не смотря на расчистку болгарами, и съ цѣлыми стѣнами такого же снѣга по сторонамъ, превышавшими во многихъ мѣстахъ человѣческой ростъ. По такой-то, можно сказать, снѣговой траншеѣ, карабкаясь по крутымъ подъемамъ, подсаживая другъ друга, скатываясь съ почти отвѣсныхъ спусковъ, погружаясь въ снѣгъ по колѣно, скользя и падая несчетное число разъ, почти безъ отдыха и не имѣя другой пищи, кромѣ жесткаго сухаря, съѣдаемаго тутъ же на пути, нашъ герой-солдатъ подвигался впередъ и находилъ въ себѣ еще настолько добродушнаго юмора, чтобы подшучивать другъ надъ другомъ. Особенно послѣдній спускъ въ ущелье, въ которомъ расположена д. Сельцы, представлялъ такія страшныя затрудненія, что ѣхать верхомъ было рѣшительно невозможно. Даже начальники принуждены были слѣзть съ коней и всѣ шли пѣшкомъ, причѣмъ скользить и падать приходилось на каждомъ шагу.

Не взирая, однако, на эти страшныя затрудненія при движеніи, всѣ войска, которымъ было предписано прибыть къ ночи въ д. Сельцы, стаялись къ этому пункту, слѣдуя цѣлый день безъ привала, къ 12-ти часамъ ночи, причѣмъ, впрочемъ, вслѣдствіе очевидной невозможности двигать артиллерию, пришлось сперва отказаться отъ 9-ти-фунтовой батареи, а потомъ и отъ 4-хъ-фунтовой: иначе эта артиллерія, связывая и задерживая движеніе пѣхоты, не дала бы возможности подойти войскамъ своевременно къ назначенному пункту. Такимъ образомъ, 24-го числа войска перешли высшую точку перевала и спустились въ д. Сельцы, сдѣлавъ въ одинъ переходъ слишкомъ 30 верстъ, а нѣкоторые и до 40 верстъ.

Перейдемъ теперь къ правой колоннѣ генерала Скобелева, сосредоточившейся у Зелена-Древа.

Скобелевъ рѣшилъ начать наступленіе отъ Зелена-Древа черезъ Марковы Столбы и гору Караджа къ д. Иметли, въ долину Тунджи.

Еще 23-го декабря, вечеромъ, былъ посланъ впередъ командиръ уральской сотни, войсковой старшина Кириловъ, съ нѣсколькими казаками для про-

бития пути, а вследъ за нимъ двѣ роты саперъ съ рабочими для расчистки дороги.

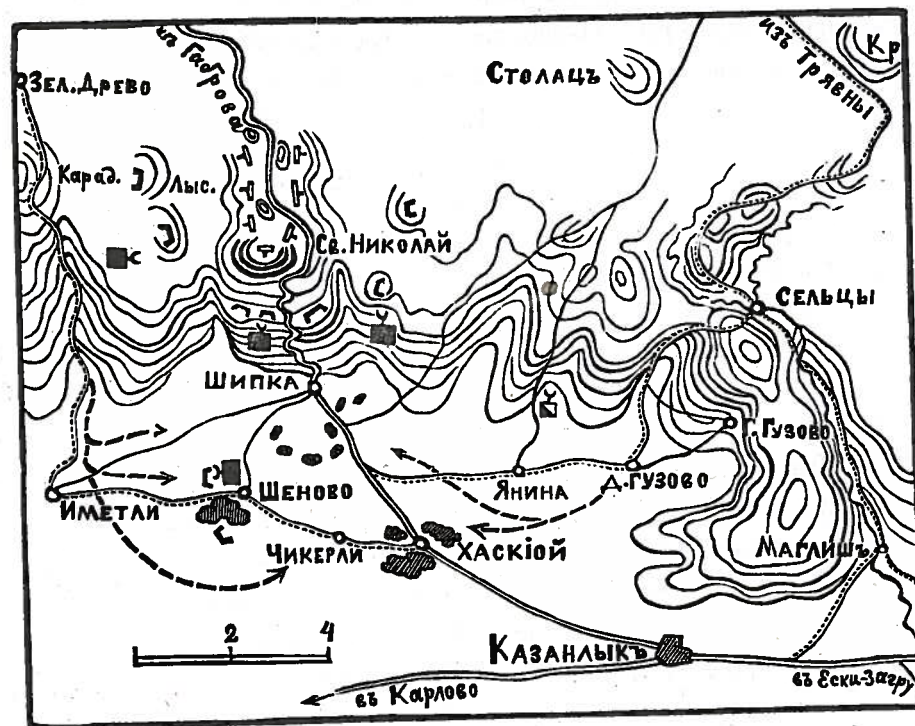
Общее управленіе всѣми работами по саперной части было поручено адъютанту Главнокомандующаго, полковнику Ласковскому.

24-го, въ 4-мъ часамъ пополудни, работы эти настолько подвинулись, что Скобелевъ счелъ возможнымъ приказать авангарду двинуться, тѣмъ болѣе, что имѣлось въ виду воспользоваться ночью, дабы возможно скрытно подойти къ Караджѣ, составляющей ключъ этой дороги.

Авангардъ колонны, подъ начальствомъ генералъ-майора Столѣтова, выступилъ изъ Топлиша въ слѣ-

дующемъ порядкѣ: рота 12-го стрѣлковаго батальона, 2 роты сапернаго батальона, команда рабочихъ 3-го батальона Казанскаго полка, 1-я и 2-я дружины болгарскаго ополченія и сотня Уральскихъ казаковъ. Въ то же время были двинуты по другой тропинкѣ, выходящей также къ д. Иметли, по пролегающей ближе къ Калоферу, двѣ сотни казачьяго № 9-го полка, служившія прикрытіемъ отряда со стороны калоферскаго гарнизона.

И здѣсь съ перваго же раза Балканы дали себя знать. Отойдя немного отъ д. Зелено-Древо, войскамъ пришлось уже взбираться на крутой подъемъ. Вѣтеръ свѣялъ съ него недавній снѣгъ; осталась

Обходное движеніе Шипки.

скользякая, обледенѣлая поверхность. То и дѣло сверху скатывались и падали солдаты, гремя ружьями, котелками, шанцевыми инструментами. Шумъ былъ ужасный. Кто смѣялся, кто проклиналъ. Тѣ, которые добрались до верху, тяжело дышали, отдыхали, прислонившись къ деревьямъ, или просто ложились въ снѣгъ въ полномъ безсиліи. Падая и скатываясь, напрасно хотѣли удержаться руками: руки скользили по гладкой поверхности. Направо и налево уже трупами лежали солдаты, нѣкоторые просто ничкомъ, лицомъ въ снѣгъ припали. На верху же подъема, на площадкѣ, путь весь былъ засыпанъ

снѣгомъ. Ноги уже не скользили, но за то рыхлые снѣга приходились по грудь. Солдаты шли въ какой-то кашѣ.

Перехода такимъ образомъ съ подъема на подъемъ, поворачивая направо и налево по невообразимо крутымъ тропинкамъ, обгибающимъ скалы и обрывы, отрядъ вошелъ наконецъ въ густой лѣсовъ. Тутъ тропинка оказалась дотога узка, что солдаты шли гуськомъ. Такъ былъ убійственно тяжелъ этотъ путь, что люди отдыхали буквально черезъ каждые двадцать, тридцать шаговъ. И какіе это были шаги! Солдаты съ натугою выхватывали ногу изъ снѣговой

глыбы, потомъ ступали впередъ, опять погружаясь въ вязкую массу. Подъ ногами снѣгъ расплзался, ноги расходились, — приходилось падать и подниматься опять.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ такой ходьбы солдаты были уже страшно утомлены. Люди шли какъ-то механически, точно ноги работали помимо ихъ воли. Видимо озлобились всѣ; — ни пѣсни, ни разговоровъ. Усталые солдаты, нужно сказать правду, мало помогали саперамъ въ расчисткѣ дороги. Путь почти не расчищался; тешутъ лопатами въ снѣгъ, точно кашу помѣшаютъ, и, понурясь, идутъ дальше.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога входила въ чащу до того перепутанную, что ее трудно было раздвигать руками: какія-то колючки впивались въ лицо, рѣзали его и обращали платье въ лохмотья.

Съ артиллерією же была настоящая мука. Девятифунтовые орудія пришлось бросить позади. Горныя же орудія, на саночкахъ, тѣла отдѣльно отъ лафетовъ, шли лямкою. Впереди двигалась цѣлая процессія. Солдаты, наклонившись головою впередъ, какъ бурлаки, хрипя, тащили на лямбахъ каждое изъ такихъ орудій. Такъ и казалось, что вотъ разорвется эти могучія груди: такъ тяжело онѣ дышали.

Всего мучительнѣе было для солдатъ взбираться на горы послѣ того, какъ, поскользнувшись, они скатывались внизъ. Иной пять, шесть разъ совершаетъ такое восхожденіе и все съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога шла смѣлымъ взлетомъ по скользкому обледенѣлому карнизу, шириною сажень въ десять. Направо стѣна, налево — бездна, поверхность дороги нѣсколько поката къ пропасти. Тутъ приходилось идти осторожно. Сколько разъ здѣсь слышался крикъ отчаянный, проникавшій въ душу: и сверху всѣ видѣли, какъ срывался внизъ несчастный солдатъ, гремя по выступамъ крутизны ружьемъ, лопатой, котелкомъ. Съ какими тщетными усиліями онъ хотѣлъ задержать свое паденіе, схватывался за малѣйшую неровность почвы, иногда на секунду задерживался на ней, но чтобы еще быстрѣе соскользнуть внизъ!

Такъ была ужасна крутизна, по которой всплываетъ эта дорожка, что, глядя внизъ, у многихъ кружилась голова. Старались уже не смотретьъ внизъ. Казаки употребляли тутъ оригинальный приемъ. Благодаря своимъ удивительнымъ лошадямъ, они легче

вып. v.

солдаты взбирались на эти кручи. Они брали своихъ коней за хвосты, закручивали ихъ на руку и, подгоняя лошадей, такъ сказавъ, буксировались ими впередъ. Видя успѣхъ такого приема, ему послѣдовали и многіе изъ офицеровъ.

Давно уже наступила ночь, а солдаты шли все вверхъ и вверхъ. Наконецъ попали въ такіе сугробы, гдѣ каждый шагъ приходилось отвоевывать. Буквально по горло въ снѣгу, солдаты уже не двигали ногами, а какъ-то напирали всѣмъ корпусомъ впередъ, выдавливая для себя мѣсто. Все было мокро на нихъ: и сами, и платье. А выберутся изъ снѣговъ, вѣтромъ и морозомъ охватываетъ, пальто коробится, рубашка деревенеетъ и на волосахъ разомъ образуются куски льда. Въ иномъ мѣстѣ садутъ на снѣговую глыбу, думаютъ отвести душу, вдругъ снѣгъ раздается подъ ними, сползаетъ внизъ и, чтобы не упасть въ кручу, висящую подъ ногами, нужно схватываться по пути за деревья и умолять товарищей сбросить веревку, чтобы опять забраться на путь; а мимо наверху люди уже далеко обходятъ края воронокъ, чтобы не попасть туда же. Обойдутъ и оттуда уже бросаютъ веревку. Вылѣзаетъ солдатъ наверхъ разбитый, въ синякахъ и ссадинахъ, ноги подламываются, болятъ во всѣхъ суставахъ, леденѣютъ, — а нужно идти еще далеко, далеко. Солдаты под конецъ стали садиться на дорогу, ложиться на нее. Черезъ нихъ и по нимъ ходили, наступали на лицо, на грудь, на ноги: тѣ только стонали и опять поднимались, чтобы до послѣднихъ силъ идти впередъ.

Если во всему этому прибавить еще, что людямъ было запрещено на привалахъ по дорогѣ разводить костры, дабы не обратить этимъ на себя вниманія противника, позиціи котораго не были удалены болѣе чѣмъ на 1 1/2 версты, и курить, то можно будетъ вполне понять, какую нечеловѣческую энергію выказали въ этомъ походѣ наши солдаты! Къ счастью ихъ, въ это время погода еще стояла довольно тихая, хотя и былъ морозъ градусовъ въ десять, иначе весь отрядъ окончательно замело бы въ горахъ снѣгомъ.

Вообще движеніе отряда, не смотря на невѣроятныя усилія войскъ, было до-того затруднительно, что головная рота авангарда (12-го стрѣлковаго батальона) только около 6 1/2 часовъ утра

6

слѣдующаго дня могла достигнуть начала перевала у Марковых Столбовъ. Отдохнувъ полчаса, рота продолжала движеніе, и около 8 часовъ утра, 25 декабря, заняла восточные склоны горы Караджа, гдѣ, противъ всякаго ожиданія, не встрѣтила противника. Къ этому-же времени другая рота того-же батальона заняла позицію у Марковых Столбовъ, и такимъ образомъ движеніе колонны было обезпечено на первое время отъ покушеній непріятеля, занимающаго Лысую гору.

Остальныя войска авангарда собрались на бивуакъ между Марковыми Столбами и горою Куруджа только къ 4 часамъ пополудни 25-го числа. Головныя-же части главныхъ силъ: 1-й и 2-й батальоны Каванскаго, Углицкій полкъ, 9-й стрѣлковый батальонъ, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я дружины Болгарскаго ополченія, 2-я горная батарея и четыре сотни № 9-го казачьяго полка продолжали прибывать, а задніе батальоны стянулись на названную позицію только около 6 часовъ утра 26-го числа, употребивъ, такимъ образомъ, около 20 часовъ для того, чтобы пройти 10 съ небольшимъ верстъ. Этого достаточно, чтобы понять, съ какими страшными препятствіями пришлось бороться нашимъ солдатамъ въ первую половину этого труднаго похода.

Придя на ночлегъ къ Куруджѣ, каждая артель солдатъ вырвала себѣ въ снѣгу большое круглое пространство, такъ чтобы внизу была голая земля, и здѣсь разводила костеръ; съ этой цѣлью каждый солдатъ въ авангардѣ несъ съ собою сухое полѣно. Тотчасъ же началась варка. Многіе бросились на землю отдыхать. Ложились ногами къ огню, головами къ снѣгу. Какъ ни были утомлены солдаты, а какъ дорвались до огня и отдыха — сейчасъ же поспали шутки и пѣсни. Вообще, занятіе горы Куруджи, какъ ключа къ выходу изъ Иметлійскаго перевала, развѣвало язнѣ всѣмъ и измѣнило настроеніе духа въ войскахъ. Долго грѣлись надъ огнемъ солдаты. Иные такъ и засыпали у огня, сидя. Другіе до-гола раздѣвались и надъ дымомъ костра вытряхивали рубахи, при чемъ обильное населеніе солдатскихъ рубахъ съ трескомъ сыпалось въ огонь. Слышались шутки, покрывавшіяся смѣхомъ. Отрядъ Скобелева про-

стоялъ здѣсь до утра 26-го декабря, пока не подтянулись сюда главныя его силы.

Между тѣмъ, лѣвая колонна князя Святополье-Мирскаго, 25-го декабря съ разсвѣтомъ, выступила изъ д. Сельцы далѣе. Продолжая раскапывать при посредствѣ болгаръ дорогу, покрытую снѣгомъ до двухъ аршинъ, а мѣстами и болѣе, авангардъ изъ 4-й стрѣлковой бригады и 33-го Елецкаго полка съ горной батареей поднялся на послѣдній перевалъ и занялъ позицію на вершинѣ его, откуда начинается спускъ въ долину Тунджи, въ 4-хъ верстахъ отъ д. Гузово. Сѣвскій и Орловскій полки остались въ д. Сельцы, а 30-я пѣхотная дивизія, ночевавшая 24-го въ Травнѣ, 25 числа, въ полномъ составѣ, подошла также къ д. Сельцы.

Не будучи подготовлена къ этому походу, 30-я пѣхотная дивизія не могла заготовить ни вьючными сѣдлами, и санями, которыя скуплены были изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ для полковъ 9-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій, ни даже полшубками; притомъ, во время весьма тягостнаго перехода изъ подъ Плевны въ Тырновъ, обувь нижнихъ чиновъ сильно изнасилась, такъ что въ каждомъ полку было много людей въ турецкихъ настоллахъ или опанкахъ; обозныя-же лошади были крайне изнурены, вслѣдствіе чего обозы не могли своевременно прибыть въ Травну, и, при выступленіи оттуда, нѣкоторыя части имѣли только на два дня сухарей и нивакихъ другихъ запасовъ; офицеры-же дивизіи взяли съ собою только то, что могло помѣститься на ихъ верховыхъ лошадяхъ и въ карманахъ ихъ платя. Такое скудное состояніе 30-й дивизіи заставило Орловцевъ и Сѣвцевъ подѣлиться съ нею въ Сельцахъ изъ своего, также необильнаго запаса сухарей.

26-го числа, передъ тѣмъ, чтобы спуститься въ д. Гузово, гдѣ можно было встрѣтить уже сопротивление, князь Мирскій рѣшилъ сначала подтянуть къ авангарду Сѣвскій и Орловскій полки и тогда уже начать движеніе, почему предписалъ Сѣвскому полку выступить въ 6 часовъ утра, за нимъ вслѣдъ двигаться Орловскому и бригадѣ 30-й пѣхотной дивизіи. Другой-же бригадѣ съ сотнею казаковъ, подъ начальствомъ командующаго дивизию,

звѣю, генераль-маіора Шнитникова, идти на Маглишъ и занять его.

Около 10 часовъ утра всѣ силы подтянулись, и генераль Мирскій приказалъ спускаться 4-й стрѣлковой бригадѣ, имѣя Донской полкъ впереди. Въ долину Тунджи не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, обнаруживающаго, что мы открыты. Спуску внизъ благоприятствовало то обстоятельство, что оныя прикрыты спереди большою горою, до которой дорога спускается, затѣмъ поворачиваетъ вправо и, огибая гору, выходитъ прямо въ д. Горное Гузово. Съ вершины спуска эта деревня, закрываемая тою-же горою, не была видна, а потому, въ виду неизвѣстности, что тамъ находится, приказано было казакамъ, быстро выдвинувшись изъ-за горы, немедленно обскákat деревню и обстоятельно донести, что ими будетъ открыто и встрѣтятся-ли они сопротивление. Въ 12 часовъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ со стороны баши-бузуковъ, бывшихъ въ деревнѣ, она была занята казаками, часть которыхъ направилась въ д. Дальнее Гузово, а за ними головныя части стрѣлковой бригады. Эта деревня, также послѣ незначительной перестрѣлки, была занята и головныя части оставились, такъ какъ дальнѣйшаго наступленія въ этотъ день не предполагалось. Тотчасъ была осмотрѣна и выбрана позиція, которая и занималась постепенно слѣдовавшими безостановочно войсками. Къ 5-ти часамъ всѣ были на своихъ мѣстахъ, занимая первую линію: справа стрѣлковой бригадою, въ центрѣ Елецкимъ и лѣва Сѣвскимъ полками; въ резервѣ стали: Орловскій полкъ и бригада 30-й дивизіи. Потеря въ этотъ день состояла изъ шести раненыхъ казаковъ и трехъ стрѣлковъ.

Тѣмъ временемъ другая бригада 30-й дивизіи (полки Шуйскій и Коломенскій), съ 5-ю сотнею казаковъ № 23-го полка, подъ личнымъ начальствомъ самого командира этой дивизіи, генерала Шнитникова, выступивъ около полудня изъ дер. Сельцы, двинулись къ с. Маглишъ, по тропинкѣ, которую прокладывали сами полки по указанію проводника. Путь туда шель сначала по берегу ручья, а затѣмъ, непрерывнымъ подъемомъ по обледѣлымъ, скользкимъ гребнямъ и узкимъ карнизамъ, по которымъ иначе, какъ по одному человѣку, пройти было нельзя. Къ 4 часамъ колонна стала под-

ходить къ с. Маглишу, лежащему влѣво отъ пути, внизу горъ, въ котловинѣ. Слѣдовавшіе впереди казаки были встрѣчены выстрѣлами изъ-за горы. Остановивъ движеніе и приказавъ войскамъ стягиваться въ скрытомъ отъ взоровъ непріятеля мѣстѣ, генераль Шнитниковъ произвелъ осмотръ непріятельской позиціи и нашелъ, что турки занимаютъ двѣ отдѣльныя высоты, прикрывающія Маглишъ съ сѣвера и препятствующія дебушированію войскъ изъ горнаго дефиле; на высотахъ этихъ находились редуты, обращенные фронтомъ къ спуску съ горнаго хребта.

Не желая дать противнику времени опомниться отъ нашего внезапнаго появленія и приготовиться къ оборонѣ, Шнитниковъ рѣшился, не смотря на утомленіе войскъ и позднее время дня, тотчасъ-же атаковать непріятельскую позицію, и съ этою цѣлью сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 2-й батальонъ Коломенскаго полка съ сотнею казаковъ, подъ общимъ начальствомъ начальника штаба 30-й дивизіи, полковника Кукеля, двинуть былъ въ обходъ позиціи, на казанлыкскую дорогу, чтобы у с. Маглиша отрѣзать непріятелю путь отступленія и, угрожая съ тыла, облегчить фронтальную атаку. 1-й батальонъ того-же полка, поддержанный 3-мъ батальономъ, подъ начальствомъ командира полка, полковника барона Гейкинга, былъ направленъ на непріятельскую позицію съ фронта.

Непріятель замѣтилъ, однако, обходное движеніе 2-го батальона, и шайка баши-бузуковъ, занимавшая лѣвый флангъ турецкой позиціи, стала понемногу входить въ деревню.

Въ 6 часовъ вечера 1-й батальонъ сталъ спускаться съ горъ для атаки непріятельской позиціи, занятой, какъ оказалось по собраннымъ вполнѣдствіи свѣдѣніямъ, тремя съ половиною таборами пѣхоты. Обрывистая, скалистая мѣстность дозволяла батальону наступать только въ походной колоннѣ, по весьма узкой и крутой тропѣ, переконной въ двухъ мѣстахъ глубокими и широкими канавами. Не смотря на эти препятствія и весьма сильный непріятельскій ружейный огонь, направленный преимущественно на переконныя мѣста, батальонъ смѣло подвигался впередъ, предшествуемый охотниками, подъ командою подпоручика Абрамова. Спустившись въ лошину, подъ по-

вровомъ наступившихъ сумерекъ и прикрытіемъ двухъ разсѣпанныхъ стрѣлковыхъ ротъ, 1-й батальонъ перестроился въ ротныя колонны и принялъ вправо отъ дороги, составивъ резервъ 1-й стрѣлковой роты. Слѣдовавшій за ними 3-й батальонъ выдвинулъ влѣво отъ дороги, въ резервъ 3-й стрѣлковой роты, 9-ю и 10-ю роты, а 11 и 12-ю роты полковникъ Гейкинъ оставилъ въ общемъ резервѣ. Перестроенія эти производились подъ неприятельскимъ огнемъ, не причинявшимъ, впрочемъ, намъ большаго вреда, такъ какъ пули большею частію пролетали надъ головами людей.

Какъ только всѣ части заняли свои мѣста, оба батальона двинулись въ атаку на неприятельскія укрѣпленія, состоявшія изъ трехъ каменныхъ редутовъ; не смотря на непрерывный и сильный ружейный огонь, быстро взобрались на высоты и, переведа духъ предъ самыми укрѣпленіями, дружно, съ крикомъ „ура“, бросились въ штыки. Неприятель не выдержалъ удара и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Темнота наступившей ночи и неизвѣстная гористая мѣстность не дали возможности настойчиво преслѣдовать неприятеля, направившагося къ сторонѣ Ханкойскаго Богаза (прохода), почему въ нашихъ рукахъ осталось всего восемь человѣкъ плѣнныхъ. Что касается 2-го батальона и сотни казаковъ, посланныхъ въ обходъ, то, по дальности движенія, они не могли успѣть отрѣзать неприятелю путь отступленія, и когда вступили со стороны Казанька въ Маглишъ, то онъ уже былъ занятъ ротами, атаковавшими неприятельскую позицію съ фронта.

118-й Шуйскій полкъ, во время дѣла у Маглиша, оставался въ резервѣ и вступилъ въ Маглишъ вслѣдъ за Коломенцами.

Такимъ образомъ, лѣвая колонна, въ ночь съ 26-го на 27-е декабря, была расположена слѣдующимъ образомъ: одна бригада 30-й дивизіи въ с. Маглишъ; полки 9-й пѣхотной дивизіи и одна бригада 30-й дивизіи — у с. Дальнее Гюзово.

Вернемся теперь къ колоннѣ генерала Скобелева.

26-го декабря, около 10 часовъ утра, оставивъ на мѣстѣ бивуака на позиціи у Куруджи въ боковомъ авангардѣ 1-ю бригаду Болгарскаго ополченія и 12-й стрѣлковый батальонъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Денрерадовича, Скобе-

левъ продолжалъ движеніе къ дер. Иметли, принявъ самъ начальство надъ авангардомъ, въ которомъ въ этотъ день шли: двѣ роты саперъ, 3-й батальонъ Казанцевъ, сотня Уральцевъ, 1-й и 2-й батальоны Казанцевъ и Углицкій пѣхотный полкъ. Онъ не рѣшился двинуться съ Куруджи въ Иметльское дефиле, не занявъ предварительно высоты по обѣимъ сторонамъ онаго. На этихъ высотахъ приказано было частямъ окопаться.

Въ головѣ колонны, полковникъ Ласковскій съ молодцами саперами съ ночи уже безъ усталы работалъ по расчищенію дальнѣйшаго пути къ Иметли. На этотъ разъ дорогу пришлось прокладывать по ужасной кручѣ горы Куруджи, которая упирается съ одной стороны въ глубокую пропасть. По этому обрыву и была продѣлана тропинка, по которой можно было пройти лишь одному. Внизъ — крутизна, гдѣ никто не удержится, вверхъ — такой же отвѣсъ, на которомъ ни утеса, ни прутика, чтобы схватиться, когда ноги соскользнутъ внизъ. Наканунѣ здѣсь не было никакой тропинки. Необычайный путь и продѣланъ былъ необычайнымъ способомъ. Войсковой старшина лихой Уральской сотни Кирилловъ, оставивъ лошадей позади, легъ съ своими казаками на бокъ и продвигался бокомъ по откосу въ снѣгу до болѣе отлогого мѣста. Помогая себѣ руками, такимъ образомъ спустились всѣ казаки одинъ за другимъ гуськомъ. Ползли они такъ съ неимоверными усиліями версты три. Въ концѣ концовъ образовалась узкая битъ; по ней навздъ уже прошла тоже гуськомъ сотня. Послѣ этого она попробовала провести по ней лошадей. Саперы докончили тропинку, а днемъ двинулся по ней скобелевскій отрядъ.

Съ этой головоломной тропинки бездна точно тянула къ себѣ людей. Вонъ впереди слышался пронзительный крикъ и загомонили солдаты. Какая-то черная фигура, неистово размахивая руками, летитъ внизъ. Наканунѣ, говорятъ, трое сорвались туда; одинъ верхомъ. Лошадь переломала себѣ ноги, а люди остались цѣлы.

Къ еще большому затрудненію отряда, откосъ этотъ всецѣло былъ обращенъ къ Лысой горѣ, занятой въ то время неприятелемъ. Спуски съ этого откоса вели къ дер. Иметли, гдѣ также располагался неприятель. Понятно, что турки тотчасъ же

насъ замѣтили и начали спускаться сюда съ Лысой горы, а также и изъ дер. Шенова. Часть ихъ взобралась на скалы по сторонамъ спусковъ къ Иметли. Пули посыпались градомъ со всѣхъ сторонъ еще въ то время, какъ саперы разрабатывали эту тропинку. Съ Лысой горы пущено было нѣсколько гранатъ, но почему-то артиллерійскій огонь былъ вскорѣ прекращенъ турками. Однако съ насъ было довольно и одного ружейнаго огня. Дорожка наша была видна туркамъ какъ на ладони. Закрытій никакихъ. Пули шлепались въ камни, отбивали осколки, и нѣкоторые солдаты были ранены даже этими осколками. Раненыхъ появлялось все больше и больше. Поднялся стонъ и крикъ кругомъ. Кто раненъ въ руку, кто въ ногу; у одного выбитъ глазъ; на снѣгу кровь. Спрятаться отъ пуль положительно было некуда, ибо онѣ отскакивали рикошетомъ отъ камней и ударили въ такомъ направленіи, въ какомъ ихъ никто не ожидалъ. Вскорѣ и полковникъ Ласковскій былъ раненъ въ руку.

Получивъ донесеніе о томъ, что Ласковскій раненъ и турки переходятъ въ наступленіе, генералъ Скобелевъ немедленно приказалъ командирамъ Казанскаго и Углицкаго полковъ послѣдовать на помощь къ саперамъ, и самъ отправился на мѣсто боя.

Видѣвъ съ тѣмъ было дано приказаніе занять горы по обѣимъ сторонамъ ущелья, въ которое спускается дорога съ Куруджи, и расширить, такимъ образомъ, фронтъ нашего выхода.

Спуски съ Куруджи въ ущелье, ведущее къ дер. Иметли, необычайно круты. Солдатамъ пришлось спускаться или, лучше, съѣзжать съ нихъ сидя. Инне, цѣпляясь за вѣтви, прямо прыгали внизъ на обледѣлые скаты и поднимались разбитыми. И такое-то движеніе пришлось совершать подъ частымъ ружейнымъ огнемъ неприятеля!

Рекогносцировка, которую генералъ Скобелевъ сдѣлалъ по направленію къ Иметли, убѣдила его въ невозможности продолжать работы, не занявъ предварительно гору, командуемую надъ дер. Иметли, и сопку, лежащую южнѣе дороги, на которой засѣли неприятельскіе стрѣлки.

Тутъ-же дано было приказаніе сотнику Дукмасову взять нѣсколько человѣкъ охотниковъ и выбить турокъ съ горы сѣвернѣе Иметли.

Порученіе это сотникомъ Дукмасовымъ было

исполнено блистательно. Не давъ ни одного выстрѣла, не смотря на сильный неприятельскій огонь, смѣльчаки Казанцы ползли на гору и штыками выбили оттуда человѣкъ сто неприятельскихъ стрѣлковъ при нѣсколькихъ кавалеристахъ, взявъ при этомъ одного или двухъ плѣнныхъ и даже ворвавшись въ самую дер. Иметли.

Послѣ этого Скобелевъ приказалъ занять эту гору ротою Углицкаго полка, и положеніе войскъ, расположенныхъ на дорогѣ, спускающейся къ Иметли, стало болѣе сноснымъ. Однако же движеніе по ней продолжало быть опаснымъ, и при возвращеніи съ рекогносцировки былъ серьезно раненъ начальникъ штаба отряда, подполковникъ Куропаткинъ, по своему обыкновенію выбравшій для наблюденія самую опасную точку.

Начальникомъ штаба отряда былъ назначенъ и. д. начальника штаба Болгарскаго ополченія, подполковникъ графъ Келлеръ.

Сопка, съ которой былъ раненъ подполковникъ Куропаткинъ, отстояла отъ дороги шаговъ на 700—800, такъ что турки стрѣляли положительно на выборъ; наши же солдаты, благодаря ихъ относительно худшему вооруженію, принуждены были выдерживать этотъ невѣроятно мѣткій огонь, не отвѣчая на него; когда же Скобелевъ велѣлъ одной стрѣлковой ротѣ Углицкаго полка, вооруженной имъ послѣ паденія Плевны ружьями Пибоди, занять эту часть дороги и отереть стрѣльбу, то, спустя четверть часа, выстрѣлы съ сопки совершенно прекратились.

Въ этотъ первый день боя Казанскій полкъ лишился двухъ отличныхъ офицеровъ: поручика Парчевскаго и капитана Волчанинова. Общая наша потеря за этотъ день простиралась до 140 человѣкъ.

Часовъ около шести вечера было замѣтно движеніе войскъ по долинѣ; изъ Иметли вышло нѣсколько таборовъ по направленію къ Казаньку. Изъ Шенова табора три были направлены на гору, составляющую лѣвый флангъ нашей позиціи и занятую двумя стрѣлковыми ротами Углицкаго полка, подъ командою капитана Башталинскаго. Турки засѣли тамъ въ траншеяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, въ ту же ночь были выбиты Угличанами. Башталинскій обошелъ ихъ неожиданно и атаковалъ такъ стремительно, что неприятель бѣжалъ, по-

бросавъ оружіе. Солдаты до-того увлеклись преслѣдованіемъ, что перемѣшались съ турками, а одинъ, Степанъ Глаголевъ, оказался ни много, ни мало, какъ въ головѣ бѣгущей непріятельской колонны.

— Смотрю, ахъ, ты, Боже мой, кругомъ черно-мазь эта. Тутъ мнѣ страшно стало, забьютъ, думаю. Но только я духу своего не потерялъ—еще громче орать на нихъ сталъ, а самъ все отстаю да отстаю. Только одинъ меня царапнулъ штыкомъ, ну, этого я ему тоже не простилъ: прикладомъ по башкѣ здорово отвалилъ. Поди, и поновѣ лежитъ тамъ, рассказывалъ онъ потомъ.

Между тѣмъ съ Лысой горы войска продолжали спускаться въ долину, что еще было замѣчено утромъ во время нашего движенія.

Начинало темнѣть. Пользуясь ночью, генераль Скобелевъ приказалъ командиру Углицкаго полка, полковнику Панютину, занять Иметли и, спустившись въ долину, выбрать и укрѣпить позицію у подошвы Балванъ.

Занятіе Иметли не стоило намъ никакихъ потерь. Оказалось, что непріятель, не дождавшись нашего прихода, очистилъ деревню. Начальникомъ спустившихся войскъ былъ назначенъ генераль-майоръ Столѣтовъ.

Въ селѣ Иметли солдаты наши нашли множество всевозможныхъ хозяйственныхъ припасовъ, оставленныхъ бѣжавшими жителями-турками. Особенно много было найдено въ домахъ варенья изъ сливъ, которое солдаты поглощали ротными ложками, точно кашу. Орѣхи, медъ, куры, гуси и проч. были также въ изобиліи. Радостный шумъ стоялъ ночью по всему селу.

На слѣдующій день, 27-го декабря, часовъ въ восемь утра, генераль Скобелевъ лично спустился въ долину, произвелъ рекогносцировку позиціи и рѣшилъ направить тотчасъ туда всѣ войска, по мѣрѣ ихъ прибытія; предварительно же поручилъ опять сотнику Дукмасову очистить отъ непріятеля сопку въ югу отъ дороги, которая намъ причинила столько потерь наканунѣ. № 26-го Донскаго казачьяго полка сотникъ Дукмасовъ, съ полуротою 12-й роты Казанскаго полка, снова пошелъ въ штыки и достигъ своей цѣли, потерявъ при этомъ около 10-ти человѣкъ. Командиръ 4-й роты, капитанъ Аменицкій, поддерживавшій съ другою по-

луротою натискъ сотника Дукмасова, въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ тяжело пулею въ голову.

Уже въ долину Скобелевъ встрѣтилъ двѣ сотни Донскаго № 9-го казачьяго полка, подъ командою есаула Студеникина, только-что прибывшаго. Сотни эти выступили 24-го вечеромъ изъ Топлиша и, послѣ неимовѣрныхъ усилій, безъ дорогъ и при страшно глубокомъ снѣгѣ, прошли къ вечеру 26-го декабря по кружной дорогѣ пространство болѣе чѣмъ въ 30 верстъ, не имѣя притомъ ни одного отсталого.

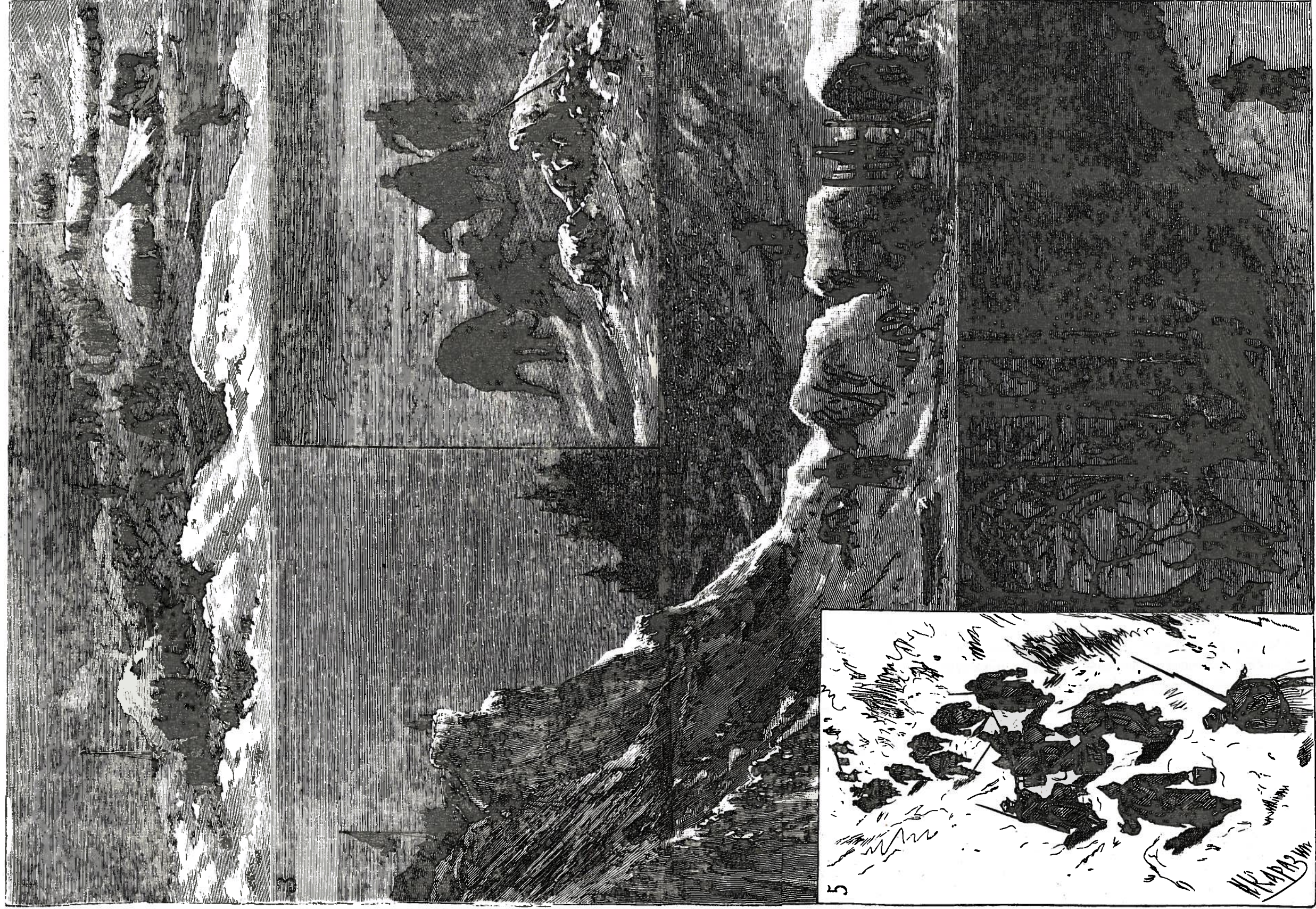
Часовъ въ девять утра, на позиціи въ долину, фронтомъ на югъ, находилась уже вся 2-я бригада 16-й дивизіи, причѣмъ Казанскому полку еще ночью, при занятіи ея, пришлось выбить турокъ, занимавшихъ позицію на сопкѣ противъ дороги.

Остальныя части отряда стали мало по малу спускаться. Донской № 9-го казачій полкъ въ то же время имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ непріятельскими разъѣздами и вообще за все время дѣйствовалъ лихо. У пѣхотныхъ же частей хотя и была легкая перестрѣлка, но послѣдняя не имѣла никакихъ послѣдствій.

Часовъ около 11-ти утра Скобелевъ получилъ донесеніе отъ полковника князя Вяземскаго, оставленнаго на нашихъ горныхъ позиціяхъ съ четырьмя дружинами Болгарскаго ополченія и находившагося на горѣ лѣваго фланга, обращенной къ Шипкѣ, что замѣтны колонны князя Мирскаго, спускающіяся въ долину восточнѣе Шипки.

Особенно вѣрить этому предположенію было трудно, такъ какъ перестрѣлка была слышна будто въ горахъ; колонны же въ долину могли быть какъ койска князя Мирскаго, такъ и армія Сулеймана, по слухамъ, шедшая изъ Сливны.

Послѣднее, а также возможность появленія непріятеля со стороны Калофера, вынуждало Скобелева дѣйствовать крайне осмотрительно. Тѣмъ не менѣе, часовъ около двухъ пополудни, въ виду разгоравшагося боя со стороны предполагаемаго наступленія князя Мирскаго и узнавъ, что подходит голова Владимірскаго полка, Скобелевъ сдѣлалъ распоряженіе о перемѣнѣ фронта налѣво, т. е. къ востоку, и рѣшился атаковать дер. Шипку, какъ только покажется въ окрестностяхъ

ЗИМА НА ШИПКЪ.

1. Землянки пяхоты. 2. Замерзшии турецкии карауль. 3. Орлиное гнзюдо.—редуть на вершини горы св. Николая. 4. Батерей, бьющия редуть св. Николая.
5. Доставка горячей пищи на вершину св. Николая. 6. Ночная экспедиция за дровами.

этой деревни колонна князя Мирскаго. Для отвле- ченія же отъ послѣдней хотя части турецкихъ войскъ, Скобелевъ приказалъ открыть стрѣльбу изъ горныхъ орудій, причемъ первыя же гранаты весьма удачно попали въ кавалерійскія колонны, развернувшіяся противъ нашего праваго фланга. вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы дать князю Мирскому убѣ- диться въ нашемъ присутствіи въ долину, а также дать неприятелю преувеличенное понятіе о нашихъ силахъ, войскамъ было приказано стать шире, разложить костры и отойти на свой бивуакъ только когда стемнѣетъ. Полковые хоры музыкантовъ играли до вечера, и при зорѣ изъ всѣхъ горныхъ орудій былъ сдѣланъ залпъ по Шеново. Въ продол- женіи ночи костры на передовой позиціи поддер- живались казачьими разъѣздами.

Войскамъ же, отошедшимъ на свои бивуаки у подножія горъ, было приказано ночью укрѣпить позицію и деревню Иметли, на случай атаки со сто- роны Калофера. Предпринять въ этотъ же день что либо противъ Шеново Скобелевъ считалъ невоз- можнымъ, во-первыхъ, вслѣдствіе поздняго времени дня; во-вторыхъ, въ виду необходимости укрѣ- питься на занятой позиціи; наконецъ, въ третьихъ, главное, въ виду необходимости сосредоточить свои силы, такъ какъ отъ генерала Радецаго получено было приказаніе не начинать боя, не собравъ всего отряда.

Къ 6-ти часамъ вечера подошли: 9-й стрѣль- ковый и три роты 11-го стрѣлковаго батальона, Вла- димірскій полкъ и первая дружина ополченія.

Уральская казачья сотня уже спустилась того же числа утромъ.

На полевую артиллерию подполковника Куро- паткина 2-го разсчитывать раньше нѣсколькихъ дней было невозможно. Не смотря на гигантскія усилія Суздальцевъ, которымъ было поручено до- ставить орудія, послѣдніе, послѣ 36-ти-часовой страшной работы, успѣли только доставить орудія въ Марковымъ Столбамъ.

Отложить, въ виду этихъ обстоятельствъ, атаку позиціи еще на сутки Скобелевъ находилъ опас- нымъ, тѣмъ болѣе что, по слухамъ, часть арміи Сулеймана приближалась къ Шипчу. Поэтому онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ атаковать самымъ на- стойчивымъ образомъ неприятельскія позиціи на

слѣдующее утро, безъ содѣйствія полевой артилле- ріи. Суздальскому полку было дано приказаніе, сдавъ полевныя орудія полковнику Депперадовичу на самомъ перевалѣ, спѣшить съ возможно быстро- тою къ Иметли. вмѣстѣ съ тѣмъ предписано пол- ковнику Депперадовичу прислать стрѣлковыя роты и 1-ю дружину Волгарскаго ополченія къ Иметли, со 2-ю и подошедшею изъ Топлиша 10-ю дружи- нами удерживать фланговую позицію, а съ раз- свѣтомъ 28-го декабря усиленно обстрѣливать изъ полевныхъ орудій турецкія укрѣпленія на Лысой горѣ.

Въ то время, т. е. часовъ около 10-ти ве- чера, получено было извѣстіе о назначеніи въ со- ставъ лѣвой колонны еще трехъ полковъ 1-й ка- валерійской дивизіи.

Въ головѣ этой колонны шелъ 1-й Донской ка- зачій полкъ, и генералъ Дохтуровъ, видя, что обо- гнать пѣхотную колонну по узкой тропѣ не пред- ставлялось возможнымъ, далъ Суздальцамъ прига- заніе остановиться и пропустить казаковъ и дра- гунъ.

Стоитъ нѣсколько остановить вниманіе на этомъ переходѣ кавалерійской дивизіи, голова которой употребила 6—7 часовъ для того, чтобы пройти изъ Топлиша въ Иметли. Перевалъ мѣстами до- того крутъ, что безъ помощи рукъ дѣйствительно трудно карабкаться и пѣхотинцу. При этомъ, пе- реваливъ, 1-я кавалерійская дивизія сейчасъ же была двинута въ дѣло и дѣйствовала такъ, какъ будто этотъ трудный переходъ ея совсемъ не утомилъ.

Такимъ образомъ, въ утро 28-го декабря, Ско- белевъ могъ разсчитывать имѣть въ своемъ распо- ряженіи слѣдующія войска: Владимірскій, Углицкій и Казанскій полки, 9-й и 11-й стрѣлковые ба- тальоны, 1-ю, 3-ю, 4-ю, 5-ю и 6-ю дружины Вол- гарскаго ополченія, 2-ю горную батарею, 1-й дра- гунскій, №№ 1-го и 9-го Донскіе казачьи полки, сотню Уральскихъ казаковъ и команду болгарскихъ конниковъ. Къ 2-мъ же часамъ по полудни того же дня можно было надѣяться, что подойдутъ Суз- дальцы и 1-й уланскій полкъ и три роты 12-го стрѣлковаго батальона.

Посмотримъ теперь, что происходило въ этотъ день, т. е. 27-го декабря, въ лѣвой колоннѣ князя Святополкъ-Мирскаго, котораго мы оставили у дер. Дольнее-Гювово.

Нужно замѣтить, что обѣ наши обходныя колонны, за дальностью разстоянія, отдѣлявшаго ихъ, не могли получать быстро свѣдѣній одна о другой. Связью ихъ были позиціи Св. Николая; но чтобы изъ Скобелевскаго отряда ужасными дорогами доѣхать до генерала Радецаго, нужно было употребить на это не менѣе десяти часовъ, да пять часовъ требовалось для того же и Мирскому. Такимъ образомъ, обѣимъ колоннамъ приходилось иногда ограничиваться, вмѣсто истины, одними лишь догадками о положеніи дѣлъ другъ у друга. Это и объяснить намъ все происшедшее за этотъ день въ лѣвой колоннѣ.

Вслѣдствіе полученной отъ генерала Радецаго телеграммы о томъ, что движеніе иметлійскаго отряда черезъ перевалъ идетъ успѣшно, и потому атака Шипки должна совершиться 27-го числа, князь Мирскій предписалъ съ утра приготовить наступленіе на Янину, въ надеждѣ, что одновременно услышаны будутъ дѣйствія со стороны д. Иметли. Дѣйствительно, съ наступленіемъ утра, вдали, по направленію къ д. Иметли, началась ружейная перестрѣлка, которая становилась все оживленнѣе и какъ будто приближалась. Княземъ Мирскимъ тотчасъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: въ боевыя линіи были назначены: 4-я стрѣлковая бригада съ горною батареею и непосредственно за нею Елецкій полкъ. Въ общемъ резервъ полки: 34-й Сѣвскій, 36-й Орловскій и 117-й Ярославскій. Серпуховскій полкъ былъ оставленъ на Гюзовской позиціи, для прикрытія обозовъ и спуска. Генералу Шнитникову князь Мирскій послалъ приказаніе угрожать изъ Маглыша г. Казанлыкъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе тѣхъ силъ, которыя могли бы тамъ быть и которыя еще наканунѣ, въ числѣ около 5 таборовъ, видны были съ Гюзовской позиціи. Но оказалось впоследствии, что эти таборы въ ночь съ 26-го на 27-е число были притянуты къ Шипкѣ, и Казанлыкъ остался безъ защиты, такъ что демонстрація генерала Шнитникова кончилась занятіемъ Казанлыка, вскорѣ послѣ полудня 27-го числа, безъ боя.

Между тѣмъ отрядъ началъ наступленіе къ Янинѣ, и бой постепенно загорался. Но по мѣрѣ того, какъ здѣсь начали втягиваться въ бой, выстрѣлы вдали, со стороны Иметли, начали утихать

и вскорѣ совсѣмъ умолели. Втянувшись въ бой и получивъ въ то же время новое, положительное приказаніе отъ генерала Радецаго атаковать Шипку 27-го числа, князь Мирскій не призналъ возможнымъ останавливать уже начавшагося успѣшно боя, и наступленіе продолжалось безостановочно. Послѣдовательно заняты были съ боемъ д. Янина, а вслѣдъ за нею—Хаскіой. По занятіи послѣдней, влѣво тотчасъ посланы были двѣ сотни казаковъ, подъ командою полковника Ралгина, которымъ было предписано стараться раскрыть отрядъ генерала Скобелева и войти съ нимъ въ связь; войска же продолжали дальнѣйшее наступленіе къ Шипкѣ.

Между Хаскіоемъ и Шипкою начинается рядъ кургановъ, занятыхъ турками, укрѣпленныхъ идущими спирально отъ низу до верху ложементами, доступны къ которымъ идутъ по совершенно открытой мѣстности, подверженной самому убійственному огню. Не взирая на это, стрѣлки и Елецкій полкъ, составившіи правый флангъ боеваго расположенія, продолжая безостановочно наступленіе, выбили турокъ штыками изъ ближайшихъ кургановъ, работая подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и уже артиллерійскимъ огнемъ, которымъ были встрѣчены наши войска при выходѣ изъ д. Хаскіой. Для дальнѣйшаго наступленія потребовалось усилить боевую линію, тѣмъ болѣе что нашъ правый флангъ, сравнительно слабѣйшій и противъ котораго, притомъ, усиленно дѣйствовала артиллерія противника, при дальнѣйшемъ наступленіи нѣсколько поколебался, особенно когда командиръ полка, полковникъ Громанъ, былъ раненъ и выбылъ изъ строя. Тотчасъ на поддержку Елецкаго полка направленъ былъ изъ резерва Сѣвскій полкъ, а къ 4-й стрѣлковой бригадѣ—Орловскій полкъ. Для обезпеченія же лѣваго фланга со стороны Казанлыка, одинъ батальонъ Ярославскаго полка былъ выдвинутъ изъ резерва для занятія южной стороны д. Хаскіой. 34-й Сѣвскій полкъ, имѣя головы батальоновъ на линіи, двинутъ былъ командиромъ полка, полковникомъ Жиржинскимъ, въ боевую линію на поддержку Ельцамъ, а Орловцы двинулись на усиленіе центра и лѣваго фланга. Въ то же время горная батарея, подойдя на разстояніе 350 сажень къ батарее, занимавшей сильный курганъ противъ нашего центра, открыла уча-

щенный огонь, а Сѣвцы, двинувшись въ боевую линію справа отъ Елецкаго полка, безостановочно продолжали наступленіе. Удачнымъ выстрѣломъ горнаго орудія былъ взорванъ на курганѣ зарядный ящикъ у турокъ. Воспользовавшись этимъ, войска грянули общее „ура“, и вся линія бросилась въ атаку въ штыки. Не взирая на страшный ружейный и орудійный огонь, стрѣлки ворвались на курганъ и овладѣли тремя дальнѣйшими орудіями, взявъ при этомъ до ста плѣнныхъ. Сопротивленіе было отчаянное; на одномъ этомъ курганѣ осталось болѣе 200 турецкихъ труповъ. Турки успѣшно отступили и заняли новую линію укрѣпленій, состоявшихъ изъ ряда сильныхъ редутовъ и д. Шипки на лѣвомъ флангѣ. Ожесточенный огонь продолжался.

Въ боевой линіи было 13 батальоновъ и горная батарея.

Въ общемъ резервѣ осталось только два батальона Ярославцевъ. Всѣми войсками боевой линіи продолжалъ командовать генералъ Домбровскій, не взирая на то, что съ 12 часовъ утра онъ былъ уже раненъ пулею въ плечо на вылетъ. Рѣшено было расходовать два послѣдніе резервные батальона только въ крайности. Войска боевой линіи были страшно утомлены непрерывнымъ боемъ, длившимся уже семь часовъ сряду, и понесли большія потери отъ огня. Въ резервѣ же всего оставалось два батальона Ярославцевъ, и потому атаковать вторую линію укрѣпленій уже утомленными войсками князь Мирскій не нашелъ возможнымъ, и приказалъ ограничиться удержаніемъ занимаемыхъ позицій.

Наступила темнота; занято было съ боя пять сильно укрѣпленныхъ турецкихъ кургановъ, не считая нѣсколькихъ меньшихъ, а отдѣльные охотники Сѣвскаго полка прорыли въ развалины даже ближайшихъ домовъ д. Шипки. Рѣшено было ночевать на занятыхъ позиціяхъ, не взирая на то, что со стороны д. Иметли не слышно было до конца дня ни одного выстрѣла. Князь Мирскій приказалъ войскамъ окопаться ложементами, для чего была направлена бывшая при отрядѣ саперная рота.

Отъ генерала Шнитникова, незадолго до наступленія темноты, получено было донесеніе, что

Казанлыкъ имъ занятъ. Ярославскій полкъ оставленъ былъ на ночлегъ впереди д. Хаскіой, въ резервѣ боевыхъ линій. Съ вечера отъ плѣнныхъ турокъ получено было свѣдѣніе, что турки ожидаютъ изъ Лени-Загры на поддержаніе 18 таборовъ.

Не лишнимъ будетъ при этомъ упомянуть о состояніи матеріальной части отряда въ это время. Войска, имѣвшія при себѣ патроновъ, съ находящимися на выюгахъ, всего по 100 на человѣка, разстрѣляли большую часть ихъ въ теченіи цѣлаго дня непрерывнаго ожесточеннаго боя. Нѣкоторыя части имѣли при себѣ сухарей всего только на одинъ день и никакихъ консервовъ, такъ какъ, вслѣдствіе спѣшнаго движенія, полки имѣли возможность приобрести не болѣе какъ 100 выюковъ, на которыхъ надо было везти по 40 патроновъ и сухарный запасъ. 30-я же дивизія слѣдовала почти совсѣмъ безъ выючнаго обоза, получивъ неожиданное приказаніе немедленно слѣдовать на перевалъ, вслѣдствіе чего люди имѣли при себѣ только трехдневный запасъ сухарей, и въ д. Сельцахъ, чтобы не оставить полки дивизіи вовсе безъ сухарей, приказано было удѣлить часть таковыхъ изъ скуднаго запаса полковъ 9-й дивизіи.

Не получая рѣшительно никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается съ иметлійскимъ отрядомъ, который, согласно увѣдомленія генерала Радецаго, долженъ былъ атаковать д. Шипку тоже 27-го числа, а между тѣмъ въ теченіи всего дня 27-го числа только съ утра слышны были отдаленные выстрѣлы, которые потомъ совершенно умолели,—весьма вѣроятнымъ являлось предположеніе, что выходъ иметлійскому отряду въ долину Тунджи, можетъ быть, и не удался, и если это такъ, то положеніе одинокаго праваго отряда въ долинѣ Тунджи, въ виду упомянутыхъ извѣстій о поддержаніяхъ, идущихъ къ туркамъ, и при неимѣніи почти позицій и крайне ограниченномъ числѣ патроновъ, представлялось болѣе чѣмъ труднымъ. По донесенію генерала Шнитникова изъ Казанлыка, хотя въ городѣ и оказались большіе продовольственные запасы, но не имѣлось для доставки ихъ никакихъ перевозочныхъ средствъ.

Не взирая на такое крайне-неопредѣленное, затруднительное и даже опасное положеніе отряда,

князь Мирскій рѣшился оставаться на позиціяхъ не только съ 27-го на 28-е число, но и цѣлый еще день 28-го числа, во что-бы ни стало, въ надеждѣ, что дѣло должно-же выясниться.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 27-го на 28-е декабря, въ то время, какъ къ генералу Скобелеву въ Иметли только еще подходили главные его силы, генераль Мирскій стоялъ уже со всѣмъ своимъ отрядомъ въ виду непріятеля, у д. Шипки, выдержавъ передъ тѣмъ жестокое сраженіе и понесъ уже значительныя потери. Не нужно также забывать, что въ случаѣ, если бы турки захотѣли заблаговременно отступить отъ Шипки, въ виду окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ русскихъ войскъ, то они, съ цѣлью прорыва, ударили бы всю свою массую исключительно на отрядъ князя Мирскаго, такъ какъ съ этой стороны лежалъ единственный ихъ путь отступления. Все это ставило и безъ того уже значительно ослабленный отрядъ Мирскаго въ весьма критическое положеніе.

Но посмотримъ пока, что происходило за все описанное нами время на вершинахъ Шипкинскаго перевала, въ отрядѣ генерала Радецкаго.

Въ то время, какъ обѣ наши обходныя колонны дебушировали изъ Балкановъ, проходя по кручамъ горъ, обращенныхъ къ Шипкинскому перевалу, герои и мученики шипкинскаго отряда, съ вершины Св. Николая, съ такъ называемаго Орлинаго гнѣзда, хорошо видѣли ихъ и заочно посылали имъ свои неслышимыя привѣты. Трудно передать, какъ бились ихъ сердца; какъ болѣзненный трепетъ ожиданія охватывалъ самыхъ твердыхъ; какъ солдаты молились за своихъ товарищей, шедшихъ на выручку ихъ, и тревожно вслушивались въ рѣдкіе выстрѣлы непріятеля, направленные въ сторону сползавшихъ съ горъ нашихъ обходныхъ колоннъ. Съ Орлинаго гнѣзда офицеръ генеральнаго штаба Котельниковъ слѣдилъ за ними въ зрительную трубу и каждые полчаса посылалъ на позиціи свѣдѣнія о своихъ наблюденіяхъ.

27-го числа генераль Радецкій самъ отправился на гору Николая, откуда можно было видѣть движеніе обѣихъ колоннъ.

Со стороны турокъ не было убавлено ни числа войскъ, защищавшихъ шипкинскія позиціи, ни числа орудій; повидимому, или они ожидали подрѣп-

лений, или же, считая обходныя колонны незначительными, ожидали главной атаки съ нашей шипкинской позиціи.

Часовъ въ 10 начались слышаться выстрѣлы въ обѣихъ обходныхъ колоннахъ; съ Николая было видно движеніе колонны князя Святополкъ-Мирскаго, подвигавшейся къ непріятельскому расположенію. Въ 12 часовъ колонна эта развернулась и стала съ упорнымъ боемъ наступать на турецкія укрѣпленія. Со стороны колонны генераль-лейтенанта Скобелева хотя и были слышны выстрѣлы, но приближенія войскъ этой колонны къ сторонѣ Шипки не замѣчалось.

Въ это время генераломъ Радецкимъ было получено съ ординарцемъ донесеніе генераль-лейтенанта Скобелева, что онъ къ вечеру 26-го не успѣлъ спустить всей колонны въ Иметли, такъ какъ встрѣтились на пути большія трудности, чѣмъ предполагалось, и надѣется лишь къ вечеру 27-го сосредоточить весь отрядъ въ долину, причѣмъ просилъ указаній.

Ординарецъ (сотникъ Дукмасовъ), который привезъ это донесеніе, объявилъ, что авангардъ генерала Скобелева выдвинуть просилъ Шенова.

Съ этимъ ординарцемъ генералу Скобелеву послано приказаніе: подтянувъ всю колонну, начать атаку непріятельскихъ позицій 28-го, утромъ, и при атакѣ, подавая свой правый флангъ впередъ, стараться войти въ связь съ колонною князя Мирскаго, причѣмъ генераль Радецкій надѣялся, что эта колонна, удачно атаковавшая непріятеля 27-го, въ состояніи будетъ удержаться 27-го и ночь на 28-е, до прихода генерала Скобелева, тѣмъ болѣе что до наступленія темноты видно было съ Николая, что лѣвая колонна князя Святополкъ-Мирскаго заняла четыре кургана, въ числѣ которыхъ одинъ значительный съ тремя орудіями.

Прибывшіе къ вечеру 26-го въ Габрово три полка 1-й кавалерійской дивизіи были направлены, 27-го утромъ, черезъ Иметлійскій перевалъ, въ колонну генераль-лейтенанта Скобелева, о чемъ онъ поставленъ былъ въ извѣстность.

Ночью съ 27-го на 28-е генераль Радецкій получилъ донесеніе отъ князя Святополкъ-Мирскаго, что 27-го онъ дрался цѣлый день съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ; что войска понесли большія потери; что въ частяхъ оставалось мало

патроновъ и что положеніе отряда въ 100 шагахъ отъ непріятельскихъ траншей крайне затруднительно.

На этомъ основаніи Радецкій измѣнилъ свое первоначальное предположеніе и, не ожидая занятія сел. Шипки обходными колоннами, рѣшился атаковать непріятеля съ фронта, съ тѣмъ, чтобы, оттянувъ на себя часть его силъ, облегчить дѣйствіе обходныхъ колоннъ. Разсчитывая, что генераль-лейтенантъ Скобелевъ начнетъ атаку Шенова въ 8 часовъ утра и къ 12-ти успѣетъ дойти къ сел. Шипкѣ, атака назначена была въ 12 часовъ дня.

Наступило утро достопамятнаго дня 28-го декабря. Это было какъ разъ мѣсяцъ спустя послѣ взятія Плевны. Утро было необыкновенно туманное. Въ лѣвой колоннѣ князя Святополкъ-Мирскаго, расположившейся передъ деревнею, уже съ ночи шли приготовленія къ послѣдней атакѣ. Не смотря на критическое положеніе отряда, князь Мирскій рѣшился атаковать турокъ, имѣя въ боевой линіи: на правомъ флангѣ—Елецкій и Сѣвскій полки, на лѣвомъ—4-ю стрѣлковую бригаду и Орловскій полкъ, и въ общемъ резервѣ, впереди деревни Хаскюй, Ярославскій полкъ. Принявъ означенное рѣшеніе, князь Мирскій притянулъ къ резерву еще два батальона Серпуховскаго полка изъ д. Гюзово, оставивъ для прикрытія обозовъ только одинъ батальонъ; а въ пять часовъ утра послано было генералу Шнитникову приказаніе двинуть изъ Казанлыка одинъ полкъ на Шипку во флангъ и тылъ турокъ, и войти въ связь съ иметлійскимъ отрядомъ, если онъ начнетъ приближаться. Артиллерія наша на позиціи усилена была орудіями, отнятыми у турокъ наканунѣ, къ которымъ было найдено 60 снарядовъ. Въ боевой линіи находилось 13 батальоновъ, въ резервѣ—пять батальоновъ и слѣва изъ Казанлыка ожидался полкъ 30-й дивизіи. Начальникомъ боевыхъ линій назначенъ былъ еще наканунѣ, вечеромъ, командиръ 4-й стрѣлковой бригады, полковникъ Крокъ; такъ какъ раненый генераль Домбровскій не могъ болѣе оставаться въ строю.

Небольшая ружейная перестрѣлка продолжалась въ лѣвой колоннѣ всю ночь, такъ какъ позиціи обѣихъ сторонъ находились на разстояніи самаго дѣйствительнаго ружейнаго огня, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходились очень близко,—такъ напри-

мѣръ, турецкія землянки, изъ которыхъ турки выбиты были съ вечера, занимались всю ночь командою охотниковъ изъ стрѣлковъ. Орловцевъ и Сѣвцевъ, въ разстояніи отъ большаго турецкаго редута шагахъ въ 250. Съ разсвѣтомъ огонь началъ все болѣе усиливаться и принялъ вскорѣ ожесточенный характеръ. Въ девятомъ часу турки перешли-было въ наступленіе и попытались атаковать особенно нашъ правый флангъ, на который атака нѣсколько разъ повторялась; но каждый разъ эти атаки были опрокидываемы тотчасъ съ огромнымъ для противника урономъ. Послѣ этого перестрѣлка на нѣкоторое время ослабѣла и начало обнаруживаться, что турки усиливаютъ свой правый флангъ. Тогда на поддержаніе боевой линіи былъ двинутъ Ярославскій полкъ. Едва означенныя части, въ составѣ 2¹/₂ батальоновъ, усилили нашъ лѣвый флангъ противъ лѣса, а двѣ роты подошли на поддержаніе праваго фланга къ Сѣвцамъ, какъ турки сдѣлали новую попытку атаковать нашъ лѣвый флангъ и центръ; однако эта атака была не только блистательно опрокинута, но войска наши перешли въ наступленіе и, выбивъ турокъ изъ лѣса на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, овладѣли въ то же время окончательно штурмомъ д. Шипкою и шоссеинымъ спускомъ изъ Казанлыку, отрѣзавъ такимъ образомъ отъ ихъ сообщеній турецкія войска, занимавшія позиціи на-верху перевала противъ войскъ генерала Радецкаго. Во время этой же атаки занятъ былъ съ боя редутъ въ двумя орудіями, расположенный противъ нашего лѣваго фланга, такъ что послѣднія укрѣпленія, занимаемыя турками, фланкировались нами съ обѣихъ фланговъ. Въ обладаніи турокъ оставалось нѣсколько небольшихъ кургановъ, большой редутъ и задній резервный редутъ и лагерь. Однако каждую минуту можно было ожидать, что турки, не задерживаемыя нашими отрядами съ другихъ сторонъ, рѣшатся всю свою массую наброситься на отрядъ Мирскаго, чтобы прорваться въ сторону Казанлыка или Сливно.

Но въ это время, въ 11-мъ часу, раздалось общее „ура;“ со стороны Иметли послышались звуки русской музыки и завязался ружейный, а затѣмъ и артиллерійскій огонь. Вскорѣ послышалась пальба и съ нашихъ шипкинскихъ позицій. Начался общій и послѣдній актъ кроваваго дѣла.

Перейдемъ къ отряду генерала Радецкого.

28-го, въ 5 часовъ утра, когда было еще совершенно темно, на позиціи Св. Николая послышалась сильная стрѣльба со стороны колонны князя Святополькъ-Мирскаго, изъ чего можно было заключить, что она атакована противникомъ.

Съ Николая въ этотъ день ничего не было видно, такъ какъ былъ густой туманъ; за вѣтромъ, который еще начался съ вечера 27-го, изъ долины не были даже слышны ясно выстрѣлы, а потому за ходомъ боя въ долину слѣдить было невозможно. Такъ прошло все утро 28-го до 12 часовъ; непріятель только изрѣдка стрѣлялъ по Николаю изъ орудій.

Радецкий все время былъ противъ атаки турецкихъ высотъ съ фронта, со стороны горы Св. Николая. Онъ зналъ, что брать ихъ въ лобъ невозможно. Но, получивъ еще наканунѣ извѣстіе о безнадѣжномъ положеніи нашей лѣвой колонны, Радецкий рѣшился повести свои полки впередъ, чтобы только отвлечь часть непріятельскихъ силъ отъ Мирскаго.

Въ 12 часовъ, какъ сказано выше, генералъ Радецкий началъ атаку съ фронта, причемъ, имѣя въ виду, что дебуширование возможно только по шоссе шириною въ семь шаговъ, имъ были сдѣланы для того слѣдующія распоряженія: 55-й пѣхотный Подольскій полкъ, имѣя во главѣ три стрѣлковыхъ роты, подъ начальствомъ капитана Надѣина, и въ поддержку имъ четыре роты 2-го батальона того же полка, подъ начальствомъ подполковника Сендецкого, долженъ былъ штурмовать турецкіе ретраншаменты и батареи, наступая по шоссе; 1-й же и 3-й батальоны этого полка, занимая наши траншеи вправо отъ шоссе, должны были служить ближайшимъ резервомъ штурмующимъ ротамъ. Начальникомъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ по шоссе, назначенъ былъ командиръ 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка, полковникъ Духонинъ.

Первый батальонъ 35-го пѣхотнаго Брянскаго полка образовалъ штурмовую колонну изъ 1-й и 4-й роты, подъ начальствомъ капитана Трамбацкаго, и долженъ былъ двинуться по желобу, что подъ самыми скалами, имѣя въ резервѣ остальные три роты батальона, изъ коихъ одна занимала наши траншеи по обѣ стороны скалы. Второму ба-

тальону 56-го Житомирскаго полка назначено было вести атаку по ложбинѣ правѣ скалы, причемъ въ штурмовую колонну поставлены были 5-я и 6-я роты батальона, а остальные три роты составляли ближайшій ихъ резервъ, и, наконецъ, 1-й и 3-й батальоны 56-го пѣхотнаго Житомирскаго полка составляли общій резервъ у окончанія подъема на Николай, впереди мортирной батареи, подъ начальствомъ полковника Бакова.

Главная атака возможна была только по шоссе, потому что допускалось движеніе фронтомъ, не шире, однако, пяти—шести рядовъ.

Что же касается штурмующихъ колоннъ по желобу и по ложбинѣ правѣ скалы, то онѣ были пущены въ видахъ охвата фланга шоссейныхъ турецкихъ траншей и для содѣйствія главной атакѣ, причемъ, пройдя около 800 шаговъ, обѣ вспомогательныя штурмовыя колонны, по необходимости, выходили также на шоссе.

Радецкий, на лицѣ котораго рѣдко можно было прочесть что нибудь, кромѣ спокойствія и свойственнаго этому генералу добродушія, ходилъ сегодня хмурый и молчаливый. Во время приготовленій къ бою у него выпалась только фраза:

— Я отдалъ цѣлую бригаду на смерть, чтобы выиграть это дѣло... Пора кончить!

14-й дивизія, послѣ столькихъ подвиговъ и потерь на Шипекѣ, пришлось опять покупать свое спасеніе цѣною лучшихъ своихъ бойцовъ и товарищей. По заранѣе повѣреннымъ часамъ, безъ боя барабановъ, тихо спустились передовыя войска каждой колонны къ своимъ мѣстамъ.

Саперы при этомъ раскидали каменные стѣнки, загоразивавшія какъ выходъ на шоссе, такъ и прочіе выходы.

Штурмующія колонны, которымъ нужно было идти по желобу и по ложинѣ правѣ скалы, сразу сообразили, что идти имъ нельзя. Обледенѣлый крутой скатъ нигдѣ не давалъ упора для ноги. Солдаты, впрочемъ, скоро нашлись. Они сѣли кучками, схватясь руками, и съѣхали такъ, точно съ ледяныхъ горъ. Дальше, впрочемъ, двинуться было некуда — впереди почти отвѣсная крутизна, направо тоже бездна, пришлось обогнуть скалу и выйти на то же шоссе, по которому уже двигались Подольцы, но и это значило почти тоже, идти на

вѣрную смерть: оледенѣлое шоссе извивалось узкой лентой по чрезвычайно крутому скату. Солдаты однако гуськомъ пошли.

Мертвая тишина въ теченіи четверти часа отъ начала движенія нарушена была громкимъ крикомъ „ура“ передовыхъ Подольскихъ ротъ, овладѣвшихъ первымъ заваломъ, и вмѣстѣ съ этимъ открылся жестокой ружейный огонь съ турецкой стороны и въ отвѣтъ съ нашихъ траншей; а черезъ 5 или 10 минутъ загремѣла страшная артиллерійская канонада съ обѣихъ сторонъ, причемъ турецкіе залпы и гранаты изъ мортиръ ложились преимущественно на гору Николая и вдоль шоссе противъ двигавшихся нашихъ войскъ.

Послѣ первой траншеи взята была вторая, но уже съ громадными потерями, а въ третьей траншеѣ, куда добѣжали уцѣлѣвшіе, почти всѣ они устали своими тѣлами ровъ.

Потребовались подкрѣпленія.

На шоссе, у выхода со Св. Николая, подъ адскимъ огнемъ, сталъ Радецкий съ дивизионнымъ командиромъ Петрушевскимъ и генераломъ Бискупскимъ, который, не жалѣя себя, какъ солдатъ работалъ въ общемъ движеніи. Огонь былъ такъ силенъ, что нѣкоторые падали, переступая выходъ изъ нашей траншеи; а отойдя всего шаговъ 50, шоссе уже буквально загромождалось тѣлами раненыхъ и убитыхъ. Генералъ Петрушевскій, видя, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ на солдатъ массы раненыхъ, вышелъ самъ и провелъ 1-й батальонъ Подольскаго полка, а за нимъ и 2-й батальонъ того же полка до турецкихъ ретраншаментовъ.

Въ это же время началъ подходить, имѣя во главѣ командующаго полкомъ, полковника Бакова, 1-й батальонъ 56-го пѣхотнаго Житомирскаго полка, вызванный изъ резерва. Генералъ Бискупскій также самъ провелъ эти подкрѣпленія до второго рва на шоссе, поручивъ полковнику Бакову удерживаться тутъ до послѣдней крайности.

Съ этими свѣжими войсками можно было удержаться въ занятыхъ траншеяхъ; но идти далѣе, подъ перекрестнымъ огнемъ съ фронта 10-ти мортиръ, ужаснаго ружейнаго огня, а сбоку — гранатъ съ „Десятиглавой“ и „Соска“, не представлялось никакой возможности.

вып. v.

Радецкий становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Онъ взомель на вершину Св. Николая, осыпаемую тучами пуль и гранатъ, и съ этого ординаго гнѣзда слѣдилъ за битвою. Но скоро и его затаило густымъ туманомъ, и Радецкий пересталъ видѣть, что дѣлается подъ нимъ.

Много пало храбрыхъ, но великую пользу принесли они дѣлу, удерживая противъ себя 22 табора и всю артиллерію турокъ, не давая имъ обрушиться на отрядъ Мирскаго.

Вся надежда оставалась теперь на отрядъ Скобелева.

Генералъ Скобелевъ еще съ ночи готовилъ планъ атаки, въ ожиданіи, пока соберутся въ Иметлійскую долину дебуширующія изъ горъ главныя силы его отряда.

Прежде всего нужно было выбрать пунктъ атаки и сдѣлать соответствующія распоряженія. Тутъ являлся выборъ между деревнею Шипкою и укрѣпленнымъ лагеремъ въ Шеново.

Генералъ Скобелевъ отдалъ въ 6^{1/2} часовъ утра диспозицію для боя на 28-е декабря.

Въ ночь съ 27-го на 28-е декабря къ отряду Скобелева прибылъ генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ.

Объяснивъ генералъ-лейтенанту Дохтурову роль, которая въ предстоящемъ дѣлѣ падала, по его мнѣнію, на кавалерію, Скобелевъ, кромѣ того, просилъ его послать сотню уральскихъ казаковъ, подъ командою войскаго старшины Кирилова, къ сторонѣ Калофера и Карлова на соединеніе съ генераломъ Карцевымъ и для рекогносцировки долины къ западу отъ Иметли, а также для охраненія тыла нашихъ войскъ.

Флигель-адъютанту князю Вяземскому, командовавшему позиціями на горахъ, приказано было стянуть всѣ свои войска въ долину, оставивъ только по одной ротѣ на фланговыхъ горахъ.

Для защиты же дер. Иметли со стороны Калофера, въ случаѣ атаки этой деревни во время боя у Шенова, оставлена 1-я дружина болгарскаго ополченія.

Скобелевъ только кончалъ послѣднія распоряженія, часовъ около 5^{1/2} утра 28-го декабря, какъ послышалась сильная ружейная перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ.

Приѣхавъ туда, онъ убѣдился, что перестрѣлка

происходить не на его позиции, а у князя Мирскаго. Благодаря тихой, безвѣтренной погодѣ и чистому, холодному воздуху, выстрѣлы эти казались такъ близки, что всѣ войска приготовились и ожидали приказаній.

Часовъ около 8^{1/2} стало разсвѣтать, и Скобелевъ далъ приказаніе начальнику штаба собирать войска, согласно данной диспозиціи.

Часовъ въ 10 стали строить боевой порядокъ передовыи войска, подъ командою флигель-адъютанта полковника графа Толстаго.

Передовой отрядъ выстроился слѣдующимъ образомъ: впереди—9-й и 11-й стрѣлковые батальоны, за ихъ правымъ флангомъ—5-я дружина болгарскаго ополченія, за лѣвымъ—6-я дружина; въ резервѣ—четыре роты стрѣлковъ Углицкаго полка (вооруженныя ружьями Пибоди), между двумя стрѣлковыми батальонами—горная батарея.

Не имѣя еще свѣдѣній отъ Суздальскаго полка и не желая вступить въ рѣшительный бой до сосредоточенія всѣхъ своихъ резервовъ, Скобелевъ приказалъ передовому отряду, подойдя на хорошій ружейный выстрѣлъ, остановиться и завязать ружейную перестрѣлку, которую и продолжать до новаго приказанія, желая такимъ образомъ подготовить атаку хотя бы ружейнымъ огнемъ, не имѣя вовсе полевой артиллеріи и дѣйствуя противъ непріятеля, артиллерія котораго была весьма сильна, какъ по количеству, такъ и по качеству орудій.

Горнымъ орудіямъ также было приказано открыть стрѣлбу. Они молодецки понеслись далеко впередъ, не смотря на жестокой огонь, и лихо вступили въ неравный бой. Что касается горныхъ орудій, то Скобелевъ не столько рассчитывалъ на матеріальный вредъ, наносимый ими, сколько на нравственное ихъ вліяніе. Для усиленія же впечатлѣнія, ими производимаго, и для того, чтобы ввести въ заблужденіе противника относительно калибра ихъ, онъ велѣлъ подрывать хоботы горныхъ пушекъ, и такимъ образомъ снаряды, пущенные подъ огромнымъ угломъ возвышенія, долетали на весьма значительныя разстоянія.

Приблизительно часовъ въ 11 былъ раненъ графъ Толстой осколкомъ въ руку, но впрочемъ, тотчасъ же послѣ перевязки вернулся снова во фронтъ. На его мѣсто назначенъ былъ полковникъ

Панютинъ. Съ этой минуты вся тяжесть боя падаетъ на послѣдняго. Для усиленія передоваго отряда былъ посланъ весь Углицкій полкъ.

Около 12-ти часовъ Скобелевъ получилъ чрезъ ординарца одобреніе отъ генерала Радецкаго относительно сдѣланныхъ имъ распоряженій. Это придало ему новую бодрость.

Вскорѣ затѣмъ на лѣвомъ флангѣ передоваго отряда было снова замѣтно движеніе впередъ, а затѣмъ крики „ура“, распространившіеся живо по всей линіи. Сначала Скобелевъ намѣревался еще выждать и не поддерживать всѣми своими резервами этой атаки, но, получивъ увѣдомленіе, что Суздальскій полкъ и двѣ болгарскія дружины уже подошли къ резерву, и что наша кавалерія, ставъ на казанлыкскую дорогу, окружила турокъ, онъ рѣшился воспользоваться энергіею, съ которою была предпринята атака первою линіею, и поддерживать ее.

Въ это самое время Скобелевъ получилъ извѣстіе о соединеніи нашихъ кавалерійскихъ частей съ частями генералъ-адъютанта князя Мирскаго къ юго-востоку отъ дер. Шеново.

Между тѣмъ непріятельская кавалерія все-еще видѣлась близъ Шипки, и выставленныя въ ту сторону двѣ сотни казаковъ доносили, что тамъ видна и непріятельская колонна пѣхоты. Впослѣдствіи оказалось, что войска князя Мирскаго дѣйствительно заняли большую часть деревни, а часть, обращенная къ отряду Скобелева, была еще въ рукахъ турокъ.

Для полнаго обезпеченія своего лѣваго фланга, Скобелевъ развернулъ противъ Шипки еще батальонъ Владимірскаго полка и тогда приступилъ къ распоряженіямъ касательно поддержки атаки Шеново, веденной крайне рѣшительно, энергично и смѣло войсками, составлявшими первую линію, и ихъ доблестнымъ начальникомъ.

Углицкій полкъ и 5-я дружина болгарскаго ополченія, вызванныя полковникомъ Панютинимъ впередъ для атаки, стали на линію стрѣлковъ и, не выпустивъ ни одного патрона, стройно, быстро и въ полномъ порядкѣ, подъ убійственнымъ огнемъ, ринулись на турокъ. 2-й батальонъ Углицкаго полка, встрѣченный особенно сильнымъ огнемъ, остановился было. Два раза приказанія полковника Панютина,

переданныя черезъ ординарцевъ, остались неисполненными. Тогда полковникъ Панютинъ подошелъ къ батальону, взялъ знамя изъ рукъ знаменщика и понесъ его впередъ. Этотъ примѣръ самоотверженія и смѣлости, конечно, не остался безъ послѣдствій: весь батальонъ, какъ одинъ человекъ, поднялся на ноги, и напоръ этого батальона былъ настолько силенъ, что врагъ не могъ устоять. Опушка лѣса, окружавшая деревню Шеново, перешла въ наши руки. Непріятель засѣлъ въ укрѣпленіяхъ на линіи опушки, вправо и влѣво отъ нея, и въ самой деревнѣ, обращенной турками въ непрерывные ряды заваловъ, баррикадъ и траншей.

Въ это время былъ раненъ командиръ 2-й бригады 16-й дивизіи генералъ-маіоръ Гренквистъ. Онъ здѣсь, какъ и во всѣхъ предшествовавшихъ бояхъ, былъ впереди, презирая опасность и своимъ поведеніемъ и присутствіемъ воодушевляя солдатъ.

Тогда-же была получена Скобелевымъ отъ князя Мирскаго слѣдующая записка:

„Деревня Шипка и сзади ея большой курганъ взяты нами съ бою. Вчера нами заняты Казанлыкъ. У меня въ боевой линіи 15 батальоновъ; въ резервѣ очень мало

Князь Святополкъ Мирскій.

28-го декабря 1877 г. 12 ч. дня“.

Къ этому времени, какъ уже сказано, опушка лѣса, окружающаго дерев. Шеново, была въ рукахъ Скобелева; оставалось брать редуты и батареи на линіи опушки, еще сильно занятые турками. Этимъ и занялись герои передовой линіи.

Генералъ Скобелевъ придвинулъ изъ 2-й линіи къ опушкѣ батальонъ Казанскаго полка подполковника Байковскаго, которому далъ приказаніе окопаться у опушки и образовать такимъ образомъ опорный пунктъ (родъ редюита) для передовыхъ войскъ.

Другой батальонъ, 1-й батальонъ подполковника Завадскаго, Казанскаго полка, былъ посланъ лѣвѣе и обошелъ непріятельскій правофланговый редутъ, который и взялъ съ тылу. Всѣ батальоны шли съ распущенными знаменами, съ музыкой, какъ на парадъ, равняясь въ ногу.

Все время шелъ впереди самъ Панютинъ. Его громадную фигуру видѣли отовсюду, и, благодаря громкому голосу, его команда слышалась съ конца въ конецъ Углицкаго полка, когда тотъ подступилъ къ укрѣпленіямъ развернутымъ фронтомъ.

Энергія атакующихъ войскъ не ослабѣвала, а скорѣе усилилась послѣ прорыва первой линіи турецкихъ траншей. Завязался жестокой штыковой бой, продолжавшійся болѣе 10-ти минутъ, въ продолженіи котораго даже стихла пальба по всей линіи.

Ни адскій огонь, ни стойкость врага не могли остановить движенія стрѣлковъ, Казанцевъ, дружинниковъ и Угличанъ. Одинъ за другимъ, всѣ опорные пункты турокъ переходили въ наши руки, и въ 1^{3/4} часа полковникъ Панютинъ уже доносилъ, что деревня очищена отъ непріятеля. Наши войска, добѣжавъ до противоположной опушки деревни, остановились и, вновь устроенныя своими офицерами, открыли по отступающему непріятелю усиленную стрѣлбу почти въ упоръ.

Опушку деревни, обращенную къ дер. Чежерли, приказано было также привести въ оборонительное состояніе, такъ что единственная попытка турокъ перейти здѣсь въ наступленіе была остановлена безъ особыхъ усилій и потерь съ нашей стороны однимъ лишь огнемъ.

Въ то-же самое время № 1-го казачій полкъ, подъ руководствомъ самого начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Доктурова, обскакавъ деревню съ тыла, лихо атаковалъ бѣгущаго непріятеля и оставилъ на полѣ нѣсколько сотъ непріятельскихъ тѣлъ, взявъ притомъ около шести таборовъ въ плѣнъ и два знамени.

Главное участіе въ этой атакѣ приняли сотни №№ 1-го и 2-го казачьихъ полковъ.

Выѣхавъ передъ деревню, Скобелевъ приказалъ немедленно привести въ порядокъ нѣкоторые части передоваго отряда и велѣлъ начать преслѣдованіе.

Въ это время турки, оборонявшіе долину, свучились въ центральномъ редутѣ, расположенномъ на высокомъ курганѣ между дд. Шипкою и Шеново, а также и въ укрѣпленіяхъ вокругъ него. Они были уже окружены русскими со всѣхъ сторонъ: съ востока—отрядомъ Мирскаго, съ запада—войсками Скобелева. Разстрѣливаніе непріятеля, скученнаго на сравнительно небольшомъ пространствѣ, приняло самый ожесточенный характеръ. Наконецъ, осыпавъ окончательно противника градомъ пуль и снарядовъ, войска наши съ двухъ сторонъ снова ринулись въ атаку, какъ вдругъ на центральномъ турецкомъ редутѣ въ долину былъ выкинутъ бѣлый флагъ.

Тамъ находился самъ главнокомандующій шипкинскою турецкою арміею Вессель-паша. Черезъ нѣсколько минутъ Скобелевъ былъ уже здѣсь. Вессель-паша сдался ему безусловно, немедленно пославъ приказаніе сдаться, по требованію Скобелева, и турецкимъ войскамъ, расположеннымъ на Лысой горѣ и передъ фронтомъ Св. Николая, гдѣ еще шла ожесточенная пальба.

Въ 4-мъ часу по-полудни стрѣльба начала повсюду утихать и наконецъ совершенно прекратилась. Турки, бывшіе на Лысой горѣ и передъ горою Св. Николая, видя, что они также отрѣзаны отовсюду, и получивъ переданное имъ приказаніе Весселя-паши, также сдались.

Раздалось громовое русское „ура“, прокатившееся съ долины Шенова и Хаскія на вершины Св. Николая... Все было кончено. Шипкинскіе герои были освобождены. Много ихъ пало, но уцѣлѣвшіе удержали противъ себя турокъ, давъ тѣмъ возможность Скобелеву и Мирскому повончить съ остальными.

Это было одно изъ самыхъ славныхъ дѣлъ въ кампанію, совершенныхъ во имя взаимной выручки и боевой поддержки.

Радости и восторгу солдатъ не было конца. Всѣ поздравляли другъ друга, обнимались и цѣловались, точно въ Свѣтлое Христова Воскресенье.

Въ этотъ день сдались намъ: 41 таборъ, 93 орудія и 6 знаменъ. Кромѣ того, взято было множество боевыхъ и провіантскихъ запасовъ.

Потери наши въ этотъ день заключались: въ отрядѣ генерала Радецаго: 2-я бригада 14-й дивизіи потеряла 1,700 человекъ нижнихъ чиновъ и половину офицеровъ; въ отрядѣ князя Мирскаго: вышло изъ строя 70 офицеровъ и 2,030 нижнихъ чиновъ; въ отрядѣ генерала Скобелева—44 офицера и 1,484 нижнихъ чина. Во всѣхъ же трехъ отрядахъ потери доходили свыше 5,000 чел. убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 130 офицеровъ. Это свидѣтельствуешь, съ какимъ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ дрались наши войска.

Потери турокъ были еще больше. Всѣ редуты, скаты горъ и равнина передъ Шипкою и Шеновымъ были усѣяны ихъ тѣлами.

Побѣда эта имѣла рѣшающее значеніе на ходъ

прошлой кампаніи. Въ этомъ дѣлѣ была уничтожена одна изъ лучшихъ турецкихъ арміи. Съ плѣненіемъ шипкинской арміи открытъ былъ самый удобный и кратчайшій путь къ Адрианополю. Однимъ ударомъ, нанесеннымъ туркамъ въ этомъ бою, вся восточная половина Балкановъ была очищена. Всѣ турецкіе отряды, занимавшіе проходы Ханкіойскій, Сливненскій и прочіе, въ полной паникѣ и деморализаціи покинули ихъ и бросились къ Адрианополю. 10-ти тысячный вспомогательный отрядъ, шедшій къ Весселю-пашѣ на подкрѣпленіе и находившійся всего въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ Шипки, узнавъ объ участи шипкинской арміи, поспѣшно отступилъ также къ Адрианополю. Все это открывало флангъ, а отчасти и тылъ Сулеймана-паши, наступавшаго на западный отрядъ генерала Гурко и, безъ сомнѣнія, имѣло ближайшее влияние на его поспѣшное отступление, граничившее съ бѣгствомъ. Словомъ, съ плѣненіемъ турецкой шипкинской арміи кампанія кончалась.

Заслуга эта, безспорно, всецѣло принадлежит нашимъ шипкинскимъ героямъ-мученикамъ, съ безпримѣрною стойкостью и нечеловѣческимъ терпѣніемъ удерживавшимъ за собою твердыни Шипки въ теченіи пяти мѣсяцевъ и приковывавшимъ къ себѣ въ продолженіи всего этого времени лучшія турецкія силы, пока онѣ не были, наконецъ, сломлены съ помощію тѣхъ же героевъ - мучениковъ.

Правда, за все это они дорого заплатили. 14-я дивизія устлала своими трупами вершины и скаты Шипкинскаго перевала, надъ которымъ долго еще носились стаи хищныхъ птицъ, въ надеждѣ найти забытый трупъ солдата. Общирная братская могила на перевалѣ, въ сторонѣ отъ шоссе, съ бѣлыми деревянными крестами надъ нею, до сихъ поръ свидѣтельствуешь о мученичествѣ и самоотверженіи шипкинскихъ защитниковъ. Но, умирая, герои готовили великое торжество землѣ русской. Грозная, суровая, окутанная облаками и вся политая дорогою русскою кровью вершина Св. Николая навсегда останется достойнымъ монументомъ надъ трупами этихъ героевъ и славнымъ памятникомъ генерала Радецаго, загладившаго неудачу нашего перваго забалканскаго набѣга.

СЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ НА ЛОМѢ И НА ЯНТРѢ.

ДѢЙСТВІЯ

РУЩУКСКАГО ОТРЯДА.

Его Императорское Высочество

НАСЛЕДНИКЪ ЦЕАРЕВИЧЪ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Задача Рущукскаго отряда. — Важность этой задачи. — Несоразмѣрность средствъ съ задачею. — Заслуга исполненія. — Характеръ мѣстности въ районѣ Рущукскаго отряда. — Сосредоточеніе на Янтрѣ. — Чаиркѣйское дѣло.

Самымъ надежнымъ оплотомъ Турціи въ войнѣ съ Россіей признаваемъ былъ всѣми знаменитый четырехугольникъ турецкихъ крѣпостей, расположенныхъ на кратчайшемъ пути изъ Румыніи въ Константинополь, въ восточной части сѣверной Болгаріи. Крѣпости эти — Рущукъ, Силистрія, Шумла и Варна — прикрывали самые удобные и наиболѣе обработанные проходы въ Балканскихъ горахъ: Еленинскій, Сливненскій, Казанскій и Добральскій, ведущіе непосредственно къ ямбольской желѣзной дорогѣ. И дѣйствительно, въ виду важнаго стратегическаго значенія упомянутаго четырехугольника, турки расположили въ районѣ его крѣпостей главную свою армію, доходившую до 100,000 человекъ, и затратили массу средствъ на вооруженіе и усиленіе этихъ крѣпостей. Какую цѣну они придавали этимъ твердынямъ, видно уже изъ того обстоятельства, что даже Дунай и Балканы — эти естественныя оборонительныя линіи — они оставили лишь подъ довольно слабымъ наблюденіемъ, сосредоточивъ свои силы, главнымъ образомъ, въ крѣпостяхъ своихъ.

Между тѣмъ, случилось такъ, что русскіе окончили кампанію и подошли въ самымъ стѣнамъ Константинополя, благополучно миновавъ всѣ вышеупомянутыя четыре турецкія крѣпости. Рущукъ, Силистрія, Шумла и Варна до самаго конца войны не испытали ни приступовъ, ни осадъ, ни обложенія, ни другихъ рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны, какъ будто этихъ крѣпостей вовсе не существовало. Почти всѣ кровопролитныя битвы, рѣшавшія участь прошлой кампаніи, происходили въ сто-

ройѣ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, такъ что эти грозныя твердыни, поглотившія въ мирное время не мало турецкой казны на свое устройство и вооруженіе, простояли въ теченіи всей кампаніи почти безъ пользы для обороны турокъ, нисколько, въ сущности, не задержавъ нашего движенія къ Константинополю.

Заслуга изолированія турецкихъ крѣпостей и предоставленія возможности главнымъ нашимъ силамъ благополучно миновать эти твердыни безспорно принадлежитъ арміи Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, носившей почему-то скромное названіе Рущукскаго отряда. Въ теченіи всей прошлой кампаніи, армія эта удерживала главныя силы турокъ, что дало возможность остальнымъ нашимъ войскамъ спокойно расчищать дорогу къ Константинополю въ сторонѣ отъ упомянутыхъ крѣпостей, черезъ Плевну, Софію и Казанлыкъ. И въ то время, какъ на другихъ пунктахъ театра войны постепенно возникали: Плевна, Шипка, Горній Дубнякъ и другіе пункты сопротивленія, совершенно неожиданно выросавшіе передъ нами, — все это время въ Рущукскомъ отрядѣ удалось избѣгнуть подобныхъ случаевъ, не смотря на то, что передъ нимъ находились главныя турецкія силы, опиравшіяся на четыре сильнѣйшія крѣпости и потому естественно долженствовавшія обладать наибольшою смѣлостью. Чрезвычайно любопытнымъ въ этомъ отношеніи является тотъ фактъ, что одновременно съ движеніемъ арміи Османа-паши изъ Виддина на Плевну совершалось подобное же движеніе изъ Разграда на Вѣду 27-ми таборовъ Ахмеда-Эюба-паши и шестнадцати таборовъ Эшрефа-паши изъ Рущука, какъ это теперь стало положи-

тельно известным*). Однакоже, никакой Бѣлы, подобной Плевнѣ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ не возникло, не смотря на то, что первая лежитъ ближе къ Русуку и Разграду, чѣмъ вторая къ Виддину. Легко представить себѣ затрудненіе нашихъ войскъ, если бы одновременно съ Плевною выросла на лѣвомъ нашемъ флангѣ Бѣла, почти на самой дорогѣ изъ Сисова въ Тырново! Но войска Русуцкаго отряда не только не допустили этого, но во время предупредили турокъ и на всемъ остальномъ пространствѣ за Бѣлою—до р. Кара-Лама, сразу отодвинувъ такимъ образомъ главныя турецкія силы на значительное разстояніе отъ дороги изъ Сисова въ Тырново.

Нужно также замѣтить, что армія Наслѣдника Цесаревича хотя и составляла вполне самостоятельный отрядъ, однако же назначеніе и цѣли ея операций нерѣдко регламентировались главною квартирою, тогда какъ на правомъ нашемъ флангѣ 9-му корпусу и впереди—передовому отряду генерала Гурко, даже послѣ отступленія послѣдняго изъ-за Малыхъ Балкановъ, была предоставляема полная свобода дѣйствій. Поэтому нельзя сказать, чтобы на Русуцкомъ отрядѣ лежала отвѣтственность и за все то, чего онъ не достигалъ иногда, хотя и имѣлъ бы средства достигнуть этого.

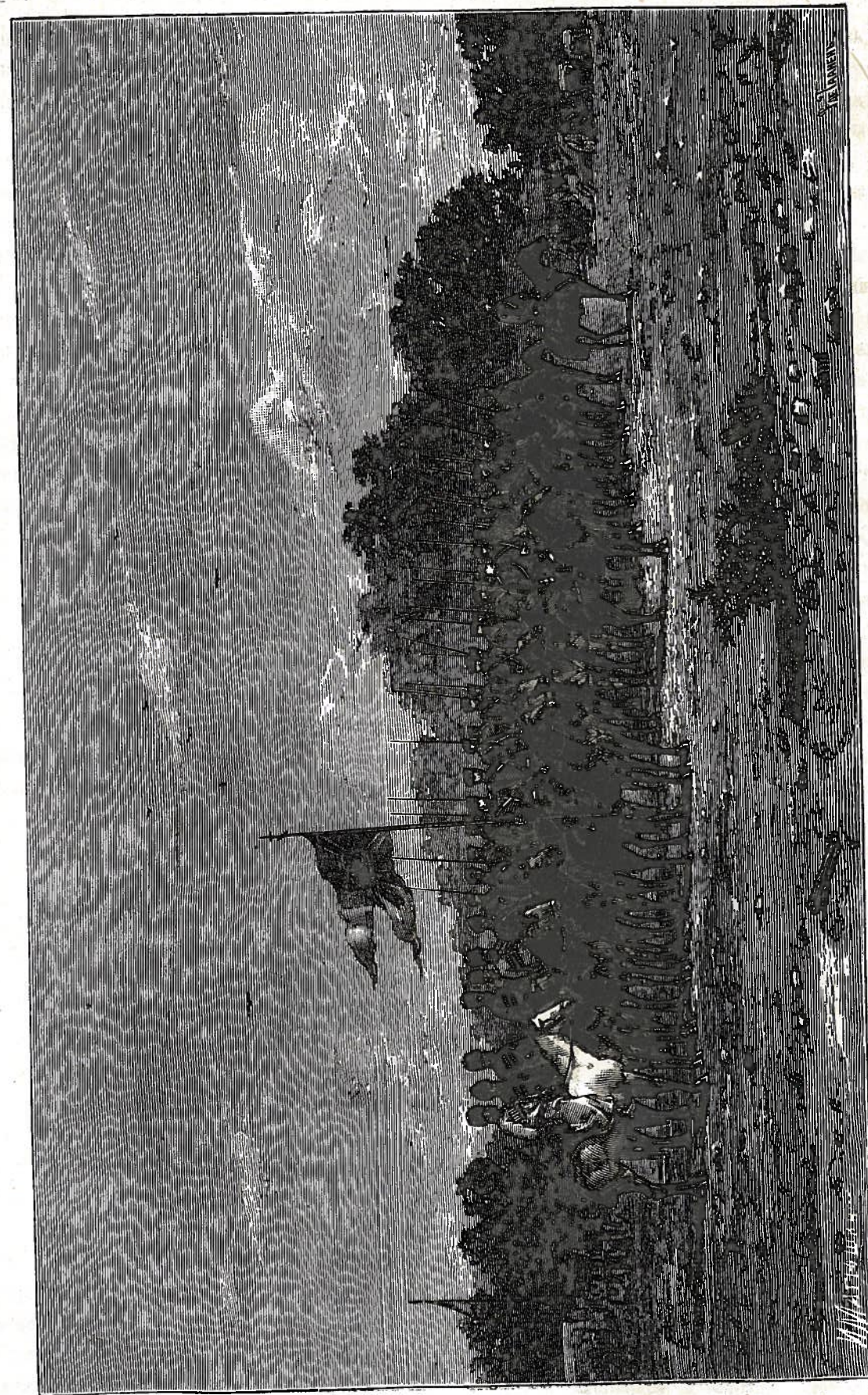
Съ другой стороны, неожиданное возникновеніе на нашемъ правомъ флангѣ Плевны оказало огромное вліяніе на измѣненіе цѣлой кампаніи и на значеніе Русуцкаго отряда. Первоначально, несомнѣнно,—предполагалось придать дѣйствіямъ Русуцкаго отряда наступательный характеръ, причемъ, какъ ближайшая цѣль, имѣлась въ виду осада Русука; но тутъ неожиданно, въ тылу Русуцкаго отряда, возникла Плевна, заставившая его, наряду со всеми другими нашими отрядами, отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія и держаться оборонительнаго образа дѣйствій въ теченіи цѣлыхъ семи мѣсяцевъ, т. е. почти до самаго конца кампаніи.

Но и въ этомъ случаѣ Русуцкому отряду предстояла задача далеко не легкая. Относительно слабый по численности (два корпуса), Русуцкій

отрядъ долженъ былъ занять, въ виду превосходнаго по числу непріятеля, линію отъ Пиргоса по р. Кара-Лому до дороги изъ Шумлы въ Тырново, т. е. на протяженіи около 70 верстъ. Если при этомъ принять во вниманіе важность тѣхъ стратегическихъ пунктовъ, которые оберегали Русуцскій отрядъ, именно сообщенія на Дунаѣ у Сисова и пути изъ четырехугольника крѣпостей въ Тырново и Бѣлу, то намъ вполне будетъ понятно затруднительное положеніе черезчуръ растянутого отряда, въ виду сосредоточенныхъ силъ превосходнаго противника, имѣвшаго все средства и побужденія къ энергическому прорыву въ указанныхъ направленіяхъ.

Затруднительность положенія Русуцкаго отряда увеличилась вполнѣ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не имѣлъ достаточно прочной связи съ сосѣдними отрядами: Тырновскимъ и Еленскимъ, охранявшими ту же линію р. Янтры. Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ говорить объ оборонѣ всей линіи р. Янтры, отъ Дуная до Балкановъ, такъ какъ все три наши отряда, оборонявшіе эту линію, имѣли въ виду, въ сущности, одну и ту же цѣль—охраненіе лѣваго фланга русской арміи, и дѣйствовали противъ одного и того же противника—восточно-дунайской турецкой арміи. Между тѣмъ, эти три янтрскіе отряда не были связаны между собою единствомъ командованія. Имѣя предъ собою одну турецкую армію, опиравшуюся на сильнѣйшія крѣпости и подчиненную одному главному начальнику, обладавшему полною свободою дѣйствій, упомянутые наши разрозненные отряды: Русуцскій, Тырновскій и Еленскій не могли состязаться съ противникомъ въ быстротѣ сосредоточенія своихъ силъ на любомъ угрожаемомъ пунктѣ. Непріятель, въ свою очередь, пользовался этимъ и, демонстрируя противъ однихъ отрядовъ, наносилъ неожиданные удары другимъ. Этимъ только и объясняется возможность происхожденія на линіи р. Янтры такого несчастнаго случая, какъ дѣло подъ Еленой 22-го ноября. Только быстрый и зоркій глазъ одного командира могъ предупредить всякую неожиданность на любомъ пунктѣ огромной линіи р. Янтры. Но, какъ мы уже сказали, Тырновскій и Еленскій наши отряды не были подчинены командующему Русуцскимъ отрядомъ, и потому въ его рукахъ не со-

*) См. «Сборникъ турецкихъ документовъ о послѣдней войнѣ» Ахмеда-Мидхата-Эффенди («Воен. Сборн. 1879 г.» № 4), гдѣ прямо говорится объ одновременномъ движеніи въ началѣ іюля Османа и Ахмеда-Эюба нашей на соединеніе другъ съ другомъ.

Конвой Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича.

средоточивались ни свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на всей линіи р. Янтры, ни распоряженія относительно предупрежденія опасности на всѣхъ пунктахъ этой линіи. Такимъ образомъ, каждый изъ упомянутыхъ трехъ отрядовъ долженъ былъ полагаться лишь на свою собственную бдительность и постоянную готовность встрѣтить врага, иногда безъ всякой надежды на своевременную помощь, какъ бы ни была велика сила противника. Такое положеніе было особенно тяжело для Руцукскаго отряда, какъ оберегавшаго наиболѣе важные пункты на линіи р. Янтры, а слѣдовательно и наиболѣе подверженные настойчивымъ дѣйствіямъ противника.

Трудность положенія Руцукскаго отряда усложнялась еще постоянно тѣмъ обстоятельствомъ, что, находясь самъ въ открытомъ полѣ и не имѣя позади себя сравнительно прочныхъ опорныхъ пунктовъ, онъ имѣлъ въ тоже время предъ собою огромную армію противника, которая при первой же неудачѣ быстро отходила подъ защиту своихъ крѣпостей, дѣлая такимъ образомъ невозможнымъ преслѣдованіе ея, какіе бы съ нашей сторонѣ ни были къ тому благопріятные случаи; расположеніе же Руцукскаго отряда допускало, въ извѣстныхъ случаяхъ, возможность преслѣдованія, причемъ отступленіе отряда за линію р. Янтры было невымыслимо, такъ какъ равнялось бы полному поражению, ибо непосредственно за линіею р. Янтры лежала единственная коммуникаціонная линія всѣхъ нашихъ отрядовъ въ Болгаріи (Систово-Тырновъ). Понятно поэтому, какая требовалась постоянно бдительность, осторожность и расчетанность въ движеніяхъ Руцукскаго отряда, чтобы не допустить ни на минуту торжества противника на столь важной для насъ линіи обороны, какъ р. Янтра, что отрядомъ и было вполне исполнено.

Наконецъ, невыгода положенія Руцукскаго отряда относительно непріятеля заключалась еще въ томъ обстоятельстве, что гористая и лѣсистая мѣстность, занятая отрядомъ, отъ Дуная до дороги изъ Шумлы въ Тырново, между рр. Янтрою и Кара-Ломомъ, почти вовсе не имѣла хорошихъ продольныхъ путей, которые бы способствовали быстротѣ сообщенія между отдѣльными частями отряда, а также быстротѣ ихъ передвиженія; имѣвшіяся же проселочныя дороги въ дурную погоду дѣлались положи-

тельно непроходимыми. Между тѣмъ непріятель имѣлъ на своей сторонѣ прекрасные пути, тянущіеся параллельно фронту Руцукскаго отряда, и, кромѣ того, руцукско-варнскую желѣзную дорогу, позволявшую туркамъ быстро передвигать свои войска для угрозы тому или другому изъ нашихъ пунктовъ на линіи р. Янтры.

Чтобы вполне уяснить себѣ довольно стѣсненное положеніе Руцукскаго отряда, даже сравнительно съ другими нашими отрядами, нужно еще прибавить къ предыдущему слѣдующее обстоятельство. Какъ извѣстно, командиру Руцукскимъ отрядомъ, Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, подчиненъ былъ также Журжево-Ольтеницкій отрядъ на лѣвомъ берегу Дуная. Это обстоятельство вынуждало Руцукскій отрядъ имѣть болѣе короткій путь сообщенія черезъ Дунай съ Журжею, чѣмъ систовскій мостъ, не говоря уже о томъ, что подвозъ провіанта къ отряду изъ Бухареста по этому кружному пути (около 200 верстъ) былъ также крайне неудобенъ. При этомъ быстрая передача въ Руцукскій отрядъ свѣдѣній о передвиженіяхъ непріятеля, какія могли быть замѣчены изъ Журжева или Ольтеницы, а равно и быстрая передача приказаній на тотъ берегъ—были, разумѣется, совсѣмъ невымыслимы. Между тѣмъ Руцукскій отрядъ долгое время оставался безъ собственныхъ средствъ переправы, вынужденный пользоваться этимъ длиннымъ кружнымъ путемъ. Наконецъ, 14-го августа, штабъ 12-го корпуса, войска котораго непосредственно примыкали къ правому берегу Дуная, вынужденъ былъ устроить у Пиргоса, на собственныхъ средствахъ, такъ называемую „казачью переправу“, имѣя возможность затратить на это дѣло всего лишь 14 руб. сер. (два турецкіе парома и лодка, ходившіе подъ командой сотника 37-го казачьяго полка Протопопова). Въ виду однако, громадной пользы, принесенной войскамъ и этою переправою, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ выдать изъ экстраординарныхъ средствъ еще 400 рублей для устройства мостиковъ черезъ затоки Дуная и дороги отъ переправы. Но, конечно, и этихъ средствъ было недостаточно для устройства настоящей переправы; между тѣмъ, средствъ для этого Руцукскому отряду не было выдаваемо. Такимъ образомъ, въ то время, какъ

для прочих наших войск, у Никополя и Систова, возводились понтоновые мосты во всю ширину Дуная, даже съ электрическим ночным освещением, Русцукскому отряду приходилось довольствоваться лишь „казачью переправою“. Только въ 4-му ноября былъ, наконецъ, построенъ мостъ на Дунаѣ и для Русцукскаго отряда, въ направленіи отъ д. Петрошаны къ д. Батинъ *).

Все вышеизложенное достаточно объясняетъ намъ невыгоды положенія Русцукскаго отряда, какъ сравнительно съ другими нашими отрядами, такъ и относительно непріятеля. Понятно, что, вслѣдствіе всего этого, для Русцукскаго отряда наступали иногда трудные моменты, которыхъ можно было избѣгнуть лишь съ величайшимъ рискомъ. Но, не смотря на все это, Русцукскій отрядъ блистательно избѣгъ всѣхъ затрудненій и въ теченіи цѣлыхъ семи мѣсяцевъ держался на занятой имъ позиціи. Стойкостью и расчетанностью въ дѣйствіяхъ Русцукскаго отряда и объясняется то обстоятельство, что главная турецкая армія, доходившая численностью до 100 тысячъ человекъ, имѣвшая во главѣ своей наиболѣе талантливыхъ и опытныхъ турецкихъ полководцевъ и дѣйствовавшая почти исключительно противъ Русцукскаго отряда, въ теченіи всей кампаніи ни разу не надѣлала такихъ заботъ, какъ 30-тысячный отрядъ Османа-паша въ Плевнѣ или 5-тысячный отрядъ турокъ въ Горнемъ Дубнякѣ. Мало того, о стойкость и расчетанность дѣйствій Русцукскаго отряда разбились, съ главною турецкою арміею, три турецкихъ полководца, составившихъ себѣ предварительно славу на другихъ пунктахъ театра войны и скоро потерявшихъ эту славу въ борьбѣ съ Русцукскимъ отрядомъ (Абдуль-Керимъ-паша, Мегеметь-Али-паша и Сулейманъ-паша). Всѣ они оказались бессильными сломить сопротивление Русцукскаго отряда и одинъ за другимъ послѣдовательно были смѣнены турецкимъ правительствомъ, а двое изъ нихъ преданы были даже военному суду за малоуспѣшность ихъ дѣйствій вообще и противъ Русцукскаго отряда въ частности.

*) Мостъ этотъ строился съ 5-го октября по 4-е ноября, подъ наблюдениемъ инженеръ-капитана Богдановича; мостъ былъ наведенъ частью понтоновой, частью свайной постройки. Съ постройкою моста, начальникомъ переправы у Батина и Петрошаны былъ назначенъ флигель-адъютантъ Головачевъ.

Словомъ, Русцукскій отрядъ блистательно выполнилъ свою очень сложную и трудную задачу—охраненіе линіи р. Янтры и сообщеній на Дунаѣ и изолированіе главной турецкой арміи въ четырехугольникѣ крѣпостей.

Помимо этого, дѣйствія Русцукскаго отряда представляются интересными еще въ томъ отношеніи, что до перехода черезъ Балканы линія р. Янтры была почти единственнымъ пунктомъ, гдѣ обѣ противныя стороны дѣйствовали одна противъ другой въ открытомъ полѣ, хотя по близости ихъ и стояли турецкія крѣпости. Не нужно забывать, что Русцукскій отрядъ, имѣвшій противъ себя почти 100-тысячную турецкую армію, по силѣ и значенію своему первоначально составлялъ также почти третью часть всей дѣйствующей арміи за Дунаемъ (два армейскихъ корпуса 12-й и 13-й, вслѣдствіи еще 26-я пѣхотная дивизія и части Журжево-Ольтеницкаго отряда, съ русскою дунайскою флотиліею). Поэтому здѣсь еще требовалось со стороны главнаго начальника отряда искусство управлять въ открытомъ полѣ большими массами войскъ. При изложеніи самаго хода событій мы, дѣйствительно, не разъ будемъ имѣть случай убѣждаться въ стройности и расчетанности движеній войскъ Русцукскаго отряда, не смотря на всю затруднительность ихъ положенія въ первую половину кампаніи.

Изъ всего сказаннаго, кажется, можно представить, что врядъ ли задача Русцукскаго отряда была ясно сознана при самомъ началѣ его сформированія. Повидимому, она вылилась сама собою, въ силу естественнаго хода вещей и расположенія турецкихъ войскъ, а не въ силу заблаговременно рассчитаннаго плана. Въ противномъ случаѣ врядъ ли на такой слабый отрядъ была бы возложена столь обширная задача. Но тѣмъ болѣе славы войскамъ отряда, которые своею храбростью, стойкостью и умѣньемъ маневрировать одолѣли всѣ усилія противника, не могшаго достигнуть серьезнаго результата.

Перейдемъ теперь къ описанію событій въ Русцукскомъ оирядѣ.

Какъ извѣстно, 15-го іюля 1877 года переправились черезъ Дунаѣ отъ Зимницы къ Систову первыя войска дѣйствующей арміи (8-й корпусъ, 35-я пѣхотная дивизія и № 23-го Донской казачій полкъ).

Затѣмъ, по переправѣ черезъ Дунаѣ, Его Высочество Главнокомандующій имѣлъ въ виду направить главную часть арміи чрезъ Тырновъ къ Балканамъ, обеспечивъ это движеніе съ фланговъ особыми отрядами, выдвинутыми вверхъ по Дунаю противъ турецкихъ войскъ, находившихся въ Никополю, и внизъ по Дунаю—противъ Русцука и турецкихъ войскъ, могшихъ быть въ пространствѣ между Русцукомъ и Шумлою. Во исполненіе этого предположенія послѣдовалъ 22-го іюня приказъ по дѣйствующей арміи объ образованіи особаго Русцукскаго отряда въ слѣдующемъ составѣ:

12-й армейскій корпусъ.	12-я пѣхотная дивизія	и	33-я пѣхотная дивизія.	45 пѣх. Азовскій полкъ.
				46—Днѣпровскій.
	12-я кавалерійская дивизія.	При штабѣ	47—Украинскій.	129—Бессарабскій п.
			48—Одесскій.	130—Херсонскій.
12—драгунскій Стародубовскій.			131—Тираспольскій.	
12 уланскій Бѣлгородск.			132—Бендерскій.	
				12 гусарскій Ахтырскій.
				12 донской казачій п.
13-й армейскій корпусъ.	1-я пѣхотная дивизія.	35-я пѣхотная дивизія	8-я кавалерійская дивизія.	37. донской казачій п.
				1-й пѣхотн. Невскій п.
				2—Софійскій п.
				3—Нарвскій п.
				4—Капорскій п.
				137—Нѣжинскій.
				138—Болховскій.
				139—Моршанскій.
				140—Зарайскій.
				8-й улан. Вознесенскій.
				8 гусарскій Лубенскій.
				8 донской казачій п.

12-я 33, 1-я, 35 пѣхотныя артиллерійскія бригады 15 и 19 конныя батареи и 5 и 9 донскія, а также одна скорострѣльная батарея.

Дивизионъ л. гв. Атаманскаго полка, 7 саперный батальонъ, 2 роты 2-го сапернаго батальона и три отдѣленія военно-телеграфнаго парка.

Всего 49¹/₂ батальоновъ, 22 эскадрона, 19 сотенъ и 224 орудія.

12-мъ корпусомъ командовалъ Е. И. В. В. К. Владимиръ Александровичъ, 13-мъ—генераль-лейтенантъ Ганъ; въ должности начальника отряднаго штаба былъ генераль лейтенантъ Ванновскій.

Наконецъ, кромѣ указанныхъ войскъ, начальнику Русцукскаго отряда подчинены были войска на лѣвомъ берегу Дуная, ниже р. Веде до устья р. Арджисъ (отъ Парапана до Ольтеницы) и наша дунайская флотилія. Численность и составъ Жур-

жево-Ольтеницкаго отряда намъ съ точностью неизвѣстны, хотя это и могло бы представлять во многихъ отношеніяхъ значительный интересъ. Начальникомъ Журжево-Ольтеницкаго отряда былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Аллеръ.

Общее начальство надъ Русцукскимъ отрядомъ и Журжево-Ольтеницкимъ отрядами, какъ мы уже сказали, ввѣрено было Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочеству предоставлены были, въ командномъ отношеніи, права командира отдѣльнаго корпуса, а въ отношеніи военныхъ дѣйствій право самостоятельныхъ распоряженій, на основаніи тѣхъ общихъ указаній, которыя будутъ даваемы Его Высочествомъ Главнокомандующимъ арміею. Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ въ командованіе отрядомъ собственно 26-го іюня, и того же числа Великій Князь Владимиръ Александровичъ вступилъ въ командованіе 12-мъ армейскимъ корпусомъ.

Первоначальная цѣль Русцукскаго отряда состояла въ томъ, чтобы, по соединеніи 12-го и 13-го корпусовъ на р. Янтрѣ, наступать къ Русцуку, обложивъ его и стараться овладѣть имъ *).

Намъ остается теперь познакомиться въ общихъ чертахъ съ мѣстностью, на которой приходилось дѣйствовать Русцукскому отряду, и съ силами непріятеля, расположенными въ четырехугольникѣ турецкихъ крѣпостей.

Театръ дѣйствій Русцукскаго отряда можно опредѣлить границами: съ сѣвера—Дунаемъ, отъ низовьевъ Янтры до Пиргоса, съ востока—линіею рр. Лома и Кара-Лома до Аясляра, съ юга—дорогою изъ Шумлы въ Тырново до Водицы и далѣе дорогою изъ Шумлы въ Вѣлу на Капровицу до Янтры, и съ запада—р. Янтрою. Вся мѣстность, ограниченная этими пунктами, крайне всхолмлена и пересѣчена довольно глубокими балками, имѣющими направленіе съ юга на сѣверъ.

Рѣка Кара-Ломъ течетъ по весьма скалистому ущелью, что и составляетъ собственно преграду, такъ какъ сама рѣка лѣтомъ почти всюду проходима

*) Секретный отзывъ начальника полевого штаба отъ 22-го іюня за № 637 на имя командира 12-го корпуса, назначеннаго на должность начальника штаба Русцукскаго отряда. См. „Воен. Сборн.“ 1879 г. № 6., „Обзоръ дѣйствій Русцукскаго отряда.“

въ бродъ. Кромѣ дорогъ, ведущихъ въ деревни, лежащія по р. Кара-Лому, въ остальныхъ пунктахъ скаты въ долину этой рѣки почти отвѣсны.

Другой притокъ Лома, Ваницкій Ломъ, а равно и р. Янтра также текутъ ущельями, но болѣе доступными, чѣмъ Кара-Ломъ. Во всѣхъ этихъ трехъ рѣкахъ непріятельскій берегъ командовалъ нашимъ.

Пространство къ югу отъ Бѣлы, по правому берегу Янтры, а также мѣстность по лѣвому берегу Кара-Лома, противъ его средняго теченія, покрыты густыми лѣсами.

Мѣстность южнѣе описаннаго нами пространства, начиная отъ дороги изъ Шумлы въ Бѣлу и Тырново, изрѣзана уже довольно высокими горами, составлявшими собственно предгорія Балкановъ; таковы: горы Сакаръ-Тепе и Кириченъ къ востоку отъ Хайдаркюя и Аяслара, Косабинскія и Паломарченскія высоты къ сѣверу и югу отъ Папкюя и проч.

Пути наступленія непріятеля изъ четырехугольника крѣпостей (отъ Руцукъ, Разграда и Шумлы) сводились, главнымъ образомъ, на Бѣлу, Тырново и Систово. Наиболѣе удобными изъ этихъ путей были: шоссе изъ Руцукъ въ Бѣлу; дорога изъ Разграда въ Бѣлу чрезъ Кацелено и Батинцу; дорога изъ Шумлы на Бѣлу чрезъ Папкюя, Кавачицу, Церковну и Капровицу; дорога изъ Шумлы въ Тырново чрезъ Папкюя, Кавачицу и Чаиркюя. Эта послѣдняя дорога оберегалась частію Руцукскимъ отрядомъ, частію Тырновскимъ и служила гранью между обоими отрядами. Дорога изъ Шумлы въ Тырново чрезъ Ески-Джуму и Османъ-Базаръ охранялась исключительно Тырновскимъ отрядомъ. Дорога изъ Шумлы и изъ восточныхъ Балканскихъ проходовъ чрезъ Беброво и Елену въ Тырново оберегалась Еленинскимъ отрядомъ.

Съ составомъ Еленинскаго и Тырновскаго отрядовъ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ.

Хорошихъ продольныхъ путей, служившихъ для соединенія вышеупомянутыхъ отрядовъ другъ съ другомъ и ихъ частей между собою, было весьма мало. Вообще всѣ дороги въ описываемой нами мѣстности требовали разработки, починки, на что въ Руцукскомъ отрядѣ было обращено большое вниманіе; но, и не смотря на это, грунтъ былъ

таковъ, что послѣ дождя дороги каждый разъ дѣлались почти непроходимыми.

Что касается до силъ противника, заключенныхъ въ четырехугольныхъ крѣпостей, то онѣ доходили до 85,000 подвижныхъ войскъ или полевой арміи, не считая гарнизоновъ крѣпостей, и главнокомандующимъ всѣми войсками въ четырехугольныхъ крѣпостей въ началѣ кампаніи состоялъ сердаръ-экремъ Абдуль-Керимъ-паша; начальникомъ его штаба—Ахмедъ-Эюбъ-паша.

Нужно еще упомянуть о массахъ башибузуковъ и вооруженныхъ жителей, скопившихся подъ защитою главной турецкой арміи въ четырехугольныхъ крѣпостей. Какъ извѣстно, съ переходомъ нашихъ войскъ чрезъ Дунай у Систова, все, что исповѣдывало вѣру Магомета, бѣжало со всѣми своими семействами и пожитками изъ средней Болгаріи въ восточную ея часть и въ предгорія восточныхъ Балкановъ. Турецкое правительство не преминуло родать всѣмъ этимъ бѣглецамъ значительное количество оружія. Этимъ и объясняется скопленіе огромныхъ массъ башибузуковъ и всякаго рода турецкихъ партизановъ, преимущественно въ округахъ Османъ-Базарскомъ и Бебровскомъ, гдѣ нашей кавалеріи пришлось долго считаться съ этимъ „звѣрьемъ“, какъ выражались наши солдаты.

Переправа частей Руцукскаго отряда, начавшаяся съ 21-го іюня, вслѣдствіе скопленія у переправы значительнаго числа войскъ, окончилась только 26-го іюня. По переправѣ чрезъ Дунай, войска Руцукскаго отряда направились къ рѣкѣ Янтрѣ, имѣя въ авангардѣ 12-ю кавалерійскую дивизію, двигавшуюся къ Руцуку. При этомъ развѣдка Янтры, отъ Дуная до Новограда возлагалась на 12-й гусарскій полкъ, отъ Бѣлчева до Бѣлы — на 12-й казачій полкъ, отъ Бѣлы до Коссова — на 12-й драгунскій полкъ. Въ виду этого, отъ каждаго изъ упомянутыхъ полковъ должны были быть высланы впередъ, для рекогносцировки Янтры, развѣдочныя партіи. Всѣмъ развѣдочнымъ партіямъ приказано было перейти на правый берегъ Дуная съ разсвѣтомъ 22-го іюня, для чего начальнику переправы отдано было приказаніе, до перехода войскъ, первыми проуступить по мосту конныхъ развѣдчиковъ.

Такъ какъ въ это время правый нашъ флангъ, къ сторонѣ Плевны, оставался совсѣмъ неприкрытымъ, хотя и началось уже движеніе передоваго отряда къ Тырнову, то на 35-ую пѣхотную дивизію, вошедшую въ составъ Руцукскаго отряда и ранѣе другихъ его частей перешедшую чрезъ Дунай, возложена была обязанность, до переправы 9-го корпуса, временно прикрывать нашъ правый флангъ. Съ этой цѣлю ей предписано было: 21-го іюня занять Дели-Сулу, гдѣ соединиться съ кавказскою казачьею бригадою, отдѣленною отъ передоваго отряда; 23-го іюня перейти на шоссе изъ Бѣлы въ Плевну, близъ Овча-могила; 25-го сдѣлать переходъ по направленію къ Бѣлѣ.

Наконецъ, 8-ю кавалерійскую дивизію, вошедшую также въ составъ Руцукскаго отряда и переправившуюся чрезъ Дунай лишь 24-го іюня, предположено было двинуть изъ Царевіцы вверхъ по теченію р. Янтры, для освѣщенія мѣстности между Разградомъ и Османъ-Базаромъ, въ видѣ передоваго отряда отъ руцукской арміи. При этомъ 8-й уланскій Вознесенскій полкъ долженъ былъ продвинуться возможно далѣе на югъ, освѣщая мѣстность по обѣ стороны р. Янтры и охраняя лѣвый флангъ двигавшагося на Тырново передоваго отряда генерала Гурко, съ которымъ долженъ былъ поддерживать постоянную связь.

И такъ, первыми должны были двинуться къ рѣкѣ Янтрѣ развѣдочныя партіи отъ полковъ 12-й кавалерійской дивизіи. Самый важный участокъ для развѣдки на рѣкѣ Янтрѣ—Бѣла-Коссово—выпалъ на долю 12-го драгунскаго Стародубовскаго полка. Чрезъ Бѣлу проходитъ отличное шоссе изъ Руцукъ на Плевну и Тырново; при этомъ у Бѣлы имѣется единственная постоянная переправа чрезъ Янтру по большому каменному мосту, подлѣ котораго находится лучшая оборонительная позиція на высотахъ праваго берега Янтры. Но и вообще вся рѣка Янтра, извинаясь между высокими, крутыми берегами, по недоступности своей, могла служить превосходною оборонительною линіею, какъ для турокъ, такъ и для нашихъ войскъ, смотря по тому, кто прежде утвердится на ней. Поэтому своевременное овладѣніе берегами Янтры и переправою на ней у Бѣлы составляло для насъ вопросъ первостепен-

ной важности, въ особенности въ виду расположенныхъ по близости отъ нея, подъ Руцукомъ, превосходныхъ силъ непріятеля.

Въ виду этого, для развѣдки Бѣлы, отъ драгунскаго Стародубовскаго полка были выбраны, еще наканунѣ переправы за Дунай, наиболѣе опытные и лихіе офицеры: штабсъ-капитанъ Пославскій и поручикъ Яниковскій, которымъ разрѣшено было выбрать изъ всего полка людей и лошадей по ихъ желанію, въ числѣ 16-ти рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. При этомъ имъ приказано было скрытно подойти къ Бѣлѣ, осмотрѣть мостъ и наблюдать за Бѣлою. Порученіе это было исполнено штабсъ-капитаномъ Пославскимъ, который 23-го числа, подойдя къ Бѣлѣ, лично осмотрѣлъ мостъ, оказавшійся неповрежденнымъ, узналъ, что ночевавшія наканунѣ въ Бѣлѣ значительныя турецкія силы отступили, и что возлѣ Бѣлы остались только конные отряды черкесовъ. Выполнивъ задачу и потерявъ при этомъ только одного человѣка, убитаго въ перестрѣлкѣ съ черкесами развѣздъ остановился по эту сторону Янтры, тотчасъ-же пославъ двухъ драгунъ съ письменнымъ донесеніемъ къ полку.

На основаніи полученныхъ свѣдѣній, начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Арнольди, отдалъ приказаніе: 12-му драгунскому полку, съ 19-ю конною батареею, немедленно стѣбовать къ Бѣлѣ, занять этотъ городъ и удержаться тамъ на позиціи до прибытія пѣхоты, а остальнымъ кавалерійскимъ полкамъ слѣдовать лѣвѣе и, не переходя Янтры, наблюдать лѣвый берегъ ниже Бѣлы, до Дуная.

Послѣ четырехъ часовъ марша, Стародубовскіе драгуны, въ полдень, подошли къ Янтрѣ. На шоссе, по сю сторону моста, стояли жители, вышедшіе къ нимъ на встрѣчу. Впереди священникъ, въ черномъ, длинномъ кафтанѣ, съ крестомъ въ рукахъ. Болгары, крича, „здравствуй, братушка,“ разглядывали драгунъ съ любопытствомъ, кланялись, снимали шапки и, покачивая головой, приговаривали: „бѣгалъ турка,“ указывая рукою на правленіе.

Головная часть остановилась, чтобы дать подтянуться полку и батарее. Въ это время, по мо-

сту, на встрѣчу драгунамъ, скакалъ болгаринъ, безъ шапки, съ бритою головою, съ обнаженною шашкою въ рукахъ. Неистово крича „черкесы, черкесы“ онъ указывалъ шашкою на деревню, лежащую недалеко отъ моста влѣво. Зная, что въ этомъ направленіи посланы гусары, командиръ полка, отдѣливъ разъѣздъ для связи, рѣшился немедленно вступить въ городъ.

1-й эскадронъ сбѣжался, драгуны быстро перешли мостъ и въ разсыпную взобрались на крути, почти отвѣсныя высоты противоположнаго берега. Послышались выстрѣлы, цѣпь подалась впередъ, и, подъ прикрытіемъ ея, прочіе эскадроны съ батареею потянулись на мостъ.

Большой, широкій каменный мостъ, на двѣнадцати каменныхъ аркахъ — единственная постоянная переправа на Янтрѣ — принадлежалъ, также какъ и руцукское шоссе, къ лучшимъ сооруженіямъ въ Турціи, исполненнымъ по почину Мидхада-паши. За мостомъ шоссе круто сворачиваетъ вправо, прислонившись къ отвѣсному берегу, и, проходя черезъ городъ, втягивается въ ущелье. Проѣхавъ пустынною улицею городъ, драгуны остановились на позиціи, занявъ противоположный выходъ горнаго дефила. Два эскадрона высланы были впередъ для освѣщенія мѣстности и занятія аванпостовъ по наружнымъ высотамъ. Впереди, вѣв ружейнаго выстрѣла, видѣлись непріятельскіе посты и разъѣзжавшія партіи черкесовъ. Уже стемнѣло. Не расчлѣдывая лошадей, не раскладывая костровъ, драгуны, въ полной боевой готовности, провели ночь у выхода изъ дефила, постоянно высылая впередъ разъѣзды. Никто въ отрядѣ не сомнѣлъ глазъ въ эту ночь.

Надо удивляться, какимъ образомъ турки даже не пробовали удержать насъ на Янтрѣ, имѣя такую сильную позицію; какъ, даже на другой день, они не попытались атаковать насъ? Это можно объяснить только паникою, которую навела на турокъ переправа у Систова, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, какъ передавали впоследствии плѣнные, что, видя передъ собою сбѣженныхъ драгуновъ, съ ружьями и штыками, они были убѣждены, что Бѣлы занята не высланною впередъ кавалерійскою частью, а уже подоспѣвшею на мѣсто пѣхотою, вслѣдствіе чего и не рѣшились насъ атаковать.

Между тѣмъ, въ тотъ же день, 23-го іюня, продвинулись къ Янтрѣ, ниже Бѣлы, и остальные полки 12-й кавалерійской дивизіи. При этомъ 3-я сотня 12-го казачьяго полка, продвигаясь въ сѣверо-восточномъ отъ Бѣлы направленіи, выбила у д. Черчикъ башибузуковъ, занимавшихъ лѣсъ, а затѣмъ наткнулись на непріятельскій транспортъ, сопровождаемый конвоемъ въ 100 человекъ. Непріятель былъ разсѣянъ, оставивъ на мѣстѣ 40 тѣлъ; транспортъ былъ захваченъ. Въ то же время Ахтырскій гусарскій полкъ встрѣченъ былъ въ д. Чаушкѣю партією черкесовъ, которую онъ и разогналъ.

Съ разсвѣтомъ 24-го іюня Стародубовскій драгунскій полкъ со взводомъ артиллеріи расположился въ ущельѣ у Бѣлы на позиціи, рѣшась до послѣдней крайности отстоять мостъ, вятый ими наканунѣ.

Вскорѣ къ отряду прибылъ самъ начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи, генералъ-майоръ Арнольди. Противъ драгуновъ, на курганѣ, стали показываться одиночные непріятельскіе всадники: число ихъ постепенно увеличивалось, но послѣ схватки съ драгунами они скрылись, и непріятель продолжалъ отступать.

Получивъ это донесеніе, полкъ снялся съ позиціи и, вернувшись въ городъ, расположился бивуакомъ. Не успѣли драгуны отдохнуть, какъ въ 6 часовъ вечера получено было донесеніе съ аванпостовъ о появленіи непріятеля съ праваго фланга. Немедленно два эскадрона съ двумя орудіями на рысяхъ двинуты были въ этомъ направленіи. Показавшіяся издали незначительныя силы противника, при быстромъ появленіи драгуновъ съ конною артиллерією, остановились вѣв выстрѣла. Это была послѣдняя тревога. Къ концу дня на мосту показалась наша пѣхота. То была первая бригада 33-й пѣхотной дивизіи съ артиллерією, которая получила приказаніе, бросивъ раницы, усиленнымъ маршемъ слѣдовать къ драгунамъ на помощь для занятія Бѣлы.

Радостно встрѣтили утомленные драгуны товарищей-пѣхотинцевъ, которые, не смотря на утомительный, быстрый маршъ, весело шли впередъ, надѣясь еще въ этотъ день попасть въ дѣло.

Съ появленіемъ пѣхоты, ставшей бивуакомъ на позиціи у Бѣлы, первоначальная роль драгуновъ кончилась. Три эскадрона отошли назадъ въ городъ, а одинъ остался впереди, на аванпостахъ.

Вернувшись въ городъ, драгуны застали уже много болгаръ, выснававшихъ на улицы. Видя, что турки отступили и русскія войска заняли городъ, „братушки“ совсѣмъ успокоились и стали выносить солдатамъ хлѣбъ, баранину, вино. Пустынный городъ оживился; зашумѣли, забѣгали; зажгли огни, появился обозъ, поставили котлы, заварили пищу, начались оживленные разговоры. Наконецъ удалось драгунамъ хорошо поужинать и спокойно уснуть.

Такъ закончился день занятія моста на Янтрѣ у города Бѣлы.

Того же 24-го іюня Азовскій пѣхотный полкъ (12-й пѣхотной дивизіи) съ 1-ю батареею 12 артиллерійской бригады занялъ въ 5 часовъ по полудни с. Новиграды, при устьѣ р. Янтры. Смѣнивъ здѣсь Брянцевъ, направившихся на присоединеніе къ своей дивизіи въ д. Вардинъ, Азовскій полкъ немедленно приступилъ къ устройству моста на Янтрѣ у Новиграда. Матеріаламъ для этого послужили брошенные турками на Дунаѣ торговныя суда, перетащенные Азовцами бичевою въ Янтру. Тогда же было приступлено къ устройству траншей и лонета для прикрытія моста.

На слѣдующій день, 25-го іюня, началось сосредоточеніе остальной пѣхоты Руцукскаго отряда на р. Янтрѣ, между Бѣлою и Дунаемъ. 12-я же кавалерійская дивизія, продолжавшая составлять авангардъ Руцукскаго отряда, получила приказаніе сняться съ бивуака у города Бѣлы и тремя колоннами слѣдовать въ направленіи къ Руцуку, съ цѣлью освѣтить мѣстность и очистить ее отъ непріятеля.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ непріятельскими частями войскъ и транспортами, причемъ наши завладѣли нѣсколькими обозами и плѣнными, къ вечеру 25-го іюня 12-я кавалерійская дивизія заняла 12-казачьимъ полкомъ съ донскою батареею Обретеникъ; Стародубовскимъ драгунскимъ съ конною батареею Дольній Монастырь; Ахтырскимъ гусарскимъ Балабанаръ, и Бѣлгородскимъ уланскимъ Бѣляново.

На другой день, 26-го числа, полки оставались на занятыхъ ими позиціяхъ, въ ожиданіи сосредоточенія пѣхоты. Къ вечеру того же дня шесть сотенъ 12-го казачьяго полка и 5-я донская батарея, расположенныя у д. Обретеникъ, были неожиданно атакованы двумя батальонами турецкой пѣхоты, че-

тырьмя орудіями, полкомъ кавалеріи и черкесами. Командиръ казачьяго полка, полковникъ Хрещатицкій, тотчасъ же сбѣжалъ почти весь полкъ и приказалъ отстрѣливаться. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ казаки удерживали позицію въ три версты противъ превосходнаго непріятеля. На огонь казачьей батареи отвѣчали четыре турецкія орудія. Непріятельская цѣпь подъ конецъ стала подходить уже къ самой деревнѣ. Но въ этотъ моментъ подошлѣ на выручку казаковъ Стародубовскій драгунскій полкъ, двинувшійся на рысяхъ съ бивуака у Дольнаго-Монастыря на выстрѣлы къ д. Обретеникъ. Съ появленіемъ драгуновъ огонь сталъ утихать, и непріятель отступилъ по всей линіи. Совершенно уже стемнѣло, и преслѣдовать противника не было возможности. Казаки и драгуны остались на позиціи въ полной готовности. Въ цѣпи по временамъ раздавались еще выстрѣлы; всѣ были насторожѣ.

Съ разсвѣтомъ 27-го іюня, сильныя разъѣзды драгуновъ, посланные по всѣмъ направленіямъ, донесли, что непріятель отступилъ версты на восемь отъ деревни Домогилы, лежащей верстахъ въ пяти отъ Обретеника. По близости остались одни только черкесы, которые, небольшими партіями рыская въ окрестностяхъ и пользуясь крайне пересѣченною мѣстностью, постоянно тревожили наши разъѣзды и сторожевую цѣпь. Изъ допросовъ мѣстныхъ жителей обнаружилось, что войска, атаковавшія казаковъ наканунѣ, были подъ начальствомъ Фуада-паши, который съ отрядомъ изъ пѣхоты и кавалеріи, при четырехъ орудіяхъ, производилъ рекогносцировку. Въ виду быстрого наступленія нашего на Руцукъ, онъ былъ высланъ съ цѣлію сбить наши передовыя части кавалеріи и осмотрѣть силу и расположеніе нашихъ войскъ. Энергическое сопротивление, оказанное казаками у Обретеника, и быстрое появленіе драгуновъ принудили турецкій отрядъ, не окончивъ рекогносцировки, отступить въ направленіи къ Руцуку *).

*) На основаніи турецкихъ источниковъ («Оборникъ избранныхъ документовъ») можно заключить, что 25-го и 26-го іюня кавалерія наша имѣла дѣло съ передовыми частями разградской арміи Ахмеда-Эюба-паши (27 таборовъ) и 16-ти таборовъ Эшрефа-наши изъ Руцукскаго гарнизона, шедшими на Бѣлу для предполагаемаго соединенія съ армією Османа-паши. Это подтверждается и

Вечеромъ того же дня, 27-го іюня, въ д. Обретеникъ, къ кавалерійскому бивуаку подошелъ Херсонскій полкъ (33-й дивизіи), и авангардъ Рущукскаго отряда занялъ Батинцу, Обретеникъ, Домогилу и, наблюдая пространство по обѣ стороны шоссе, на лѣвомъ флангѣ у Аблановой вошелъ въ связь съ сотнею 12-го казачьяго полка и Бѣлгородскими уланами, протянувшими цѣпь отъ Али-Абланово черезъ д. Батинъ до Дуная. Остальныя же войска Рущукскаго отряда въ этотъ день были въ слѣдующихъ пунктахъ: пѣхотный Азовскій полкъ съ 1-ю батареею 12-й арт. бригады продолжалъ занимать с. Новиградъ, окончивъ къ этому времени постройку моста на Янтрѣ и возведеніе защищавшихъ его укрѣпленій; пѣхотный Днѣпровскій полкъ съ 4-ю батареею 12-й артиллерійской бригады расположился у Бѣльчова и Чаушкіоя, для обезпеченія находившихся здѣсь бродовъ; 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи съ дивизионнымъ штабомъ расположилась у с. Биберлика. 33-я пѣхотная дивизія—при г. Бѣлѣ, имѣя одинъ полкъ въ Обретеникѣ; штабъ 12-го корпуса—въ д. Чаушкіой.

Пѣхота 13-го корпуса была въ это время еще на маршѣ. 8-я кавалерійская дивизія продвинулась въ Раданъ.

Въ указанномъ положеніи авангардъ Рущукскаго отряда простоялъ нѣсколько дней безъ движенія, въ ожиданія сосредоточенія пѣхоты Рущукскаго отряда на р. Янтрѣ.

Перейдемъ теперь къ занятію нашими войсками линіи р. Янтры въ участкѣ противъ Османъ-Базара.

Какъ извѣстно, 25-го іюня передовымъ отрядомъ генерала Гурко былъ занятъ городъ Тырновъ.

Отъ передоваго отряда вечеромъ 27-го іюня, была выставлена къ сторонѣ Османъ-Базара, въ

свѣдѣніями, собранными въ то время отъ жителей, которые показывали, что 25-го іюня турецкая пѣхота еще шла по шоссе на Бѣлу. То же самое подтверждалось и депешей начальника полевого штаба, который сообщалъ въ штабъ Рущукскаго отряда, что съ лѣваго берега Дуная дано знать, что 26-го іюня съ утра двинулись войска отъ Рущука въ направленіи къ Систову, пѣхота значительными массами и нѣсколько батарей. 27-го іюня, послѣ дѣла при Обретеникѣ, турецкія войска отошли къ Ханъ-Гюль-Чесма, съ намѣреніемъ отстоять Рущукъ отъ предстоявшаго обложенія русскими войсками.

селеніе Мерданъ, драгунская бригада князя Евгенія Максимилиановича, съ 16-ю конною батареею, а донская казачья бригада (21-й и 26-й казачьи полки) полковника Чернозубова, съ донскою 15-ю батареею, отъ того же передоваго отряда, была послана на позицію къ югу отъ Тырнова, на соединеніе дорогъ, ведущихъ изъ Тырнова на Габрово и Елену, причемъ одна сотня стала вѣдѣль берега р. Янтры.

Въ этомъ расположеніи означенныя части передоваго отряда простояли до 30-го іюня, ежедневно посылая отъ себя разъѣзды на связь съ кавалеріей Рущукскаго отряда и собирая свѣдѣнія о непріятелѣ и о дорогахъ вообще.

Въ это время другіе два полка 8-й кавалерійской дивизіи, Лубенскій гусарскій и 8-й казачій, продвинулись уже за р. Янтру, въ д. Копривицу, причемъ казаки имѣли на дорогѣ стычку съ турками. Поэтому Вознесенскій полкъ, тотчасъ по прибытіи разъѣздовъ въ Раданъ, тронулся также впередъ и, перейдя въ бродъ рѣку Янтру, вошелъ въ горы праваго ея берега. Какъ мы уже видѣли выше, мѣстность къ югу отъ Бѣлы весьма гористая. Уланамъ пришлось положительно карабкаться по горамъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо было проходить справа по одному сквозъ густые лѣса, поросшіе кустарникомъ, что вытягивало полкъ версты на три. Дойдя, наконецъ, до д. Карахасана, Вознесенскій полкъ расположился бивуакомъ на ночлегъ.

29-го іюня, часовъ въ семь утра, полкъ снялся съ бивуака и тронулся по направленію къ д. Церковнѣ. Дорога къ послѣдней лежала на Бей-Вербовку, мимо деревни Чаиркіой, оставляя послѣднюю версты полторы вправо. Авангардъ уланскаго полка, состоявшій изъ 4-го эскадрона, ушелъ версты за двѣ впередъ. Не доходя до деревни Чаиркіой, передовые уланы увидѣли толпу болгаръ, которые бросились на встрѣчу уланамъ съ криками: „турки! турки!“ . Полковникъ Ушаковъ, бывшій при авангардѣ, пошелъ съ 4-мъ эскадрономъ на рысяхъ впередъ и при поворотѣ дороги увидѣлъ деревню Чаиркіой, а за нею — массу конныхъ и пѣшихъ людей и громадный обозъ, уходившій влѣво отъ деревни.

Это былъ тотъ самый обозъ изъ 2,000 повозокъ, съ которымъ имѣлъ безуспѣшное дѣло нака-

Его Императорское Высочество Великий Князь

ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Командиръ 12-го армейскаго корпуса.

пунѣ ночью изъ передоваго отряда сборный эскадронъ подполковника Бѣлгородова, у д. Кадыйкой. Обозъ шелъ теперь чрезъ д. Чаиркой на Водипу.

Здѣсь въ теченіе почти цѣлаго дня уланы съ необыкновеннымъ упорствомъ нѣсколько разъ оставали турокъ, дѣйствовавшихъ на мѣстности весьма неудобной для кавалеріи. Ожесточенный бой продолжался почти до вечера.

Становилось уже поздно; до сумерекъ оставалось часа полтора въ продолженіе, которыхъ трудно было рассчитывать сдѣлать что нибудь существенное; подкрѣпленій никакихъ не прибывало, и полковой командиръ распорядился, наконецъ, сборомъ всего полка и окончательною перевязкою раненныхъ. Располагаться здѣсь же бивуакомъ на ночь, въ ста саженьяхъ отъ турокъ, у самой деревни, которая могла быть ими занята, — было неудобно, и потому рѣшено было отойти версты за три, на прежній ночлегъ у Карахасана. Полкъ собрался было и уже выстроился, какъ вдругъ версты за три по дорогѣ изъ Копровицы показалась быстро двигавшаяся часть, и прискакавшій впередъ штабъ-ротмистръ Григорьевъ объявилъ, что генераль Леоновъ, по приказанію князя Манвелова, ведетъ изъ Калпровицы еще 1-й и 4-й эскадроны Лубенскихъ гусаръ, а главное — два орудія донской № 9-й батареи.

Полкъ остановился, и черезъ десять минутъ генераль Леоновъ на рысяхъ провелъ два орудія на позицію противъ роши. По первому же выстрѣлу все, что было съ обозомъ, бросилось бѣжать; по второму роша была окончательно очищена, такъ что двинувшимся впередъ двумъ эскадронамъ Лубенскихъ гусаръ не пришлось уже никого встрѣтить, и они безпрепятственно дошли до слѣдующей деревни Карабунаръ и заняли впереди нея на ночь аванпосты.

Такимъ образомъ, бой у Чаиркой продолжался съ восьми часовъ утра до пяти часовъ вечера. При этомъ уланы потеряли убитыми — одного офицера и пять нижнихъ чиновъ, ранеными — одного офицера и шестнадцать нижнихъ чиновъ. Потери турокъ были гораздо значительнѣе: лишь на мѣстѣ было найдено до 50 непріятельскихъ тѣлъ.

Трофеями уланъ были: 15 плѣнныхъ, около 1000 повозокъ и тысячь пять скота. Но уланамъ было въ этотъ разъ не до трофеевъ: они ужаснулись когда,

увидѣли тѣла своихъ павшихъ товарищей, которыхъ теперь только по обрывкамъ мундира и бѣлья можно было признать за своихъ. Всѣми искренно любимыи штабъ-ротмистръ Литвиновъ лежалъ раздѣтый почти до нага, съ обезображеннымъ лицомъ, съ головою, державшеюся у плечъ только на кусочкѣ кожи; все тѣло, и ноги, и руки, были разсѣчены страшными ударами топора... Его узнали только по клочкамъ бѣлья и по бѣлизнѣ тѣла. Полковника же Ушакова, съ двумя уланами, отрѣзанными еще утромъ отъ остальнаго отряда, совсѣмъ не нашли на мѣстѣ боя, и ихъ сочли уже пропавшими безъ вѣсти, т. е. попавшими въ руки турокъ, о чемъ и была послана Главнокомандующимъ телеграмма въ Петербургъ. Спустя сутки, явился, однако, въ Коприцу, въ штабъ дивизіи, и полковникъ Ушаковъ, тяжело раненный и крайне измученный, въ сопровожденіи двухъ своихъ вѣрныхъ уланъ... Всѣ они спаслись, благодаря только мужеству и привязанности русскаго солдата къ своему офицеру.

Между тѣмъ, къ въ д. Чаиркой, въ ночь на 30-е іюня, подошли еще два батальона (1-й и 3-й) Тираспольскаго полка (33-й пѣхотной дивизіи). Батальоны эти, подъ начальствомъ командира полка, полковника Власенко, были направлены изъ Бѣлы для очистки отъ вооруженныхъ жителей лѣса на правомъ берегу Янтры; но во время слѣдованія они получили приказаніе идти на поддержку къ д. Чаиркой, но, придя туда, нашли, что дѣло уже кончилось. На другой день, 30-го іюня, полковникъ Власенко съ разсвѣтомъ двинулся въ лѣсъ, по направленію къ д. Окчляръ. Находившіеся тамъ вооруженные жители открыли огонь по нашимъ войскамъ, но послѣ двухчасоваго упорнаго боя бѣжали и разсѣялись въ чащѣ лѣса. Полковникъ Власенко на другой день двинулся обратно въ г. Бѣлу.

Между тѣмъ Вознесенскій полкъ еще 30-го іюня утромъ, предоставивши Тираспольцамъ и Лубенскимъ гусарамъ управляться съ отбитымъ у Чаиркой обозомъ и не уклоняясь отъ своего первоначальнаго назначенія, двинулся въ д. Церковну, гдѣ провелъ весь этотъ день и ночь, а на слѣдующее утро, 1-го іюля, прибылъ въ Калпривицу, на присоединеніе къ штабу своей дивизіи. Полкъ былъ встрѣченъ здѣсь самимъ начальникомъ дивизіи, княземъ Манвело-

вымъ, который горячо благодарилъ полкового командира и отдѣльно каждый эскадронъ и офицеровъ за упорно веденное цѣлый день молодецкое дѣло.

Со времени переправы черезъ Дунай это было первое изъ наиболѣе серьезныхъ дѣлъ. Вознесенскій полкъ выдержалъ упорный бой противъ 2,500 человекъ турецкой пѣхоты*), не считая жителей и всякаго сброда, съ которыми, однако, нужно было считаться. Чаиркюйское дѣло принесло пользу въ томъ отношеніи, что навело на турокъ и ихъ партизановъ сильный страхъ, заставившій ихъ тотчасъ же отойти къ самому Османъ-Базару и Разграду.

Прежде чѣмъ вернуться къ операціямъ Руцукскаго отряда, скажемъ еще нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ въ районы средняго и верхняго теченія р. Янтры.

30-го іюня, какъ извѣстно, передовой отрядъ генерала Гурко выступилъ изъ Тырнова къ Ханкюйскому проходу, на Присово и Плаково. Въ Тырновѣ, однако, были оставлены двѣ дружины болгарскаго ополченія и Кіевскій гусарскій полкъ, съ тѣмъ чтобы до прибытія войскъ 8-го корпуса прикрывать доступъ къ городу со стороны Османъ-Базара, по минованіи же въ этомъ надобности тотчасъ же присоединиться къ передовому отряду. Дѣйствительно, въ тотъ же день, 30-го іюня, въ Тырновъ прибыли головная часть 8-го корпуса—9-я пѣхотная дивизія князя Святополькъ-Мирскаго—и главная квартира Е. В. Главнокомандующаго.

Съ этого времени охраненіе окрестностей г. Тырнова, а слѣдовательно и участка р. Янтры противъ Османъ-Базара, было возложено на войска 9-й пѣхотной дивизіи.

Кромѣ того, 13-я кавалерійская дивизія, переправившаяся черезъ Дунай 28-го іюня, была направлена, 30-го іюня, также въ окрестности Тырнова, къ сторонѣ Османъ-Базара и далѣе, въ сторону Елены.

*) Судя по турецкимъ источникамъ, въ этомъ дѣлѣ, со стороны турокъ, принимали участіе тѣ шесть таборовъ, которые были двинуты ими изъ Османъ-Базара на поддержку пяти таборовъ въ Тырновъ; встрѣтивъ послѣднихъ уже отступающими изъ Тырнова, они и задумали выместить неудачу на уланахъ.

1-го іюля началъ переправу черезъ Дунай 11-й корпусъ (11-я и 32-я пѣхотныя и 11-я кавалерійская дивизіи) генераль-адъютанта князя Шаховскаго; вслѣдъ затѣмъ 11-й армейскій корпусъ направился чрезъ Ивановцы и Поликраешти въ Раховицу и сталъ также впереди Тырнова, къ сторонѣ Османъ-Базара.

Въ то же время 4-й армейскій корпусъ, по переправѣ черезъ Дунай, былъ направленъ такъ, чтобы послѣдовательно подходившія бригады сосредоточивались у Бѣлы, такъ какъ имѣлось въ виду продолженіе наступленія Руцукскаго отряда на Руцукъ.

Въ виду передвиженія въ окрестности Тырнова 11-го корпуса и въ виду совершившагося уже перехода черезъ Балканы передоваго отряда генерала Гурко, 9-я пѣхотная дивизія была двинута, 3-го іюля, изъ Тырнова въ Балканскіе проходы, для прочнаго занятія ихъ; взамѣнъ-же 9-й дивизіи въ ближайшія окрестности Тырнова была направлена 14-я пѣхотная дивизія (8-го корпуса).

Такимъ образомъ, въ началѣ іюля Тырновскій отрядъ состоялъ изъ двухъ дивизій 11-го армейскаго корпуса съ 11-ю и 13-ю кавалерійскими дивизіями и 14-й пѣхотной дивизіи.

Къ 5-му іюля авангардъ Тырновскаго отряда, состоявшій изъ 13-й кавалерійской дивизіи, занялъ уже слѣдующее расположеніе за р. Янтрою, противъ Османъ-Базара: въ д. Чаиркюй для связи съ кавалерією Руцукскаго отряда, сталъ эскадронъ уланскаго Владимірскаго полка; остальные эскадроны уланскаго Владимірскаго полка, а также полки гусарскій Нарвскій и № 13-го Донской казачій заняли линію дд.: Мансура, Джумалкюй и Хедеркюй.

13-й-же драгунскій Военнаго Ордена полкъ выдвинулся далѣе къ югу и 5-го іюля занялъ гг. Златарицу и Елену, а 6-го іюля, послѣ незначительной стычки съ башибузуками, взялъ г. Беброво, откуда и началъ свои дѣйствія къ Статорѣкѣ и перевалу Твардицѣ, гдѣ преимущественно кишѣли башибузуки.

Вернемся теперь къ Руцукскому отряду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Начало операцій Руцукскаго отряда.—Предположеніе о дѣйствіяхъ противъ Руцуна.—Движеніе къ рѣкѣ Ломъ.—Реногносцировка.—Дѣло у Пиргоса и Писанцы.—Измѣненіе плана дѣйствій.

29-го іюня окончилось сосредоточеніе отряда на р. Янтрѣ: 12-я пѣхотная дивизія занимала бригадою нижнюю Янтру между Кривной и Вельчовымъ, имѣя другую бригаду въ резервѣ у Беберлика; 33-я пѣхотная дивизія—у м. Бѣлы, выславъ Херсонскій полкъ въ авангардъ въ Обретеникъ; 35-я пѣхотная дивизія побригадно у м. Бѣлы и у Косова; 1-я пѣхотная дивизія, въ видѣ общаго резерва, въ Павло, гдѣ была главная квартира Цесаревича и отрядный штабъ. 12-й кавалерійской дивизіи два полка были при авангардѣ въ д. Обретеникъ, а другіе два полка освѣщали мѣстность къ сторонѣ Руцука и Разграда; 8-я кавалерійская дивизія освѣщала мѣстность къ сторонѣ Разграда и Османъ-Базара и держала связь съ кавалерією тырновскаго отряда. Кавалерія очистила отъ вооруженныхъ жителей все пространство между Янтрою, Ломомъ и Кара-Ломомъ до дороги изъ Шумлы въ Тырново.

Пока происходило сосредоточеніе пѣхоты Руцукскаго отряда на рѣкѣ Янтрѣ, полки 12-й кавалерійской дивизіи простояли нѣсколько дней почти безъ движенія на бивуакахъ у дд. Ватинцы, Обретеника и Али-Абланово, поэтому успѣли уже потерять изъ вида отступившаго, послѣ дѣла при Обретеникѣ, непріятеля.

Вслѣдствіе этого, какъ только окончилось сосредоточеніе отряда, отъ Стародубовскаго драгунскаго полка изъ Обретеника былъ посланъ, 1-го іюля, дальній развѣздъ, въ составѣ одного эскадрона, подъ начальствомъ майора Канукова, для развѣдки мѣстности и непріятеля, къ сторонѣ Руцука и къ берегамъ Лома. Развѣдка эта, по смѣлости предпріятія, точности и полнотѣ добытыхъ свѣдѣній и осторожности исполненія, можетъ считаться образцовою.

Съ разсвѣтомъ 1-го іюня, выйдя за цѣпь аванпостовъ и выславъ во все стороны развѣзды, майоръ Кануковъ съ эскадрономъ прошелъ до Лома. Здѣсь онъ увидалъ, на правомъ берегу Лома, близъ д. Кадкюйа непріятельскіе посты и позави от-

дѣльные отряды; далѣе замѣтно было движеніе войскъ по направленію отъ Руцука къ Шумлѣ.

Тоже самое подтверждалось и развѣдками, произведенными послѣ 29-го іюня частями 8-й кавалерійской дивизіи изъ Копривицы. Отсюда былъ выдвинутъ 8-й казачій полкъ въ направленіи на Кара-Ломъ, между Кацелово и Палкюемъ. Наступленіе этихъ частей было принято турками за движеніе къ Разграду, и это заставило ихъ выдвинуть пѣхоту, которая и оттѣснила казаковъ отъ Кацелова на Синанкюй. Для поддержки 8-й кавалерійской дивизіи, съ цѣлью дать возможность оттѣсненному казачьему полку снова занять прежнее расположеніе по Кара-Лому, 4-го іюля, одинъ полкъ 35-й пѣхотной дивизіи былъ направленъ въ Синанкюй.

Въ тотъ же день, 4-го іюля, генераль Леоновъ (командиръ 1-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи), узнавши, что у д. Хайдаркюй также появилось скопище турецкихъ войскъ, направился туда изъ Копривицы чрезъ Церковну и Ковачицу, съ Вознесенскимъ уланскимъ и Лубенскимъ гусарскимъ полками, при 15-й конной батарее. Въ тотъ же день этими частями были разогнаны шайки черкесовъ у Поломарцы и Палкюя; но, встрѣтивъ у Хайдаркюйа новыя толпы черкесовъ, генераль Леоновъ, по причинѣ поздняго времени, отошелъ нѣсколько верстъ назадъ отъ Палкюя и расположился на ночлегъ. На другой денг, 5-го іюля, генераль Леоновъ продолжалъ реогносцировку съ обоими полками и съ батареею. Дойдя до д. Попкюя, онъ остановилъ отрядъ къ сѣверу отъ этой деревни, выславъ 1-й эскадронъ Лубенскихъ гусаръ и 4-й эскадронъ Вознесенскихъ уланъ, подъ командою начальника штаба 8-й кавалерійской дивизіи, полковника барона Каульбарса, для осмотра р. Кара-Ломъ. Эти два эскадрона встрѣтили у дер. Хайдаркюйа непріятельскую г пулярную кавалерію, поддержанную пѣхотою и горною батареею и скопищемъ черкесовъ и башибузуковъ до 1,200 человекъ. Прикрывшись цѣпью наѣздниковъ, наши

эскадроны продолжали наступление и передь самою деревнею кинулись въ атаку на противника и врубались въ его ряды. Но тутъ они попали подъ огонь пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, занимавшихъ деревню и противоположный берегъ р. Кара-Ломъ. Собравшись за деревнею, кавалерія наша произвела еще двѣ успѣшныя атаки, а первые выстрѣлы 15-й конной батареи, прибывшей на мѣсто боя съ остальными двумя эскадронами уланъ, совершенно разсѣяли противника и подбили у него два орудія. Наступившія сумерки прекратили бой. Гусары потеряли убитыми пять нижнихъ чиновъ и ранеными пять офицеровъ и 13 нижнихъ чиновъ. Въ уланскомъ эскадронѣ вся потеря состояла изъ трехъ раненыхъ лошадей.

На югъ развѣзды 8-й дивизіи доходили до Мансуръ и Кизилъяра, а въ Чаиркюѣ входили въ связь съ 13-ю кавалерійскою дивизіею, прикрывавшею тырновскій отрядъ со стороны Ески-Джумы.

Такимъ образомъ, къ 5-му іюля кавалерія Руцукскаго отряда очистила отъ непріятеля все пространство между Янтрою, Ломомъ и Кара-Ломомъ до дороги изъ Шумлы въ Тырново. Турецкая пѣхота, дотолѣ расположенная на лѣвомъ берегу Лома, отошла на правый берегъ этой рѣки и сосредоточилась у Кадывіоя, имѣя тамъ главную квартиру. По донесеніямъ командира Стародубовскаго драгунскаго полка, въ окрестностяхъ Кадывіоя находилось до 40,000 непріятельскихъ войскъ. Все это, какъ мы уже говорили выше, указывало на отступление турокъ отъ Руцука въ направленіи къ Разграду.

Въ Руцукѣ въ то время почти не оставалось войскъ; къ тому же паника, произведенная быстрымъ нашимъ наступленіемъ, послѣ перехода черезъ Дунай, была такъ велика, что это, быть можетъ, было единственное во всю кампанію время, когда занятіе Руцука открытою силою представлялось предпріятіемъ возможнымъ и съ шансомъ на успѣхъ.

Но, къ сожалѣнію, Руцукскій отрядъ въ самомъ началѣ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ движеніи, и осада крѣпости Руцука не могла въ этотъ разъ состояться, такъ какъ все наше вниманіе въ то время было обращено на партизанскій набѣгъ за Балканы.

Пока войска Руцукскаго отряда еще сосредоточивались на р. Янтрѣ, Цесаревичъ получилъ письмо отъ начальника полевого штаба отъ 27-го іюня, въ которомъ, по порученію Его Высочества Главнокомандующаго, сообщалось, что Великій Князь, „не желая вдаваться въ осаду крѣпости, а въ то же время какъ можно быстрѣе занять проходы и появиться за Балканами, куда направить при первой возможности большую часть арміи, рѣшилъ, чтобы отрядъ, ввѣренный Цесаревичу, не шелъ на Руцукъ, а только издали наблюдалъ за нимъ, оставаясь на р. Янтрѣ въ такомъ положеніи, чтобы имѣть возможность, при наступленіи непріятеля изъ Руцука, атаковать его въ открытомъ полѣ, а въ случаѣ движенія въ значительно превосходныхъ силахъ—встрѣтить его въ избранной и укрѣпленной позиціи и выждать прибытія подкрѣпленій, которыя Великій Князь направитъ при первой въ томъ надобности“.

Спустя недѣлю послѣ того, 5-го іюля, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ было получено отъ Его Высочества Главнокомандующаго слѣдующее письмо отъ 4-го іюля изъ Тырнова:

„Ваше Императорское Высочество. Еще до взятія Никополя, въ виду придвиженія въ окрестности Тырнова 11-го армейскаго корпуса, Я рѣшилъ, во-первыхъ, выдвинуть 9-ю пѣхотную дивизію на Балканскіе проходы, прочно стать на нихъ и немедленно приступить къ разработкѣ пути; во-вторыхъ, произвести выдвигеніе лѣваго фланга арміи впередъ, чтобы завладѣть большимъ пространствомъ, лучше изяснить положеніе противника и его передвиженія.

„На основаніи этого, Я рѣшаю, чтобы ввѣренный Вамъ отрядъ выдвинулся впередъ отъ р. Янтры ближе къ Руцукѣ, до линіи рѣки Лома, правымъ флангомъ до Кацелево, и, если возможно, выдвинуть авангардъ и кавалерію за р. Ломъ.

„Въ этомъ положеніи ввѣренный Вашему Императорскому Высочеству отрядъ будетъ имѣть подъ ближайшимъ наблюденіемъ руцукскій гарнизонъ, удобнѣе можетъ слѣдить за всѣми его передвиженіями и движеніями могущихъ къ нему направиться подкрѣпленій, скорѣе откроетъ движеніе арміи изъ Шумлы, если бы она двинулась или противъ Вашего Высочества, или противъ Тырнова; наконецъ

будетъ готовъ быстро начать обложеніе и осаду Руцука, если бы того потребовали обстоятельства.

„Для свѣдѣнія Вашего Высочества сообщаю, что взаимнѣ 9-й пѣхотной дивизіи въ ближайшія окрестности Тырнова направлена 14-я пѣхотная дивизія, что 11-й армейскій корпусъ направляется изъ Ивановцы черезъ Поликраешти въ Раховицы, станеть впереди Тырнова и будетъ готовъ встрѣтить армію турокъ, если бы она двинулась къ Тырнову черезъ Османъ-Базаръ, или идти на помощь Вашему Императорскому Высочеству по дорогѣ на Разградъ.

„4-й армейскій корпусъ направленъ такъ, чтобы послѣдовательно подходящія бригады сосредоточивались у Бѣлы.

„Указанное движеніе отряда Я желаю, чтобы началось 6-го іюля. Исполняя это, Ваше Императорское Высочество, черезъ начальника инженеровъ арміи, примете всѣ мѣры къ тому, чтобы осадная артиллерія прибыла къ отряду какъ можно скорѣе и была бы въ состояніи, по первому приказанію, начать осаду Руцука.

„О распоряженіяхъ Вашихъ Я прошу увѣдомить Меня въ возможной скорости.

„Извѣстія о взятіи Никополя еще болѣе побуждаютъ Меня приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ“.

Такимъ образомъ, осада крѣпости Руцука вновь имѣлась въ виду, но Руцукскій отрядъ для этого долженъ былъ ждать особаго приказанія изъ главной квартиры.

Во исполненіе приказаній, изложенныхъ въ вышеприведенной письмѣ Главнокомандующаго, 5-го іюля было отдано начальникомъ Руцукскаго отряда приказаніе, коимъ предписывалось 6-го іюля произвести слѣдующія передвиженія:

Авангардъ, подъ начальствомъ начальника 12-й кавалерійской дивизіи, генерала-лейтенанта барона Дризена: 1-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи, 1-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи, двѣ батареи 33-й артиллерійской бригады, 19-я конно-артиллерійская батарея, долженъ собраться на высотѣ Ханъ-Гюль-Чесме, охраняя себя въ направленіи къ Пиргосу и Юванъ-Чифтликѣ кавалерійскими частями.

Главныя силы, подъ начальствомъ Его Им-

ператорскаго Высочества командира 12-го корпуса: 12-я пѣхотная дивизія, 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи, 35-я пѣхотная дивизія, четыре батареи 33-й артиллерійской бригады, 35-я артиллерійская бригада, корпусная артиллерія 12-го корпуса и парки—передвинуты съ р. Янтры и расположиться: 12-я пѣхотная дивизія между дд. Батинъ, Али-Абланово и Кара-Каджали; 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи на высотахъ къ сѣверо-востоку отъ д. Домогилы; 2-я бригада 35-й дивизіи въ дд. Бузовчи и Синанкюй, а 1-я бригада, въ видѣ резерва, у д. Монастырь; штабу 12-го корпуса въ д. Обретениѣ.

Общій резервъ, подъ начальствомъ командира, 13-го корпуса генералъ-лейтенанта Гана: 1-я пѣхотная дивизія, корпусная артиллерія 13-го корпуса и скорострѣльная батарея—расположиться въ Бѣлѣ.

Въ виду того, что, при движеніи впередъ, кавалеріи отряда предстояло выполнить самостоятельныя задачи, требующія полной связи дѣйствій всѣхъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ частей, что, въ свою очередь, обусловливается единствомъ командованія, тѣмъ же приказаніемъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи, за исключеніемъ кавалеріи авангарда, а также казачьихъ частей, состоявшихъ при отрядномъ и корпусныхъ штабахъ. Всего въ составъ кавалеріи графа Воронцова-Дашкова поступило: 12 эскадроновъ, 11 сотенъ и двѣ конныхъ батареи.

6-го іюля войска заняли мѣста, назначенныя имъ вышеприведеннымъ приказаніемъ.

Такъ какъ имѣлось въ виду въ слѣдующіе дни продолжать наступленіе Руцукскаго отряда, то надлежало собрать свѣдѣнія о дорогахъ, по которымъ войскамъ приходилось двигаться. Вслѣдствіе этого, 7-го іюля, были назначены рекогносцировки отъ штабовъ 12-й и 35-й пѣхотныхъ дивизій, причемъ были обрекогносцированы дороги отъ д. Мечки къ д. Пиргосу, а также окрестности этой послѣдней деревни и пространство, лежащее вправо по направленію къ дд. Пепелене и Широко, и отъ Кацелево къ Нисову, окрестности послѣдней и лежащія въ сѣверу отъ нея высоты Соленикскяго ручья и Акъ-Лома.

Независимо отъ сего, состоящему для порученій

при Его Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ генеральнаго штаба полковнику Левицкому было предписано произвести рекогносцировку р. Лома между дд. Красной и Иванъ-Чифтликѡмъ, для приведенія въ достовѣрность свѣдѣній о непріятелѣ, сосредоточенномъ у Кадькюя, такъ какъ начальникъ авангарда, находящагося у Ханъ-Гюль-Чесме, баронъ Дризень, доносилъ, что силы противника у Кадькюя значительно уменьшились.

Полковникъ Левицкій, прибывъ въ Ханъ-Гюль-Чесме, взялъ изъ авангарда 2-й эскадронъ Стародубовскаго полка и 3-ю роту 1-го батальона Херсонскаго полка и выступилъ съ ними къ Іованъ-Чифтлику, гдѣ выѣхалъ за линію нашихъ аванпостовъ. Эта рекогносцировка не обошлась безъ горячаго боя, стоившаго намъ потерь. Въ схваткѣ было убито шесть человекъ и два ранено, но зато и не мало черкесовъ пало подъ тяжелыми ударами драгуновъ. Въ 3-й Херсонской ротѣ было убито семь человекъ и 12 ранено. Всего мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 27 человекъ нижнихъ чиновъ. Смѣлою атакою драгуны заставили черкесовъ отойти назадъ и уступить намъ высоты у Иванъ-Чифтлика.

Когда нашъ отрядъ показался на высотахъ противъ Иванъ-Чифтлика, дежурная часть отъ нашего авангарда—два эскадрона Бѣлгородскихъ уланъ, при ввѣдѣ конной артиллеріи, прискакали на выстрѣлъ. Съ появленіемъ уланъ, черкесы быстро убѣжали, потерявъ болѣе 50 человекъ убитыми; черкесы отступили такъ быстро, что, противъ своего обыкновенія, не успѣли даже подобрать многихъ изъ своихъ павшихъ товарищей.

Херсонская рота и драгуны, перекинувъ черезъ сѣдла своихъ убитыхъ и раненыхъ, вернулись на бивуакъ у Ханъ-Гюль-Чесме. Этою рекогносцировкой было обнаружено, что пути, ведущіе къ р. Лому, удобны и что между Красной и Иванъ-Чифтликѡмъ берега этой рѣки доступны лишь въ немногихъ мѣстахъ. Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, полученнымъ командиромъ драгунскаго полка отъ болгаръ, оказывалось, что въ Русукѣ насчитывается около 27,000 регулярныхъ войскъ, сильно деморализованныхъ и ожидавшихъ со страхомъ наступленія русскихъ; всю надежду они возлагали на черкесовъ, которые рыскали большими партіями въ

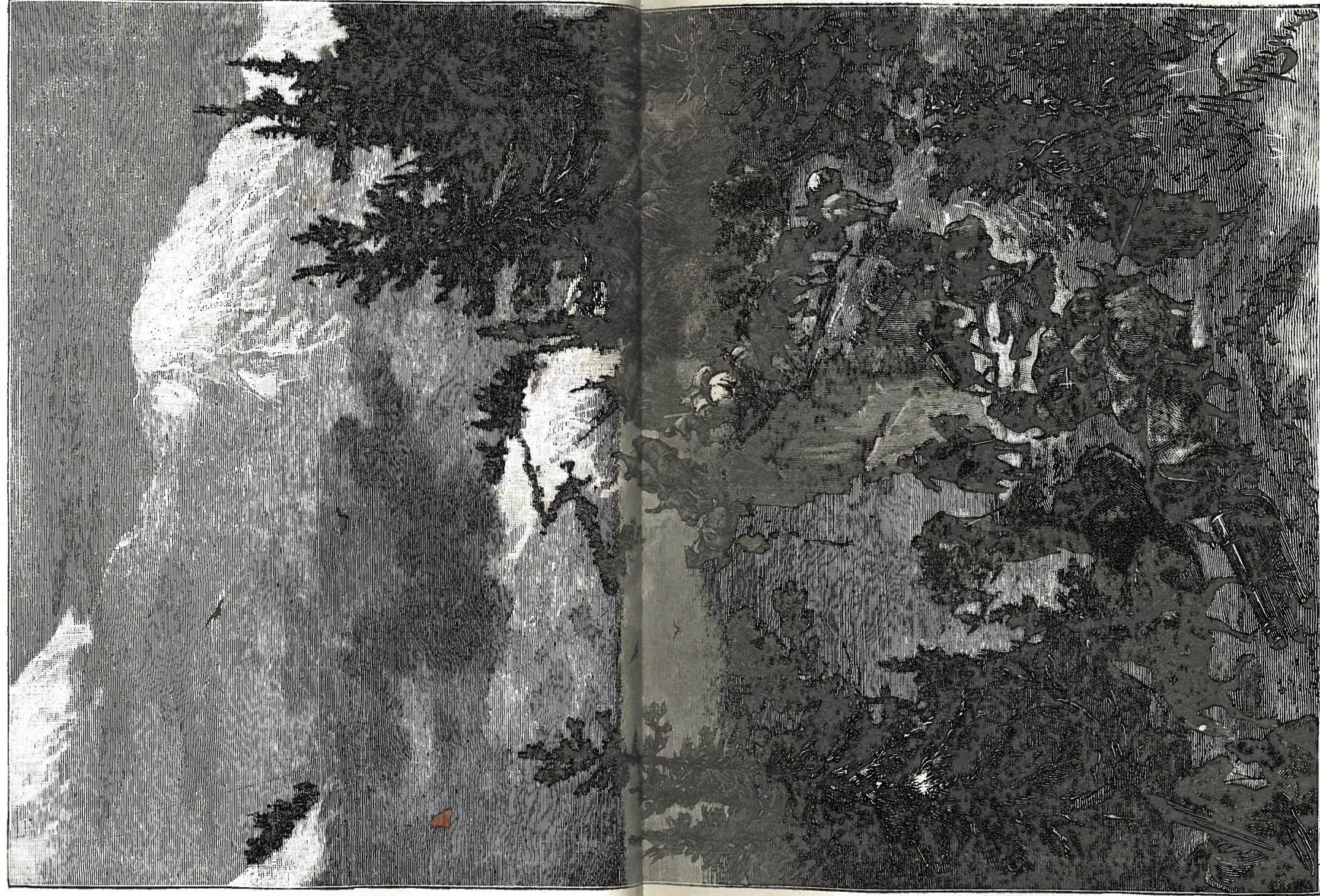
окрестностяхъ и имѣли назначеніемъ постоянно тревожить русскій отрядъ.

Въ этотъ же день, 7-го іюля, турки дѣлали нерѣшительныя попытки наступленія противъ Пиргоса и атаковали у Бушизмы правый флангъ нашей сторожевой линіи, состоявшій изъ одного эскадрона Стародубовскаго полка; при этомъ драгуны потеряли одного убитымъ и одного раненымъ; турки же, потерявъ около 100 человекъ, отошли за Ломъ.

Тогда же, 7-го іюля, вообще всѣ войска Русукскаго отряда продолжали наступленіе и заняли слѣдующее расположеніе: авангардъ оставался у Ханъ-Гюль-Чесме; главныя силы: 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи сосредоточилась у Мечки; 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи—при Трестеникѣ; 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи оставалась на позиціи у Дагомогилы; штабъ 12-го корпуса перешелъ въ Трестеникъ; 1-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи расположилась однимъ полкомъ на высотахъ рѣки Кара-Лома, между дд. Пепелене и Широко, другимъ полкомъ близъ д. Черницы; 2-я бригада заняла однимъ полкомъ д. Кацелево, а другимъ Кара-Вербовку; общій резервъ (1-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи) перешелъ въ д. Обертеникъ, куда перешелъ также и отрядный штабъ. 2-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи была поставлена въ конвоѣ Императорской главной квартиры въ д. Павло. Кавалерія, не состоявшая въ авангардѣ, выдвинулась къ Соленикскому ручью, причемъ 12-й гусарскій Ахтырскій полкъ расположился у дер. Соленикъ, донской казачій № 12-го полкъ у Нисова, откуда онъ поддерживалъ связь съ кавалеріею авангарда и высылалъ разъѣзды къ Бѣлому Лому. Къ сторонѣ Разграда и на югъ до Поламарцы освѣщали мѣстность полки 8-й кавалерійской дивизіи.

Вслѣдствіе описаннаго расположенія, кавалерія наша имѣла возможность зорко слѣдить за противникомъ и за его передвиженіями между Русукомъ и Разградомъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для дѣйствія на его сообщенія. Въ случаѣ надобности, она могла быть всегда подержана пѣхотными частями 35-й дивизіи.

Но, съ другой стороны, вслѣдствіе дальняго выдвигенія кавалеріи Русукскаго отряда, между нею и 13-ю кавалерійскою дивизіею оставался ненаблю-

Зимний переходъ черезъ Балканы у Шипки.

даемный промежутокъ между Поломарцы и Чаир-вюемъ; къ тому же было известно, что къ югу отъ дороги Тырново-Папкюй бродятъ шайки черкесовъ и вооруженныхъ жителей. Вслѣдствіе всего этого испрошено было распоряженіе полевого штаба, чтобы очистка означенной мѣстности была возложена на 13-ю кавалерійскую дивизію, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы эта дивизія также была выдвинута впередъ для большого удобства связи съ кавалерією Руцукскаго отряда.

6-го іюля войска Руцукскаго отряда сдѣлали еще переходъ впередъ; при этомъ 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи перешла изъ Домогилы въ д. Кошово, для поддержки авангарда, и расположилась вправо отъ руцукскаго шоссе на высотахъ лѣваго берега Лома, фронтомъ къ Кадыкюю. На ея мѣсто къ Домогилѣ была выдвинута 1-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи. Въ томъ предположеніи, что непріятель могъ атаковать нашъ авангардъ, велѣно было 12-й пѣхотной дивизіи и бригадѣ 33-й дивизіи у Кошова слѣдить за ходомъ дѣлъ въ авангардѣ и въ случаѣ надобности оказать ему полную поддержку. Кавалерія авангарда продвинулась на нѣсколько верстъ впередъ и заняла передовую цѣпью гребень высотъ впереди Пиргоса, отъ Дуная до Иванъ-Чифтлика на Ломѣ. Это былъ конечный пунктъ наступленія лѣваго фланга Руцукскаго отряда; къ 9-му іюля авангардъ остановился въ 12 верстахъ отъ Руцука. Идти далѣе, не осаждая крѣпости, не было возможности. Впереди, до самаго Руцука, разстилалась ровная и совершенно открытая мѣстность. Съ передовыхъ нашихъ постовъ ясно видѣлись отдѣльные форты Руцука—Левантъ-Табія, Ломъ-Табія и Эюбъ-Табія, которыми обнесена крѣпость съ южной и восточной сторонъ. Съ крайнихъ же нашихъ постовъ на Дунаѣ видѣнъ былъ и самый городъ.

Кавалерія праваго фланга Руцукскаго отряда, подъ начальствомъ графа Воронцова-Дашкова, 8-го же іюля, продвинулась къ р. Кара-Лому и заняла пространство до дороги изъ Шумлы въ Тырново.

2-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи перешла 8-го іюля съ Императорскою главною квартирою изъ Павло въ Бѣлу.

Развѣзды наши въ этотъ день доносили, что въ Садинѣ замѣчается незначительный непріятель-

скій отрядъ, а въ Спахиларѣ — остатки турецкаго отряда, потерпѣвшаго пораженіе 5-го іюля. Жители утверждали, что главная масса турецкихъ войскъ сосредоточивается въ Шумлѣ, имѣя авангарды къ сторонѣ Разграда и Тырнова. Подъ Рушукомъ, у станціи Червеноводы, до которой будто еще доходили поѣзды изъ Шумлы, стоялъ отрядъ; другой отрядъ, изъ семи таборовъ, занималъ виноградники у Руцука. Около Кадыкюя и Бузина находился летучій отрядъ въ 7,000 человекъ. Изъ Басарбово и Кадыкюя войска послѣшно ушли къ Шумлѣ. Говорили также, что турецкія войска оттягиваются къ Эски-Джумѣ.

Съ приближеніемъ войскъ 12-го корпуса къ Руцуку, 8-го іюля, была предпринята рекогносцировка исправляющимъ должность начальника штаба Руцукскаго отряда, генераломъ Ванновскимъ, и его помощникомъ, генеральнаго штаба полковникомъ Дохтуровымъ. Осмотрѣвъ позиціи 12-го корпуса, генералъ Ванновскій сдѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи мѣстности земляными работами, затѣмъ проѣхалъ на аванпосты и, взявъ съ собою командира Стародубовскаго полка и четырехъ драгунъ, выѣхалъ съ ними за цѣпь на противоположный берегъ Лома, не занятый нашими аванпостами.

Изслѣдовавъ правый непріятельскій берегъ этой рѣки до Кошова, начальникъ штаба вернулся на позицію. Этою рекогносцировкой было обнаружено, что турецкія войска, занимавшія д. Кадыкюю, съ прибытіемъ передовыхъ частей нашей пѣхоты къ р. Лому, отошли отъ Кадыкюя подъ покровительство руцукскихъ фортовъ. У Руцука были усмотрѣны четыре большихъ лагеря, каждый приблизительно таборовъ на 8 или на 10.

9-го іюля, изъ Соленикъ былъ выдвинутъ 1-й эскадронъ Вознесенскихъ уланъ въ Турлакѣ, для наблюденія на шоссе изъ Руцука въ Разградъ и вообще за мѣстностью на нашемъ правомъ флангѣ. Въ то же время 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи продвинулась изъ Мечки на позицію впереди Пиргоса, фронтомъ къ Руцуку, входя въ связь со 2-ю бригадою той же дивизіи, расположившеюся у Ханъ-Гюль-Чесмѣ и установившей связь со 2-ю бригадою 33-й пѣхотной дивизіи, занимавшей д. Кошово. Авангардъ остановился на высотахъ лѣваго берега Лома, между Красною и Бушизмой.

остальные части остались на прежних позициях. Авангарду велено было держать сторожевую цепь от пехоты в виду пересеченности местности, а также для облегчения службы кавалерии, утомленной предшествовавшими действиями. От кавалерии должны были лишь высылаться вперед разведки.

В виду предполагаемого дальнейшего наступления отряда правым флангом за р. Ломъ, с целью обложения Рущука, в тот же день, 9-го июля, под личным наблюдением корпусного командира, Великого Князя Владимира Александровича, была произведена чрезвычайно смелая рекогносцировка. Из с. Трстеника за р. Ломъ, к деревне Кадыкюю, лежащей в пяти верстах от Ивань-Чифтлига и в 14 от Рущука; вместе с тем предполагено было сделать набег на рущукско-варшавскую желѣзную дорогу, проходящую в 6-ти верстах за д. Кадыкюемъ.

Селение Кадыкюю, по своему положению, представляло весьма важный в стратегическом отношении пунктъ, впоследствии сильно укрепленный турками, так как онъ прикрывал разградское шоссе и желѣзную дорогу из Рущука в Шумлу. Поэтому целью вышеупомянутой рекогносцировки было: разведать местность, на которой придется действовать впоследствии узнать о силах неприятеля, сосредоточенных в окрестностях Рущука, и прервать сообщение по желѣзной дорогѣ, по которой, как было известно изъ предвидущихъ разведокъ, неприятель отправлялъ большія силы изъ Рущука в Шумлу.

Нашъ рекогносцировочный отрядъ составленъ былъ изъ трехъ (1-й, 4-й и 6-й) сотенъ 37-го казачьяго полка, двухъ казачьихъ конныхъ орудій и 2-го батальона Бендерскаго полка. Съ отрядомъ изволилъ слѣдовать самъ корпусный командиръ, Великий Князь Владимиръ Александровичъ, в сопровожденіи своей свиты. Цель рекогносцировки была вполне достигнута, и съ наступленіемъ темноты отрядъ нашъ возвратился в Трстеникъ, привезя съ собою плѣнныхъ, захваченныхъ в Кадыкюю.

На слѣдующій день, 10-го июля, вечеромъ, начальникъ авангарда, баронъ Дризенъ, выслалъ одинъ эскадронъ Стародубовскихъ драгунъ и одинъ эскадронъ Бѣлгородскихъ уланъ, подъ командою

начальника штаба 12-й кавалерійской дивизіи полковника Штриха, для обозрѣнія мѣстности по направленію къ Рущуку между Дунаемъ и рущукскимъ шоссе. Эта рекогносцировка послужила поводомъ для перехода турокъ въ наступленіе и противъ Пиргоса, вслѣдствіе чего, вечеромъ 10-го июля, разыгралось серьезное дѣло в Рущукскомъ отрядѣ.

Позиція у Пиргоса была наканунѣ занята, продвинувшись изъ Мечки 1-ю бригадою 12-й пѣхотной дивизіи (полками Азовскимъ и Днѣпровскимъ) съ 1-ю и 4-ю батареями 12-й артиллерійской бригады. Позиція была выбрана на рядѣ высотъ, лежащихъ в 2 1/2 верстахъ южнѣ Дуная и на 1 1/2 версты къ востоку отъ с. Пиргоса; высоты эти круто спускались къ сторонѣ противника и отдѣлялись глубокою долиною отъ высотъ противоположныхъ, по которымъ, почти параллельно позиціи, тянулось рущукско-бѣльское шоссе.

Выгоды этой позиціи заключались в хорошемъ обстрѣлѣ впереди лежащей мѣстности, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ огнемъ. Подъ выстрѣлами артиллеріи находились противоположные скаты, по которымъ долженъ былъ спускаться неприятель, в случаѣ его наступленія, а частью и рущукское шоссе. Главный недостатокъ позиціи состоялъ в томъ, что лѣвый флангъ ея подверженъ былъ обходу по берегу Дуная.

Войска расположились на этой позиціи тотчасъ же по приходѣ своемъ изъ Мечки, вечеромъ 9-го июля, причемъ немедленно же было приступлено къ устройству закрытій и прежде всего ложементовъ для батарей, что продолжалось и на слѣдующій день съ раннего утра. В то же время выставлены были впередъ сторожевые посты съ достаточными поддержками; дежурныя же части были выдвинуты на линію орудій, занявшихъ уже съ вечера свою боевую позицію, такъ какъ на соседнихъ высотахъ видѣлись передовые посты неприятеля, о положеніи и силахъ котораго ничего не было известно за неимѣніемъ при бригадѣ кавалерійскихъ частей.

Ночь съ 9-го на 10-е июля прошла спокойно, о противникѣ не получалось никакихъ извѣстій; только около полудня 10-го июля на передовыхъ неприятельскихъ постахъ показались новыя группы

людей пѣшихъ и конныхъ (вѣроятно изъ начальствующихъ лицъ, обозрѣвавшихъ нашу позицію). Но около 4-хъ часовъ по-полудни со сторожевыхъ постовъ дали знать, что съ противоположныхъ высотъ спускается неприятельская конница, силою в нѣсколько эскадроновъ, а на гребнѣ показывается пѣхота. Убѣдившись в этомъ лично, командиръ бригады, генераль-маіоръ Цитлядзевъ, приказалъ войскамъ принять боевое расположеніе, заранѣе уже определенное; а именно: в центрѣ, на командующей высотѣ, помѣстившись 1-я и 4-я батареи 12-й артиллерійской бригады (командиры батарей: 1-й — полковникъ Будде; 4-й — подполковникъ Ольшановскій); правѣ 4-й батареи, а частью впереди и подъ угломъ къ ней, заняли покатость Днѣпровцы, составлявшіе правый флангъ, подъ начальствомъ командира полка, полковника Будде; на лѣвомъ флангѣ (лѣвѣ 1-й батареи) расположились Азовцы, подъ командою полковника Невадовскаго; в общій резервъ отдѣлились шесть ротъ Днѣпровскаго полка и четыре роты Азовскаго, которому вообще приказывалось придвинуться къ лѣвому флангу, какъ къ слабѣйшему пункту, для противодействия покушенію противника охватить этотъ флангъ.

Дѣло началось открытіемъ огня съ 4-й батареи по спускавшейся турецкой кавалеріи, заставившей наши аванпосты отступить. Вслѣдъ затѣмъ открыла огонь и неприятельская батарея (шесть орудій) съ противоположнаго гребня. Вскорѣ къ первой неприятельской батарее прибавилась другая (четыре орудія) и, наконецъ, третья в два орудія, которыя и продолжали непрерывный и частый огонь до окончанія боя. Гранаты неприятельскія разрывались сначала позади позиціи, но потомъ, пристрѣлявшись, турецкія орудія стали осѣпять съ замѣчательною мѣткостью наши батареи, которыя, однако же, не понесли никакихъ потерь, благодаря заблаговременно устроеннымъ закрытіямъ. Съ нашей стороны неприятельскому огню могла быть противопоставлена только одна 9-ти-фунтовая батарея (13-я), ибо командиръ 4-й батареи (4-хъ-фунтовой), убѣдившись съ первыхъ выстрѣловъ, что снаряды ея по дальности разстоянія (1,500—2,000 сажень) не имѣютъ достаточной дѣйствительности, прекратилъ огонь, возобновляя его только,

когда показывалась пѣхота или кавалерія. Не смотря, однакоже, на то, два орудія неприятельской правофланговой батареи, выѣхавшей послѣднею на позицію, вскорѣ принуждены были замолчать.

В то время, какъ разыгрывался артиллерійскій бой в центрѣ, завязывалось дѣло и на другихъ пунктахъ позиціи.

На правомъ флангѣ, какъ только сдѣлалось несомнѣннымъ наступленіе противника, командиръ Днѣпровскаго полка выслалъ в боевую линію 3-й батальонъ, который занялъ позицію правѣ, а частью впереди 4-й батареи, укрыто на обращенной къ намъ покатости, имѣя передъ собою 1-ю роту. Между тѣмъ неприятельскія цепи, за которыми показывались мѣстами значительныя сомкнутыя части, частью спускались еще съ высотъ, а частью двигались уже по долинѣ, открывъ частый огонь по нашей позиціи. Предшествовавшая же сначала пѣхотѣ кавалерія, очистивъ фронтъ, скрылась изъ глазъ за мѣстными предметами. Съ приближеніемъ противника, цепь 1-й роты была усилена всею 3-ю стрѣлковою ротой и частью 10-й и съ своей стороны начала продвигаться внизъ по наружной покатости, пока не заняла на ней позиціи, съ которой обнаруживалась долина, по которой двигался неприятель; но при этомъ сама подставляла крайній свой лѣвый флангъ подъ продольный огонь части цепи противника, пока эта часть, огнемъ Азовцевъ, залегшихъ лѣвѣ 1-й батареи, не принуждена была податься назадъ. Частное это отступление, однакоже, не остановило наступленія турокъ, напротивъ того, вся остальная цепь ихъ, имѣя за собою сильныя поддержки и скрываемаая высокою кукурузою, покрывавшею здѣсь поле на большомъ разстояніи, продолжала понемногу подвигаться по долинѣ впередъ и насѣдать на нашу цепь, такъ что в нѣкоторыхъ мѣстахъ, подъ конецъ, турки уже находились не далѣе 100 шаговъ отъ нашихъ стрѣлковъ (нѣсколько же тѣлъ неприятельскихъ найдено всего шагахъ в 60-ти отъ нашей позиціи). Но здѣсь наступающіе были остановлены огнемъ днѣпровской цепи, твердо державшейся на занятой позиціи, не смотря на то, что в то же время начала имъ угрожать неприятельская кавалерія (до двухъ эскадроновъ), неожиданно выѣхавшая противъ нашего фланга

изъ-за густой и высокой кукурузы, за которою она была скрыта въ ложбинѣ, тогда какъ другія двѣ колонны, силою каждая около одного эскадрона, показались изъ-за гребня и быстро спускались въ лощину въ томъ же направленіи. Для отраженія этой кавалеріи немедленно вызвана была изъ частнаго резерва 1-я стрѣлковая рота, и въ то же время открыла по спускавшимся колоннамъ огонь 3-я батарея 12-й артиллерійской бригады подполковника Чулкова, находившаяся при 2-й бригадѣ 12-й пѣхотной дивизіи и прискакавшая такъ встать къ концу боя на выстрѣлы къ нашему правому флангу. Мѣткими выстрѣлами батарея эта заставила непріятельскія колонны рассыпаться и ускорить обратное за высоты; точно также вскорѣ бросилась назадъ и конница, встрѣченная въ лощинѣ огнемъ пѣхоты. Однакоже, появленіе кавалеріи задержало Днѣпровцевъ и помѣшало имъ во-время двинуться впередъ для перехода въ наступленіе, такъ какъ, пользуясь неожиданною помощью своей кавалеріи, непріятельская пѣхота, разстроенная нашимъ огнемъ, успѣла быстро отступить, чему благопріятствовали также закрытая мѣстность и наступавшія уже сумерки.

На лѣвомъ флангѣ нашего расположенія, съ наступленіемъ непріятеля, разсыпана была въ цѣпь 3-я стрѣлковая рота Азовскаго полка, бывшая въ то время дежурною; къ ней скоро присоединилась 7-я рота того же полка, а для поддержки ихъ выдвинулись въ боевую линію и остальные роты 2-го батальона, кромѣ караульной 6-й роты, которая вошла въ составъ общаго резерва бригады; 3-я и 10-я роты поставлены были у начала лощины, идущей параллельно позиціи сзади лѣваго фланга и куда непріятель могъ легко проникнуть со стороны Дуная; наконецъ, 1-я стрѣлковая и 12-я роты составляли частный полковой резервъ (9-я и 11-я роты оставались въ селеніи Новиградѣ для охраненія моста на рѣкѣ Янтрѣ).

Въ то время какъ непріятельская цѣпь, спустившись съ высотъ противъ нашего лѣваго фланга, завязала съ Азовцами перестрѣлку, отъ поста, выставленнаго для наблюденія за флангомъ, получено было извѣстіе, что два эскадрона кавалеріи скрытно направляются въ описанную выше лощину сзади лѣваго фланга. Тогда командиръ Азовскаго полка,

полковникъ Невадовскій, двинулъ противъ нихъ находившуюся у него подъ рукою въ полномъ резервѣ 1-ю стрѣлковую роту, которая, открывъ огонь, принудила вскорѣ кавалерію съ потерями обратиться назадъ. Затѣмъ сильный стрѣлковый огонь съ обѣихъ сторонъ на лѣвомъ флангѣ продолжался еще около двухъ часовъ; но между 6¹/₂ и 7 часами вечера непріятель, собравъ до четырехъ таборовъ, двинулъ ихъ впередъ на Азовцевъ, вслѣдствіе чего командиръ полка направилъ къ боевой линіи весь свой частный резервъ, а въ то же время и изъ общаго резерва двинуты были туда же 1-я и 2-я роты и приближены остальные роты. Но непріятель не выдержалъ направленного противъ него ружейнаго и артиллерійскаго огня и, не достигнувъ позиціи, остановился, а потомъ началъ отступать.

Такимъ образомъ, часамъ къ 8-ми вечера, турки были отбиты на всѣхъ пунктахъ и послѣшно отступили къ Лому. Только наступившая темнота не дозволила намъ преслѣдованіемъ довершить ихъ пораженіе.

Въ этомъ бою, со стороны непріятеля, участвовали, кромѣ кавалеріи, отъ 8 до 10 таборовъ и до 12 орудій. Это чисто-артиллерійское дѣло, продолжавшееся два часа, было ведено нами блистательно. Оно имѣло результатомъ то, что непріятель, оставивъ свой передовой лагерь, отступилъ къ самому Руцуку и совершенно очистилъ лежащій впереди нашей позиціи гребень высотъ, который въ ту же ночь заняли наши аванпосты. Съ нашей стороны потеря заключалась всего въ двухъ раненыхъ нижнихъ чинахъ. Столь малый уронъ объясняется устройствомъ хорошихъ закрытій для батарей, на которыя направлялся преимущественно и почти исключительно огонь непріятельскихъ орудій. Около нашихъ батарей вся земля была взрыта гранатами, не причинившими намъ вреда. Непріятель же, стоявшій открыто, понесъ чувствительный уронъ, о чемъ можно уже было судить по оставленнымъ имъ на мѣстѣ обломкамъ лафетовъ, колесъ и трупамъ лошадей; убитые же и раненые были имъ подобраны.

Одновременно съ боемъ у Ширгоса и рекогносцировкой, произведенною полковникомъ Штригомъ въ направленіи къ Руцуку, по сю сторону Лома,

была проведена также рекогносцировка къ Руцуку начальникомъ кавалеріи, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, по ту сторону р. Лома, при чемъ Ахтырскіе гусары и казаки доходили до Вѣтова, Лениджеси и Чресновода, испортивъ часть желѣзной дороги и телеграфа.

На другой день, 11-го іюля, со стороны нашей кавалеріи, расположившейся у Писанцы, не предполагалось никакого движенія, тѣмъ болѣе, что графъ Воронцовъ-Дашковъ уѣхалъ въ штабъ отряда, передавъ временно начальство командиру 8-й кавалерійской дивизіи, князю Манвелову. Но въ 4 часа по полудни разъѣзды донесли, что по руцукскому шоссе впереди дер. Бузинъ наступаютъ значительныя непріятельскія силы изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

По полученіи этого извѣстія, генералъ-лейтенантъ князь Манвеловъ съ первымъ и третьимъ эскадронами Ахтырскихъ гусаровъ, вторымъ и третьимъ эскадронами Вознесенскихъ улановъ, 6-ю сотнею донскаго казачьяго № 8-го полка и двумя орудіями донской казачьей № 9-го батареи направился со стороны Соленика, черезъ Пизанцу, на встрѣчу противнику. Батальону Зарайскаго полка съ четырьмя орудіями 15-й конной батареи было послано приказаніе спѣшить туда же.

Казачья цѣпь открыла противника въ двухъ верстахъ отъ Пизанцы. Цѣпь наша немедленно была поддержана однимъ эскадрономъ и одною сотнею по западную сторону шоссе и четырьмя эскадронами—по восточную.

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился 1-й эскадронъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Въ этомъ послѣднемъ эскадронѣ находился только что выпущенный изъ пажескаго корпуса корнетъ Воеводскій. Разъѣзжая передъ фронтомъ эскадрона, онъ увидѣлъ, шагахъ въ 400 впереди, небольшой курганчикъ, господствующій надъ всею окружающею мѣстностью. Желая осмотрѣть мѣстность и убѣдиться, наступаютъ ли уже турки, Воеводскій съ двумя рядовыми отправился къ кургану. Оставивъ рядовыхъ у подошвы его, онъ крупною рысью взвѣхалъ наверхъ и вдругъ увидалъ турокъ, расположенныхъ въ кустахъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что его неожиданное появленіе на курганѣ смутило турокъ, такъ что они не знали, что имъ

дѣлать. Понимая, что замѣшательство ихъ долго продолжаться не можетъ, онъ повернулъ коня, рѣшившись скакать къ эскадрону. Но только-что онъ началъ спускаться, какъ турки раздѣлились на двѣ части и начали обходить курганъ. Положеніе было безвыходное: оставалось или сдаться, или быть изрубленнымъ; но Воеводскій не потерялъ мужества и, увѣренный въ быстротѣ своей лошади, надѣялся уйти отъ нихъ. Подъѣхавъ къ рядовому Бондаренко, который спокойно, не зная объ угрожавшей опасности, ждалъ его, Воеводскій хотѣлъ уже скакать въ эскадронъ, но высочившіе изъ-за кургана турки открыли убійственный огонь. При этомъ подъ Воеводскимъ пала лошадь, придавивъ ему лѣвую ногу такимъ образомъ, что онъ никакъ не могъ изъ-подъ нея выбраться. Увидя это, Бондаренко, ни на минуту не потерявши присутствія духа, схватилъ Воеводскаго за воротъ и, ловкимъ взмахомъ посадивъ на свой передній вьюкъ, далъ лошади шпоры и помчался къ эскадрону. Турки въ это время продолжали стрѣлять, но, къ счастью, неудачно. Бондаренко былъ награжденъ за этотъ подвигъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Атакующіе черкесами, лѣвофланговый эскадронъ и сотня быстро опрокинули непріятельскую кавалерію, причемъ 1-й эскадронъ гусаровъ прорвался даже сквозь турецкую пѣхотную цѣпь Наткнувшись на пѣхоту, гусары стройно отступили, подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, на который отвѣчали и наши два конныя орудія. Вскорѣ послѣ того непріятель приостановилъ наступленіе и пальба прекратилась; но вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе объ обходномъ движеніи, предпринятомъ противъ обоихъ фланговъ нашего отряда, и о наступленіи значительныхъ силъ изъ трехъ родовъ оружія по шоссе изъ Разграда на Турлакъ, который черезъ нѣсколько времени и былъ занятъ противникомъ. Гористая и покрытая высокимъ кустарникомъ мѣстность весьма способствовала движенію непріятельской пѣхотѣ, которая, пользуясь глубокимъ оврагомъ, поросшимъ кустами и лежащимъ къ западу отъ Писанцы, легко могла занять узкое дефиле, по которому пролегалъ единственный путь отступленія нашей кавалеріи; а между тѣмъ батальонъ Зарайскаго

полка, сбывший в Писанцу, находился еще в 6—7 верстах от нея. Вследствие всего этого, генерал-лейтенант князь Манвелов рѣшился сняться с позиции и отойти къ Соленику. Подоспѣвшія четыре орудія 15 конной батареи прикрывали отступление своимъ огнемъ, а орудія донской батареи и 3-й эскадронъ Ахтырцевъ оставались на позиціи послѣдними. Въ этомъ дѣлѣ былъ контуженъ одинъ офицеръ, поручикъ Вельяшевъ, и ранено пять нижнихъ чиновъ.

Неприятельскій отрядъ, какъ оказалось, состоялъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, одного полка регулярной кавалеріи, партіи черкесовъ и шести орудій. При отрядѣ находился обозъ. Во время слѣдованія турецкаго отряда по шоссе, казаки 12-го донскаго казачьяго полка успѣли отбить три фуры съ сухарями, одну лошадь и одного пѣхотинца съ ружьемъ.

На слѣдующій день, 12-го іюля, правый флангъ Руцукскаго отряда былъ продвинутъ еще впередъ, причемъ 35-я пѣхотная дивизія расположилась: 1-я бригада въ Соленикѣ, выдѣливъ авангардъ въ Костанцу; 2-я бригада въ Кацелевѣ, выдѣливъ батальонъ для прикрытія дефиле у Опаки.

Между тѣмъ въ этотъ день въ Руцукскомъ отрядѣ получено было радостное извѣстіе—разрѣшеніе отъ главной квартиры приступить къ обложенію Руцука.

Письмомъ отъ 9-го іюля Его Высочество Главнокомандующій сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу слѣдующее:

„Ваше Императорское Высочество. Вамъ извѣстны уже тѣ блистательные результаты, которые достигнуты передовымъ отрядомъ генерал-адъютанта Гурко. Появленіе этого отряда за Балканами, рядъ одержанныхъ имъ въ долинахъ Тунджи побѣдъ и въ особенности дѣло 4-го іюля при дер. Уфлани и взятіе 5-го іюля Казанлыка, наконецъ овладѣніе Шипинскимъ горнымъ проходомъ,— все это, вмѣстѣ взятое, неминуемо должно произвести на турокъ сильнѣйшее нравственное впечатлѣніе.

„Въ то же время взятіе приступомъ Никополя, безъ сомнѣнія, поколебало вѣру турокъ даже въ оборону крѣпостей, составляющую сильную сторону ихъ военнаго искусства.

„Этою совокупностію деморализирующихъ неприятеля событій необходимо было бы нынѣ же

воспользоваться. Мнѣ кажется, что именно теперь, когда извѣстія о вышеупомянутомъ рядѣ пораженій уже достаточно распространились и даже, быть можетъ, въ сильно преувеличенномъ видѣ,—настало время для энергическихъ дѣйствій противъ Руцука.

„Я отнюдь не намѣренъ стѣснять свободу Вашихъ дѣйствій; находясь почти подъ стѣнами этой крѣпости, Вы лучше меня можете судить, что противъ нея теперь можно сдѣлать. Но Я считаю необходимымъ указать Вашему Высочеству на общее положеніе дѣлъ съ тѣмъ, чтобы Вы приняли всѣ мѣры: съ одной стороны — къ ускоренію доставки всѣхъ средствъ для самаго настойчиваго бомбардированія крѣпости съ тѣмъ, чтобы начать противъ нея рѣшительныя дѣйствія при первой къ тому возможности и поскорѣе покончить съ Руцукомъ; съ другой стороны — для зоркаго наблюденія за всѣми движеніями шумлинской арміи.

„Въ случаѣ, еслибы эта армія перешла въ наступленіе противъ Вашего Высочества, я тотчасъ же прикажу 11-й пѣхотной дивизіи, выдвинутой теперь къ сторонѣ Османъ-Базара, двинуться на Разградъ во флангъ неприятелю.

„О томъ, что именно и когда Ваше Высочество найдете возможнымъ предпринять противъ Руцука, я буду ожидать возможно скорѣйшаго увѣдомленія“.

Разрѣшеніе Главнокомандующаго приступить къ обложенію Руцука застало Руцукскій отрядъ въ полной готовности къ этому, и на вышеприведенное письмо начальника штаба Руцукскаго отряда немедленно отвѣчалъ начальнику полеваго штаба арміи, отъ 10-го іюля, слѣдующее:

„Согласно указаній Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ намѣренъ приступить къ обложенію Руцука, причемъ первоначальную линію обложенія вести отъ дер. Пиргось на деревни Суджинъ, Червенавода, Лени-Есмиль (Новосело), Абланова и Маротинъ. Линію эту занять: отъ дер. Пиргось до желѣзной дороги — исключительно войсками 12-й и 33-й пѣхотныхъ дивизій; а отъ желѣзной дороги до Маротина — четырьмя полками кавалеріи, опирающимися на пѣхотныя репли, всего на полкъ или бригаду пѣхоты.

Подвигъ рядоваго 12-го гусарскаго Ахтырскаго полка Бондаренко.

„Заслонъ къ сторонѣ непріятеля — изъ бригады пѣхоты и бригады кавалеріи, которыя стануть въ окрестностяхъ дер. Пизанцы.

„Общій резервъ — изъ дивизіи пѣхоты и дивизіи кавалеріи — поставитъ такъ, чтобы онъ могъ служить поддержкою какъ войскамъ обложенія, такъ и заслону.

„Такъ какъ заслонъ этотъ нельзя выдвинуть впередъ дальше деревни Пизанцы, то весьма желательно, чтобы войска обложенія могли обратить всѣ свои силы и вниманіе къ этой цѣли и были совершенно обезпечены отъ наступательныхъ дѣйствій непріятеля изъ Шумлы расположеніемъ войскъ 11-го корпуса.

„Для сего надлежало бы сосредоточить войска 11-го корпуса около деревень Папкіой и Аясларъ и выдвинуть линію наблюденія 11-й и 13-й кавалерійскихъ дивизій по р. Вѣлому-Лому отъ дер. Констанцы вверхъ по теченію, такъ какъ далѣе этой деревни кавалерія Рущукскаго отряда наблюдать не въ состояніи. При этомъ крайне желательно возложить на части 11-й и 13-й кавалерійскихъ дивизій и содержаніе почтовыхъ сообщений между главною квартирою Рущукскаго отряда и Вѣлоу“.

Но, къ сожалѣнію, вышеприведенному плану обложенія Рущука опять не суждено было сбыться. 8-го іюля, какъ извѣстно, послѣдовалъ первый неудачный бой 9-го корпуса подъ Шлевною, сразу поставившій въ большую опасность правый флангъ нашей арміи и потребовавшій сюда значительныхъ подкрѣпленій, которыя, за отсутствіемъ другихъ войскъ, пришлось отдѣлать отъ Тырновскаго отряда. Поэтому на вышеприведенный отзывъ начальника штаба Рущукскаго отряда изъ главной квартиры было сообщено немедленно, 12-го же іюля (черезъ посредство Государя Императора, такъ какъ телеграфное сообщеніе устроено было только до Вѣлы), что Его Высочество Главнокомандующій предписываетъ отложить операцію обложенія Рущука впредь до полученія на то приказанія. Во всякомъ же случаѣ къ операціи этой можно приступить не раньше, какъ по окончаніи дѣйствій у Шлевны и по освобожденіи посланныхъ туда отъ Тырновскаго отряда войскъ 11-го корпуса и по прибытіи всего 4-го корпуса.

вып. v.

Въ тотъ же день, 12-го іюля, Его Высочество Главнокомандующій получилъ отъ Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Содержаніе телеграммы твоей я передалъ Самъ. Оно совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что Я намѣренъ былъ предложить тебѣ“.

„Александръ“.

Въ тотъ же день, 12-го іюля, былъ отправленъ, на имя начальника штаба Рущукскаго отряда, слѣдующій письменный отзывъ начальника полевого штаба арміи:

„Сегодня, 12-го іюля, я получилъ отзывъ за № 134 и доложилъ Великому Князю Главнокомандующему о предположеніяхъ Государя Наслѣдника Цесаревича для движенія Рущукскаго отряда съ цѣлью обложенія крѣпости и прикрытія этого обложенія со стороны Разграда.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ ординарецъ вашего превосходительства поручикъ Страховъ заявилъ лично, что движеніе это полагается произвести немедленно“.

„Въ виду того, что въ настоящее время, для поддержанія войскъ 9-го корпуса, направлены двѣ бригады пѣхоты и бригада кавалеріи *) и что вслѣдствіе этого, во-первыхъ, бригада пѣхоты, стоящая въ Вѣлѣ, не можетъ быть освобождена до прибытія прочихъ частей 11-го корпуса, во-вторыхъ — изъ 11-го корпуса осталась только 11-я пѣхотная дивизія безъ кавалеріи, которая только одна и могла бы быть двинута на помощь Рущукскаго отряда, если бы предпріятіе его обложить Рущукъ вызвало на себя движеніе главныхъ силъ турецкой арміи, собранной у Шумлы“.

„Великій Князь Главнокомандующій приказалъ, чтобы предположенное движеніе Рущукскаго отряда было отложено до разъясненія положенія дѣла у Шлевны и до сосредоточенія остальныхъ войскъ 11-го армейскаго корпуса; о времени выдвигенія послѣдуетъ особое приказаніе Главнокомандующаго“.

„Если бы движеніе уже началось, то обратить его въ усиленную рекогносцировку, а затѣмъ войсками Рущукскаго отряда занять такое положеніе, чтобы большая часть его силъ была сосредоточена и готова встрѣтить турокъ въ случаѣ наступленія ихъ“.

*) 32-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи.

арміи изъ Шумлы; для выясненія же этого движенія, полезно было бы сосредоточить большую часть кавалеріи къ правому флангу, если окажется возможнымъ, выдвинуть ее къ Разграду и Шумлѣ, поддерживая связь постоянно съ 13-ю кавалерійскою дивизіею“.

„О послѣдующихъ распоряженіяхъ прошу не оставить увѣдомленіемъ“.

Итакъ, осада Рущука вновь была отложена, не смотря на то, что турки всюду уже отступили предъ войсками Рущукскаго отряда, и вся мѣстность, по обѣимъ сторонамъ Лома, отъ Дуная до шумлинскаго шоссе, была изслѣдована и очищена отъ непріятеля, а въ с. Мечкѣ сосредоточивались уже осадная артиллерія, боевые и продовольственные запасы. Съ возникновеніемъ Плевны, все это вдругъ было приостановлено. Закончился рядъ рекогносцировокъ, начатыхъ съ 1-го іюня. Самая цѣль и назначеніе Рущукскаго отряда измѣнились: теперь армія Наслѣдника Цесаревича должна была служить лишь заслономъ для войскъ, сосредоточенныхъ подъ Плевною, охраняя ихъ отъ главной шумлинской арміи.

Всѣ понимали, что остановка эта будетъ продолжительна. Войска Рущукскаго отряда стали возводить укрѣпленія, прочно устраиваться на бивуакѣ.

Мало того, положеніе отряда уже съ этого времени становится опаснымъ. Подойдя такъ близко къ Рущуку, съ цѣлью его осады, Рущукскій отрядъ не могъ уже ожидать необходимыхъ для этого подкрѣпленій, хотя и оставался свободнымъ еще одинъ армейскій корпусъ (4-й корпусъ генерала Крылова), такъ какъ первая же наша неудача подъ Плевною обнаружила недостаточность нашихъ силъ на правомъ флангѣ, и подъ Плевну была уже потребована часть войскъ отъ Тырновскаго отряда (32-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи). Вслѣдствіе этого, Рущукскій отрядъ не могъ особенно надѣяться и на содѣйствіе этого послѣдняго отряда, а напротивъ,—долженъ былъ теперь самъ оказывать ему поддержку, въ случаѣ наступленія турокъ изъ Османъ-Базара на Тырновъ. Словомъ, далеко выдвинутый къ р. Кара-Ламу, Рущукскій отрядъ предоставленъ былъ теперь самому себѣ.

Однакоже, надежда на продолженіе дальнѣйшаго наступленія отряда къ Рущуку не была еще оставлена. Дѣла подъ Плевною могли измѣниться и возвратить часть войскъ на р. Янтру. Притомъ же, никакого наступленія турокъ со стороны четырехугольника крѣпостей пока не было замѣтно. Поэтому Рущукскій отрядъ, во исполненіе приказанія главной квартиры, оставался пока на линіи рр. Лома и Кара-Лома.

12-го іюля противникъ не беспокоилъ наши передовые посты за р. Ломомъ. По показаніямъ болгаръ, пришедшихъ изъ Рущука, подтверждалось, что турецкія войска отошли послѣ боя 10-го числа къ Рущуку, оставивъ прежде занятую ими позицію. Развѣздъ отъ Бѣлгородскаго уланскаго полка, направленный отъ Пиргоса къ сторонѣ Рущука, захватилъ у Дуная до 30 штукъ рогатаго скота, который охраняли черкесы; черкесы ускакали. Развѣздъ отъ Стародубовскаго драгунскаго полка дошелъ до Кадкюя и наткнулся тамъ на 60—100 черкесовъ, которые отступили. Развѣзды, высланные къ Писанцѣ, Турлаку и Езерджи, донесли, что непріятельская кавалерія (отъ 4—6 эскадроновъ) подходила къ Костанцѣ, а непріятельская пѣхота подвигалась отъ Турлака. По показаніямъ же пришедшихъ изъ Хысенджи (на шоссе у Разграда) болгаръ, около этой деревни былъ значительный отрядъ, получившій приказаніе идти къ Шумлѣ; десять дней тому назадъ, движеніе турецкихъ войскъ было отъ Шумлы къ Разграду, а дней пять назадъ началось обратное движеніе.

Перейдемъ теперь къ положенію дѣлъ, на лѣвомъ берегу Дуная противъ Рущука и Туртукая, гдѣ стоялъ нашъ Журжево-Ольтеницкій отрядъ, подчиненный также начальнику Рущукскаго отряда, и затѣмъ — къ дѣйствіямъ войскъ Тырновскаго отряда, входившаго въ непосредственную связь съ Рущукскимъ отрядомъ и имѣвшаго съ нимъ одного и того же противника — шумлинскую турецкую армію. Но предварительно, необходимо сказать нѣсколько словъ о крѣпости Рущукѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Описание Рущукской крѣпости. — Дѣйствія противъ Рущука съ лѣваго берега Дуная. — Журжево-Ольтеницкій отрядъ. — Положеніе дѣлъ въ Тырновскомъ отрядѣ. — Затруднительное положеніе Рущукскаго отряда. — Бой при Езерджи.

Рущукъ, во времена всѣхъ предъидущихъ кампаній нашихъ съ Турціей, игралъ роль не мало важную. Крѣпость эта находится на правомъ берегу Дуная, ниже впаденія въ него р. Лома. Господствуя надъ теченіемъ Дуная, Рущукъ обстрѣливаетъ водяной путь по рѣкѣ и лѣвый ея берегъ (Журжево-Слободвея), а также замыкаетъ пути отъ Журжева черезъ Дунай въ Шумлу, Варну и Тырново, и кромѣ того, служитъ исходнымъ пунктомъ желѣзныхъ дорогъ — изъ Журжева черезъ Бухарестъ въ Европу и отъ Рущука черезъ Шумлу въ Варну. Наконецъ, крѣпость Рущукъ составляетъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ стратегической позиціи, образуемой крѣпостями — Рущукомъ, Силистрією, Варною и Шумлою, оберегающими восточные балканскіе проходы.

Городъ Рущукъ, при которомъ построена крѣпость, лежитъ на краю возвышающагося къ югу плато, глинистые обрывы котораго круто спускаются къ Дунаю. Городъ Журжево, на лѣвомъ берегу Дуная, лежитъ гораздо ниже Рущука, который командуетъ надъ первымъ. Между Рущукомъ и Журжевомъ Дунай раздѣляется островомъ Рамаданъ на два рукава, изъ которыхъ болѣе широкій, протекаетъ мимо Рущука.

Съ паденіемъ Рущука терялось разомъ все значеніе, турецкой дунайской оборонительной линіи. Турки хорошо сознавали это, и потому позаботились принять всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Рущукъ почти неприступнымъ и непреодолимымъ, и надо отдать имъ полную справедливость: въ два — три мѣсяца они сдѣлали то, что могло бы у другого народа затянуться на годъ. Пользуясь дипломатическими переговорами, которые тянулись цѣлый годъ, Турція изъ безсильнаго государства сдѣлалась сильною. Пока дипломаты разсуждали, турки дѣлали дѣло и вооружались. Такъ было и съ крѣпостями. Кромѣ усиленія старыхъ верховъ, т. е. главной, окружающей городъ, крѣпостной ограды, они построили еще на окрестныхъ холмахъ цѣлый рядъ взаимно обороняющихся другъ друга фортовъ, отвѣчающихъ всѣмъ условіямъ новѣйшей науки войны.

Ядро крѣпости состоитъ изъ непрерывной каменной ограды, окружающей городъ со стороны суши и образующей восемь бастионныхъ фронтовъ (девять малыхъ бастионовъ), обнесенныхъ глубокимъ сухимъ рвомъ. Въ этихъ фронтахъ устроено было четыре выхода въ поле.

Въ связи съ сухопутною крѣпостною стѣною, находились сильныя батареи, устроенныя по берегу рѣки; всѣ сообщенія, между этими береговыми сообщеніями, были прикрыты небольшими земляными верками.

Кромѣ того, непосредственно впереди восточной стороны города, на пути въ Силистрію, лежало большое, вышнее укрѣпленіе, въ видѣ кронверка, устроенное для защиты находящагося внутри его городского предмѣстья, и состоящее изъ трехъ фронтовъ съ тремя полными бастионами и однимъ полубастиономъ.

Вокзалъ желѣзнодорожнаго пути находился у самаго Дуная, передъ кронверкомъ, а по открытіи военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ къ югу отъ кронверка, куда проведена была и новая линія желѣзной дороги.

Сухопутная крѣпостная ограда была окружена рядомъ отдѣльныхъ верховъ, возведенныхъ на господствующихъ южныхъ высотахъ, въ разстояніи около тысячи шаговъ отъ главной крѣпостной стѣны. Здѣсь, въ центрѣ расположенія, на командующей высотѣ, у дороги въ Шумлу, было расположено сильнѣйшее укрѣпленіе „Левантъ-Табія“, фортъ большихъ размѣровъ.

Впрочемъ, укрѣпленія южной стороны командовались мѣстностью, лежащею еще далѣе на югъ.

Вооруженіе главной крѣпостной ограды состояло изъ 85 орудій, изъ которыхъ многія были большаго калибра. Главнѣйшій фортъ „Левантъ-Табія“, считавшійся ключемъ позиціи, имѣлъ на своемъ вооруженіи 17 орудій большаго калибра (23 сантим.). Кромѣ того, на прочихъ отдѣльныхъ веркахъ и береговыхъ батареяхъ находились еще нѣсколько осадныхъ и полевыхъ орудій.

Численность гарнизона крѣпости была доведена

до 15,000 человекъ, кромѣ войскъ, расположенныхъ подъ крѣпостью въ лагеряхъ.

Слабая сторона крѣпости заключалась въ недостаткѣ прикрытія каменныхъ верховъ главной ограды, въ близкомъ расположеніи отдѣльныхъ верховъ, и въ томъ, что лѣвый берегъ Дуная не былъ занятъ турками. Сила же крѣпости заключалась въ ея отдѣльныхъ верхахъ южной стороны и въ возможности наступательныхъ дѣйствій отъ крѣпости на правомъ дунайскомъ берегу, по всѣмъ направлѣніямъ. Въ виду близости отдѣльныхъ верховъ, турки постарались отчасти ослабить этотъ недостатокъ, выдвинувъ далѣе къ югу новую линію укрѣпленій, хотя и полевого характера.

Южная сторона крѣпости, вслѣдствіе командованія надъ нею впереди лежащей мѣстности, представлялась естественнымъ фронтомъ для атаки. По овладѣніи атакующимъ отдѣльными верхами южной стороны, служащими ключемъ къ Рущуку, всякое дальнѣйшее сопротивленіе крѣпости представлялось уже почти невозможнымъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ укрѣпленія Рущука.

Имъ противопоставлены были, съ нашей стороны, на лѣвомъ берегу Дуная, батареи, возведенныя у Журжева, на посту Малорашъ, (нѣсколько выше Журжева), и у деревни Слободзи (ниже Журжева). Батареи журжевскія были вооружены осадными (двадцатичетырехъ фунтовыми) орудіями и мортирами. Начначеніе журжевской артиллеріи состояло въ охраненіи лѣваго берега Дуная отъ попытокъ къ десанту со стороны Рущука, а также въ противодѣйствіи свободному плаванію турецкихъ военныхъ судовъ по Дунаю и, наконецъ, — главнымъ образомъ, — въ содѣйствіи войскамъ Рущукскаго отряда, въ случаѣ обложенія ими и осады крѣпости. Въ виду этого, журжевскимъ батареямъ запрещено было, до поры до времени, стрѣлять по форту „Левантъ-Табія“ и по другимъ отдѣльнымъ верхамъ, южной стороны крѣпости, съ тою цѣлію, чтобы преждевременно „не обнаруживать дальности и силы дѣйствія нашихъ орудій“. Вслѣдствіе этого, со времени 21-го іюня, когда главною квартирою отдано было приказаніе прекратить бомбардированіе Рущука, начатое по случаю нашей переправы у Зимницы, — изъ журжевскихъ батарей производи-

лась лишь мелкая стрѣльба по береговымъ рущукскимъ батареямъ и по разнымъ представлявшимся на Дунаѣ и на турецкомъ берегу его цѣлямъ.

Кромѣ Журжева и его окрестностей, лѣвый берегъ Дуная былъ вооруженъ нашими батареями еще у Ольтеницы, противъ Туртукая. Но здѣсь дѣйствовали только полевые наши орудія, такъ какъ и турки изъ Туртукая дѣйствовали тоже лишь изъ полевыхъ батарей.

Прикрытіемъ нашихъ журжевскихъ батарей служили нѣхотные полки: 127-й Путивльскій и 128-й Старооскольскій; позиція же у Ольтеницы занята была сначала частями 11-й пѣхотной дивизіи, а потомъ, съ переправою этой дивизіи за Дунай, подъ Тырновъ, послѣ 21-го іюня, ея мѣсто заняли два баталіона Путивльскаго полка, съ 5-ю батареею 32-й артиллерійской бригады, переведенные сюда изъ д. Слободзеи, подъ начальствомъ командира этого полка, Плаксина.

Кавалерійскіе посты, по лѣвому берегу р. Дуная, отъ поста Малорашъ до Ольтеницы, содержались 2-ю бригадою 11-й кавалерійской дивизіи, оставшеюся на лѣвомъ берегу Дуная, и донскимъ казачьимъ № 31-го полкомъ.

Кромѣ того, у Журжева, какъ въ центральномъ пунктѣ занятой нами линіи на Дунаѣ, находилась флотилія миноносекъ лейтенанта Дубасова, а близъ д. Слободзеи, былъ расположенъ лагерь отрядъ моряковъ, составленный изъ бывшаго „отряда гвардейскаго экипажа“, роты лейтенанта Палтова и команды фрегата „Свѣтлана“ (только-что возвращавшагося изъ-за границы), прибывшей изъ Петербурга, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Головачева. Здѣсь же большею частью находился и отрядъ охотниковъ (изъ офицеровъ, разнаго рода оружія) лейтенанта Нионова, который, вмѣстѣ съ своими охотниками, рыскалъ на рыбацкихъ челнокахъ по Дунаю, высматривая себѣ добычу (онъ имѣлъ костюмъ Войтона, мину и батарею).

Назначеніе флотиліи миноносекъ и отряда моряковъ состояло въ охраненіи минныхъ загражденій на Дунаѣ и нашихъ сообщеній на этой рѣкѣ, въ наблюденіи за турецкими судами и броненосцами, укрывавшимися въ пристаняхъ у Рущука, Туртукая и Силистріи, а также въ рекогносцировкахъ неприятельскаго берега и т. п.

Дунай былъ загражденъ минами, поставленными въ разныхъ пунктахъ рѣки, въ шахматномъ порядкѣ, въ такомъ изобиліи, что моряки наши зазывали и другу, и недругу ходить по Дунаю, безъ посвященныхъ въ тайну проводниковъ. Минныя станціи на лѣвомъ берегу Дуная, т. е. мѣста, гдѣ находились гальваническія батареи и проводы для взрыва минъ, содержались частями сводной саперно-гальванической роты, разбросанной по такимъ станціямъ по всему лѣвому берегу Дуная. Исправленія поврежденій въ минахъ и въ ихъ расположеніи производились моряками. Какъ известно, закладка минъ происходила весной, когда вода въ Дунаѣ стояла довольно высоко; поэтому въ серединѣ лѣта, вслѣдствіе паденія воды, мины стали оголяться. Нужно было ихъ съ крайнею осторожностью вынимать и заново переставлять. Эту въ высшей степени опасную и неблагоприятную работу приходилось иногда выполнять нашимъ морякамъ, какъ и при первоначальной закладкѣ минъ, подъ сильнымъ огнемъ съ неприятельскаго берега.

Весь отрядъ моряковъ и флотилія миноносекъ состояли подъ главнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича.

Начальникомъ всего журжевскаго отряда былъ генералъ-лейтенантъ Адлеръ, а начальникомъ артиллеріи журжевскихъ батарей — полковникъ Бильдерлингъ.

У Ольтеницы, до 2-го іюля, турки, кромѣ безтолковой ружейной пальбы съ своего берега, ничего не дѣлали. На эту пальбу наши обыкновенно не отвѣчали, ибо турецкихъ стрѣлковъ не было видно, да и пули изъ нашихъ винтовокъ съ дамбы, ограждающей городъ отъ разлива Дуная, гдѣ были расположены наши войска, не долетали до неприятельскаго берега. Слухи ходили, что съ уходомъ изъ Ольтеницы нашей 11-й пѣхотной дивизіи турки увезли изъ Туртукая всю свою артиллерію, оставивъ тамъ до двухъ или трехъ тысячъ редифа и нѣсколько сотенъ черкесовъ; однакоже съ нашей стороны ежедневно выводились на дамбу двѣ роты Путивльцевъ и одна рота въ дежурную часть въ видѣ резерва, артиллеріи же приказано было посылать на дамбу два орудія. Предосторожности

эти оказались не лишними. Около 3-хъ часовъ по-полудни 2-го іюля изъ Туртукая турки неожиданно открыли огонь съ трехъ батарей, расположенныхъ на горѣ, но въ каждой батарее дѣйствовало только по одному полевому орудію: вѣроятно, вся ихъ артиллерія состояла изъ этихъ трехъ орудій. Направленіе огня было на лагерь двухъ путивльскихъ батальоновъ и на бивуакъ казачьей сотни; но такъ какъ снаряды не долетали до лагеря, то отъ этого страдалъ только городъ. Потому, послѣ пятого выстрѣла, начальникъ ольтеницкаго отряда, генералъ Плаксинъ, послалъ приказанія двумъ нашимъ дежурнымъ орудіямъ открыть огонь, хотя состязаніе это было не совсемъ выгодно для насъ, ибо мѣстность Туртукая сильно командовала надъ нашею позиціею. Въ то же время турецкіе стрѣлки изъ крытыхъ ложементовъ начали производить сплошной ружейный огонь по дамбѣ, на разстояніи болѣе полуторы тысячи шаговъ. Послѣ семи выстрѣловъ изъ нашихъ орудій турки прекратили артиллерійскую пальбу, сдѣлавъ всего 18 выстрѣловъ; наша артиллерія, сдѣлавъ 8-й выстрѣлъ, тоже замолчала. Ружейная трескотня со стороны турокъ продолжалась до вечерней темноты. У насъ потерь не было, но въ городѣ было повреждено два дома и, кромѣ того, наши два орудія получили незначительныя поврежденія.

8-го іюля былъ произведенъ поискъ лейтенанта Дубасова съ пароходомъ „Великій Князь Николай“ и паровыми катерами „Царевич“ и „Птичка“ въ направленіи къ Силистріи. При этомъ поискѣ флотилія Дубасова имѣла перестрѣлку съ неприятельскимъ броненосцемъ у с. Буджакъ.

11-го іюля, въ 3¹/₂ часа утра, на Дунаѣ, противъ Журжева, показались семь неприятельскихъ судовъ (изъ нихъ одинъ мониторъ), спускавшихся отъ острова Голле (версты три выше Рущука) къ Рущуку. Журжевскія батареи немедленно открыли по нимъ стрѣльбу, причѣмъ три судна были сожжены и одно, сѣвшее на мель, истрѣляно; остальные укрылись за островомъ Рамаданомъ. Батареею № 7-го (четыре мортиры), на долю которой выпала и которою была блистательно исполнена главная задача стрѣльбы этого дня, командовалъ прапорщикъ Бржезовскій, награжденный за это дѣло орденомъ св. Анны 4-й степени.

Послѣ этого дѣла на Дунаѣ въ журжево-ольтеницкомъ отрядѣ опять не происходило никакихъ дѣйствій или перестрѣлокъ.

Перейдемъ теперь къ положенію дѣлъ въ тырновскомъ отрядѣ, который мы оставили въ расположеніи, занятомъ имъ къ 6-му іюля. Какъ уже выше было замѣчено, тырновскій отрядъ состоялъ изъ войскъ 11-го армейскаго корпуса (32-я пѣхотная дивизія, 11-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 11-ой кавалерійской дивизіи) генераль-адъютанта князя Шаховскаго, 14-й пѣхотной дивизіи и 13-й кавалерійской дивизіи, составлявшей авангардъ тырновскаго отряда; при этомъ полки 13-й дивизіи выдвинулись на линію дд.: Чаиркюй, Мансура, Джумалкюй и Хедеркюй, а 13-й драгунскій Военнаго Ордена полкъ расположился въ Бебровѣ.

7-го іюля, начальникомъ 13-й кавалерійской дивизіи, генераль-лейтенантомъ барономъ Радекомъ, была произведена рекогносцировка къ Османъ-Базару, причѣмъ онъ имѣлъ стѣчку съ башибузуками близъ этого города.

Вообще передъ тырновскимъ отрядомъ за описываемое нами время турецкія регулярныя войска не показывались. Полкамъ 13-й кавалерійской дивизіи приходилось здѣсь имѣть дѣло пока съ одними лишь шайками башибузуковъ и всякаго рода турецкаго сброда. Но отъ этого работа нашей кавалеріи ничуть не облегчалась. „Легкіе набѣги“ нашихъ маленькихъ кавалерійскихъ отрядовъ становились иногда даже рискованными въ виду сильнѣйшаго возбужденія фанатизма среди мирныхъ жителей-мусульманъ Османъ-Базарскаго округа. Капитанъ баронъ Розенъ рассказывалъ, что однажды, по указаніямъ болгаръ, онъ отправился съ однимъ офицеромъ и 7-ю уланами (Владимірскаго полка) на развѣдку окрестностей, чтобы удостовѣриться въ присутствіи здѣсь башибузуковъ. Когда онъ при этомъ сталъ приближаться къ одному изъ курстарниковъ, то неожиданно раздался пущенный въ него выстрѣлъ... Всмотрѣвшись, онъ увидѣлъ турка, лежавшаго на землѣ; возлѣ него стояла женщина, повидимому, жена этого послѣдняго, на колѣнахъ, а позади четверо дѣтей, въ томъ числѣ 13-ти-лѣтняя дѣвочка. Онъ видѣлъ, какъ женщина вновь зарядила ружье и какъ дѣвочка подала ей па-

тронъ. Капитанъ приказалъ двумъ уланамъ стрѣлять въ турка, но оставить въ покоѣ женщину и дѣтей. Турокъ былъ убитъ, но и женщина, къ сожалѣнію, оказалась раненою, послѣ чего ей перевязали рану и отправили вмѣстѣ съ дѣтьми въ сосѣдную деревню. При такомъ озлобленіи всего мѣстнаго мусульманскаго населенія не особенно были безопасны почти-что одиночныя набѣги нашихъ храбрыхъ кавалеристовъ; однако, частіи 13-й кавалерійской дивизіи, ни мало не смущаясь при видѣ этого озлобленія и не смотря на возгоравшуюся партизанскую войну, дѣятельно продолжали свои смѣлыя набѣги внутрь непріятельской страны, къ сторонѣ Разграда и Османъ-Базара.

Къ 10-му іюля 2-й эскадронъ уланскаго Владимірскаго полка, составлявшій связь съ кавалеріею рущукскаго отряда, продвинулся изъ Чаиркюя въ Водицу. Пѣхота 11-го корпуса также начала двигаться въ сторону Шумлы. Отъ Папкюя и деревень, лежащихъ на югъ отъ Папкюя, всѣ турецкія войска отступили въ теченіе 7-го и 8-го чиселъ къ Шумлѣ.

Словомъ, повидимому все уже благопріятствовало тому, чтобы тырновскій отрядъ могъ оказать въ самомъ скоромъ времени энергическую поддержку войскамъ рущукскаго отряда, въ случаѣ наступленія ихъ къ осадѣ Рущука, какъ вдругъ получено было въ тырновскомъ отрядѣ извѣстіе о первой нашей роковой неудачѣ подъ Плевною. Вслѣдствіе обнаружившагося недостатка въ войскахъ на нашемъ правомъ флангѣ, туда были немедленно потребованы изъ тырновскаго отряда 32-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи. 13-го іюля части эти двинулись форсированнымъ маршемъ подъ Плевну.

Такимъ образомъ, въ составѣ тырновскаго отряда остались только 11-я и 14-я пѣхотныя дивизіи и одна лишь 13-я кавалерійская дивизія. Понятно, что такой относительно слабый по составу отрядъ не могъ уже оказать никакого содѣйствія рущукскому отряду въ его операціяхъ противъ Рущука, а напротивъ — самъ долженъ былъ теперь ожидать помощи отъ послѣдняго, въ случаѣ наступленія турокъ на Тырновъ со стороны Разграда или Османъ-Базара.

Нужно также замѣтить, что Еленинскій округъ

охранялся въ это время однимъ лишь драгунскимъ Военнаго Ордена полкомъ. Выдвинутые въ эту сторону Елецкій и Сѣвскій пѣхотные полки (бригада 9-й пѣхотной дивизіи) заняли хайнкюйскій проходъ, а вскорѣ и совѣмъ перевалили за Балканы, чтобы принять участіе въ набѣгѣ передоваго отряда генерала Турко за малые Балканы.

Вернемся теперь къ рущукскому отряду.

Выдвинутый къ рр. Лому и Кара-Лому, на линію: Пиргосъ, Иванъ-Чифтликъ, Кошова, Соленикъ и Костанца, рущукскій отрядъ, 12-го іюля, вслѣдствіе полученныхъ изъ главной квартиры распоряженій и извѣстій о неудачѣ подъ Плевною, приостановилъ дальнѣйшее наступленіе къ Рущуку.

Въ это время правый флангъ рущукскаго отряда, составленный изъ кавалеріи графа Воронцова-Дашкова (8-я кавалерійская дивизія, 2-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи) и 1-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями, занималъ слѣдующее расположеніе: 2-й батальонъ Нѣжинскаго пѣхотнаго полка занималъ д. Костанцу, которая охранялась со стороны дд. Езержи и Турлака развѣздами казачьей сотни № 8-го полка. 2-й батальонъ уланскаго Вознесенскаго полка былъ выдвинутъ въ Костанцу и Церовце, для наблюденія за мѣстностью къ сторонѣ Разграда. Одинъ батальонъ Волховскаго пѣхотнаго полка оставался въ д. Соленикъ, въ ущельѣ, гдѣ находились кухни всего отряда. Главныя же силы отряда графа Воронцова-Дашкова были расположены на высотахъ надъ д. Соленикъ, по лѣвую сторону одного изъ притоковъ рѣки Ломъ.

13-го іюля, вечеромъ, въ штабѣ графа Воронцова-Дашкова у д. Соленикъ получено было донесеніе отъ казачьяго развѣзда въ Костанцѣ о появленіи непріятельскаго лагеря, изъ трехъ родовъ оружія, близъ дер. Езержи, верстахъ въ четырехъ за шоссе, въ направленіи Разграда, причѣмъ размѣръ лагеря не былъ точно опредѣленъ.

Предполагая, что стоящій тамъ турецкій отрядъ имѣетъ назначеніе прикрывать шоссеюю дорожку изъ Рущука въ Разградъ, по которой замѣчалось въ послѣдніе дни усиленное движеніе войскъ и транспортовъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, на бѣшемъ у него ночью совѣщаніи, рѣшилъ немедленно атаковать непріятельскій лагерь у Езержи всѣми

частями ввѣреннаго ему отряда утромъ же 14-го іюля, съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать свободному движенію транспортовъ по линіи Рущукъ-Разградъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить въ точности какъ силы противника въ этомъ мѣстѣ, такъ и занимаемое имъ положеніе; въ противномъ случаѣ, турецкій отрядъ могъ серьезно угрожать нашей кавалеріи, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, и во всякомъ случаѣ принудилъ бы ее удалиться отъ шоссе и тѣмъ лишилъ бы ее средствъ наблюденія за передвиженіемъ непріятельскихъ войскъ и транспортовъ по этому важному пути.

Для провѣрки извѣстія о появленіи турецкаго пѣхотнаго лагеря у Езержи, туда были посланы изъ Соленикъ развѣзды отъ гусарскаго Ахтырскаго полка. На разсвѣтѣ развѣзды эти донесли, что непріятельской пѣхоты не обнаружено въ указанномъ направленіи, вслѣдствіе чего предположенное съ утра движеніе къ дер. Езержи было отмѣнено.

Въ девять часовъ утра графъ Воронцовъ-Дашковъ получилъ донесеніе отъ казачьей сотни, сохранившей аванпосты и развѣзды впереди Костанцы, что непріятельская кавалерія тѣснитъ ее со стороны д. Езержи и что 2-й батальонъ Нѣжинскаго полка майора Егорова, занимавшій Костанцу, двинулся на костанскія высоты для поддержки казаковъ, такъ какъ за кавалеріею непріятеля показались пѣхота.

Въ 10 часовъ утра майоръ Егоровъ доносилъ, что въ завязавшей у него перестрѣлкѣ появились и пѣхотныя непріятельскія части. Тогда командующій 1-ю бригадою 35-й пѣхотной дивизіи, генераль-майоръ Тихменевъ, не рискуя оставлять одинъ батальонъ, безъ артиллеріи и поддержки, на мѣстности крайне пересѣченной, представлявшей всѣ удобства для скрытныхъ движеній непріятеля, приказалъ командиру Нѣжинскаго полка, полковнику Тинькову, съ 1-мъ батальономъ этого полка, тремя ротами 3-го батальона и четырьмя орудіями 5-й батареи 35-й артиллерійской бригады, немедленно двинуться на поддержку майора Егорова; майору же Флоринскому съ четырьмя ротами 2-го батальона Болховскаго полка и съ четырьмя орудіями той же батареи занять Костанцу, образовавъ резервъ; затѣмъ всѣ остальныя части (1-й бригады, со 2-ю батареею 35-й артиллерійской бригады, были остав-

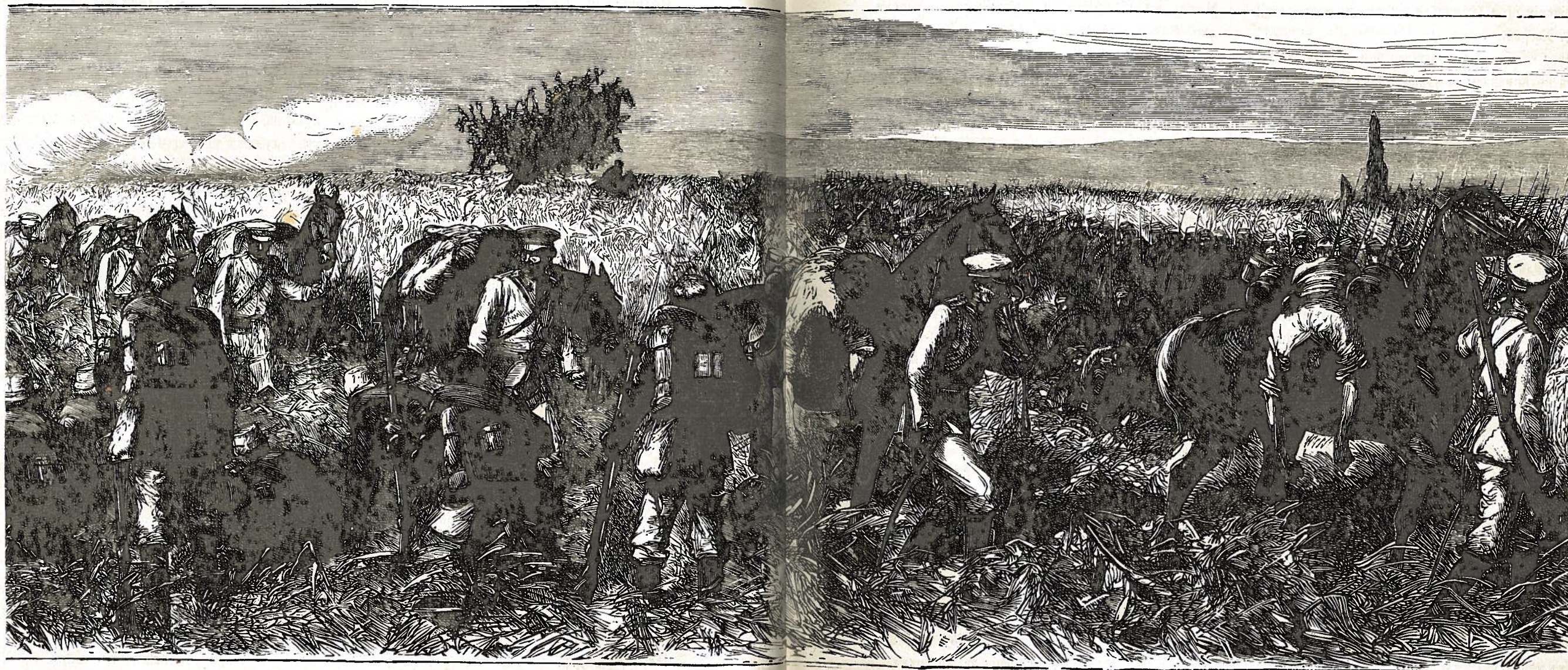
лены подъ начальствомъ командира Болховскаго полка, полковника Буссе, въ Соленикъ, для прикрытія лагеря на случай появленія непріятеля со стороны Писанцы или отъ Церовце.

Въ то же время 1-я и 2-я линейныя роты Болховскаго полка, находившіяся въ соленикскомъ ущельѣ, услыхавъ выстрѣлы со стороны Костанцы,

по почину своихъ ротныхъ командировъ, также пошли на выстрѣлы, для поддержки 2-го батальона Нѣжинскаго полка.

Вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Костанцу и графъ Воронцовъ-Дашковъ съ кавалеріею отряда.

Къ этому времени батальонъ маіора Егорова уже покончилъ дѣло съ непріятельскою кавалеріею,

ПЕРЕВОЗКА УБИТЫХЪ ПОСЛѢ ДѢЛА НА ЛОМЪ.

отбросивъ ее отъ Костанцы. Тѣмъ не менѣе, графъ Воронцовъ-Дашковъ, въ виду того, что движеніе непріятельской кавалеріи къ Костанцѣ имѣло вызывающій характеръ, рѣшился привести въ исполненіе принятую наканунѣ мысль и приказалъ немедленно преслѣдовать непріятеля кавалеріею, а пѣхотѣ двинуться вслѣдъ за нею, съ тѣмъ чтобы

атаковать непріятеля и прогнать его отъ шоссе, если только, по открытіи его кавалеріею, онъ самъ не уклонится отъ боя.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ отправился впередъ самъ, съ кавалеріею, состоявшею изъ четырехъ сотенъ донскаго казачьяго № 8-го полка, гусарскаго Ахтырскаго полка и взвода донской казачьей

№ 9-го батареи. Въ виду сбивчивости извѣстій, взято было направленіе отъ Костанцы къ разградскому шоссе между дд. Турлакомъ и Езержи. Около 4-хъ часовъ по-полудни раздался первый пушечный выстрѣлъ со стороны послѣдней деревни. Оказалось, что непріятель занялъ высоту, у подножія которой расположена д. Езержи, тыломъ къ Разграду. Не-

медленно былъ вызванъ взводъ казачьей батареи, который вскорѣ открылъ огонь по непріятельской батарее. На сторонѣ противника было превосходство въ числѣ орудій (шесть орудій) и, главное, въ позиціи, значительно командовавшей нашею. Кромѣ того, мѣстность впереди нашего взвода была сплошь покрыта густымъ кустарникомъ, поднима-

вшимся выше головы всадника. Это обстоятельство заставило взводъ казачьей батареи занять позицію на значительномъ разстояніи отъ противника (около 300 саж.). Кавалеріи своей графъ Воронцовъ-Дашковъ приказалъ стать сзади фланговъ батареи, причѣмъ два эскадрона гусарскаго Ахтырскаго полка были выдвинуты уступомъ впередъ и влѣво къ

шоссе (такъ какъ въ этой сторонѣ показалась партія черкесовъ), а 8-й казачій полкъ сталъ въ линіи эскадронныхъ колоннъ за правымъ флангомъ батареи.

Между тѣмъ, подвигалась сюда и пѣхота изъ Костанцы. Генералъ Тихменевъ, за оставленіемъ двухъ ротъ Нѣжинскаго полка для прикрытія Ко-

станцы, располагалъ собственно для боя одиннадцатью ротами Нѣжинскаго полка и шестью ротами Болховскаго, а всего семнадцатью ротами, при восьми 4-хъ-фунтовыхъ орудіяхъ 5-й батареи 35-й артиллерійской бригады.

Въ началѣ второго часа дня впереди нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, двигавшихся изъ Костанцы по двумъ дорогамъ, послышался уже горячій артиллерійскій огонь качачеѣй батареи въ направленіи къ дер. Езержи.

Въ это время, находившаяся при пѣхотѣ пѣшая батарея поднималась по одному орудію въ гору отъ Костанцы, преодолевая страшную крутизну, камни и другія мѣтныя препятствія. Поэтому генераль Тихменевъ, не ожидая артиллеріи, приказалъ маіору Флоринскому съ четырьмя ротами Болховскаго полка спѣшить на поддержку кавалеріи, на тотъ случай, если бы она наткнулась на непріятельскую пѣхоту.

Но, войдя въ сферу артиллерійскаго огня, генераль Тихменевъ убѣдился, что непріятель дѣйствуетъ противъ нашей кавалеріи исключительно артиллерійскимъ огнемъ, а потому приостановилъ наступленіе маіора Флоринскаго впредь до прибытія полковника Тинькова съ Нѣжинскими ротами.

По прибытіи пѣхоты, графъ Воронцовъ-Дашковъ приказалъ генераль-маіору Тихменеву выставить батарею къ казацкому взводу и атаковать дер. Езержи, дѣйствуя преимущественно на лѣвый флангъ противника.

Собственно для атаки было назначено 15 ротъ пѣхоты.

Турки при этомъ дрались вообще хорошо и упорно, а артиллерія ихъ дѣйствовала даже болѣе чѣмъ хорошо; но, не смотря на то, они вынуждены были къ отступленію. Нельзя не упомянуть при этомъ о храбрости начальника турецкаго отряда Азисъ-пашѣ, который въ моментъ отступленія турокъ выскочилъ впередъ своей цѣпи, желая воодушевить солдатъ и остановить ихъ отступленіе. Въ это время рядовой 7-й роты Нѣжинскаго полка Егоровъ выстрѣломъ ранилъ Азиса-пашу. Тогда Азисъ-паша, уже раненный, прицѣлился изъ револьвера въ командира Нѣжинскаго полка Тинькова, но въ этотъ моментъ рядовой 1-й стрѣлковой роты Стратоновъ нанесъ пашѣ смертельный ударъ штыкомъ.

Непріятельская батарея, въ то время, когда полковникъ Тиньковъ двинулся къ деревнѣ, быстро снялась съ позиціи и отступила. Батарея эта, дѣйствовавшая въ началѣ изъ шести орудій, къ концу артиллерійскаго боя отвѣчала на выстрѣлы нашей артиллеріи только четырьмя орудіями, а около 6¹/₂ часовъ вечера, когда Нѣжинцы бросились на деревню, она совсѣмъ прекратила огонь.

Между тѣмъ, маіоръ Флоринскій, съ четырьмя ротами Болховскаго полка, дѣйствуя на лѣвомъ флангѣ въ лѣсу и въ оврагахъ, потерявъ уже изъ четырехъ ротныхъ командировъ трехъ и вообще понесъ уже значительныя потери, однако упорно продолжалъ наступленіе и, выбивъ турокъ изъ труповъ, прилегающихъ къ сѣверной сторонѣ Езержи, обезпечилъ за нами полное обладаніе деревнею.

Бой пѣхоты окончился въ 8¹/₂ часовъ вечера. По овладѣніи деревнею Езержи, наши роты заняли густою цѣпью опушку деревни, имѣя въ резервѣ, въ самой деревнѣ, около двухъ ротъ. Затѣмъ, двѣ роты, оставшіяся въ общемъ резервѣ, въ лѣсу не вступали, оставаясь при артиллеріи, которая, по окончаніи боя, перешла на высоту около дороги изъ Езержи въ Костанцу, куда, по приказанію графа Воронцова-Дашкова, долженъ былъ возвратиться весь отрядъ изъ Езержи послѣ уборки раненныхъ, къ чему и было приступлено немедленно по прекращеніи боя.

12-му гусарскому полку поручено было преслѣдовать непріятеля, но за позднимъ временемъ преслѣдованіе вскорѣ было приостановлено. Непріятель, отступивъ по дорогѣ на Разградъ, занялъ къ ночи позицію на высотахъ, верстахъ въ двухъ отъ Езержи, и, сдѣлавъ оттуда нѣсколько выстрѣловъ картечными гранатами по нашимъ гусарамъ, вступившимъ въ деревню, прекратилъ стрѣльбу и ночью продолжалъ дальнѣйшее отступленіе на Разградъ.

Непріятель, при отступленіи отъ Езержи, бросилъ около 250 тѣлъ убитыхъ, разбросанныхъ въ лѣсу, по садамъ и огородамъ; между ними было найдено и тѣло одного изъ способнѣйшихъ турецкихъ генераловъ, котораго турки, говорятъ, прочли въ начальники шумлинской арміи, Азиса-паша, а также тѣла еще нѣсколькихъ лицъ, занимавшихъ, судя по найденной у нихъ перепискѣ, высокое положеніе въ рядахъ турецкой арміи. Также брошены

были непріателемъ: большой транспортъ съ сухарями, патроны, разныя боевыя и лагерныя принадлежности, значки и проч. Нами были взяты 16 чловѣкъ плѣнныхъ, по показаніямъ которыхъ въ дѣлѣ со стороны турокъ участвовали три пѣхотныхъ полка при шести орудіяхъ; число-же кавалеріи они не могли точно опредѣлить, но надо полагать, что ея было около шести сотенъ.

Съ нашей стороны въ бою участвовали: 1-й батальонъ Нѣжинскаго полка, три роты 2-го батальона и три роты 3-го батальона того-же полка четыре роты 2-го батальона Болховскаго полка и 1-я и 2-я линейныя роты того-же полка, — всего-же 17 ротъ (около 2,640 штыковъ), при восьми четырехфунтовыхъ орудіяхъ 5-й батареи 35-й артиллерійской бригады; затѣмъ, кавалеріи нашей участвовало въ бою: четыре эскадрона и четыре сотни, при двухъ конныхъ орудіяхъ 9-й донской батареи.

Потери наши состояли: изъ 82 убитыхъ и 171 раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Въ Езержи, по овладѣніи нами этою деревнею, была порвана телеграфная проволока и уничтоженъ аппаратъ на телеграфной станціи.

Къ концу боя графъ Воронцовъ-Дашковъ вы-

звалъ изъ Кацелево 2-ю бригаду 35-й пѣхотной дивизіи; но она пришла туда уже по окончаніи дѣла.

Имѣя въ виду приказаніе по Руцукскому отряду о томъ, чтобы пока пунктовъ на шоссе не занимать, графъ Воронцовъ-Дашковъ отошелъ изъ Езержи съ своимъ отрядомъ въ д. Костанцу.

Между тѣмъ, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, получивъ 15-го іюля, въ 4¹/₂ часа утра, донесеніе о боѣ при Езержи, тотчасъ-же отдалъ приказаніе 2-й бригадѣ 33-й пѣхотной дивизіи идти изъ Кошова на подкрѣпленіе отряда графа Воронцова-Дашкова. Виѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что Его Высочество начальникъ отряда сейчасъ отправляется изъ Обретеника черезъ Дамогилу и Широко въ Кацелево, куда и присылать донесенія.

По прибытіи, около двухъ часовъ пополудни 15-го іюля, въ Кацелево Его Высочество получилъ донесеніе о полномъ разбитіи турокъ у Езержи и объ отступленіи ихъ къ Разградъ, послѣ чего Наслѣдникъ Цесаревичъ тотчасъ-же послалъ приказаніе командиру 2-й бригады 33-й пѣхотной дивизіи немедленно возвратиться на прежнюю позицію въ Кошово.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Крайнее затрудненіе Руцукскаго отряда послѣ второй плевненской неудачи. — Положеніе дѣлъ на всемъ Болгарскомъ театрѣ войны. — Наступленіе турокъ противъ Руцукскаго отряда. — Аяларскій бой 9, 10 и 11 августа.

Побѣдою при Езержи нельзя было воспользоваться, такъ какъ вслѣдствіе распоряженій главной квартиры, сдѣланныхъ послѣ первой нашей неудачи подъ Плевною, наступательное движеніе Руцукскаго отряда было приостановлено и, какъ уже сказано, 2-я бригада 35 пѣхотной дивизіи возвращена была въ Кошово, а отрядъ графа Воронцова-Дашкова — въ Костанцу.

Еще за день до боя у Езержи, 13-го іюля, начальникъ штаба Руцукскаго отряда получилъ изъ Тырнова, отъ начальника полевого штаба арміи, отзывъ отъ 13-го іюля, въ которомъ сообщалось слѣдующее:

„По полученнымъ сегодня отъ войскъ, выдвинутыхъ къ Казаровицамъ и Джулину *), свѣдѣніямъ,

войска турецкія на османъ-базарской дорогѣ отъ Османъ-Базара къ Тырнову начинаютъ усиливаться.

„По сообщеніямъ жителей-болгаръ, войска въ значительныхъ силахъ сосредоточиваются въ Ески-Джумѣ и Османъ-Базарѣ. Говорятъ, что тамъ уже собралось до 50,000 чловѣкъ.

„Не придавая этимъ свѣдѣніямъ достовѣрности, но допуская хотя нѣкоторую дѣйствительность, можно сдѣлать слѣдующія заключенія: или это можетъ наводить на предположеніе, что турецкая армія изъ-подъ Шумлы начинаетъ наступленіе въ направленіи къ Тырнову, или она начинаетъ отступленіе за Балканы, причѣмъ одна колонна ея направляется черезъ Ески-Джуму и Османъ-Базаръ на Сливенъ *). Отъ этой-то колонны и выдвинуть авангардъ,

*) Къ сѣверовостоку отъ Трешенъ.

*) Въ это время дѣйствительно происходило движеніе изъ Османъ-Базара къ Балканамъ бригады Савфета.

который продвигается вперед. „На основаніи этихъ данныхъ и предположеній, Великій Князь Главнокомандующій предполагаетъ 11-ю и 14-ю пѣхотными дивизіями и 13-ю кавалерійскою встрѣтить противника у Казаровицъ и Лесковацъ.

„Но такъ какъ этихъ силъ недостаточно, чтобы остановить наступленіе очень значительныхъ силъ, то Великій Князь приказать изволилъ, чтобы 13-й корпусъ съ частью кавалеріи Руцукскаго отряда былъ готовъ выступить на помощь означеннымъ войскамъ и былъ бы подготовленъ къ этому движенію. При первой необходимости поддержки Великій Князь пошлетъ приказаніе двинуть означенный корпусъ для дѣйствія на правый флангъ войскъ, которыя будутъ атаковать Тырново. Кратчайшій путь будетъ лежать на Церковну и Чаиркюю, откуда, смотря по обстоятельствамъ, слѣдовать или черезъ Трёмбешъ на Казаровицы, или черезъ Кадыкюю на сообщенія противника.

„Для быстрой передачи приказаній имѣть постоянную почту отъ Бѣлы до штаба отряда.

„Все расположеніе отряда должно быть немедленно подготовлено къ указанному движенію“.

Независимо отъ сего, 14-го іюля, Государь Императоръ препроводилъ Наслѣднику Цесаревичу изъ Бѣлы копію съ депеши на имя Его Величества отъ Великаго Князя Главнокомандующаго, въ которой Его Высочество, сообщая, что 14-го числа генералъ Раденъ у Кесарева имѣлъ небольшое дѣло съ турецкою пѣхотою на дорогѣ Османъ-Базара (турокъ было шесть таборовъ, шесть орудій, баши-бузуки и черкесы), которая послѣ перестрѣлки отошла къ Ленидже, просить Государя передать Цесаревичу, чтобы онъ, въ случаѣ атаки турокъ со стороны Османъ-Базара, выслалъ 13-й корпусъ черезъ Чаиркюю во флангъ наступающаго непріятели.

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго содѣйствія со стороны Тырновскаго отряда, войска Руцукскаго отряда теперь сами должны были снѣшить на помощь послѣднему, вслѣдствіе чего войска руцукскаго отряда уже съ этого времени начинаютъ принимать все болѣе и болѣе растянутое расположеніе, правымъ флангомъ въ сторону, противоположную отъ Руцукъ.

паши (9 батальоновъ), вызванной въ Лени-Загру на подкрѣпленіе отряда Реуфа-паши (см. „Сборникъ турецкихъ документовъ“).

Принимая во вниманіе, что отъ настоящаго расположенія 13-го корпуса до Кадакюя или Козаревица отъ 50—60 верстъ, которыя могли-бы быть пройдены войсками, вслѣдствіе дурной лѣсной дороги не менѣе какъ въ три дня, Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ тотчасъ-же отправить часть 13-го корпуса въ Церковну съ тѣмъ, чтобы оттуда, въ случаѣ надобности, она могла своевременно поддержать войска подъ Тырново.

Отдавъ соотвѣтствующія приказанія и для другихъ частей отряда, Его Высочество приказалъ командиру 13-го корпуса о своихъ передвиженіяхъ сообщать начальнику 11-й пѣхотной дивизіи. Въ случаѣ требованія начальника 11-й пѣхотной дивизіи, 13-му корпусу идти тотчасъ-же на поддержку 11-й дивизіи, о чемъ сообщить въ отрядный штабъ. Двумъ полкамъ кавалеріи, присоединеннымъ къ 13-му корпусу, наблюдать линію отъ Костанце на Церовце, Огарчинъ, Опаку, Поломарце и Ковачицу и держать связь съ 13-ю кавалерійскою дивизіею. 12-й драгунскій полкъ былъ отправленъ изъ авангарда въ распоряженіе начальника кавалеріи.

По возвращеніи въ Обретеникъ, Цесаревичъ получилъ депешу отъ Великаго Князя Главнокомандующаго отъ 15-го іюля:

„Прошу Тебя, если, какъ подтверждается, что турки тянутся не только изъ Шумлы, но и изъ Руцукъ на югъ, насѣдять по возможности на отступающія части, дабы безнаказанно не уходили. Увѣренъ, что графъ Воронцовъ, поддержанный пѣхотой, сдѣлаетъ это сдѣлать. Увѣдомляйте о вашихъ передвиженіяхъ генерала Эрнота, стоящаго у Чаиркюю, и часть кавалеріи 8-й и 13-й дивизій“.

Изъ этой послѣдней депеши можно видѣть, что Руцукскому отряду, не смотря на то, что онъ уже выдѣлилъ отъ себя почти половину войскъ въ сторону тырново-шумлинской дороги, предписывалось въ то-же время не оставлять наблюденія, не только кавалерію, но и пѣхоту, и за руцукско-разградскимъ шоссе. Вслѣдствіе этого сосредоточеніе войскъ становилось уже рѣшительно невозможнымъ и отрядъ съ каждымъ днемъ занималъ все болѣе и болѣе растянутое положеніе, выдвигаясь, съ одной стороны, въ сторону османъ-базарской дороги, съ другой—въ сторону разградскаго шоссе.

16-го іюля войска производили передвиженія

согласно отданнымъ приказаніямъ, причемъ движеніе многихъ частей задерживалось дурными дорогами, такъ что подвозка сухарей могла быть произведена лишь на выѣздахъ. Къ 17-му іюля, однако, всѣ войска были уже на назначенныхъ мѣстахъ.

Въ этотъ день Его Высочество объѣхалъ позицію авангарда 12-го корпуса и позиціи у Пиргоса. Вслѣдствіе этого осмотра было сдѣлано вновь нѣкоторое измѣненіе въ распредѣленіи кавалерійскихъ частей, причемъ предписано было отчислить Ахтырскій гусарскій полкъ отъ частей, находившихся въ непосредственномъ подчиненіи начальнику кавалеріи, въ составъ авангарда, а на мѣсто гусарскаго полка графу Воронцову былъ посланъ драгунскій Стародубовскій полкъ. Наблюденіе отъ Дуная, впереди Пиргоса, до Кадыкюя было возложено на кавалерію авангарда (уланскій Бѣлгородскій и гусарскій Ахтырскій полки), отъ Кадыкюя до Костанцы на кавалерію, состоявшую при начальникѣ кавалеріи (драгунскій-Стародубовскій, 12-й казачій и гусарскій Лубенскій полки).

Вслѣдствіе отданныхъ приказаній, 18-го іюля войска отряда были расположены слѣдующимъ образомъ: авангардъ генералъ-лейтенанта барона Дризена: два батальона Бессарабскаго пѣхотнаго полка, батарея, одна сотня донскаго казачьяго № 37-го полка—въ Кадыкюю; батальонъ того-же Бессарабскаго полка—въ Іованъ-Чифтликъ; Херсонскій пѣхотный полкъ, батарея, Бѣлгородскій уланскій полкъ Ахтырскій гусарскій полкъ—на позиціи у Красны. Главныя силы, подъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича: 2-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи—у Кошово; 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи—на позиціи у Пиргоса; 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи—въ видѣ резерва у Трестеника; штабъ 12-го корпуса—въ Трестеникѣ. Кавалерія графа Воронцова-Дашкова: штабъ—въ Кацелевъ; Стародубовскій драгунскій полкъ—въ Кацелевъ; донской казачій № 12-го полкъ—въ Нисовъ; гусарскій Лубенскій полкъ—въ Огарчинъ, имѣя эскадронъ въ Садинъ, который держалъ связь съ двумя сотнями донскаго казачьяго № 8-го полка, находившимися въ Хайдаркюю; батальонъ Болховскаго пѣхотнаго полка, батарея 35-й артиллерійской бригады—въ Кацелово. 13-й корпусъ генерала Гана: штабъ—въ Кара-

Врбовѣ; 1-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи—въ Церковнѣ; 2-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи—въ Бѣлѣ; Нѣжинскій пѣхотный полкъ—въ Кара-Врбовѣ; 2-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи—въ Ерендживѣ; Вознесенскій уланскій полкъ до 20-го числа находился при 1-й бригадѣ 1-й пѣхотной дивизіи, а 20-го направленъ въ Папкюю съ частью донскаго казачьяго № 8-го полка. Полки эти освѣщали мѣстность къ сторонѣ Разграда, Ески-Джуми и Османъ-Базара и держали на югъ связь съ 13-ю кавалерійскою дивизіею. Главная квартира Цесаревича оставалась въ Обретеникѣ.

19-го іюля въ расположеніи отряда перемѣнъ не произошло. 20-го числа начальникомъ кавалеріи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ баронъ Дризень, вмѣсто графа Воронцова-Дашкова, отбѣжавшаго въ Петербургъ по случаю мобилизаціи гвардейскаго корпуса.

20-го числа отъ начальника 11-й пѣхотной дивизіи было получено сообщеніе, что дивизія изъ Чаиркюя передвинута въ Джулину, черезъ что между авангардомъ 13-го корпуса и 11-ю дивизіею образовался промежутокъ около 30 верстъ. Для прикрытія этого значительнаго пространства того-же 20-го числа были выдвинуты впередъ, въ Папкюю, Вознесенскій уланскій полкъ и часть донскаго казачьяго № 8-го полка.

Такимъ образомъ, не смотря на то, что Руцукскій отрядъ, согласно желанію главной квартиры, выдвинулъ отъ себя въ сторону Тырновскаго отряда почти весь 13-й корпусъ, однако-же онъ не могъ заполнить незаятаго промежутка на пространствѣ отъ шумлинской до османъ-базарской дороги. Все это показываетъ, какъ слабы были силы Руцукскаго отряда сравнительно съ протяженіемъ ввѣренной его оборонѣ линіи и насколько почти съ каждымъ днемъ увеличивались для него затрудненія, вслѣдствіе невозможности сосредоточить войска.

Но главныя затрудненія для Руцукскаго отряда были еще впереди.

18-го іюля, какъ извѣстно, было роковымъ днемъ для всей нашей дѣйствующей арміи. Въ этотъ день русскіе понесли вторичную неудачу подъ Шлевною, не смотря на то, что туда была стянута, на помощь 9-му корпусу, часть войскъ изъ Тырновскаго отряда. Новыхъ войскъ, съ цѣлью сломить упорство

Османа-паши въ Плевнѣ, взять было неоткуда. Теперь правый нашъ флангъ едва прикрывался остатками 9-го корпуса и 32-й дивизіи корпуса князя Шаховскаго, которая вскорѣ была возвращена въ составъ Тырновскаго отряда Между тѣмъ, Османъ-паша быстро усиливался въ Плевнѣ и могъ каждую минуту двинуться въ открытое пространство на нашемъ правомъ флангѣ — на Тырновъ или Систово, или даже на Бѣлу, въ тылъ Русскаго отряда. Къ довершенію затрудненій, на другой день послѣ второй нашей неудачи подъ Плевною, 19-го іюля, передовой отрядъ генерала Гурко за Малыми Балканами былъ также разбитъ арміею Сулеймана-паши.

Словомъ, нашъ первоначальный планъ кампаніи былъ окончательно разрушенъ. Силы, съ которыми мы начали кампанію, на многихъ пунктахъ оказались далеко недостаточными. Потребовались подкрѣпленія. Послѣдовалъ вызовъ изъ Россіи новыхъ войскъ. Вниманіе-же наше все обратилось теперь на Плевну, съ которою необходимо было покончить прежде, чѣмъ перейти въ наступленіе на другихъ пунктахъ. Повсюду, исключая линіи Плевны-Ловчи, войска наши заняли оборонительное положеніе, чтобы дать возможность подойти нашимъ подкрѣпленіямъ изъ Россіи и покончить, съ помощью ихъ, съ Плевною.

Между тѣмъ и турки не дремали. Съ необычайной энергіей они начали усиливать свою армію; выдвинули на болгарскій театръ войны 40-тысячный корпусъ Сулеймана-паши, до того времени дѣйствовавшій въ Черногоріи; перевезли въ Европу войска свои съ азиатскаго театра войны изъ Сухума; собирали ополченіе со всѣхъ частей турецкой имперіи. Къ концу іюля, въ районѣ четырехугольника крѣпостей, предъ войсками нашего Русскаго отряда, появились уже, кромѣ прежде дѣйствовавшихъ здѣсь турецкихъ войскъ, египетскій корпусъ принца Хассана, польскій легіонъ, отряды зейбековъ (пѣхота изъ Малой Азіи) и проч.

Въ то же время турки неожиданно перешли въ наступленіе по всѣмъ линіямъ, стараясь отбросить русскихъ къ Дунаю до прибытія подкрѣпленій...

Однимъ словомъ, это было самое тревожное и опасное для насъ время во всю прошлую кампанію.

Особенно же тяжело было въ это время положеніе Русскаго отряда, и безъ того уже ослабленнаго

крайнимъ разнообразіемъ поставленныхъ ему задачъ, какъ-то: прикрытіе систовской переправы, наблюденіе за Русукомъ и русуко-разградскимъ шоссе, охраненіе со стороны четырехугольника крѣпостей нашей коммуникаціонной линіи (Систово-Тырновъ) и содѣйствіе Тырновскому отряду въ отраженіи турецкаго наступленія со стороны Османъ-Базара. Сверхъ того, Русуцскій отрядъ, имѣя противъ себя главные турецкія силы, былъ слишкомъ далеко выдвинутъ впередъ, чтобы чувствовать себя въ безопасности, и, въ виду преслѣдованія вышеупомянутыхъ разнообразныхъ задачъ, не могъ сосредоточиться, чтобы быть готовымъ къ отраженію удара, какъ не могъ и ожидать подкрѣпленій себѣ, которыя только еще готовились къ походу изъ Россіи...

Тѣмъ болѣе славы войскамъ Русуцскаго отряда, которыя не только счумѣли выйти изъ этого затруднительнаго и крайне опаснаго положенія, но съ блестящимъ успѣхомъ выполнили и всѣ возложенныя на нихъ задачи. Но понятно также, что при этомъ дѣйствіи противъ Русука были уже немалыми, тѣмъ болѣе, что вскорѣ осадная артиллерія отряда была потребована изъ Мечви подъ Плевну.

20-го іюля начальникъ штаба Русуцскаго отряда получилъ отъ начальника полевого штаба арміи отзывъ отъ 10-го іюля, въ которомъ сообщалось:

„По полученной сегодня, 19-го іюля, телеграммѣ отъ генералъ-лейтенанта барона Криденера, онъ, послѣ боя у Плевны, встрѣтивъ несоразмѣрно превосходныя силы, принужденъ былъ отойти на Булгарени.

„Вслѣдствіе этого Великій Князь Главнокомандующій сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

„1) Три полка 16-й пѣхотной дивизіи, бывшіе сегодня въ Ивановцы, должны немедленно идти на Батакъ и потомъ далѣе на Градище на р. Осмѣ. Полкамъ 4-й кавалерійской дивизіи, послѣ переправы, слѣдовать на Булгарени.

„2) Минскому пѣхотному полку идти отъ Тырнова на Сельви, гдѣ ему соединиться съ Волынскимъ и Брянскимъ полками и состоять подъ общаю командою генералъ-адъютанта князя Святополькъ-Мирскаго.

„3) 11-ю пѣхотную и 13-ю кавалерійскую дивизіи оставить въ прежнемъ расположеніи.

„4) Отрядъ генералъ-адъютанта Гурко останется пока за Балканами до окончательнаго разъясненія положенія дѣлъ, причѣмъ ему предоставлена полная свобода дѣйствій.

„5) Русуцскому отряду оставаться пока въ настоящемъ его положеніи, причѣмъ подготовиться къ слѣдующимъ случайностямъ:

„Противникъ можетъ перейти въ наступленіе со стороны Шумлы, причѣмъ войска его могутъ направиться главными силами черезъ Османъ-Базаръ на Тырново, или отъ Эски-Джумы и Разграда на Церковну и Бѣлу, наконецъ отъ Разграда на Русуцскій отрядъ.

„Въ первомъ случаѣ 13-му армейскому корпусу, задерживая наступленіе той колонны, которая могла бы направиться отъ Эски-Джумы или Разграда на Церковну, главными силами поддержать войска, защищающія Тырновъ, и въ этомъ случаѣ имъ поступить подъ команду командира 8-го корпуса.

„Во второмъ случаѣ корпусъ этотъ долженъ задерживать движеніе противника, а на его помощь будутъ направлены войска отъ Тырнова черезъ Драганово и Трембешъ, а со стороны 12-го корпуса слѣдуетъ направить часть силъ этого корпуса.

„Въ третьемъ случаѣ Русуцскій отрядъ долженъ встрѣтить всѣми своими силами наступающаго противника, а въ помощь имъ будетъ направлено подкрѣпленіе изъ Тырнова.

„Во второмъ и третьемъ случаѣ общее начальство Великій Князь возлагаетъ на Его Императорское Высочество Наслѣдника Цесаревича.

„По приказанію Великаго Князя, сообщаю вашему превосходительству для доклада Его Императорскому Высочеству начальнику отряда, съ тѣмъ, чтобы немедленно приняты были всѣ мѣры, соотвѣтствующія указаніямъ Главнокомандующаго, указаннымъ выше.

„Великій Князь Главнокомандующій, сегодня 19-го іюля, съ самою небольшою частью полевого штаба, идетъ въ Бѣлу, откуда направится въ Булгарени и лично приметъ начальство надъ войсками, тамъ собирающимися.

Такимъ образомъ, отрядъ, оборонявшій Тырново, ослаблялся еще на одинъ полкъ (Минскій) и, кромѣ того, шедшіе въ составъ Русуцскаго

отряда на линію р. Янтры 16-я пѣхотная дивизія и 4-й армейскій корпусъ направились также подъ Плевну.

Что же касается до Русуцскаго отряда, то теперь его положеніе измѣнялось въ томъ смыслѣ, что на войска 13-го корпуса ложилась обязанность служить, съ одной стороны, связующимъ звеномъ между 12-мъ корпусомъ и войсками, защищавшими Тырново со стороны Османъ-Базара, причѣмъ 13-й корпусъ, въ случаѣ его перехода на помощь Тырновскому отряду, поступилъ бы подъ начальство командира 8-го корпуса (генерала Радецаго), т. е. на неопредѣленное время совсѣмъ вышелъ бы изъ состава Русуцскаго отряда, который остался бы, такимъ образомъ, съ однимъ корпусомъ (12-мъ) на пространствѣ отъ Дуная до дороги изъ Шумлы въ Тырново и отъ р. Кара-Лома до р. Янтры, — на пространствѣ, для обороны котораго недостаточно было и двухъ корпусовъ. Съ другой стороны, на 13-й корпусъ возлагалась обязанность охранять среднее теченіе рѣки Янтры и г. Бѣлу отъ противника, который могъ наступать по путямъ, пролетающимъ въ этомъ направленіи отъ Разграда и Шумлы, черезъ Кацелево и Папкію, причѣмъ на помощь 13-му корпусу должны были идти: съ лѣваго фланга — войска 12-го корпуса и съ праваго — войска Тырновскаго отряда; но если принять во вниманіе, съ одной стороны близость къ неприятелю авангарда 13-го корпуса (Папкію въ двадцати верстахъ отъ Разграда) а, съ другой отдаленность отъ того же авангарда войскъ Тырновскаго отряда, которыя перешли въ это время въ Джумлу (въ 30 верстахъ отъ Чаиркію), то своевременная помощь Русуцскому отряду со стороны послѣднихъ войскъ становилась болѣе чѣмъ сомнительною, и Русуцскій отрядъ былъ вполне предоставленъ самому себѣ.

Между тѣмъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, неприятельскія силы сосредоточивались въ это время около Разграда и на дорогѣ изъ Шумлы въ Папкію, именно около Дралъ-Факіюа. Принимая все это въ соображеніе, а также и то, что войска 13-го корпуса въ настоящемъ ихъ расположеніи (Церковна-Гренджикъ-Кара-Вербовка) не только не имѣли выгодныхъ позицій и путей для под-

воза продовольствія, но и по свойствамъ мѣстности лишены возможности своевременно оказывать другъ другу взаимную поддержку, рѣшено было войска 13-го корпуса подать отъ Церковны въ Ковачицу, занявъ въ видѣ передовыхъ пунктовъ Папкію и Гагово. Въ Кацелевѣ также приказано было оставить часть для прикрытія переправы на Кара-Ломѣ и для поддержки кавалеріи.

Въ настоящемъ случаѣ на Папкію было обращено особенное вниманіе начальника отряда, такъ какъ мѣстечко это представляло собою чрезвычайно важный пунктъ, какъ узелъ дорогъ, могущихъ служить неприятелю путями наступленія на Тырново и Вѣду отъ Дралъ-Фавію, гдѣ, по слухамъ, сосредоточивался противникъ. Кромѣ того, Папкію представлялъ превосходную въ тактическомъ отношеніи позицію. Въ виду всего этого, командиру 13-го корпуса, хотя частности расположенія войскъ и предоставлялись на его усмотрѣніе, предписывалось, однако, обратить на Папкію особое вниманіе, сильно его укрѣпить и вмѣнить въ обязанность начальнику Папкіюскаго отряда имѣть самый бдительный надзоръ за дорогою, идущею изъ Аяслава; въ случаѣ же наступленія противника изъ Шумлы черезъ Аяславъ на Папкію, упорно обороняться на папкіюской позиціи въ ожиданіи поддержанія и тотчасъ сообщить о томъ, независимо отъ своего ближайшаго начальства, начальникамъ сосѣднихъ войскъ и начальнику 11-й пѣхотной дивизіи, такъ какъ, въ случаѣ наступленія турецкихъ силъ по пути изъ Шумлы на Папкію, Его Высочество Цесаревичъ возлагалъ на 11-ю пѣхотную дивизію дѣйствовать во флангъ наступающему неприятелю черезъ Тырбелитеръ на Аяславъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалось войскамъ 13-го корпуса произвести рекогносцировку дорогъ, которыя могли служить путями сообщенія между частями этого корпуса и путями наступленія неприятеля и, кромѣ того, путями подвоза съ Янтры продовольствія. *)

Какъ мы увидимъ ниже, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ было много, если можно такъ выразиться, предвидѣнія и предусмотрительности, воспользоваться которыми лежало уже исключительно

*) Приказъ по Руцукскому отряду отъ 22-го іюля, за № 36-мъ.

и всецѣло на обязанности командира 13-го корпуса, который, вслѣдствіе значительнаго выдвиганія его войскъ въ сторону отъ главныхъ силъ, не могъ уже быть во всякое время непосредственно руководимъ штабомъ отряда.

Того же 20-го іюля было предписано авангарду 12-го корпуса (Вѣлгородскому уланскому и Ахтырскому гусарскому полкамъ) наблюдать линію отъ Дуная впереди Пиргоса и выдвинуться изъ Красны къ Кадыкію и Нисово, высылая развѣды къ сторонѣ Писанцы, прочимъ же полкамъ кавалеріи продолжать занимать линію вверхъ по Соленикскому ручью на Костанцу, Садину и далѣе на Карахасанкію, Хайдаркію и Султанкію, не теряя связи съ 13-ю кавалерійскою дивизіею.

Въ то же время, согласно желанію Главнокомандующаго, сдѣлано было сношеніе съ генераломъ Радецкимъ (въ Тырновѣ) относительно взаимной поддержки войскъ 13-го корпуса и 11-й пѣхотной дивизіи съ 13-ю кавалерійскою дивизіею, причѣмъ въ штабъ 8-го корпуса были препровождены и всѣ послѣднія распоряженія по 13-му корпусу.

Казалось, такимъ образомъ, все было предусмотрено относительно обезпеченія за нами папкіюской позиціи.

Между тѣмъ, войска 13-го корпуса, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ, довольно медленно подвигались отъ Церковны. Только 23-го іюля Папкію былъ занятъ 1-ю бригадою 1-й пѣхотной дивизіи (полки Невскій и Софійскій) съ двумя батареями (1-ю и 4-ю 35-й артиллерійской бригады); здѣсь же находились и три эскадрона Вознесенскаго уланскаго полка и четыре сотни 8-го донскаго казачьяго полка съ 15-ю конною батареею. Остальныя же части 13-го корпуса были еще на маршѣ въ Ковачицу и Гагово.

Между тѣмъ, отъ начальника полевого штаба арміи, отзывомъ отъ 23-го іюля, вновь было сообщено начальнику штаба Руцукскаго отряда слѣдующее:

„Изъ телеграммъ посла нашего въ Вѣнѣ и „Агентства Гаваса“ видно, что турки имѣютъ въ виду произвести концентрическое наступленіе на Тырново отъ Плевны и Ловчи съ одной стороны

Отступление турокъ за Янтру.

и отъ Османъ-Базара и Эски-Джумы съ другой. При этомъ они надѣются отрѣзать отрядъ генераль-адъютанта Гурко, противъ котораго направлены съ фронта соединенныя силы Сулеймана и Реуфа пашей.

„Отрядъ генераль-адъютанта Гурко, одержавъ надъ турками еще двѣ побѣды, 18-го іюля при Іени-Загрѣ, а 19-го іюля близъ Ески-Загры, 20-го іюля уже отступилъ въ балканскіе проходы въ виду почти всей арміи Сулеймана-паши, къ которой и принадлежали отряды, разбитые генераль-адъютантомъ Гурко. Теперь войска генераль-адъютанта Гурко должны быть расположены на перевалахъ Шишки и Хаинкіоя, которые имъ приказано отстаивать во что бы то ни стало. Драгунская бригада (8-й и 9-й драгунскіе полки) направлены въ Елену.

„Всѣ войска, входившія въ составъ отряда генераль-адъютанта Гурко, подчинены генераль-лейтенанту Радецкому; ему же подчинены авангарды, выдвинутые къ Сельви (три пѣхотныхъ полка подъ начальствомъ генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго) и къ Джулину на османъ-базарскую дорогу (11-я пѣхотная и 13-я кавалерійская дивизіи). Самъ генераль-лейтенантъ Радецкій со 2-ю бригадою 14-й пѣхотной дивизіи находится въ Тырновѣ.

„Имѣя въ виду такое расположеніе войскъ въ окрестностяхъ Тырнова, Великій Князь желаетъ, чтобы 13-й корпусъ, въ случаѣ наступленія главныхъ силъ турокъ изъ Османъ-Базара въ Тырново, былъ бы готовъ идти на помощь этимъ войскамъ, которыя предполагаютъ встрѣтить противника въ сильной позиціи у Лесковацъ и Раховица. Съ другой стороны, корпусъ этотъ долженъ быть готовъ встрѣтить противника, если бы онъ двинулся отъ Разграда и Ески-Джумы на Бѣлу. Для сего корпусъ долженъ выбрать выгодную позицію и сильно укрѣпить ее для того, чтобы держаться на ней до прибытія подкрѣпленій изъ Тырнова и изъ подъ Руцукъ. Къ сторонѣ Разграда и Ески-Джумы слѣдуетъ выслать авангарды и всю кавалерію, а главныя силы держать сосредоточенно.

„12-й корпусъ долженъ избрать и сильно укрѣпить позицію съ тѣмъ, чтобы онъ могъ удер-

жать съ возможно меньшими силами наступленіе противника изъ Руцукъ.

„Остальныя силы, не менѣе дивизіи пѣхоты, слѣдуетъ имѣть въ резервѣ, чтобы быть наготовѣ поддержать 13-й корпусъ, въ случаѣ наступленія противъ него главныхъ силъ турецкой арміи. Генераль-лейтенанту Радецкому предписано, въ случаѣ наступленія значительныхъ силъ противника по османъ-базарской дорогѣ, сообщить о томъ прямо отъ себя въ штабъ Руцукскаго отряда и командиру 13-го корпуса“.

Такимъ образомъ, этимъ отзывомъ, кромѣ подтвержденія прежней роли для войскъ 13-го корпуса, имъ указывалось еще занять слѣдующія весьма трудно совмѣстимыя положенія: держаться по возможности ближе къ правому флангу войскъ 12-го корпуса, выдвинуться въ то-же время къ сторонѣ Разграда и Ески-Джумы и быть одновременно съ этимъ въ полной готовности двинуться, въ случаѣ надобности, къ Лѣсковацу и Раховицамъ.

Въ виду вышеприведеннаго распоряженія главной квартиры, съ 23-го на 24-е іюня, было разослано по Руцукскому отряду приказаніе, въ которомъ предписывалось: 13-му корпусу сосредоточить всѣ свои части, кромѣ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, остававшейся въ Бѣлѣ при Императорской главной квартирѣ, въ районѣ, опредѣляемомъ пунктами: Папкіой, Гагово, Ковачица. Въ Папкію избрать и укрѣпить позицію, которую занять немедленно дивизією или тремя полками пѣхоты. Частямъ 12-й пѣхотной дивизіи оставаться на своихъ позиціяхъ. 33-й пѣхотной дивизіи составить общій резервъ и сосредоточиться близъ дер. Кара-Вербовки, выставивъ два батальона въ Кацелево, въ распоряженіе начальника кавалеріи, барона Дризена. Кавалеріи занимать прежнюю линію передовыхъ постовъ.

Въ виду необходимости наблюдать за мѣстностью къ сторонѣ Разграда и Ески-Джумы, гдѣ слабая кавалерія Тырновскаго отряда (неполная 13-я кавалерійская дивизія) не могла одна держать разѣздовъ, войскамъ Руцукскаго отряда едвали можно было занять иное расположеніе, кромѣ вышеприведеннаго.

24-го іюля, папкіойскій отрядъ былъ усиленъ

еще одним пѣхотнымъ полкомъ 35-й дивизіи, Моршанскимъ. Прочія войска 13-го корпуса окончили свои передвиженія лишь 26-го іюля.

Такимъ образомъ, расположеніе войскъ 13-го корпуса 26-го іюля было слѣдующее: штабъ корпуса и 1-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи съ батареею и корпусною артиллеріею въ видѣ резерва—въ Ковачицѣ. Пѣхотные полки: Моршанскій, Невскій и Софійскій, съ тремя батареями (1-ю и 4-ю 35-й артиллерійской бригады и 3-ю—1-й артиллерійской бригады), подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Прохорова—въ Панкюѣ; позиція была укрѣплена. Кавалерія папкюйскаго отряда—Вознесенскій уланскій полкъ и четыре сотни 8-го казачьяго полка, съ 15-ю конною батареею, была выдвинута въ Хайдаркюю, Султанкюю и Аясларь. Въ Хайдаркюю и Аясларь, кромѣ того, выставлялось по дежурному баталіону, причѣмъ одинъ баталіонъ съ двумя орудіями расположился за Аясларомъ, на горѣ Кириченъ, у входа въ ущелье. Изъ Султанкюи казачьи развѣды поддерживали связь съ 13-ю кавалерійскою дивизіею черезъ Тюрбелитеръ. Изъ Хайдаркюи отъ Вознесенскаго полка посты выставлялись къ Спихилару, т. е. за восемь верстъ отъ хайдаркюйскаго бивуака. Такое расположеніе, вызванное крайне неудобною мѣстностью (горы Сахаръ-тапе впереди Хайдаркюи между Аясларомъ и Спахиларомъ), имѣло ту выгоду, что со стороны Разграда, откуда можно было ждать наступленія турокъ, папкюйска позиція имѣла посты, выдвинутыя на тринадцать верстъ. Отъ Аяслара же мѣстность освѣщалась казаками къ сторонѣ Ески-Джумы.

Зарайскій пѣхотный полкъ съ батареею и одна сотня 8-го казачьяго полка, подъ начальствомъ генерала-маіора Баранова, была расположена въ Гаговѣ, выдвинувъ казаковъ въ Карахасанкюю.

Такимъ образомъ, главныя силы 13-го корпуса были, по возможности, сосредоточены на линіи Ковачица-Гагово, имѣя авангардъ въ Панкюѣ.

Что же касается 12-го корпуса, то ему пришлось занять крайне растянутую позицію, отъ Пиргоса у Дуная до Облавы на Кара-Ломѣ (около 40 верстъ *).

*) Войска 12-го корпуса занимали 26-го іюля слѣдующее расположеніе: штабъ—въ Трстеницѣ, 12-я пѣхотная дивизія: Азовскій и Днѣпровскій полки—у

Расположеніе 12-го корпуса прикрывали: кавалерія, находившаяся при 12-мъ корпусѣ: гусарскій Ахтырскій полкъ впереди Пиргоса отъ Дуная до р. Лома; 12-й казачій полкъ—отъ р. Лома до Кадкюи.

Кавалерія генераль-лейтенанта барона Дризена: штабъ начальника кавалеріи, а также уланскій Вѣлгородскій полкъ, дивизионъ драгунскаго Стародубовскаго полка, 9-я донская и 19-я конная батареи занимали Кацелово. Другой дивизионъ Стародубовскихъ драгунъ былъ выдвинутъ на линію: Нисово, Соленикъ и Костанцы. Гусарскій Лубенскій полкъ стоялъ у Садины. 29-го іюля всѣмъ тремъ означеннымъ полкамъ было предписано держать передовые посты также на линіи Соленикъ, Костанца и Нисово, отъ Спахилара до Кадкюи.

На смѣну Лубенскихъ гусаръ въ Садину былъ посланъ изъ Широко дивизионъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, а 1-му дивизиону гусаръ предписано было отойти въ Широко, въ конвой Цесаревича.

Такимъ образомъ, линія аванпостовъ кавалеріи Рущукскаго отряда шла отъ Дуная до Кадкюи и далѣе по теченію Соленикскяго ручья до шумлинской дороги. Линія эта, выдвинутая на 10—15 верстъ впередъ и длиною слишкомъ въ 100 верстъ, охранялась семью полками кавалеріи. На каждый полкъ среднимъ числомъ приходилось, такимъ образомъ, около 15-ти верстъ. На аванпосты ежедневно высылались отъ этихъ полковъ по одному дивизиону; эскадронъ, слѣдовательно, охранялъ участки въ 7—8 верстъ и болѣе.

Пиргоса; Украинскій полкъ—у Іованъ-Чифтлика, выдѣливъ одинъ баталіонъ на правый берегъ Лома; Одесскій полкъ—въ Трстеницѣ въ видѣ резерва; 33-я пѣхотная дивизія со скорострѣльною батареею—у Острицы, составляя общій резервъ; два баталіона Бендерскаго полка—въ конвоѣ Цесаревича.

Главная квартира и отрядный штабъ—въ Широко.

Съ другой стороны, войска генерала Радеца каго были расположены 26-го іюля: 1) въ Джулинь—восемь баталіоновъ 11-й пѣхотной дивизіи; 2) у Черемета—семь баталіоновъ (2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи и баталіонъ 41-го пѣхотнаго полка); 3) въ Тѣрно-вѣ—три баталіона (42-го пѣхотнаго полка); 4) въ Сельви—три полка; 5) остальныя войска на балканскихъ проходахъ.

Между тѣмъ, на востокѣ, за Кара-Ломомъ, собиравшись турецкія силы Мегемета-Али-паши. Наступательныя дѣйствія съ нашей стороны, какъ уже было замѣчено, приостановились. Всѣмъ нашимъ войскамъ приказано было держаться оборонительнаго образа дѣйствій, усиливъ полевыми укрѣпленіями позиціи у Пиргоса, Облавы и Папкюи. Всѣ силы Рущукскаго отряда были разбиты, занимая небольшими частями болѣе важныя пункты на 60—70-ти-верстномъ протяженіи. Поддержки ожидать было невозможно.

Роль кавалеріи при этомъ была самая тяжелая. Прикрывая войска на такомъ протяженіи, выдвинутая далеко впередъ, растянутая до крайности, въ виду непріятеля, который, постепенно сосредоточиваясь, становился все смѣлѣе и все предприимчивѣе,—кавалерія наша только могла слѣдить за его дѣйствіями, всюду опасаясь прорыва и не будучи нигдѣ въ силахъ сопротивляться. Передовые отряды турокъ постоянно тревожили наши посты. Дня не проходило безъ аванпостныхъ перестрѣлокъ и стычекъ, державшихъ почти всю нашу кавалерію на сѣдлѣ. При такой службѣ, люди и лошади день и ночь работали безсмысленно. Кавалерія ежедневно всѣми эскадронами выходила на аванпосты, такъ что люди и лошади подъ конецъ были страшно измучены.

Понятно, что при такихъ условіяхъ нечего было и думать о дальнихъ поискахъ, лихихъ набѣгахъ и смѣлыхъ развѣдкахъ, тревожившихъ противника, какъ это дѣлала кавалерія Рущукскаго отряда при первомъ своемъ появленіи за р. Янтрою. Роль ея теперь была болѣе скромная, но не менѣе полезная, если не болѣе тяжелая и опасная. Стоя на мѣстѣ подъ Рущукомъ и Разградомъ, кавалерія наша, какъ глаза арміи, зорко слѣдила за непріятелемъ посредствомъ постоянныхъ развѣдокъ, спроса жителей и лазутчиковъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что, не смотря на всѣ тяжелыя условія службы, кавалерія наша все-таки доставляла постоянно вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, всегда во-время сообщала о всѣхъ его движеніяхъ и намѣреніяхъ, ни разу при этомъ не тревожила отряда, не пропустила никого за цѣпь, отразила всѣ нападенія черкесовъ, не давъ снятъ у себя съ поста ни одного человѣка,—то нельзя,

по справедливости, не оцѣнить молодецкую службу кавалеристовъ Рущукскаго отряда.

Передовые турецкіе кавалерійскіе отряды, прежде постоянно отступавшіе предъ нашими войсками, уже съ 18-го іюля стали мѣстами переходить въ наступленіе, поддержанные нерѣдко небольшими пѣхотными частями, производя, очевидно, рекогносцировки и тревожа главнымъ образомъ Папкюискій отрядъ.

Такъ 18-го іюля было произведено нападеніе на двѣ роты Украинскаго полка у Кадкюи; 23-го іюля казаки 8-го полка и Вознесенскіе уланы были атакованы у Аяслара; въ дѣло были введены рота Софійскаго полка и 4 орудія 15-й конной батареи; 25-го іюля нападеніе было сдѣлано у Аяслара же со стороны Кизилара. Вслѣдствіе этого генераль Прохоровъ 27-го числа выдвинулъ два баталіона Невскаго полка на позицію на горѣ Криченъ къ сѣверо-востоку отъ Аяслара. Вслѣдъ затѣмъ 28-го числа турки напали на наши войска у Садины, почему изъ Гагова были направлены туда баталіонъ Зарайскаго полка и два орудія. 29-го іюля послѣдовало разомъ три нападенія: у Рущука, Мехметлера и у Костанцы, а 31-го опять у Садины. Черезъ нѣсколько дней, 4-го августа, турки атаковали у Пиргоса и Бесарбова, введя въ дѣло самостоятельный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Очевидно было, что отряды ихъ производили рекогносцировки съ цѣлью опредѣлить силы и расположеніе нашихъ растянутыхъ отрядовъ на Ломѣ, а частью чтобы отвлечь наше вниманіе отъ праваго фланга, гдѣ движеніе турецкихъ войскъ съ каждымъ днемъ становилось серьезнѣе. Однако до 9-го августа имъ нигдѣ не удалось отгѣснить наши отряды.

Въ теченіе описанныхъ попытокъ турецкихъ войскъ къ переходу въ наступленіе, съ 18-го іюля по 9-е августа, наша кавалерія не ограничивалась однимъ отраженіемъ этихъ попытокъ, но постоянно и дѣятельно производила развѣдки и поиски къ сторонѣ непріятеля, съ цѣлью выяснитъ его намѣренія и направленіе его силъ, причѣмъ кавалерія наша вскорѣ вынуждена была обратитъ особенное вниманіе на Разградъ и на шумлинскую дорогу, гдѣ замѣчалось особенно сильное движеніе турецкихъ войскъ.

Изъ всѣхъ рекогносцировокъ нашихъ кавалеристовъ и свѣдѣній лазутчиковъ обнаружилось, что подъ Разградомъ сосредоточилось до 40 таборовъ турецкой пѣхоты, при 18-ти орудіяхъ, около трехъ полковъ регулярной кавалеріи и, кромѣ того, нѣсколько сотенъ черкесовъ, и что у Разграда турки приступили къ возведенію укрѣпленнаго лагеря, который былъ также обрѣкогносцированъ нами.

То же самое подтверждалось и свѣдѣніями, сообщенными въ концѣ іюля отъ болгаръ командиромъ 13-го корпуса, генераломъ Ганомъ.

Противъ отряда генерала Радена, на османъ-базарской дорогѣ, именно около Джулины, по свѣдѣніямъ отъ лазутчика же, находилось до 1,000 человекъ иррегулярной кавалеріи и нѣсколько батальоновъ пѣхоты съ 5—6-ю орудіями.

Такимъ образомъ, почти всѣ силы турокъ, очевидно, сосредоточивались противъ центра растянутого Русскаго отряда, около Разграда. Ясно было, что первый ударъ турки нанесутъ войскамъ этого отряда.

Въ виду этого, чрезвычайно важно было для Русскаго отряда заблаговременно выяснить возможность поддержки, обѣщанной ему главною квартирою со стороны войскъ Тырновскаго отряда. Поэтому командиръ 13-го корпуса, генералъ Ганъ, вслѣдствіе постоянно повторяющихся нападеній турокъ со стороны мѣстности, отдѣляющей 13-й корпусъ отъ войскъ генерала Радена, командира 13-й кавалерійской дивизіи, положеніе котораго, судя по его сообщеніямъ генералу Гану, было также весьма затруднительно, рѣшилъ еще 27-го іюля выслать изъ Папкіоя, подъ командою начальника штаба 13-го корпуса, полковника Ильяшевича, рекогносцировочный отрядъ изъ двухъ батальоновъ Нѣжинскаго полка, четырехъ орудій, одного эскадрона Вознесенскихъ уланъ и полусотни 8-го казачьяго полка, съ цѣлью удостовѣриться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла въ сторонѣ османъ-базарской дороги, осмотрѣть доселѣ совершенно неизвѣстную мѣстность въ этомъ направленіи и установить прямую связь съ войсками генерала Радена, который съ своей стороны долженъ былъ начать движеніе изъ Джулины по условленному съ генераломъ Ганомъ направленію.

Въ 5 часовъ утра 27-го іюля полковникъ Илья-

шевичъ дошелъ до Рамкіоя (въ 20 верстахъ отъ Ковачицы), гдѣ и вошелъ въ связь съ кавалерією Тырновскаго отряда; но такъ какъ генералъ Раденъ не выслалъ пѣхоты на встрѣчу отряду, то полковникъ Ильяшевичъ, встрѣтивъ въ Рамкію турецкую пѣхоту, а съ фланговъ имѣя мѣстность, занятую многочисленными вооруженными жителями, счелъ бесполезнымъ дальнѣйшее движеніе впередъ и, потерявъ въ Рамкію одного убитымъ и двухъ ранеными, возвратился поздно вечеромъ 28-го іюля въ Ковачицу.

Поискъ не принесъ, такимъ образомъ, ощутительныхъ результатовъ. Мѣстность, на которой должно было произойти соединеніе войскъ Тырновскаго отряда съ войсками 13-го корпуса, не только была не очищена, но и не изслѣдована какъ слѣдуетъ, причѣмъ надлежащая связь съ Тырновскимъ отрядомъ осталась неустановленною. Всему этому препятствовала, конечно, крайняя малочисленность войскъ Тырновскаго отряда. Но отсюда уже можно было заключить, какъ мало могъ рассчитывать 13-й корпусъ, въ случаѣ надобности, на поддержку со стороны войскъ Тырновскаго отряда.

Такимъ образомъ, войска Русскаго отряда, выдвинутыя далеко впередъ, растянутыя на огромномъ протяженіи и разбитыя на отдѣльные отряды, поставленные въ наиболѣе лишь важныхъ пунктахъ, не могли ожидать ниоткуда ни подкрѣпленій, ни поддержки себѣ и должны были рассчитывать только на свои собственные силы, въ виду быстро собиравшейся надъ ними злобѣйшей тучи.

Объ отступленіи и сосредоточеніи силъ теперь едва-ли можно было думать, тѣмъ болѣе, что, въ виду возложенныхъ главною квартирою разнообразныхъ задачъ на войска Русскаго отряда, они не могли покинуть занятого имъ расположенія, не отказавшись совсѣмъ отъ наблюденія за Разградомъ и отъ прикрытія Тырнова. Съ другой стороны, отступление, начатое преждевременно, могло повести къ печальнымъ результатамъ. Турокъ, безъ сомнѣнія, воодушевило бы это отступление, и они двинулись бы безпрепятственно впередъ по слѣдамъ отступающаго отряда и, не давъ ему времени сосредоточиться и прочно укрѣпиться на избранной позиціи, могли бы съ большими шансами на успѣхъ сдѣлать попытку къ прорыву на Систово, Вѣлу

или Тырновъ. Такимъ образомъ, Русскаго отряда, не давъ туркамъ серьезнаго сраженія, которое бы на нѣсколько времени задержало ихъ наступленіе, не могъ безъ явнаго риска начать отступленіе или сосредоточеніе отряда, тѣмъ болѣе, что это сосредоточеніе открыло бы туркамъ шумлинскую дорогу и вообще всѣ доступы къ Тырнову съ сѣверо-востока, почти совсѣмъ въ это время незанятые нами, и прикрытіе которыхъ составляло теперь одну изъ главнѣйшихъ задачъ Русскаго отряда.

Но, съ другой стороны, и выжиданіе встрѣчи съ противникомъ на крайне растянутой позиціи по Кара-Лому и Лому представлялось также положеніемъ весьма рискованнымъ для войскъ Русскаго отряда. Сосредоточенный и, во всякомъ случаѣ, превосходный въ силахъ противникъ, при извѣстной долѣ энергіи и предприимчивости, могъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ прорвать растянутый фронтъ нашего расположенія, имѣвшаго крупные интервалы, которые допускали возможность весьма опаснаго обхода нашихъ позицій въ тылъ и фланги отдѣльнымъ отрядамъ на Кара-Ломѣ.

Какъ бы тамъ ни было, а войскамъ Русскаго отряда оставалось теперь только одно—быть готовыми къ отраженію уже занесеннаго противъ нихъ удара.

Въ виду того, что главныя силы турокъ сосредоточивались у Разграда, можно было ожидать, что они начнутъ наступленіе или противъ Папкіоя, или же—что представлялось тогда наиболѣе вѣроятнымъ—на центръ растянутого расположенія отряда. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наши позиціи у Кацелева и Аблавы приобрѣтали особенное важное значеніе. Эти два пункта составляли узелъ дорогъ, идущихъ отъ Русука и Разграда на Вѣлу и на югъ въ тылъ расположенія войскъ 13-го корпуса. Поэтому позиція у Аблавы, на лѣвомъ берегу Лома, была еще 5-го августа сильно укрѣплена нами и занята бригадою пѣхоты изъ отряднаго резерва. Отрядный же резервъ былъ вновь составленъ изъ одного полка 33-й пѣхотной дивизіи и 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, которая, вслѣдствіе перехода Императорской главной квартиры изъ Вѣлы въ Горній-Студень, была переведена на мѣсто расположенія отряднаго резерва—въ Острицу.

Такимъ образомъ, войска центра и праваго фланга Русскаго отряда къ 5-му августа заняли слѣдующее расположеніе: на Аблавской позиціи расположились пѣхотные полки 33-й дивизіи—Бессарабскій и Тираспольскій, со 2-ю, 3-ю и 6-ю батареями 33-й артиллерійской бригады. Въ Кацелево—два батальона Бендерскаго полка*) съ 5-ю батареею 33-й артиллерійской бригады. Въ Острицѣ былъ расположенъ отрядный резервъ, изъ Херсонскаго пѣхотнаго полка и 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи (полки—Нарвскій и Капорскій), съ 1-ю и 4-ю батареями 33-й артиллерійской бригады, съ двумя батареями 1-й артиллерійской бригады и съ скорострѣльною батареею.

13-й корпусъ продолжалъ занимать прежнее расположеніе, именно: въ Ковачицѣ—корпусный штабъ, а также—1-я бригада 35-й пѣхотной дивизіи (полки: Нѣжинскій и Волховской) со 2-ю и 5-ю батареями 35-й артиллерійской бригады и съ шестью батареями 1-й и 35-й артиллерійскихъ бригадъ, при одной сотнѣ 8-го казачьяго полка въ видѣ корпуснаго резерва. Одинъ батальонъ Нѣжинскаго полка съ двумя орудіями 3-й батареи 1-й артиллерійской бригады былъ выдвинутъ въ Омуркѣю.

Въ Гагово—Зарайскій пѣхотный полкъ съ 1-ю батареею 35-й артиллерійской бригады, выдвинувъ сотню 8-го казачьяго полка и одинъ батальонъ съ двумя орудіями въ Карахасанкѣю.

Въ Попкію—Моршанскій пѣхотный полкъ и 1-я бригада 1-й пѣхотной дивизіи (полки Невскій и Софійскій), съ 1-ю и 4-ю батареями 1-й артиллерійской бригады и съ 4-ю батареею 35-й артиллерійской бригады, уланскій Вознесенскій полкъ и четыре сотни 8-го казачьяго полка, съ 15-ю конною батареею. Уланскій полкъ съ конною батареею былъ выдвинутъ изъ Папкіоя въ Хайдаркѣю, а казачій полкъ—въ Аясларь. Кромѣ того, за деревню Аясларь, на высоту Кириченъ, находящуюся у входа въ Аясларское ущелье, и въ Хайдаркѣю выставлялись ежедневно изъ Папкіоя по одному дежурному батальону при двухъ орудіяхъ*).

*) Третій батальонъ Бендерскаго полка находился въ Широко, въ конвоѣ Цесаревича.

***) 12-й корпусъ въ это время былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: штабъ—Трстеникъ; 12-я пѣхотная

Вышеуказанное расположение войск Рущукского отряда оставляло незанятыми на р. Кара-Ломъ два весьма значительные промежутка: отъ Иванъ-Чифтлика до Широко (около 20 верстъ) и отъ Аблавы черезъ Опаку до Гагово (около 15 верстъ); промежутки эти прикрывались одною лишь кавалеріею, въ виду необходимости имѣть пѣхоту хоть сколько нибудь сосредоточенною. Очевидно, что промежутки эти представляли весьма удобные пункты для обхода съ фланговъ нашей позиціи у Аблавы-Кацелево. Но заполнить ихъ было нечѣмъ: и безъ того уже пришлось крайне растянуть войска.

Въ виду ожидаемаго наступленія турокъ и упомянутого вынужденнаго недостатка въ расположеніи нашихъ войскъ, 5-го августа приказаніемъ по Рущукскому отряду было подробно опредѣлено значеніе выбранныхъ позицій и роль войскъ.

Въ случаѣ наступленія непріятеля на центръ, предписано двумъ Бендерскимъ баталіонамъ съ батареею, расположеннымъ у Кацелево, держаться на занятой позиціи и дать время войскамъ на аблавской позиціи изготovitъ къ бою. Затѣмъ, когда Бендерскіе баталіоны будутъ вынуждены отступить, то отступать по правому берегу Лома на Острицу и здѣсь прикрывать дорогу на Широко. Полкамъ 33-й пѣхотной дивизіи упорно оборонять аблавскую позицію. Отрядному резерву, по первому выстрѣлу у Кацелева, занять позицію у Острицы и быть готовымъ слѣдовать, въ случаѣ требованія, на поддержку къ Аблавѣ.

Если бы силы непріятеля оказались настолько значительными, что держаться у Аблавы не оказалось возможнымъ, или если бы непріятель обход-

дивизія и 2-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи — на позиціи у Пиргоса, имѣя въ резервѣ у Трстеника пѣхотный Одесскій полкъ, съ 3-ю и 6-ю батареями. Два батальона Украинскаго пѣхотнаго полка съ четырьмя орудіями у Иванъ-Чифтлика, при чемъ одинъ батальонъ на правомъ берегу Лома. Казачій полкъ въ Кадькиюфъ, съ двумя орудіями донской № 5-го батареи, гусарскій Ахтырскій полкъ у Ханъ-Гюль-Чесме. Кавалерія, находящаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника кавалеріи: штабъ—Аблага; драгунскій Стародубовскій полкъ, уланскій Бѣлгородскій полкъ, конная № 19-го батарея, донская казачья № 9-го батарея (занявъ передовыми частями линію отъ Нисова до Констанце, держа связь съ казаками въ Кадькиюфъ и съ гусарами и атаманцами въ Саднифъ), дивизіонъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка и дивизіонъ гусарскаго Лубенскаго полка—въ Саднифъ.

ными движеніемъ изъ Опаки на Еренджиѣ заставлялъ насъ очистить аблавскую позицію, то предполагалось войска 13-го корпуса, не оголая передовыхъ позицій у Папкіюя и Гагова, направить черезъ Поламарце на сообщенія противника. Если бы непріятель повелъ атаку на 13-й корпусъ, то этотъ послѣдній долженъ былъ получить поддержку отъ Тырновскаго отряда и резерва Рущукскаго отряда.

Наступленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ отъ Рущука по шоссе представляло, по имѣющимся свѣдѣніямъ, значительно менѣе вѣроятія. Въ случаѣ же серьезнаго наступленія противъ 12-й пѣхотной дивизіи поставлено цѣлью оборонять шоссе и прикрывать осадный инженерный паркъ въ Мечѣѣ.

Дороги, по которымъ пришлось бы, въ случаѣ надобности, передвигать войска и обозы, были изслѣдованы и, гдѣ нужно, исправлены и разработаны вновь.

Приказаніемъ по отряду 6-го августа, начальнику кавалеріи, барону Дризену, и командиру 13-го корпуса, генералу Гану, было предписано произвести кавалеріею усиленные поиски къ сторонѣ непріятеля, причемъ первому — въ мѣстности къ западу отъ Разграда, а второму — къ юго-западу отъ Разграда. Въ то же время другимъ приказомъ было обращено вниманіе всей кавалеріи на то, чтобы она, уклоняясь отъ боя съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, съ другой стороны стремилась отбросить и разсѣять тѣ незначительные кавалерійскіе отряды, которые прикрывали бы наступленіе главныхъ силъ, а также старалась бы раскрыть послѣднія, опредѣлить направленіе ихъ путей и порядокъ движенія и ни въ какомъ случаѣ преждевременно не обнаруживать своей пѣхоты, стоящей на позиціи позади, и немедленно сообщать обо всемъ замѣченномъ на ближайшій пѣхотный бивуакъ и въ сосѣднія кавалерійскія части.

Во исполненіе вышеупомянутого приказанія, 9-го августа отъ войскъ Рущукскаго отряда были произведены три поиска: одинъ изъ центра, причемъ непріятельскихъ войскъ не было встрѣчено, и два отъ войскъ 13-го корпуса, причемъ положительно былъ обнаруженъ переходъ въ наступленіе турокъ противъ расположенія папкіюйскаго отряда...

Два послѣдніе поиска были произведены, съ од-

ной стороны, полковникомъ Каульбарсомъ, изъ Хайдаркіюя на Башислеръ, и съ другой — генераломъ Прохоровымъ, изъ Аяслара на Казиларъ; оба отряда должны были соединиться у Драль-Факіюя, на шумлинской дорогѣ.

Генералъ Прохоровъ, съ 1-мъ и 3-мъ эскадронами Вознесенскихъ уланъ и съ нѣсколькими ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ 15-й конной батареи, двинулся къ Кизилару черезъ Аясларское ущелье. Почти тотчасъ по вступленіи въ это ущелье, отрядъ былъ встрѣченъ массами вооруженныхъ жителей и черкесовъ, которые однако были разогнаны маіоромъ Дотіевымъ съ эскадронномъ Вознесенскихъ уланъ. Подойдя же къ Кизилару (въ 8 верстахъ отъ Аяслара), отрядъ встрѣтилъ уже регулярную турецкую пѣхоту на укрѣпленной позиціи, при шести орудіяхъ, тотчасъ же открывшихъ по нашимъ огонь. Простоявъ подъ гранатами цѣлый день и оставивъ турокъ развернуть и показать свои силы, отрядъ генерала Прохорова къ вечеру вернулся къ Аяслару, далеко провожаемый турецкими гранатами.

Между тѣмъ, полковникъ баронъ Каульбарсъ, съ остальными двумя эскадронами Вознесенскихъ уланъ, одной сотней казаковъ, двумя батальонами Моршанскаго полка, четырьмя орудіями 15-й конной батареи и взводомъ пѣшей артиллеріи, двинулся изъ Хайдаркіюя на Башислеръ. Выславъ 4-й эскадронъ уланъ на лѣвый флангъ къ Спахилару, выдвинувъ въ то же время часть 1-го батальона Моршанцевъ на правый флангъ, къ горамъ Сахаръ-Тепе, и оставивъ приблизительно три роты въ резервѣ, полковникъ баронъ Каульбарсъ съ остальными частями отряда двинулся къ Башислеру. Тутъ отрядъ нашъ встрѣченъ былъ со всѣхъ впереди лежащихъ высотъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, такъ что полковникъ Каульбарсъ долженъ былъ приостановить наступленіе, не доходя Башислера, и, выдвинувъ на позицію артиллерію, приказалъ ей гранатами очистить кусты на высотахъ, въ которыхъ засѣли массы непріятельскихъ стрѣлковъ. Наконецъ, часу въ третьемъ по-полудни, онъ приказалъ уже общее наступленіе, какъ вдругъ съ ближайшей высоты за Башислеромъ открылся огонь изъ двухъ непріятельскихъ орудій. Наша артиллерія, сосредоточивъ свой огонь на этихъ орудіяхъ,

скоро заставила ихъ замолчать но это позволило туркамъ открыть опять убійственный ружейный огонь по наступающимъ ротамъ. Въ то же время получено было извѣстіе отъ уланъ изъ Спахилара о сосредоточеніи противъ нашего лѣваго фланга, со стороны Разграда, густыхъ колоннъ турокъ. Не успѣлъ баронъ Каульбарсъ сдѣлать соответствующее полученному извѣстію распоряженіе, какъ съ высотъ, лежащихъ далеко къ востоку отъ д. Башислеръ, показался дымъ, и турецкая граната упала, саженъ тридцать не долетѣвъ до нашихъ орудій, слѣдующая перелетѣла тридцать саженъ и затѣмъ залпъ цѣлой батареи сразу положилъ шесть гранатъ у самыхъ колесъ и хоботовъ нашихъ орудій. Наши четырехфунтовки попробовали было отвѣчать, но, не смотря на большой уголъ возвышенія, гранаты наши далеко не долетѣли до непріятельской батареи, до которой, какъ съ точностію было опредѣлено послѣ, было слишкомъ пять верстъ. Очевидно, у турокъ дѣйствовали дальнбойныя орудія. Турецкія гранаты продолжали залпами ложиться вокругъ нашихъ орудій, не нанося, впрочемъ, никакого вреда имъ. Простоявъ нѣсколько времени подъ этимъ учащеннымъ огнемъ, полковникъ Каульбарсъ дожидаясь дальнѣйшихъ свѣдѣній о движеніи турокъ, когда, наконецъ, имъ замѣчено было, неподалеку отъ дальнбойной турецкой батареи, движеніе нѣсколькихъ глубокихъ пѣхотныхъ колоннъ, занимавшихъ позицію на высотахъ, преграждавшихъ намъ дальнѣйшее движеніе за Башислеръ.

Одновременно съ этимъ изъ Спахилара отъ уланъ опять пришло извѣстіе о движеніи сильныхъ непріятельскихъ колоннъ съ артиллеріею со стороны Разграда, обходящихъ уже лѣвый флангъ нашей далеко выдвинутой впередъ пѣхотной цѣпи. Уланскіе разъѣзды, не смотря на открытый по нимъ сильный ружейный огонь, какъ говорится, висѣли на носу у наступающаго непріятеля, такъ что имъ ясно были видны даже лица турокъ.

Простоявъ еще нѣсколько времени у Башислера съ тѣмъ, чтобы дать возможность кавалеріи слѣдить за движеніями непріятеля, полковникъ баронъ Каульбарсъ, видя полную невозможность продолжать со своимъ небольшимъ отрядомъ дальнѣйшее наступленіе, тѣмъ болѣе, что по доносившейся справа, изъ-за Сахаръ-Тепе, вѣстивъ ясно можно было

судить, что и генералъ Прохоровъ не далеко по-двинулся, — началъ понемногу стягивать роты на первоначальную позицію, гдѣ дождался, въ виду турокъ, приостановившихъ свое движеніе, наступленія ночи и тогда только отошелъ на бивуакъ у Хайдаркюя *).

Въ теченіи ночи весь Вознесенскій полкъ изъ обоихъ отрядовъ собрался на своемъ бивуакѣ у Хайдаркюя, въ то время, какъ за деревнею Аясларомъ, на правомъ берегу рѣки Кара-Дома, на высотѣ у входа въ Аясларское ущелье, остался по обыкновенію дежурный батальонъ Нѣжинскаго полка съ двумя орудіями.

Вышеописанныя двѣ рекогносцировки ясно обнаружили, съ одной стороны, движеніе турокъ отъ Разграда въ сторону Хайдаркюя и Дралъ-Факюя и, съ другой стороны, сосредоточеніе непріятеля въ значительныхъ силахъ на скиджумской дорогѣ у Кизилара, противъ Аяслара.

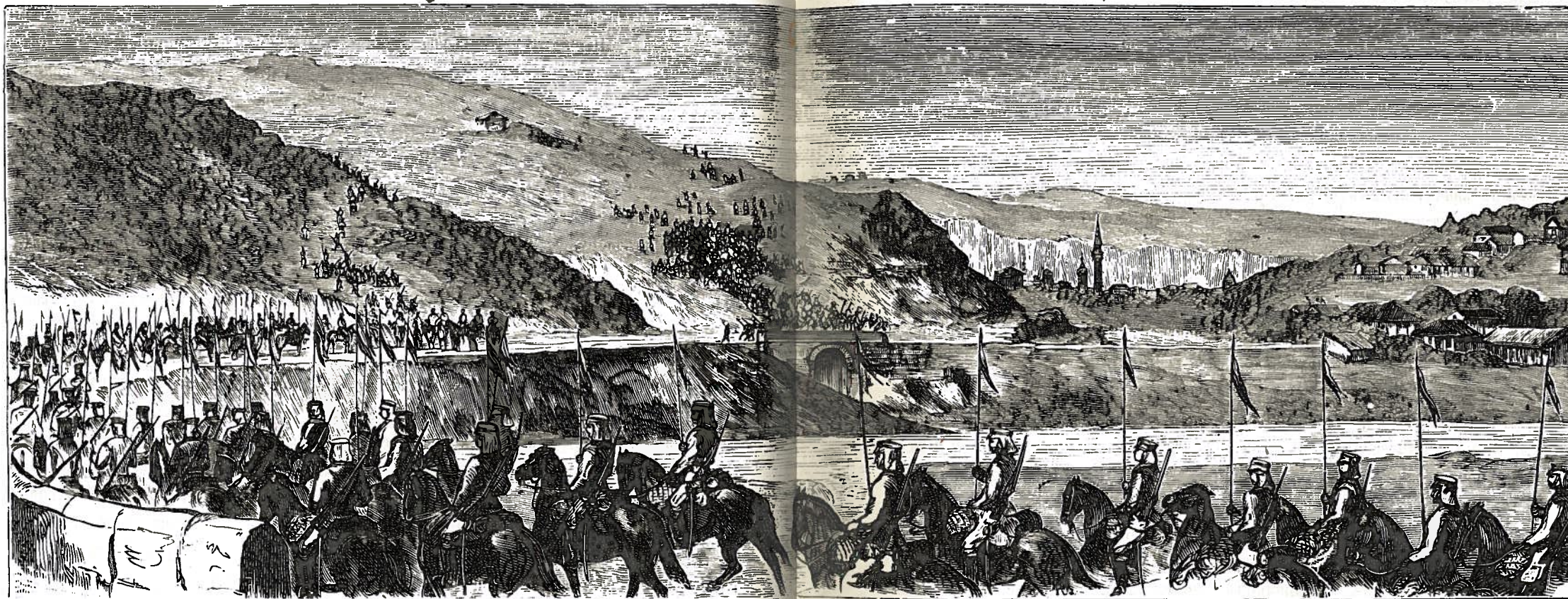
Въ виду появленія непріятеля противъ всего расположенія Палкіойскаго

отряда, днемъ 9-го августа были передвинуты изъ Ковачицы въ Палкію еще два батальона Болхов-

*) Обѣ описанныя рекогносцировки турки приняли за серьезное наступленіе съ нашей стороны, причѣмъ заходомъ всего этого дѣла слѣдилъ самъ Мегеметь-Али-паша, готовившійся уже двинуть противъ полковника Каульбарса бригаду Сабита-паша. Потери турокъ въ этотъ разъ доходили до 150 человекъ. На слѣдующій день они ждали вторичнаго нападенія русскихъ; но такъ какъ этого не случилось, то турки 10-го августа сами двинулись къ Аяслару.

скаго полка съ батареею, такъ что въ резервѣ 13-го корпуса, въ Ковачицѣ, остались всего два батальона Нѣжинскаго полка.

Чтобы уяснить себѣ значеніе наступающихъ событій, необходимо припомнить общее положеніе дѣлъ въ это время на болгарскомъ театрѣ войны. Какъ извѣстно, 9-го августа турки почти всюду перешли въ наступленіе противъ нашихъ войскъ, еще не успѣвшихъ получить подкрѣпленій изъ Россіи. Сулейманъ-паша атаковалъ Шипку; Османъ-паша

ВСТУПЛЕНІЕ РУССКИХЪ ВЪ БѢЛУ.

двинулъ часть своихъ войскъ чрезъ Ловчу на Сельви. Слѣдовательно, можно было съ минуты на минуту ожидать энергическаго наступленія и со стороны разградской арміи турокъ.

Начальникъ штаба Руцукскаго отряда 9-го августа получилъ слѣдующую телеграмму отъ генерала Радецкаго:

„Шипка сильно атакована арміею Сулеймана-паша. Завтра иду на Габрово со стрѣлковой бригадою и двумя полками 14-й пѣхотной дивизіи;

здѣсь же, противъ Османъ-Базара, остается командиръ 11-го корпуса, главная квартира котораго остается въ Раховицѣ, а завтра или послѣ завтра перейдетъ въ Казаревицу. Сообщаться съ княземъ Шаховскимъ вашему превосходительству удобнѣе всего чрезъ командующаго 13-ю кавалерійскою дивизіею“.

Такимъ образомъ, 9-го августа въ составѣ Тырновскаго отряда остались только 11-я пѣхотная дивизія и только-что возвратившаяся изъ-подъ Цлевны, почти въ половинномъ своемъ составѣ,

„Вой у Шипки продолжается до сихъ поръ, хотя нѣсколько приступовъ отбито. Изъ Ловчи сегодня, 9-го августа, турки выступили на Сельви, въ какихъ силахъ—неизвѣстно; въ 12 часовъ дня посты открыли по нимъ огонь; 2-я пѣхотная дивизія направлена въ Сельви; будь готовъ встрѣтить тоже непріятеля въ случаѣ, если онъ пойдетъ на Теби или на Шаховскаго“.

Подписаль: „Николай“.

Все это показывало, что силы наши, по всема вѣскимъ причинамъ, все болѣе и болѣе оттягивались отъ Тырнова въ противоположныя съ расположеніемъ Руцукскаго отряда стороны, оставляя его все болѣе и болѣе одинокимъ.

Между тѣмъ, зловѣщія тучи собрались уже надъ войсками Руцукскаго отряда и готовы уже были разразиться страшною грозой...

Неизвѣстно, потому ли, что въ нашемъ палкіойскомъ отрядѣ не было въ точности опредѣлено 9-го августа направленіе движенія турокъ, одинаково появившихся и передъ

32-я пѣхотная дивизія. Въ виду сосредоточенія этихъ дивизій на османъ-базарской дорогѣ, у Раховицъ и Казаревицы, т. е. въ 30 верстахъ отъ праваго крыла Руцукскаго отряда, послѣдній едва ли могъ рассчитывать на поддержку со стороны ихъ, въ виду уже обнаружившагося движенія турокъ противъ нашей палкіойской позиціи.

Того же 9-го августа Наслѣдникъ Цесаревичъ получалъ слѣдующую депешу отъ главнокомандующаго изъ Горнаго Студена:

Хайдаркюемъ, и впереди Аяслара, или же вслѣдствіе необычайной быстроты въ наступленіи турокъ, только 10-го августа, рано утромъ, дежурный батальонъ Нѣжинскаго полка, при двухъ орудіяхъ 3-й батареи 1-й артиллерійской бригады, занимавшей высоту впереди Аяслара, у входа въ ущелье, былъ неожиданно атакованъ со стороны этого ущелья восемью батальонами турокъ, поддержанными сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Нѣжинскій батальонъ былъ сбитъ съ высоты и отступилъ на лѣвый

берегъ Кара-Лома, къ рощѣ, расположенной у Аяслара.

1-й эскадронъ Вознесенскихъ уланъ тотчасъ же былъ посланъ изъ Хайдаркюя къ мѣсту дѣйствія и занялъ позицію вблизи отступившаго батальона, охраняя такимъ образомъ его фланги.

Когда, такимъ образомъ, позиція на высотѣ за Аясларомъ была уже отдана, тогда въ штабѣ 13-го корпуса пришли къ сознанию важности ея для насъ и не въ смыслѣ только удобнаго мѣста для дежурной части, а какъ пункта, обеспечивающаго расположеніе всего папкюйскаго отряда. Вслѣдствіе этого, командиръ 13-го корпуса отдалъ приказаніе генералу Прохорову немедленно отнять у турокъ занятую ими высоту и за ночь укрѣпить ее.

Въ то-же время корпусный командиръ, генералъ Ганъ, немедленно телеграфировалъ въ Широко начальнику штаба Рушукскаго отряда о томъ, что у Аяслара непріятель наступаетъ въ значительныхъ силахъ по ески-джумской дорогѣ, что турки уже заняли нашу передовую позицію впереди Аяслара и что въ резервѣ, въ Ковачицѣ, осталось всего два батальона Нѣжинскаго полка и менѣе полусотни казаковъ, такъ что прикрѣпиться штабу, въ случаѣ надобности, нечѣмъ; затѣмъ, генералъ Ганъ сообщалъ, что такъ какъ наше расположеніе у Аяслара охраняетъ и обеспечиваетъ позиціи Папкюя, Гагова, Хайдаркюя и Кара-Хасанкюя, то онъ предписалъ генералу Прохорову возвратитъ нашу позицію у Аяслара.

Вслѣдствіе полученныхъ донесеній отъ генерала Гана, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ немедленно двинуть изъ Аблавы Бессарабскій и Тираспольскій пѣхотные полки съ дивизіономъ уланскаго Вѣлгородскаго полка въ Гагово, на мѣсто расположенія Зарайскаго полка, съ тѣмъ, чтобы войска изъ Гагова, въ случаѣ надобности, могли поддержать генерала Прохорова. Объ этомъ сообщено было командиру 13-го корпуса, причемъ напоминалось, чтобы онъ сообщалъ обо всемъ князю Шаховскому въ Тырновскій отрядъ, а свѣдѣнія, полученные отъ него, сообщалъ въ отрядный штабъ.

Между тѣмъ, генералъ Прохоровъ, для возвращенія занятыхъ турками утромъ 10-го августа впереди Аяслара высотъ, назначилъ Софійскій

полкъ, два батальона Невскаго полка*), 1-ю и 4-ю батареи 1-й артиллерійской бригады, къ которымъ присоединились и два орудія 3-й батареи той же бригады, бывшія съ отступившимъ дежурнымъ батальономъ Нѣжинскаго полка, и 6-ю сотню 8-го казачьяго полка. Эскадронъ Вознесенскихъ уланъ былъ отпущенъ въ Хайдаркюю. Всего для атаки назначено было пять батальоновъ, одна сотня и 18 орудій. Въ резервъ этимъ войскамъ назначены были два батальона Волховскаго полка.

Нужно замѣтить, что собственно папкюйская укрѣпленная позиція, на которой остался Моршанскій полкъ, находилась на лѣвой сторонѣ Кара-Лома, къ западу отъ этой рѣки, и была расположена на отрогахъ горъ къ сѣверу и востоку отъ деревни Папкюя. Отъ этой папкюйской позиціи идетъ къ р. Кара-Ломъ полого спускающееся плато. За рѣкою, на правомъ берегу ея, къ востоку отъ д. Аясларъ, поднимается опять значительная высота, на которой и находилась собственно наша передовая аясларская позиція, отнятая турками и которую теперь приходилось вновь возвращать. Высота эта носитъ названіе „Кириченъ“ и находится отъ папкюйской позиціи на разстояніи приблизительно семи верстъ.

Гора Кириченъ съ западной стороны, съ которой приходилось овладѣть ею, круто спускается къ р. Ломъ, имѣя весьма мало откосовъ, и притомъ всѣ они весьма узки и имѣютъ направленіе наискось отъ вершины къ подошвѣ; съ южной-же стороны и съ юго-восточной гора эта имѣетъ болѣе обширные и болѣе доступные отроги, занятые частью кустарникомъ—по скатамъ, частью пашнями—на вершинахъ. Самый гребень горы весьма узокъ и тянется полого съ запада на востокъ. Гребень этотъ также покрытъ кустарникомъ и оканчивается на востокѣ мелкимъ обрывомъ, за которымъ начинается длинный и пологій восточный скатъ горы, покрытый частью кустарникомъ, частью пашнями. На половинѣ этого ската поднимается высокій холмъ, за которымъ опять продолжается скатъ,

*) 1-й батальонъ Невскаго полка въ этотъ день былъ дежурнымъ на позиціи у Хайдаркюя. Батальоны Нѣжинскаго полка были стянута въ Ковачицѣ, для прикрытія корпуснаго штаба. Моршанскій полкъ оставался на позиціи у Папкюя.

покрытый пашнями и соединяющійся снова съ лѣсистыми возвышенностями горъ Сахаръ-Тепе. Сѣверный скатъ горы Кириченъ еще положе восточнаго и соединяется съ сосѣднимъ, южнымъ скатомъ горы Карадерли-Беиръ, образуя въ промежуткѣ между этими горами весьма просторную сѣдловину, сплоть покрытую пашнями и совершенно открытую. Отъ этой сѣдловины начинается подъемъ на Карадерли-Беиръ, сплоть покрытый густымъ кустарникомъ, и такой же подъемъ на гору Кириченъ.

Такова была, въ общихъ чертахъ, позиція, занятая передовыми непріятельскими войсками, численность которыхъ была намъ неизвѣстна, но которыя, безъ сомнѣнія, имѣли за собою значительныя силы: иначе турки не рѣшились бы выдвинуться такъ близко къ нашему Папкюйскому отряду.

Такъ какъ атака днемъ на весьма крутыя и поросшія кустарникомъ горы неизбѣжно повлекла бы весьма значительную потерю въ людяхъ и могла поэтому совершенно не удался, то было рѣшено атаку произвести по наступленіи темноты. Вслѣдствіе сего генералъ Прохоровъ приказалъ войскамъ быть готовыми на своихъ бивуакахъ къ 5¹/₂ часамъ по-полудни.

Къ 7-ми часамъ вечера всѣ войска, назначенныя для атаки, собрались позади рощи, находящейся между дд. Султанкюю и Аясларъ.

Желая подготовитъ успѣхъ атаки артиллерійскимъ огнемъ, начальникъ отряда вызвалъ на позицію обѣ батареи (1-ю и 4-ю), къ которымъ съ праваго фланга пристроились и два орудія 3-й батареи. Въ 7¹/₂ часовъ вечера батареи открыли огонь по высотамъ, преимущественно картечными гранатами, чтобы очистить кусты и лоцины на скатахъ горы отъ турецкихъ стрѣлковъ. Обстрѣливаніе это весьма энергически продолжалось до 9-ти часовъ вечера.

Между тѣмъ пѣхота построилась въ боевой порядкѣ. 3-му батальону Невскаго полка приказано было атаковать высоты вправо отъ дороги, идущей отъ Аяслара въ Кизиларъ, 2-му батальону Софійскаго полка—атаковать половиною батальона отрогъ южной высоты Кириченъ, а другою половиною—юго-западный склонъ этой самой высоты, 3-му батальону Софійскаго полка приказано было подняться по откосу горы, идущему отъ вершины къ подошвѣ

въ сѣверномъ направленіи, и занять на вершинѣ горы холмъ. 2-му батальону Софійскаго полка приказано было поддержать энергически атаку переднихъ своихъ батальоновъ.

Въ девять часовъ вечера, при лунномъ свѣтѣ, батальоны тронулись съ мѣста, и черезъ 20 минутъ, спустившись по отлогости къ р. Лому остановились въ ожиданіи сигнала для атаки. Въ это время пальба батареями была прекращена, дабы дать войскамъ пройти удобнѣе и безопаснѣе къ рѣкѣ Лому; но какъ только они спустились въ долину этой рѣки, батареи снова открыли огонь по высотамъ и въ пространство, за ними находящееся. Черезъ четверть часа данъ былъ сигналъ „всѣ“ и „наступленіе“, по которому артиллерія прекратила стрѣльбу и отошла въ резервъ, а батальоны перешли въ бродъ черезъ р. Ломъ и быстро двинулись къ высотамъ, съ которыхъ немедленно открытъ былъ турками самый оживленный огонь. Не взирая на этотъ огонь, стрѣлки и роты обихъ полковъ молча и быстро подбѣжали къ подошвѣ высотъ,—грянуло первое „ура“, и отважные стрѣлки и головныя роты всѣхъ трехъ батальоновъ бросились на высоты. Тридцать минутъ спустя послѣ сигнала „наступленіе“, на вершинѣ горы раздалось радостное и долго длившееся „ура“, удостовѣрившее, что юго-восточный уголъ вершины былъ нами уже занятъ.

До сихъ поръ штурмующія войска имѣли противъ себя только непріятельскихъ стрѣлковъ и ихъ ближайшія поддержки; съ занятіемъ же гребня горы, вступили въ дѣло непріятельскіе резервы и открыли по атакующимъ огонь—частію залпами, частію бѣглымъ огнемъ, и затѣмъ бросились впередъ, съ цѣлью сбросить Софійцевъ съ горы; но поднявшіяся части смѣло ударили въ штыки и съ крикомъ „ура“ отбросили турокъ къ противоположному скату горы.

Къ 11-ти часамъ ночи вся высота была уже занята Софійскимъ полкомъ; турки отступили на ближайшія высоты, отдѣляющіяся отъ Киричена весьма неглубокимъ оврагомъ, и даже превратили стрѣльбу, такъ что въ 11 часовъ 40 минутъ гора Кириченъ была вся занята нами и Софійскій полкъ огласилъ воздухъ радостнымъ и продолжительнымъ крикомъ „ура“.

Быстрота наступленія, полумракъ лунной ночи

и смѣлость самаго наступленія—одни только могутъ объяснить почти ничтожную потерю, понесенную войсками во время этого молодецкаго штурма (38 человекъ). Въ концѣ 12-го часа ночи турки совсѣмъ прекратили перестрѣлку. Но едва генералъ Прохоровъ отправилъ донесеніе о занятіи высоты, какъ по всему пространству горы завязалась сначала одиночная, потомъ весьма оживленная перестрѣлка, вслѣдъ за которою турки бросились впередъ съ крикомъ „алла“. Какъ ни внезапно былъ этотъ переходъ въ наступленіе, но храбрые софійскія роты не смѣшались и встрѣтили турокъ залпами, за которыми послѣдовало грозное русское „ура“. Турки, ошеломленные залпами, не выдержали и побѣжали, но, отбѣжавъ, какъ уже утромъ оказалось, до своихъ ложементовъ, открыли частый и бѣглый огонь, на который софійскія роты отвѣчали не менѣе частымъ огнемъ. Эта обоюдная пальба продолжалась съ одинаковою силою не менѣе 20 минутъ и затѣмъ перешла въ болѣе покойную перестрѣлку, длившуюся около получаса. Послѣ этого, въ началѣ перваго часа, турки въ третій разъ повели атаку, но, встрѣченные дружнымъ „ура“, въ третій разъ повернули назадъ и, добѣжавъ до ложементовъ, опять открыли пальбу бѣглымъ огнемъ.

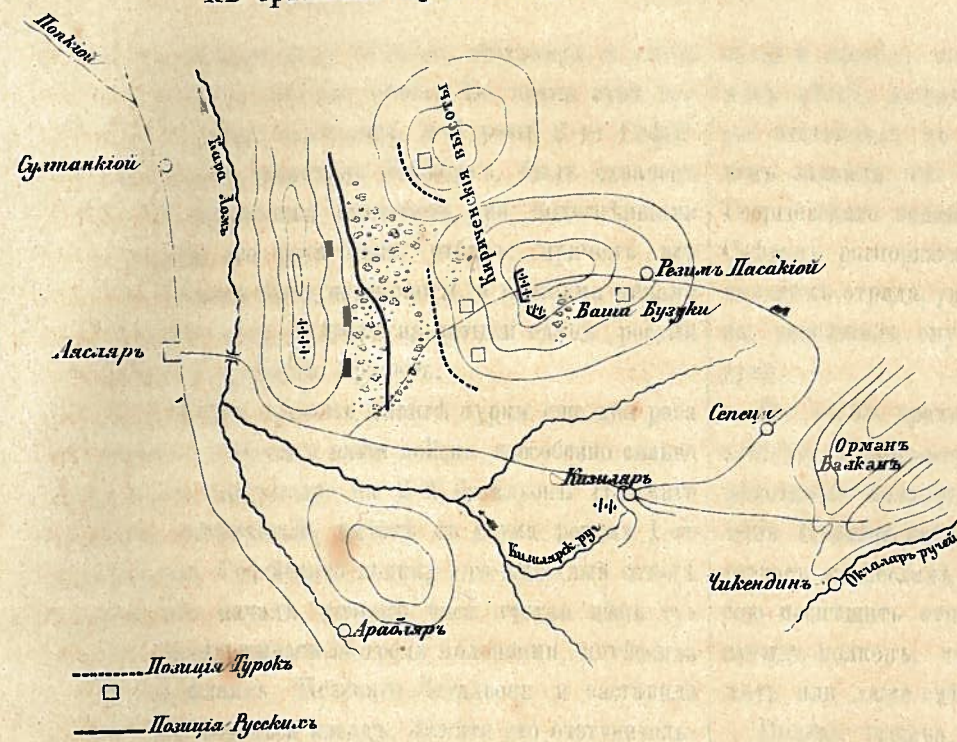
Турецкая пѣхота дѣйствовала густою цѣпью, скорѣе похожую на развернутые батальоны, поддерживаемые колоннами. Особенно густая цѣпь и большое число колоннъ направились на юго-восточный уголъ горы, на холмъ съ редутомъ и на крайній лѣвый флангъ, почему туда былъ направленъ, въ помощь 1-му батальону Софійскаго полка, 2-й батальонъ Невскаго полка, а бывшему въ резервѣ Болховскому полку приказано приблизиться къ рѣкѣ Лому и быть наготовѣ смѣнить 3-й батальонъ Софійскаго полка, болѣе другихъ утомленный и сопротивлявшійся въ двухъ пунктахъ, на которые турки особенно сильно направились: на лѣвомъ крайнемъ флангѣ и въ редутѣ.

Турки, три раза уже отбитые, не отступили, а, продолжая живую перестрѣлку, стали обходить нашъ лѣвый флангъ, стараясь зайти ему въ тылъ—на западную сторону горы, и затѣмъ, по всей линіи, въ четвертый разъ двинулись въ атаку; но, встрѣченные на нашемъ правомъ флангѣ свѣжими

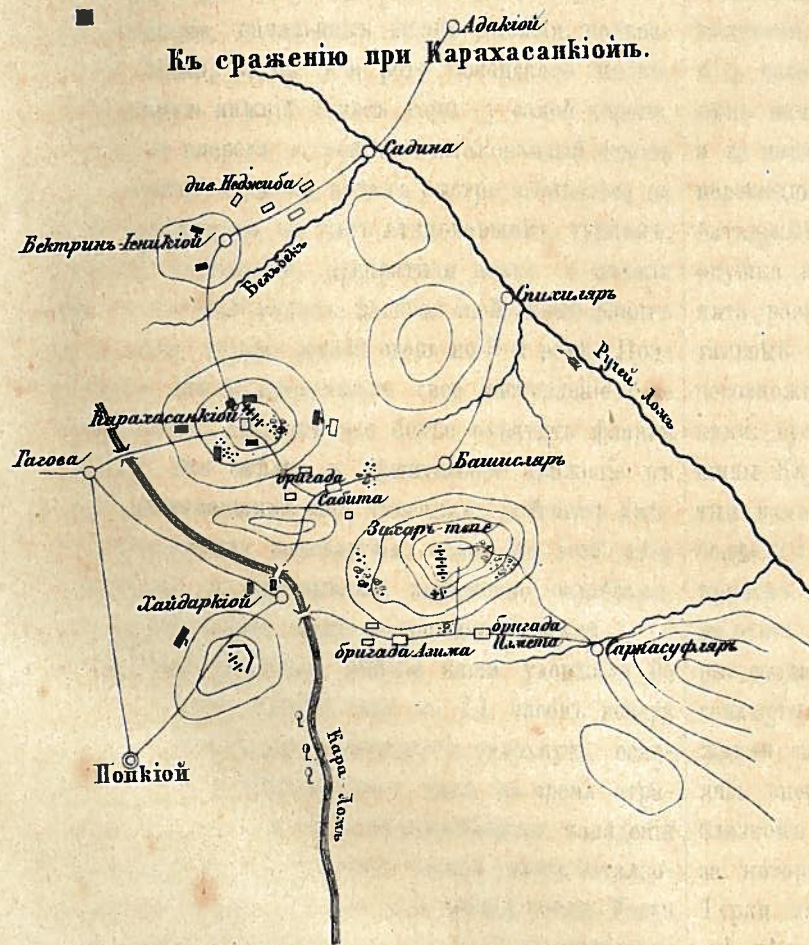
силами 2-го батальона Невскаго полка, только-что присоединившагося въ 1-му батальону Софійскаго полка, дружнымъ ударомъ въ штыки были отброшены за свои ложементы, причемъ оставлены ими и въ ложементахъ, и особенно впереди ихъ, цѣлыя кучи убитыхъ. Въ ложементахъ найдены патроны въ весьма большомъ числѣ, сложенные въ правильныя кучки. Атака на редутъ отбита батальоннымъ огнемъ, а на лѣвомъ флангѣ—ударомъ въ штыки; здѣсь хотя турки и отодвинулись, но обошедшія нашъ лѣвый флангъ части ихъ удержались въ занятыхъ ими кустахъ и производили оттуда весьма сильный ружейный огонь. Необходимо было ихъ отбѣснить, такъ какъ число ихъ все увеличивалось и они начинали заходить уже въ тылъ. Тогда командиръ Софійскаго полка, полковникъ Владимірскій, черезъ адъютанта просилъ начальника отряда о смѣнѣ начинавшаго уже ослабѣвать и почти разстрѣлявшаго всѣ свои патроны 3-го батальона его полка батальонами Волховскаго полка, что и было приказано исполнить командиру полка, полковнику Буссе.

Въ концѣ втораго часа Болховской полкъ поднялся на гору и приступилъ къ смѣнѣ Софійскаго полка, бывшаго на крайнемъ лѣвомъ флангѣ; но, прежде чѣмъ ему удалось это исполнить, турки въ пятый разъ повели атаку на лѣвый флангъ и на редутъ. Полковникъ Буссе самъ повелъ на турецкіе батальоны одинъ батальонъ Волховскаго полка, а другой, подъ командою маіора Флоренскаго, направилъ противъ непріятеля, обошедшаго нашъ флангъ; оба батальона ударили молодецки въ штыки и гнали турокъ до самой сѣверной оконечности ската горы, софійскія же роты 11-я и 12-я и часть 3-й стрѣлковой, смѣненные Болховскимъ полкомъ, присоединены были къ остальнымъ ротамъ 3-го батальона Софійскаго полка, которыя, при ихъ помощи и одушевляемыя храбрымъ своимъ командиромъ, маіоромъ Обакевичемъ, отразили турокъ отъ редута. Тогда турецкіе батальоны, дѣйствовавшіе противъ 1-го и 2-го батальоновъ Софійскаго полка и 2-го батальона Невскаго полка, въ свою очередь, густыми массами бросились впередъ, но были встрѣчены не менѣе энергическимъ ударомъ въ штыки всѣхъ упомянутыхъ частей; произошла короткая рукопашная схватка, послѣ которой тур-

Къ сраженію при Аяслярѣ.

Къ сраженію при Карахасанкюйѣ.

енія остаться на томъ сѣнѣ взялъ штурмомъ и котоніе четырехъ часовъ, приодинъ въ полку не имѣтъ и желаетъ заслужить его. пополненіи патроновъ, напросьбу храбраго батальоната въ занятомъ имъ ре-

рохоровъ получилъ частноеотряднымъ штабомъ двухъ Гагово, съ цѣлью поддержяда. Генералъ Прохоровъ Гагово ординарца съ просеніемъ къ Аяслару упомяадать возможность поддеризмученные батальоны.

тупившая въ два часа пооднако не долго, и еще въвошло солнце, турецкаяся къ опушкѣ кустарника, перестрѣлка, весьма быстро бѣглый и неимовѣрно частый й линіи. Казалось, что всятивъ нашей линіи была залльонами, открывшими балы были столь часты, что гить промежутковъ между ыль всю линію, а съ верполетѣли гранаты на заняь адскій огонь продолжался змъ турки всею линію съ атаку. Не смотря, однако, неожиданнй огонь, храбтились; офицеры запретили рѣлять, положили ихъ и ния, а когда турки бросивстрѣтили ихъ на самомъ кимъ и дружнымъ залпомъ, ло оглушительное „ура“. ули назадъ, оставя на мѣвъ; но такъ какъ за петаковавшею насть, офицеры нны турокъ, то воспрещено яителя. Мѣра эта оказакакъ турецкіе резервы,

и смѣлость самаго наступить объяснить почти ную войсками во время (38 человекъ). Въ кои совѣтъ прекратили параль Прохоровъ отпра соты, какъ по всему ц сначала одиночная, по рестрѣлка, вслѣдъ за к редь съ крикомъ „алла этотъ переходъ въ наст скія роты не смѣшались нами, за которыми по „ура“. Турки, ошелом жали и побѣжали, но, о оказалось, до своихъ ло и бѣглый огонь, на кот чали не менѣ частымъ с ба продолжалась съ од 20 минутъ и затѣмъ перестрѣлку, длившую этого, въ началѣ перва разъ повели атаку, по „ура“, въ третій разъ жавъ до ложементовъ, с лымъ огнемъ.

Турецкая пѣхота д скорѣе похожею на разв живаемые колоннами. О шое число колоннъ на уголъ горы, на холмъ лѣвый флангъ, почему помощь 1-му батальону тальонъ Невского полк Болховскому полку прив Лому и быть наготовѣ с фійскаго полка, болѣе др тивлявшійся въ двухъ к ки особенно сильно нап флангъ и въ редутѣ.

Турки, три раза уж продолжая живую пер нашу лѣвый флангъ, ста на западную сторону го ни, въ четвертый разъ встрѣченные на нашемъ

ки, въ шестой разъ отбиты, отступили и снова изъ траншей открыли огонь. Во время этой короткой стычки командиръ 9-й роты 2-го Софійскаго полка, капитанъ Вислоухъ, былъ схваченъ шестью турецкими солдатами, но подоспѣвшими солдатами его роты былъ отбитъ, причемъ всѣ шесть турокъ были переколоты, а нижними чинами 6-й роты былъ поднятъ на штыки одинъ рослый и сильный турецкій офицеръ.

На нашемъ правомъ флангѣ турки еще два раза пытались отбросить наши войска и особенно сильно и упорно наступали на 2-й батальонъ Невского полка, занимавшій, вмѣстѣ съ двумя ротами 1-го батальона Софійскаго полка, юго-западный откосъ горы. Въ началѣ втораго часа густая дѣнь турокъ, поддерживаемая тремя колоннами, потѣснила правый флангъ Невского батальона и заставила его даже податься назадъ. Замѣтя это отступательное движеніе, начальникъ штаба дивизіи, полковникъ Лесли, взявъ 3-ю роту Софійскаго полка, занимавшую нижній откосъ горы у самой дороги, повелъ ее впередъ и, обогнувъ атакованный откосъ съ восточной стороны, началъ быстро взбираться на гору совершенно въ тылъ атаковавшимъ туркамъ, которые тотчасъ же прекратили атаку и начали быстро отходить назадъ, загибая свой лѣвый флангъ и открывъ весьма живой огонь по 3-й ротѣ. Полковникъ Лесли продолжалъ свое наступленіе безостановочно, стараясь все болѣе охватить флангъ турокъ. Это смѣлое и рѣшительное движеніе въ тылъ атаковавшимъ насъ турецкимъ войскамъ имѣло рѣшительныя послѣдствія: турки по всей линіи отступили, и перестрѣлка, постепенно ослабѣвая, къ двумъ часамъ ночи совершенно смолкла.

Такимъ образомъ, войска наши удержали во всемъ объемѣ занятія ими въ 11 часовъ вечера позиціи и получили возможность отдохнуть, осмотрѣться и разобратъ, такъ какъ во время отраженія восемь разъ возобновлявшихся нападеній непріятели, въ теченіе трехъ часовъ, части батальоновъ и полковъ перемѣшались между собою. Тогда же генераль Прохоровъ приказалъ 3-му батальону Софійскаго полка, наиболѣе утомленному и разстрѣлявшему свои патроны, спуститься съ высоты для отдыха, а Болховскому полку занять позиціи этого батальона. Но батальонъ отъ отдыха отка-

зался и просилъ позволенія остаться на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ взялъ штурмомъ и которое отстаивалъ въ теченіе четырехъ часовъ, причемъ заявилъ, что онъ одинъ въ полку не имѣетъ Георгіевскаго знамени и желаетъ заслужить его. Сдѣлавъ распоряженіе о пополненіи патроновъ, начальникъ отряда, уважая просьбу храбраго батальона, разрѣшилъ ему остаться въ занятомъ имъ редутѣ.

Въ то же время Прохоровъ получилъ частное извѣстіе о направленіи отряднымъ штабомъ двухъ пѣхотныхъ полковъ на Гагово, съ цѣлью подрѣзленія Папкѣйскаго отряда. Генераль Прохоровъ тотчасъ же послалъ въ Гагово ординарца съ просьбою поспѣшить отправленіемъ къ Аяслару упомянутыхъ полковъ, чтобы дать возможность поддержать или даже смѣнить измученные батальоны.

Полная тишина, наступившая въ два часа по полуночи, продолжалась однако не долго, и еще въ 4¹/₂ часа, какъ только возшло солнце, турецкая дѣнь начала приближаться къ опушкѣ кустарника, и за пашнями началась перестрѣлка, весьма быстро перешедшая въ сплошной бѣглый и неимовѣрно частый батальонный огонь по всей линіи. Казалось, что вся опушка кустарника противъ нашей линіи была занята развернутыми батальонами, открывшими батальонный огонь. Выстрѣлы были столь часты, что невозможно было замѣтить промежутковъ между ними: густой дымъ покрылъ всю линію, а съ вершины Карадерли-Бейра полетѣли гранаты на занятый нами гребень. Этотъ адскій огонь продолжался болѣе 20 минутъ, и затѣмъ турки всею линією съ крикомъ бросились въ атаку. Не смотря, однако, на этотъ убійственный и неожиданный огонь, храбрые солдаты наши не смутились; офицеры запретили сомкнутымъ частямъ стрѣлять, положили ихъ и ждали спокойно нападенія, а когда турки бросились впередъ, то наши встрѣтили ихъ на самомъ близкомъ разстояніи мѣткимъ и дружнымъ залпомъ, за которымъ послѣдовало оглушительное „ура“. Турки мгновенно повернули назадъ, оставя на мѣстѣ цѣлую линію труповъ; но такъ какъ за передовою линією турокъ, атаковавшихъ насъ, офицеры ясно видѣли густыя колонны турокъ, то воспрещено было преслѣдовать непріятели. Мѣра эта оказалась необходимою, такъ какъ турецкіе резервы,

пропустивъ бѣжавшихъ своихъ товарищей первой линіи, быстро разсыпались по опушкѣ и открыли изъ нея столь же учащенный огонь, какъ и тотъ, который предшествовалъ атакѣ, и продолжали его вплоть до шести часовъ утра почти безъ ослабления.

Въ то же время турецкая батарея изъ шести орудій, расположенная на центральной высотѣ Карадерли-Беира, продолжала обстрѣливать занятый нами гребень гранатами съ замѣчательною мѣткостью и весьма беспокоила войска наши, особенно 3-й батальонъ Софійскаго полка и оба батальона Болховскаго. Выдвинутая нами 4-я батарея, правѣ Султанкюйской роци, дѣйствовавшая весьма хорошо противъ праваго фланга турецкой пѣхоты на откосѣ Карадерли-Беиръ, не могла однако состязаться съ турецкою дальнобойною батареею, орудія которой притомъ расположены были въ укрѣпленіи; поэтому, какъ только атака турокъ была отбита, начальникъ отряда приказалъ 4-й батарее отбѣжать, а на ея мѣсто выслалъ изъ резерва 1-ю батарею 1-й артиллерійской бригады, которая въ 6^{1/2} часовъ утра и вступила въ состязаніе съ весьма беспокоившею насъ турецкою батареею и тѣмъ отвлекла ее отъ нашихъ войскъ. Услуга была драгоцѣнная, такъ какъ войска наши, расположенныя на узкомъ пространствѣ весьма скученно, понесли отъ непріятельскихъ гранатъ весьма чувствительныя потери. Но турки, не имѣя возможности вредить намъ батареею на Карадерли-Беиръ, взвезли еще шесть орудій на высоту съ сѣверо-восточной стороны и открыли изъ нихъ огонь, продолжавшійся безъ перерыва до 12 часовъ дня. Къ счастью нашему, батарея эта не отличалась мѣткостью: большее число ея снарядовъ перелетало черезъ гребень, но не менѣе того въ теченіе шести часовъ батарея эта вывела у насъ изъ строя не мало храбрыхъ солдатъ. Противъ этой батареи мы были безсильны, такъ какъ не имѣли мѣста, куда можно было бы поставить хотя одно орудіе; поднять же на высоту орудіе, по крутизнѣ подъема, нечего было и думать.

Какъ ни велика была потеря турокъ людьми въ этой первой атакѣ 11-го числа, они ею не ограничились. Нужно замѣтить, что съ подъема на гору Карадерли-Беиръ отдѣляется тропинка, спу-

скающаяся сначала съ горы на западъ, а потомъ поворачивающаяся въ юго-западномъ направленіи, по густымъ кустамъ западнаго откоса горы Кириченъ. При помощи этой тропинки можно было пробраться въ тылъ позиціи, занятой нашимъ лѣвымъ флангомъ, состоявшимъ изъ двухъ батальоновъ Болховскаго полка. Турки и воспользовались этою тропинкою при возобновленіи ими атаки утромъ 11-го числа.

Спустя полчаса послѣ первой ихъ атаки, отъ праваго ихъ фланга, на Карадерли-Беиръ, по вышеупомянутой тропинкѣ начали спускаться ихъ стрѣлки и, постепенно увеличиваясь въ числѣ, подвигались все ближе и ближе къ Болховскому полку, охватывая его лѣвый флангъ огненнымъ кольцомъ выстрѣловъ. Командиръ этого полка, полковникъ Буссе, немедленно спустилъ по отлогости двѣ роты, которыя и вступили въ перестрѣлку съ турками.

На высотахъ же, вся линія турокъ, около семи часовъ, снова двинулась впередъ, особенно же на редутъ, изъ котораго только-что передъ тѣмъ былъ выведенъ наконецъ 3-й батальонъ Софійскаго полка, совершенно обезсиленный и ослабленный ранеными и выносившими изъ редута раненныхъ, такъ какъ носильщики, изнуренные работою, были уже не въ силахъ подыматься въ гору. Честь отбить эту вторую атаку выпала на долю полковника Буссе и на его Болховской полкъ и на командира 1-й батареи, подполковника Ложкина. Полковникъ Буссе и командиръ 2-го батальона Болховскаго полка, маіоръ Флоренскій, лично повели свои храбрые батальоны впередъ, ударили въ штыки и гнали турокъ до кустарниковъ и ихъ ложементовъ, гдѣ были встрѣчены турецкими резервами батальоннымъ огнемъ и принуждены были поспѣшно отойти въ редутъ.

На правомъ флангѣ турки стремительно бросились на юго-восточный уголъ нашей позиціи, обороняемый 2-мъ батальономъ Невскаго полка и частію 1-го батальона Софійскаго полка, которые встрѣтили турокъ сначала залпами, а потомъ бѣглымъ огнемъ. Турки остановились и тоже открыли бѣглый огонь; резервы ихъ спѣшили довершить успѣхъ; но полковникъ Лесли съ другою частію 1-го батальона Софійскаго полка двинулся впередъ, въ тылъ туркамъ, и открылъ по двигавшимся ре-

зервамъ весьма живой огонь. Турки мгновенно повернули назадъ, и вся ихъ линія бѣгомъ бросилась въ свои ложементы. Командиръ 2-го батальона, маіоръ Князевъ, бросился за турками съ передними рядами своего батальона, но храбрецы, истомленные боемъ и начавшимися уже тогда сильнымъ зноемъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановились отъ физическаго изнеможенія и возвратились на свою позицію.

На лѣвомъ флангѣ, на скатѣ Карадерли-Беира, и на косогорѣ горы Кириченъ турки тоже повели атаку одновременно съ атакою на редутъ въ концѣ седьмаго часа; но подполковникъ Ложкинъ направилъ на нихъ первый дивизионъ своей батареи и открылъ чрезвычайно частый и замѣчательно мѣткій огонь, заставившій турокъ обратиться въ бѣгство изъ сѣдловины и поспѣшно убрать стрѣлковъ съ тропинки, по которой они охватывали позицію Болховскаго полка.

На прочихъ пунктахъ позиціи все это время продолжалась непрерывавшаяся перестрѣлка, болѣе похожая на бѣглый огонь сомкнутой пѣхоты, чѣмъ на стрѣльбу цѣпи; по временамъ турки прекращали эту перестрѣлку на нѣсколько минутъ и отбѣгали въ ложементы свои, но, запасшись патронами, снова выдвигались и открывали не менѣе оживленный огонь, который, къ счастью, оказался далеко не столь губительнымъ, какъ можно было того опасаться по его напряженности и близкой дистанціи (отъ 300 до 500 шаговъ).

Въ 7^{1/2} часовъ утра вторая атака по всей линіи была отбита и турки, очевидно утомленные и ослабленные потерями, отошли на дистанцію до 1,000 шаговъ и около ³/₄ часа ограничивались только перестрѣлкою съ дальней дистанціи съ нашими стрѣлками, отвѣчавшими весьма рѣдкими выстрѣлами, какъ вслѣдствіе утомленія, такъ и по дальности разстоянія.

Въ то же время генералъ Прохоровъ, не получая никакихъ извѣстій о движеніи изъ Гагова ожидаемыхъ подкрѣпленій, отправилъ вторично ординарца въ Хайдаркюй къ полковнику Каульбарсу съ извѣщеніемъ, что турки опять въ большихъ силахъ штурмуютъ только-что отбитую имъ гору и что онъ проситъ дать знать о томъ въ Гагово начальнику 35-й пѣхотной дивизіи, такъ какъ удер-

жать занятую гору трудно съ дерущимися уже со вчерашняго вечера батальонами, тѣмъ болѣе, что позади, на пашкюйской позиціи, оставался всего одинъ Моршанскій полкъ.

Отправивъ это извѣстіе, генералъ Прохоровъ, въ концѣ восьмаго часа утра, находясь на батарее подполковника Ложкина, замѣтилъ движеніе турецкой кавалеріи, скакавшей по скату Карадерли-Беира и по дорожкѣ, по которой только-что турецкая пѣхота пыталась обойти Болховской полкъ: это были два эскадрона черкесовъ, направленныхъ въ карьеръ, съ очевиднымъ намѣреніемъ заскакать въ тылъ Болховскаго полка и, залегши по косогору, открыть по этому полку огонь съ тылу. Подполковникъ Ложкинъ тотчасъ же направилъ свои орудія на этихъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Довольно было двухъ картечныхъ гранатъ, чтобы черкесы эти съ еще большею быстротою умчались за свою пѣхоту на восточный склонъ Карадерли-Беира. Картечь наша произвела въ черкесскихъ эскадронахъ огромное опустошеніе и совершенную панику: они стремительно бросились въ разныя стороны, давили другъ друга, и многіе изъ нихъ были съ лошадьми опрокинуты съ кручи. Вообще батареи наши, во всѣ три дня боя, т. е. 9-го, 10 и 11-го августа, дѣйствовали съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и мѣткостью.

Турки, раздраженные неудачею ихъ попытокъ обойти Болховской полкъ, въ 9^{1/4} часовъ въ третій разъ атаковали его съ фронта и редутъ; въ третій разъ этотъ храбрый полкъ безъ выстрѣла двинулся имъ на встрѣчу съ крикомъ „ура“. Турки повернули назадъ, но, добѣжавъ до кустарника, открыли убійственный огонь, мгновенно опустошившій ряды полка, который поспѣшно возвратился на свою позицію, весьма сильно разстроенный. Но полковникъ Буссе, уже контуженный въ голову осколкомъ гранаты, маіоръ Флоренскій и вообще всѣ офицеры ободряли людей и восстановили порядокъ.

Одновременно съ атакою турокъ на нашъ лѣвый флангъ они двинули впередъ и всю остальную линію стрѣлковъ и резервовъ и, подойдя къ нашей позиціи на разстояніе до 400 шаговъ, открыли по всей линіи бѣглый огонь, продолжавшійся болѣе 40 минутъ. Но, будучи отбиты, они

быстро повернули и, отойдя шаговъ на 400, открыли бѣглый огонь.

Въ концѣ десятого часа турки отошли въ свои ложементы; но вскорѣ, пополнивъ запасъ патроновъ, въ четвертый разъ бросились съ крикомъ „алла“ впередъ. На правомъ флангѣ и въ центрѣ атака эта была отбита (Софійскимъ полкомъ и 2-мъ батальономъ Невскаго полка) залпами рогъ, данными не далѣе какъ на 100 шаговъ; на лѣвомъ же флангѣ полковникъ Буссе снова повелъ атаку съ крикомъ „ура“; турки снова отбѣжали и снова встрѣтили наступающій полкъ пальбой и на этотъ разъ залпами. Полкъ въ разстройствѣ опять повернулъ назадъ, и совершенно истощенный и утомленный, какъ жарой, такъ и своими атаками, приведенъ былъ положительно въ невозможность оказывать дальнѣйшее сопротивление неприятелю, такъ что если бы турки перешли въ этотъ моментъ въ наступленіе, то несомнѣнно, что высота Кириченъ тогда же бы перешла въ ихъ руки. Но турки не только не преслѣдовали, но, отбитые четыре раза и, конечно, весьма тоже утомленные и ослабленные, отошли совершенно изъ-подъ выстрѣловъ и прекратили перестрѣлку.

Около 10 часовъ наступила снова совершенная тишина на всей линіи; но, спустя минутъ 20, обѣ турецкія батареи открыли огонь по нашей позиціи; 1-я батарея 1-й артиллерійской бригады тотчасъ же начала отвѣчать батареѣ, расположенной на центральной высотѣ Карадерли-Беиръ и привлекла на себя ея вниманіе и весь огонь; другая же турецкая батарея, расположенная на высотѣ къ сѣверо-востоку отъ Киричена, продолжала рѣдкую и мало вредоносную стрѣльбу почти до конца перваго часа пополудни. Артиллерійскій бой нашей 1-й батареи съ турецкой Карадерли-Беирской батареей продолжался до 2¹/₂ часовъ, безъ всякаго, однако, вреда для нашей батареи: гранаты турецкой батареи большею частію перелетали нашу батарею и ложились далеко позади, почти за версту, и нѣсколько изъ нихъ попало на перевязочный пунктъ и ранило нѣсколькихъ санитаровъ, вслѣдствіе чего пришлось отодвинуть перевязочный пунктъ назадъ.

Почти съ шести часовъ утра солнце начало уже сильно печь, и около девяти—десяти часовъ жара настала подавляющая. Солдаты, выступившіе съ

своихъ бивуаковъ наканунѣ, съ 5¹/₂ часовъ пополудни, провели ночь безъ сна, затѣмъ штурмовали мало-доступную позицію и, взявъ ее съ боя, выдержали и отразили 12 упорныхъ атакъ, находясь все это время безъ пищи, и что особенно было тяжело для нихъ въ этотъ до крайности жаркій день,—безъ воды. Кромѣ того, нѣсколько разъ сами ходили въ штыки, напрягая все силы духа и мышцъ. Естественно, что силы ихъ теперь были совершенно истощены; очевидно было, что ихъ слѣдовало замѣнить свѣжими войсками; но въ резервѣ оставался только одинъ 3-й батальонъ Софійскаго полка, выведенный изъ боя только въ десятомъ часу и въ составѣ всего 240 человекъ. Солдаты и офицеры этого батальона едва только къ 12 часамъ собрались по близости перевязочнаго пункта и нуждались, по крайней мѣрѣ, въ четырехчасовомъ отдыхѣ, чтобы быть способными снова вступить въ бой въ такой жаръ. Кромѣ этого батальона не было ни одного свободного солдата. Обѣщанныя подкрѣпленія изъ Гагово не подходили.

Волховской полкъ былъ въ это время также совершенно обезсиленъ жарою, жаждою и неудачными атаками; Невскій и Софійскій полки были бодрѣе, и начальникъ отряда не сомнѣвался, что они въ состояніи будутъ отразить еще одно, можетъ быть два нападенія, и рассчитывалъ, что турки, тоже обезсиленные неудачею, потерями и жарою, до вечера уже ничего не предпримутъ. Въ этой надеждѣ укрѣпляло его донесеніе полковниковъ Буссе и Владимірскаго о томъ, что турки приступили къ возведенію батарей на разстояніи 400 сажень отъ лѣваго нашего фланга и отъ редута.

Что же было причиною запозданія нашихъ подкрѣпленій.

Какъ мы уже знаемъ, въ семь часовъ утра генераломъ Прохоровымъ было отправлено въ Хайдаркюй приказаніе полковнику Каульбарсу передать въ Гагово генералу Баранову просьбу о немедленной присылкѣ подкрѣпленій. Получивъ это приказаніе, полковникъ Каульбарсъ тотчасъ же послалъ въ Гагово состоявшаго при немъ ординарцемъ корнета Поливанова, который, прискакавши въ Гагово, доложилъ генералу Баранову о положеніи дѣлъ у Аяслара. Генералъ Барановъ чрезвычайно горячо принялъ къ сердцу положеніе аясларскаго отряда;

ДѢЛО КОЗАКОВЪ БЛИЗЪ БѢЛЫ.

но у него у самого на рукахъ была обширная позиція, которую онъ не могъ взять на себя оставить, чтобы послать въ Аясларъ находившійся въ его распоряженіи единственный свѣжій полкъ—Зарайскій. Пришедшіе же въ это время въ Гагово, вслѣдствіе распоряженія отряднаго штаба, два полка 33-й пѣхотной дивизіи (Тираспольскій и Бессарабскій, подъ начальствомъ генерала Корево) были въ конецъ измучены переходомъ по страшной жарѣ и гористой мѣстности изъ Аблавы, откуда они выступили наканунѣ въ 10 часовъ вечера. Придя въ Гагово, Бессарабскій полкъ началъ разставлять палатки, намѣреваясь хоть сколько нибудь отдохнуть; а Тираспольскій полкъ въ это время только что прибылъ въ Гагово и еще не успѣлъ снять ранцевъ. Не смотря на то, генералъ Барановъ приказалъ этимъ полкамъ немедленно идти къ Аяслару. Командиръ этихъ полковъ, генералъ Корево, тотчасъ же распорядился снять Бессарабскій полкъ съ бивуака и двинулъ его къ Аяслару, а Тираспольскому полку приказалъ двигаться, послѣ короткаго привала, тоже къ Аяслару и остановиться въ Папкію.

Но едва головная рота Бессарабцевъ успѣла подняться на гору изъ Гагова и отойти версты четыре къ Папкію, какъ сорокаградусная жара оказала уже свое дѣйствіе: рота буквально легла на дорогѣ въ повалку; ротные фельдшера принялись хлопотать около нѣсколькихъ человѣкъ, пораженныхъ солнечнымъ ударомъ; остальные, сбросивши ранцы и мундиры, лежали безъ движенія или, раздѣвшись до нага, выжимали совершенно мокрое бѣлье. Скоро подѣхалъ сюда генералъ Корево, который тотчасъ же послалъ корнета Поливанова къ генералу Прохорову съ извѣщеніемъ о своемъ движеніи и о томъ, въ какомъ состояніи находятся его войска.

Во всемъ этомъ дѣлѣ прежде всего представляется неяснымъ, какимъ образомъ командиръ 13-го корпуса упустилъ изъ вниманія невозможность непрерывнаго марша при страшной жарѣ для полковъ, пришедшихъ изъ Аблавы, и не отдалъ распоряженія двинуть изъ Гагова свѣжій Зарайскій полкъ, который генералъ Барановъ не рѣшался двинуть по собственной инициативѣ съ своей обширной позиціи. Между тѣмъ, командиръ 13-го

корпуса имѣлъ на это прямое и весьма предусмотрительное распоряженіе изъ отряднаго штаба. Начальникъ штаба Руцукскаго отряда, утромъ 11-го числа, телеграфировалъ ему:

„Ковачица. Генералу Гану“.

1) „Два пѣхотныхъ полка выступили изъ Аблавы на Гагово вчера вечеромъ въ 10 часовъ. Теперь они должны быть тамъ, и Зарайскій полкъ свободенъ для движенія“.

2) „У васъ въ Гаговѣ три полка, изъ коихъ Зарайскій и Бессарабскій могутъ сейчасъ двинуться въ Папкію по первому вашему приказанію. Для поддержки же Гагово и вообще для усиленія вашего сегодня къ ночи придетъ въ Гагово еще одинъ полкъ изъ Аблавы“.

Подписалъ: „генералъ-лейтенантъ Вановскій“. Неизвѣстно почему, но Зарайскій полкъ такъ и не былъ двинутъ къ Аяслару.

Между тѣмъ, генералъ Прохоровъ, получивъ въ 12 часовъ дня донесеніе отъ корнета Поливанова о состояніи двигавшихся изъ Гагова полковъ, потерялъ всякую надежду на своевременное прибытіе этихъ подкрѣпленій и послалъ просьбу въ корпусный штабъ о высылкѣ къ Аяслару хотя Моршанскаго полка изъ Папкіи, на что получилъ въ отвѣтъ, что полкъ придетъ; но это могло случиться, однако, не ранѣе, какъ черезъ три часа.

Съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидая четырехъ часовъ по-полудни—времени прибытія обѣщанныхъ ротъ Моршанскаго полка, генералъ Прохоровъ въ 3³/₄ часа отдалъ приказаніе 3-му батальону Софійскаго полка, бывшему на отдыхѣ, стать въ ружье и идти на смѣну Болховскаго полка, который былъ извѣщенъ о этомъ. Но прежде чѣмъ 3-й Софійскій батальонъ подошелъ на позицію, къ начальнику отряда, прискакалъ адъютантъ Болховскаго полка съ донесеніемъ, что турки опять наступаютъ, а Болховскій полкъ безсиленъ дать имъ отпоръ, и потому полковой командиръ, не желая подвергать гибели измученныхъ и обезсилѣвшихъ своихъ солдатъ, приказалъ всемъ отступать. Это было въ 4¹/₂ часа по-полудни. Дѣйствительно, въ это время началась перестрѣлка по всей линіи. Видя отступленіе Болховскаго полка, турки бросились въ редутъ и открыли изъ него живой огонь въ тылъ Софійскому полку, который, въ свою оче-

редь, сталъ отходить; а за нимъ и нескіе батальоны начали спускаться съ высотъ. Къ счастью нашему, турки, не ожидавшіе отступленія, прекратили стрѣльбу и остановились, давъ намъ свободно спуститься съ высотъ, перейти рѣку Ломъ и текущую параллельно ей рѣчку.

Лучше другихъ сохранились 3-й батальонъ Невскаго и 3-й батальонъ Софійскаго полковъ, изъ которыхъ и былъ составленъ аррьергадъ для прикрытія отступленія и перевязочнаго пункта. Фланги отступающихъ войскъ прикрывались частями 8-го казачьяго полка и вновь прибывшимъ изъ Хайдаркюя дивизиономъ уланъ. Положеніе аррьергарда было крайне тяжело: турки открыли пальбу съ батареи на Карадерли-Бейрѣ, а съ высоты Кириченъ полетѣли пули, между тѣмъ вся покатость отъ Султанию и Аяслара къ рѣкѣ Лому была покрыта лежавшими и сидѣвшими солдатами всѣхъ трехъ полковъ, находившимися въ невозможности не только идти, но и двигаться. Какъ сильна была жара, показываетъ уже слѣдующій случай: командиръ 2-го батальона, майоръ Князевъ, едва успѣлъ устроить свой отступившій батальонъ и только что скомандовалъ батальону „на плечо“, какъ внезапно упалъ съ лошади, пораженный солнечнымъ ударомъ, и былъ принесенъ на перевязочный пунктъ уже мертвымъ. Всѣ состоявшіе при начальникѣ отряда адъютанты, ординарцы и даже казаки конвоя были разосланы съ разными приказами и порученіями собирать и поднимать изнеможенныхъ солдатъ, могшихъ сдѣлаться добычею турокъ. Необходимо было выдвинуть на позицію батарею, чтобы огнемъ ея остановить ежеминутно ожидаемый напоръ непріятеля. Генералъ Прохоровъ поѣхалъ за нею самъ и вывелъ ее на позицію, но она приняла невѣрное направленіе. Въ эту критическую минуту на поле сраженія прибылъ начальникъ артиллеріи корпуса, генералъ-майоръ фонъ-Винклеръ, и отдалъ себя и своего адъютанта въ распоряженіе начальника отряда, вызвавшись немедленно исполнить всѣ его приказанія. Адъютантъ его, капитанъ Голенищевъ-Кутузовъ, посланъ былъ къ командиру 3-го батальона Невскаго полка, съ приказаніемъ немедленно занять деревню Аясларъ и удерживать ее; а самъ генералъ Винклеръ, измѣнивъ направленіе батареи, приказалъ ей от-

крыть огонь по высотамъ и оставался на батарее подъ огнемъ непріятеля, управляя ея дѣйствіями до тѣхъ поръ, пока турки не прекратили стрѣльбы и пока не стали въ прикрытіе батареи восемь ротъ Моршанскаго полка, наконецъ прибывшія къ Аяслару и приведенныя начальникомъ штаба дивизіи, полковникомъ Десли. Въ началѣ седьмого часа вечера прибыли къ Аяслару еще три отсталыя роты Болховскаго полка. Усталые, кое-какъ добрались онѣ до перевязочнаго пункта и тамъ снова легли, не будучи въ силахъ двигаться далѣе.

Принявъ мѣры къ отправленію раненыхъ и всего перевязочнаго пункта и расположивъ аррьергардъ, генералъ Прохоровъ поручилъ начальство надъ нимъ командиру Невскаго полка, а самъ съ полковникомъ Десли приступилъ къ сбору усталыхъ. Въ это время была получена телеграмма отъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича съ изъявленіемъ благодарности полкамъ Невскому, Софійскому и Болховскому за ихъ молодецкую стойкость. Милостивыя слова обожаемаго начальника, Наслѣдника Цесаревича, прочтенныя во всеуслышаніе, какъ электрическая искра оживили и воодушевили измученныхъ людей. Послѣдовало оглушительное и долгое „ура“; солдаты оживились, поднялись и двинулись на бивуакъ къ Попкюю, а софійскіе пѣсенники запѣли пѣсни. Въ 7¹/₂ часовъ пополудни всѣ войска отряда были уже на бивуакѣ при дер. Попкюю, за исключеніемъ 1-й батареи 1-й артиллерійской бригады, оставшейся, вмѣстѣ съ восемью ротами Моршанскаго и тремя ротами Болховскаго полковъ, 2-й и 6-й сотнями 8-го казачьяго полка, на позиціи у дер. Аясларъ.

Отрядъ въ точности исполнилъ свою задачу: онъ овладѣлъ высотами впереди д. Аясларъ и удерживалъ ихъ въ теченіи около 18-ти часовъ, отбивъ двѣнадцать яростныхъ атакъ превосходнаго въ числѣ непріятеля, выдвинувшаго противъ нашихъ семи батальоновъ около 16-ти батальоновъ при 12 орудіяхъ, поставленныхъ на командующей высотѣ. Если же нашъ маленькій отрядъ и вынужденъ былъ, наконецъ, оставить позицію, то это произошло лишь въ силу крайней необходимости, по причинѣ страшнаго утомленія солдатъ, окончательно изнемогшихъ въ неравной борьбѣ од-

ного противъ троихъ, подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ, безъ малѣйшаго отдыха, безъ капли воды и главное—безъ всякой надежды на смѣну или на какую либо поддержку.

Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: какъ разъ въ тотъ же день (11-го августа) и почти въ тѣ же часы, почти при такой же обстановкѣ и при такихъ же условіяхъ, происходилъ бой на Шипкѣ, гдѣ наши одиннадцать батальоновъ отражали яростныя атаки 46-ти батальоновъ Сулеймана-паши, также изнемогая отъ неравной борьбы, отъ страшной усталости и жажды и уже извѣрившись окончательно въ возможность поддержки. Самый маршъ генерала Корево изъ Аблавы въ Гагово и оттуда къ Попкюю отчасти напоминаетъ маршъ ген. Радецкаго на выручку шипкинцевъ*).

Вышеупомянутое совпаденіе въ характерѣ и условіяхъ боя одновременно на различныхъ пунктахъ театра войны было, конечно, результатомъ одинаково-затруднительнаго положенія всѣхъ нашихъ отрядовъ въ Болгаріи послѣ второй Плевны, именно—какъ слѣдствіе малочисленности нашихъ войскъ и крайней растянутости занятыхъ ими позицій, при одновременномъ переходѣ турокъ въ наступленіе съ трехъ различныхъ сторонъ.

Потери наши въ бою при Аясларѣ (9-го, 10-го и 11-го августа) заключались: въ двухъ офицерахъ и 62-хъ нижнихъ чинахъ убитыхъ, 10 офицерахъ и 280 нижнихъ чинахъ раненыхъ и четырехъ нижнихъ чинахъ безъ вѣсти пропавшихъ. Всего вышло изъ строя: 12 офицеровъ и 346 нижнихъ чиновъ.

*) Въ то же время совершенъ былъ маршъ 2-ю нѣхотною дивизіею князя Имеретинскаго изъ Ивановцы на выручку Сельви, противъ котораго двинулись турки со стороны Ловчи.

Послѣдствія аясларскаго сраженія были для насъ весьма серьезны и заключались не столько въ потерѣ самой позиціи, сколько въ томъ, что эта первая наша уступка чрезвычайно ободрила турокъ и они вскорѣ предприняли рѣшительное наступленіе противъ всей линіи р. Кара-Ломъ*). Съ другой стороны, бой при Аясларѣ доставилъ намъ ту выгоду, что остановилъ движеніе Мегмета-Али на Тырново, куда онъ, несомнѣнно, направилъ бы свои войска въ силу соглашенія съ Сулейманомъ и Османомъ-пашами, старавшимися прорваться къ Тырнову со стороны Шипки и Ловчи. Такимъ образомъ, одна изъ важнѣйшихъ задачъ Руцукскаго отряда—прикрытіе своимъ правымъ флангомъ незанятаго пространства къ сѣверо-востоку отъ Тырнова,—сраженіемъ при Аясларѣ была вполне достигнута, не смотря на то, что русская колонна была отброшена къ Попкюю. Нечего и говорить, конечно, что достиженіе столь важнаго результата стоило Руцукскому отряду принесенія въ жертву своихъ собственныхъ позицій, ибо, оказавъ упорное сопротивленіе превосходнымъ силамъ непріятеля на своемъ крайнемъ флангѣ, Руцукскій отрядъ тѣмъ самымъ обратилъ всѣ силы непріятеля противъ центра своего растянутого расположенія.

*) По поводу того, что войска наши, занимая аясларскія высоты болѣе двухъ недѣль, все-таки нисколько не укрѣпили ихъ, начальникомъ штаба Руцукскаго отряда сдѣланъ былъ запросъ въ штабъ 13-го корпуса; на запросъ этотъ послѣдовалъ отвѣтъ, что во-первыхъ, аясларскія высоты были заняты нами только въ видахъ усиленія наблюденія за непріятелемъ и лучшаго охраненія бивуачнаго расположенія у Попкюю, а во-вторыхъ, что въ приказаніяхъ по отряду всегда опредѣлялось, какія позиціи слѣдуетъ укрѣплять, а между тѣмъ объ Аясларѣ такого распоряженія не было.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Трудность положения Руцукского отряда послѣ Аясларскаго боя. — Карахасанкійское сраженіе. — Хайдаркійское дѣло. — Наступленіе турокъ къ Кадыкію противъ 12-го корпуса.

Тотчасъ послѣ боя при Аясларѣ нельзя еще было съ точностью опредѣлить направленіе дальнѣйшаго наступленія турокъ. Для Мегемета-Али-паши предстоялъ выборъ изъ трехъ операций: во-первыхъ, оставивъ у Аяслара и противъ центра расположенія Руцукскаго отряда наблюдательные отряды, онъ могъ двинуться на позиціи 12-го корпуса, въ направленіи на низовья Янтры, съ цѣлью освободить Руцукскій гарнизонъ и подвергнуть опасности наши сообщенія на Дунаѣ у Систова; во-вторыхъ, онъ могъ наступать на центръ расположенія Руцукскаго отряда, въ направленіи на Бѣлу, съ цѣлью зайти въ тылъ нашимъ войскамъ, собиравшимся подъ Плевною; наконецъ, въ-третьихъ, онъ могъ направить ударъ на верховья Янтры, съ цѣлью добиться возможности войти въ связь съ Сулейманомъ-пашею и, въ случаѣ успѣха, овладѣть Тырновомъ, что, кромѣ нравственнаго вліянія на болгарское населеніе и угрозы нашему шипкинскому гарнизону, доставило бы туркамъ важныя стратегическія выгоды, передавая въ ихъ руки узелъ нашихъ сообщеній изъ Тырнова на Сельви и Ловчу—къ западу и на Бѣлу и Систово—къ сѣверу.

Хотя въ описываемое нами время, т. е. къ 11-му—12-му августа, уже начала выясняться неуспѣшность попытокъ Сулеймана-паши къ прорыву черезъ Шипкинскій переваль, тѣмъ не менѣе намѣреніе этого генерала соединиться съ арміею Мегемета-Али-паши, черезъ какой-либо изъ проходовъ въ Западныхъ Балканахъ, для совмѣстнаго дѣйствія на Тырновъ, могло еще осуществиться во всякое время. Поэтому появленіе Мегемета-Али-паши у Аяслара, на дорогѣ изъ Шумлы въ Тырновъ, и открытіе имъ энергическихъ дѣйствій противъ этого пункта, давали нѣкоторый поводъ предполагать, что онъ будетъ настойчиво продолжать угрозу нашей попкійской позиціи, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя могла служить ему также однимъ изъ доступовъ и къ Бѣлѣ (черезъ Попкюю—Ковачицу—Копровицу и проч.).

А главное, штабу Руцукскаго отряда не разъ

уже заявлялись опасенія полевого штаба арміи относительно наступленія турокъ по османъ-базарской дорогѣ, вслѣдствіе чего войска Руцукскаго отряда не могли сосредоточиться тотчасъ послѣ дѣла при Аясларѣ, чтобы спасти свои позиціи, которымъ могъ угрожать непріятель. Руцукскому отряду волей-неволей приходилось опять тяготѣть къ своему правому флангу, до крайности ослабляя свой лѣвый флангъ и центръ и стараясь, взявъ того, прикрыть почти ничѣмъ не занятый лѣвый флангъ Тырновскаго отряда.

Вотъ почему на усиленіе нашей попкійской позиціи и на охраненіе ея со стороны лѣваго фланга Тырновскаго отряда вновь было обращено серьезное вниманіе.

Какъ мы уже знаемъ, главною квартирою было обѣщано, въ случаѣ наступленія турокъ на позиціи 13-го корпуса, оказать ему содѣйствіе частью войскъ Тырновскаго отряда. Но мы видѣли уже, какъ мало могъ рассчитывать нашъ попкійскій отрядъ на содѣйствіе слабаго Тырновскаго отряда, сосредоточеннаго къ тому же на Османъ-базарской дорогѣ у Казаревиды, верстахъ въ 40 отъ Попкюя. Поэтому все, что было сдѣлано со стороны Тырновскаго отряда при обнаружившемся наступленіи турокъ на Аясларъ,—это былъ выдвинуть одинъ пѣхотный полкъ 32-й дивизіи (Курскій) и одинъ полкъ кавалеріи 11-й дивизіи (Чугуевскій уланскій) въ сторону расположенія войскъ 13-го корпуса, причемъ части обоихъ упомянутыхъ полковъ заняли, 10-го августа, укрѣпленныя позиціи у дд. Кадыкія, Браницы и Тюлебелера. Но само собою понятно, что эти части не въ состояніи были даже служить серьезнымъ прикрытіемъ занятого ими огромнаго промежутка между османъ-базарской и шумлинской дорогами, не только что оказывать, въ случаѣ надобности, серьезную поддержку войскамъ 13-го корпуса.

Такимъ образомъ, Руцукскій отрядъ, въ случаѣ наступленія огромной арміи Мегемета-Али на попкійскую позицію, долженъ былъ опять рассчитывать только на свои собственныя силы.

Въ виду всего сказаннаго, Наслѣдникъ Цесаревичъ, тотчасъ же по полученіи извѣстія о серьезномъ движеніи турокъ противъ нашего попкійскаго отряда, стелъ необходимымъ лично осмотрѣть позицію этого послѣдняго. Выѣхавъ 11-го августа, въ 5¹/₂ часовъ по-полудни, изъ Широко въ Аблаву и проведя тамъ ночь, на другой день, 12-го числа, прослѣдовалъ по ущелью Кара-Лома въ Гагово и Попкюю. Осмотрѣвъ затѣмъ мѣстность между Гаговомъ и Попкюемъ, Его Высочество нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ настоящемъ расположеніи войскъ, съ цѣлью придать болѣе сосредоточенное положеніе Попкююскому отряду, лѣвый флангъ котораго къ Гагову былъ открытъ и ему не на что было опереться. Рѣшено было занимать Попкюю и Гагово только какъ передовыя позиціи, а главную позицію укрѣпить на высотахъ, въ восьми верстахъ назадъ, имѣя деревню Бадджи - Омуркюю — на правомъ флангѣ, а возвышенность, лежащую за деревнею Поломарцы и названную, въ силу своего тактическаго командованія мѣстностью, Малаховымъ курганомъ—на лѣвомъ флангѣ. При этомъ войска 13-го корпуса были усилены 2-ю бригадою 1-й пѣхотной дивизіи (полками Нарвскимъ и Капорскимъ), которая, вмѣстѣ съ 1-ю бригадою 35-й пѣхотной дивизіи (полками Нѣжинскимъ и Болховскимъ), при четырехъ батареяхъ 1-й и при четырехъ батареяхъ 35-й артиллерійскихъ бригадъ и при сотнѣ 8-го казачьяго полка, съ донскою № 9-го батареею, расположилась на главной позиціи, между Омуркюемъ, Поломарцами и Ковачицей.

Главный резервъ, составленный изъ 1-й бригады 33-й пѣхотной дивизіи (полковъ Бессарабскаго и Херсонскаго) и трехъ батарей 33-й артиллерійской бригады, былъ переведенъ изъ Острицы въ дд. Хедживію и Гениджеси *). Главная квартира Наслѣдника Цесаревича перешла 14-го числа изъ Широко также въ Хедживію. Штабъ 13-го корпуса остался въ Ковачицѣ.

На передовой позиціи въ Попкюю оставлены были Невскій и Софійскій полки съ 1-ю и 4-ю

*) Полки главнаго резерва пришлось разъединить, потому что ни въ одной изъ упомянутыхъ деревень не было достаточно воды.

батареями 1-й артиллерійской бригады и четырьмя сотнями 8-го казачьяго полка.

Передовую позицію въ Гаговѣ заняли Моршанскій и Зарайскій полки съ двумя батареями 33-й артиллерійской бригады и сотнею 8-го казачьяго полка.

Войскамъ 13-го корпуса вмѣнялось въ обязанность не допускать противника въ долину Кара-Лома со стороны Попкюя, Гагово и дорогъ, ведущихъ въ эту долину между дд. Карахасанкію и Опака.

Такъ какъ турки, послѣ занятія ими Кириченскихъ высотъ, не подвигались впередъ ни на шагъ, то рѣшено было пока не снимать и поставленныхъ впереди Гагова и Попкюя передовыхъ нашихъ постовъ, какъ-то: въ Аясларѣ, Хайдаркюю, Карахасанкюю и даже въ Садинѣ.

При этомъ изъ Попкюя ежедневно выставлялись въ Аясларъ и Хайдаркюю по одному дежурному батальону; кромѣ того, въ Аясларѣ находились казаки, а въ Хайдаркюю Вознесенскій-уланскій полкъ, при 15-й конной батарее.

Изъ Гагова были выдѣлены два батальона Зарайскаго полка съ четырьмя 9-ти-фунтовыми орудіями въ Карахасанкію, подъ начальствомъ генералъ-маіора Леонова. Для усиленія Карахасанкіюскаго отряда, ему приданъ былъ еще дивизионъ лубенскихъ гусаровъ.

Дивизионъ Атаманскаго полка занималъ Садину*).

Относительно Хайдаркююскаго и Аясларскаго отрядовъ нужно замѣтить, что назначеніе ихъ предполагалось чисто-наблюдательное, и если къ нимъ были приданы конныя орудія, то только для того, чтобы хоть нѣсколько при отступленіи задерживать турокъ.

Что же касается до нашихъ Карахасанкіюскаго

*) Остальныя войска Руцукскаго отряда 14-го августа занимали слѣдующее расположеніе: 12-я пѣхотная дивизія—на прежнихъ позиціяхъ. Два батальона Бендерскаго пѣхотнаго полка (33-й дивизіи), съ 5-ю батареею 33-й артиллерійской бригады въ Кацелево. Тираспольскій пѣхотный полкъ (той же дивизіи) со 2-ю и 3-ю батареями 33-й артиллерійской бригады—въ Аблаву. Доступы въ долину Кара-Лома отъ Садины до Нисова охранялись 1-ю бригадою 12-й кавалерійской дивизіи (барона Дризена), имѣя резервъ въ Аблаву. 2-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи прикрывала линію отъ Нисова, чрезъ Кадыкію и Иванъ-Чифтлиевъ, до Дуная.

и Садинскаго отрядовъ, то въ ихъ назначеніи штабъ 13-го корпуса, кажется, расходился съ предположеніями отряднаго штаба. Какъ мы уже сказали, войскамъ 13-го корпуса вѣнялось въ обязанность не допускать противника въ долину Кара-Лома со стороны Попкіоя, Гагова и дорогъ, ведущихъ въ эту долину между дд. Карахасанкіой и Опака. Между тѣмъ, въ штабъ 13-го корпуса укоренилось убѣжденіе о первостепенной важности ковачицкой позиціи, сильно укрѣпленной и на которой главнымъ образомъ выжидался бой, вслѣдствіе чего не признавалось необходимымъ удерживать во что бы то ни стало не только карахасанкію, но и попкіюскую позицію. Въ подтвержденіе этого, начальникамъ дивизій было сообщено отъ 13-го августа приказаніе командира 13-го корпуса, въ которомъ опредѣлялось значеніе занятыхъ позицій, причемъ на попкіюской и карахасанкіюской позиціяхъ рекомендовалось только заставить неприятеля развернуться. При этомъ относительно Карахасанкію было сказано: „избѣгать высылать изъ Гагова въ Карахасанкію большія поддержки въ виду необходимости отходить этому отряду въ Гагово по дефиле (мостъ)“.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ отрядный штабъ рассчитывалъ, повидимому, на болѣе или менѣе продолжительную оборону карахасанкіюской и попкіюской позицій, въ штабъ 13-го корпуса заранее уже готовилось отступление съ этихъ позицій. Эта непонятное стремленіе штаба 13-го корпуса къ самостоятельности, какъ и въ первомъ дѣлѣ при Аясларѣ, какъ мы увидимъ послѣ, могло имѣть серьезныя послѣдствія для насъ.

Со стороны турокъ, вскорѣ послѣ боя при Аясларѣ, начало обнаруживаться фланговое движеніе отъ Аяслара внизъ по Кара-Лому. На правомъ берегу этой рѣки, на высотахъ между Аясларомъ и Спахиларомъ, начали собираться значительныя массы турецкихъ войскъ, которыя немедленно принялись окапываться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, получено было донесеніе съ передовыхъ постовъ попкіюскаго отряда о томъ, что турецкій отрядъ изъ трехъ полковъ пѣхоты и полка кавалеріи направился на Мансуръ, противъ расположенія частей Курскаго полка, который, какъ мы уже видѣли, былъ выдвинутъ отъ Тырновскаго от-

ряда въ сторону расположенія войскъ 13-го корпуса, на линію Кадыкіоя и Тырбелетера.

Свое фланговое движеніе отъ Аяслара къ Спахилару и далѣе на сѣверъ турки также немедленно обнаружили рядомъ частныхъ наступленій и смѣлыхъ рекогносцировокъ въ упомянутомъ направленіи. Такъ, 13-го августа, вечеромъ, неприятель въ значительномъ числѣ занялъ лѣсъ противъ д. Карахасанкію, окончательно вытѣснивъ оттуда наши передовые посты и поставивъ на мѣсто ихъ свои пикеты. Въ тотъ же вечеръ, посты наши противъ Спахилара были оттѣснены турецкою пѣхотою и черкесами. Но здѣсь, на развѣтѣ слѣдующаго дня, генералу Леонову удалось сбить турецкіе посты и опять занять высоты нашими аванпостами. Неприятельскія партіи начали также показываться у Садны и Ярликію, но пока въ незначительныхъ силахъ.

Того же 13-го августа нашъ казачій развѣздъ подъ Руцукомъ, у Червеноводъ, былъ окруженъ турками и, пробиваясь, потерялъ четырехъ казаковъ убитыми, одного раненаго и двухъ безъ вѣсти пропавшими.

14-го августа, были оттѣснены турками передовые посты уланскаго Вознесенскаго полка впереди д. Хайдаркію.

Въ тотъ же день генералъ Леоновъ имѣлъ дѣло у Карахасанкію и Хайдаркію.

Въ ожиданіи новой атаки на Карахасанкію, отрядъ генерала Леонова въ тотъ же день былъ усиленъ изъ Гагова еще однимъ батальономъ Зарайцевъ, четырьмя 9-ти фунтовыми орудіями и двумя конными орудіями, такъ что съ этого дня подъ начальствомъ генерала Леонова находилось: три батальона Зарайскаго полка, одна батарея 35-й артиллерійской бригады, два эскадрона Лубенскаго гусарскаго полка и взводъ донской 9-й батареи.

Того же 14-го августа, вслѣдствіе донесенія о наступленіи турецкаго отряда изъ трехъ полковъ пѣхоты и полка кавалеріи на Мансуръ, командиръ 13-го корпуса, въ видахъ охраненія праваго фланга нашей позиціи у Попкію и Ковачицы и для наблюденія и обороны всѣхъ подступовъ къ Попкію отъ Мехметлера и Череметлера, занялъ д. Караагачъ батальономъ Волховскаго полка, сотнею 8-го казачьяго полка и двумя 9-ти-фунтовыми орудіями. Изъ этого вновь можно убѣдиться, какъ мало могли

рассчитывать войска 13-го корпуса на помощь Курскаго полка, выдвинутаго со стороны Тырновскаго отряда и не могшаго прикрыть даже праваго фланга нашей попкіюской позиціи, значительно выдвинутой впередъ.

15-го августа, около батальона турокъ и до шести сотенъ черкесовъ съ двумя орудіями произвели вновь наступленіе изъ Руцука на Кадыкію. Три роты уланскаго полка и пять сотенъ 12-го казачьяго полка съ двумя конными орудіями отбросили неприятеля обратно къ Руцуку. Вообще, кавалерія наша на нижнемъ Ломѣ за послѣднее время имѣла ежедневную перестрѣлку съ неприятелемъ. По передовому посту у Бесарбова турки выпускали иной разъ по сту выстрѣловъ въ день; но при этомъ потерь у насъ не было. Очевидно, турки демонстрировали здѣсь, съ цѣлію отвлечь наше вниманіе отъ праваго нашего фланга.

Передъ правымъ же флангомъ войскъ Руцукскаго отряда, въ теченіи 15-го, 16-го и 17-го августа, пока царило относительное затишье, однако совсѣмъ не успокоительнаго свойства; турки продолжали свое фланговое движеніе отъ Аяслара на сѣверъ, хотя и не тревожа болѣе нашихъ постовъ, но усиленно продолжая окапываться противъ нихъ на высотахъ между Аясларомъ и Спахиларомъ. 15-го и 16-го августа съ нашего бивуака у Хайдаркію ясно было видно, какъ турки день и ночь воздвигали батареи на возвышенностяхъ за Кара-Ломомъ, въ направленіи къ Спахилару, менѣе чѣмъ въ 2,000 саж. отъ палатокъ Вознесенскаго уланскаго полка. На горѣ Сахаръ-тепе, т. е. въ 2 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Хайдаркію, также замѣтны были всѣ эти дни движеніе и рубка лѣса: видимо и тамъ турки прокладывали дороги для своихъ орудій и возводили батареи.

Болгары, которымъ удалось еще 13-го августа сбѣжать изъ Разграда и пробраться въ Хайдаркію и Садину, подробно передавали о томъ, что у Разграда сосредоточивается огромное число турецкихъ войскъ, которыя вмѣстѣ съ вооруженными жителями собираются не нынче-завтра атаковать русскихъ у Садны, Карахасанкію, Хайдаркію и Аяслара *).

*) Это весьма важное показаніе, оказавшееся вскорѣ совершенно вѣрнымъ, было передано, однако, въ отряд-

Передовые наши посты усилили свою бдительность. Генералъ Леоновъ, начальникъ 2-й бригады 8-й кавалерійской дивизіи, несшей аванпостную службу, дѣлалъ, что могъ, выбивался изъ силъ, по нѣсколько дней не снималъ сапоговъ, стараясь выполнить трудную задачу, возложенную на аванпосты. За какой нибудь мѣсяць его бригада стала неузнаваема — она устала, лишилась многихъ, растеряла часть обоза, оборвалась, но, благодаря ей, печальное нападеніе стало невозможнымъ.

Въ ночь съ 17-го на 18-е августа, съ полудни начали приходить извѣстія о томъ, что во всѣхъ балкахъ за Кара-Ломомъ замѣтно усиленное движеніе войскъ. Массированіе ихъ и звуки сигнальных рожковъ ясно были слышны отъ самаго Спахилара до Сахаръ-тепе и далѣе къ Аяслару.

Благодаря тактическому успѣху 11-го августа, Мегеметъ-Али-паша рѣшился оттѣснить русскихъ отъ праваго берега Кара-Лома къ сѣверу и возстановить на этой рѣкѣ естественный рубежъ между нимъ и противникомъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ — подготовить ударъ на центръ расположенія Руцукскаго отряда. Впрочемъ, точный смыслъ предпринятаго турками движенія возстановить довольно трудно, за отсутствіемъ вполне достовѣрныхъ источниковъ; тѣмъ не менѣе, настоящій моментъ дѣйствій становится въ высшей степени интереснымъ, въ виду критическаго положенія войскъ Руцукскаго отряда и чрезвычайно благоприятныхъ условий для выполненія задуманныхъ Мегеметомъ-Али наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ, ему едва ли были извѣстны въ точности крайняя малочисленность войскъ Руцукскаго отряда и необычайная слабость занятой ими позиціи. Объ этомъ можно уже судить по преувеличенному представленію имъ о силахъ нашихъ передовыхъ отрядовъ. Августѣйшій начальникъ Руцукскаго отряда, вынужденный необходимостью, съ изумительно малыми средствами велъ чрезвычайно смѣлую и живую игру, которая, очевидно, спутала понятія по природѣ нѣсколько тяжеловѣснаго и осторожнаго нѣмца, Мегемета-Али, задумавшаго, по всѣмъ правиламъ тактики и стратегіи, совершить весьма сложное движеніе,

ный штабъ лишь 17-го августа, при рапортѣ начальника штаба 13-го корпуса отъ 16-го августа.

когда требовался, может быть, одинъ только рѣшительный и энергическій ударъ въ томъ или другомъ направленіи, чтобы поставить войска Русскаго отряда совершенно въ безвыходное положеніе.

Какъ бы тамъ ни было, а съ упомянутою выше цѣлю Мегемедъ - Али избралъ ближайшимъ важнымъ пунктомъ атаки карахасанкійское плато, на которомъ въ особенности смущали его возводимые нами стрѣлковыя ровики и небольшія насыпи для орудій, что было принято имъ, повидимому, за проявленіе особенно энергической дѣятельности съ нашей стороны для удержанія этой позиціи.

Отецъ Мегемедъ - Али — отставной музыкантъ Детруа, потомокъ выселившихся изъ Франціи гугенотовъ, который, сколько извѣстно, до сихъ поръ живетъ въ Берлинѣ. Молодой Карлъ Детруа родился въ Магдебургѣ и посѣщалъ тамошнюю приходскую школу. Мать его, умершая въ молодыхъ лѣтахъ, была также изъ Магдебурга. Еще въ дѣтствѣ онъ отличался характеромъ крайне живымъ и энергическимъ. Не кончивъ курса, онъ ушелъ изъ родительскаго дома и нанялся юнгой на купеческій корабль; но съ нимъ обходились тамъ такъ дурно, что онъ, прибывъ въ константинопольскую гавань, рѣшился бѣжать. Бросившись ночью въ воду, онъ достигъ вплавь берега и нѣсколько времени скрывался съ помощью тамошнихъ кайджи (лодочниковъ); но его мучители, наконецъ, отыскали его и засадили въ турецкую тюрьму. Тамъ провелъ онъ много тяжелыхъ дней, пока ему удалось, наконецъ, доставить писанную карандашемъ по-французски записочку тогдашнему турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, впоследствии великому визирю Аали-пашѣ. Его сейчасъ освободили; министр позвалъ его къ себѣ и разговорился съ нимъ; бойкій мальчикъ понравился ему, и онъ оставилъ его у себя, но черезъ нѣсколько времени обратилъ въ магометанство и помѣстилъ, подъ именемъ Мегемедъ - Али, въ константинопольское военное училище. Тамъ молодой человекъ имѣлъ случай изучить основательно турецкій языкъ. Покровитель его, довольный его успѣхами, оказывалъ все болѣе благосклонности и, наконецъ, полюбилъ его какъ сына.

Въ 1846 году молодой Мегемедъ - Али сталъ посѣщать артиллерійское училище въ Константино-

полѣ; ему было тогда восемнадцать лѣтъ. Окончивъ тамъ курсъ, онъ поступилъ офицеромъ въ турецкую армію, участвовалъ въ крымской войнѣ и отличился при Ольтеницѣ и при Четати такъ блистательно, что тотчасъ получилъ повышеніе. Съ тѣхъ поръ онъ, какъ говорится, пошелъ въ гору; ему начали давать самыя важныя порученія и онъ всегда исполнялъ ихъ успѣшно. Въ 1870 г. онъ былъ уже дивизионнымъ генераломъ; но около 1870 года противъ него начались интриги въ Константинополѣ: тогдашній военный министръ, Гуссейнъ-Авни-паша, съ которымъ онъ, впрочемъ, находился въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ, зналъ ему цѣну слишкомъ хорошо и боялся, можетъ быть не безъ основанія, что онъ затмитъ его. Какъ - бы то ни было, только въ 1873 году Мегемедъ - Али былъ удаленъ изъ Константинополя и посланъ въ Янину для усмиренія мятежа, вспыхнушаго въ Эпирѣ и въ Эссалии. Быстрота и распорядительность, съ которыми онъ исполнилъ это порученіе, обратили на него вниманіе султана, и вообще онъ умѣлъ занять такое положеніе въ военныхъ кружкахъ Константинополя, что въ послѣдней войнѣ, когда понадобилось замѣнить престарѣлаго Абдуль-Керима новымъ, энергическимъ дѣятелемъ, выборъ, естественно, палъ на него. Султанъ призвалъ его въ Константинополь, осыпалъ его милостями, пригласилъ къ своему столу, откровенно разговорился съ нимъ о настоящемъ положеніи турецкой имперіи, пожаловалъ ему орденъ Османіе съ брилліантами, подарилъ осыпанную драгоценными камнями саблю и пару великолѣпныхъ лошадей, — словомъ, обошелся съ нимъ такъ, что заставилъ всѣхъ своихъ приближенныхъ позавидовать ему. Но важнѣе всего то, что султанъ далъ ему самыя обширныя полномочія, между прочимъ, власть не только жаловать ордена и повышенія всѣмъ офицерамъ въ турецкой арміи, до дивизионныхъ генераловъ включительно, но и смѣщать ихъ и даже подвергать смертной казни. Если принять съ соображеніемъ, какъ неприятели должны были быть природнымъ туркамъ подобныя милости, расточаемыя иностранцу, то нельзя не сознать, что Мегемедъ - Али стоялъ на весьма скользкой почвѣ. Послѣ этого понятно будетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Мегемедъ - Али въ

Сраженіе при Карахасанкійой.

1. Седина. 2. Карахасанкійой. 3. Гавань. 4. Понкій. 5. Гаддеръ-хой. 7. Рыба Ломе. 8. Казаки. 9. Башибузукчи. 10. Турецкая армія, наступающая отъ Разграда. 11, 12, 14 и 15 Русскія батальоны. 13, 16, 17, 18 и 19 Турецкія батальоны. 20 Турецкіе стрѣлки, перерывающіеся черезъ Ломе.

Ахмеду - Эюбу и Сулейману папшъ, съ которыми онъ долженъ былъ дѣйствовать сообща. Вообще, разногласія и вражда турецкихъ генераловъ другъ къ другу были такъ сильны, что нѣтъ никакой возможности разсматривать ихъ планы въ связи между собою.

На разсвѣтъ 18-го августа черкесы неожиданно атаковали Садину въ столь значительныхъ силахъ, что наши два эскадрона лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, бывшіе въ Садинѣ подъ командою подполковника Фролова, не смотря на открытую ими частую стрѣльбу и на рѣшимость держаться до послѣдней крайности, вынуждены были, наконецъ, уступить превосходству силъ непріятеля и отступить на противолѣжащія высоты.

Получивъ объ этомъ донесеніе въ 5 часовъ утра, генералъ Леоновъ уже отправился было изъ Карахасанкію самъ съ необходимою поддержкою въ Садину, какъ на полудорогѣ туда получилъ донесеніе, что наша 4-я сотня 8-го казачьяго полка, выставленная къ дер. Спахилару, также отгѣнена отсюда другимъ значительнымъ отрядомъ непріятельской кавалеріи.

Вернувшись тотчасъ же на главную позицію въ Карахасанкію, генералъ Леоновъ приказалъ командиру Зарайскаго полка, полковнику Назарову, уже шедшему на выручку Атаманцевъ съ двумя ротами 3-го батальона Зарайцевъ и двумя орудіями 9-й донской батареи, продолжать движеніе въ Садину и выбить оттуда непріятеля. Въ то же время, генералъ Леоновъ далъ приказаніе командиру дивизіона Лубенскихъ гусаръ, полковнику Глазенапу, чтобы онъ съ своимъ дивизиономъ и двумя ротами Зарайскаго полка немедленно шелъ къ дер. Спахиларъ и, если можно, также прогналъ бы оттуда непріятеля.

Не смотря однако на упорство обоихъ отрядовъ, оба они не могли ничего сдѣлать противъ весьма значительныхъ силъ непріятеля, и оба должны были отступить.

Сдѣлалось ясно, что непріятель предпринялъ не простую рекогносцировку, а серьезную атаку большими массами, съ цѣлью овладѣть нашею позиціею въ Карахасанкію.

Генералъ Леоновъ тотчасъ же послалъ въ отрядный штабъ, въ Хаджикию, донесеніе о наступ-

леніи значительныхъ силъ непріятеля на Карахасанкію.

Получивъ 18-го утромъ донесеніе генерала Леонова, Наслѣдникъ Цесаревичъ тотчасъ же приказалъ изъ отряднаго резерва въ Гениджессі послать два батальона съ батареею на Поломарцы, въ распоряженіе командира 13-го корпуса, а также два батальона изъ Аблавы черезъ Огорчинъ на Садину, о чемъ немедленно было сообщено депешою генералъ-лейтенанту Гану.

Между тѣмъ, генералъ Леоновъ, убѣдившись въ серьезномъ наступленіи непріятеля, приказалъ командиру 1-го батальона Зарайскаго полка, майору Шлюповичу, взять двѣ роты его батальона и два орудія 1-й батареи 35-й артиллерійской бригады и занять ими высоты впереди нашей главной карахасанкіюской позиціи, на разстояніи одной версты къ востоку отъ селенія. Какъ только майоръ Шлюповичъ занялъ эти высоты, передъ нимъ показались шесть непріятельскихъ колоннъ (5 батальоновъ Сабита), съ артиллеріею и съ большимъ числомъ кавалеріи. Наши два орудія, выхавъ на позицію, открыли огонь. Непріятельская пѣхота двинулась впередъ, открывъ страшную ружейную пальбу. Ружейный огонь сообщился вскорѣ вдоль всей линіи, и уже не слышно было болѣе пальбы изъ большихъ орудій. Турецкая пѣхота толпами пробиралась по засѣяннмъ полямъ, противъ отряда майора Шлюповича, безъ умолку стрѣляя по пути. За маисовыми колосьями въ ростъ человѣка почти не видно было ни русскихъ, ни турокъ, но ясно можно было разглядѣть, какъ блистали сабли среди колосьевъ и подвигались впередъ красныя фески. Майоръ Шлюповичъ съ Зарайцами долго удерживалъ усиленные и ожесточенные натиски непріятеля. Было уже около девяти часовъ утра, и раненые съ обѣихъ сторонъ медленно тащились назадъ. Наконецъ, изъ окраины маисовыхъ полей одинъ за другимъ стали появляться русскіе пѣхотинцы, запыхавшіеся, изнеможенные двухчасовымъ отчаяннымъ боемъ подъ палящими лучами солнца. Превосходство силъ непріятеля заставило двѣ роты Зарайскаго полка, пропустивъ впередъ орудія, отойти назадъ, къ главной позиціи, и занять ровики, которые наканунѣ были выкопаны для стрѣлковъ.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о Карахасанкюйской позиціи вообще.

Деревня Карахасанкюй лежитъ на возвышенности, отдѣленной глубокими долинами отъ противоположащихъ высотъ. Обширные поля пшеницы и маиса поднимаются отъ долинъ по склонамъ этихъ высотъ и по ихъ плоскимъ вершинамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ роцъ вдоль верхней окраины высотъ. Благодаря окружающимъ высотамъ, спускающимся въ долину небольшими скастами, Карахасанкюйская возвышенность давала возможность наилучшимъ образомъ пользоваться при оборонѣ огнестрѣльнымъ боемъ, тѣмъ болѣе, что по сторонамъ не было командующихъ высотъ.

Вправо отъ селенія Карахасанкюй, на одной съ нимъ возвышенности, находилась небольшая орѣховая роща, въ которой былъ расположенъ бивуакъ Зарайскаго полка. Влѣво отъ деревни находились виноградники и другая небольшая роща.

Генераломъ Леоновымъ были сдѣланы заранѣе нѣкоторыя приготовленія отстоять позицію противъ превосходныхъ по числу неприятельскихъ силъ. Вдоль восточнаго склона карахасанкюйской возвышенности было вырыто нѣсколько стрѣлковыхъ ровиковъ, а по обѣ стороны селенія, на гребнѣ возвышенности, сооружены небольшія земляныя батареи.

Какъ мы уже сказали, двѣ роты (1-я стрѣлковая и 4-я линейная) 1-го батальона Зарайскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шлюповича, отступили къ стрѣлковымъ ровикамъ. На главной же позиціи, на гребнѣ у орѣховой рощи, генералъ Леоновъ расположилъ двѣ другія роты того же батальона, а третью роту оставилъ въ резервѣ 1-го батальона.

Неприятель былъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ многочисленнѣе этихъ пяти ротъ; онъ наступалъ тремя густыми цѣпами, поддержанными глубокими колоннами, упорно подвигавшимися со всѣхъ сторонъ на занятую Зарайцами позицію. Поэтому 1-я стрѣлковая и 4-я линейная роты Зарайцевъ вынуждены были вконецъ уступить неприятелю ровики и отойти на главную позицію, къ своимъ ротамъ на гребнѣ возвышенности, вправо отъ земляны хъ батарей. Здѣсь маіоръ Шлюповичъ соединилась съ остальными ротами своего батальона и,

поддерживаемый огнемъ съ батареей, нѣсколько разъ бросался съ Зарайцами внизъ и штыками выбивалъ неприятеля изъ ровиковъ, но, не имѣя поддержки, снова уступалъ ровики превышавшимъ силамъ неприятеля.

Нѣсколько ранѣе этого, когда, однако, положеніе дѣлъ окончательно уже выяснилось, генералъ Леоновъ послалъ полковнику Назарову приказаніе, чтобы онъ отходилъ со своимъ отрядомъ назадъ отъ Садины и распорядился бы прикрыть лѣвый флангъ главной позиціи. Полковникъ Назаровъ, передавъ начальствованіе надъ отрядомъ маіору Завойскому, приказалъ ему отходить отъ Садины, и строго слѣдить за нашимъ лѣвымъ флангомъ и, если будетъ можно, ударить во флангъ неприятелю, который сильно тѣснилъ 1-й батальонъ Зарайцевъ.

Быстрое появленіе маіора Завойскаго съ полутора ротами 3-го батальона Зарайцевъ на флангѣ неприятеля привело турокъ въ смятеніе и дало возможность самому маіору Завойскому правильно расположиться на нашемъ лѣвомъ флангѣ, впереди виноградниковъ, по лѣвую сторону селенія Карахасанкюй.

Было около десяти часовъ утра. Въ это время закипѣлъ общій бой по всей линіи. Турецкія орудія расположились на противоположныхъ высотахъ въ лѣсистой мѣстности и въ маисовыхъ поляхъ, гдѣ еще за часъ передъ тѣмъ находились наши орудія, а также на склонахъ горъ до Попкюя, на разстояніи около пяти верстъ. Турецкія снаряды начали падать въ орѣховой рощѣ, въ которой былъ расположенъ бивуакъ Зарайскаго полка и около которой находилась наша небольшая батарея. Турецкія пули также массами падали сюда. Противъ нашего лѣваго фланга турки тоже выставили шесть орудій и двинули большія колонны пѣхоты.

Генералъ Леоновъ назначилъ командиромъ лѣваго фланга маіора Завойскаго, отдавъ въ его распоряженіе пять ротъ его батальона (3-го). Центромъ командовалъ командиръ 1-го батальона маіоръ Шлюповичъ, которому были приданы, кромѣ его батальона, двѣ роты (6-я линейная и 2-я стрѣлковая) 2-го батальона. Правый флангъ былъ порученъ командиру 2-го батальона подполковнику Иговскому, который, будучи раненъ пулей въ ногу

на вылетъ, оставался все время въ бою, мужественно отстаивая правый флангъ съ тремя ротами своего батальона. Общее наблюденіе было ввѣрено командиру Зарайскаго полка, полковнику Назарову, которому было приказано во что бы то ни стало держаться на своихъ мѣстахъ.

Полковнику Глазенапу генералъ Леоновъ приказалъ собрать всю кавалерію: два эскадрона Атаманскаго полка, дивизионъ Лубенскихъ гусаръ и четыре сотни 8-го казачьяго полка, и отвести ихъ также на правый флангъ.

1-я батарея 35-й артиллерійской бригады и два конныя орудія 9-й донской батареи расположились на указанныхъ имъ мѣстахъ.

Всего въ отрядѣ генерала Леонова находилось: три батальона и восемь эскадроновъ и сотенъ, что составляло вмѣстѣ не болѣе 3,000 человекъ пѣхоты и пяти сотъ кавалеріи, при 10 орудіяхъ, изъ которыхъ 8 были небольшого калибра.

Неприятель же вконецъ ввелъ въ дѣло до 12,000 человекъ и 16 орудій, открывшихъ страшный и убійственный огонь по нашей позиціи. Не смотря на то, наша артиллерія дѣйствовала отлично, постоянно сдерживая натиски превосходнаго неприятеля.

Около 12 часовъ дня неприятель выдвинулъ противъ нашего лѣваго фланга еще шесть орудій (всего 12, а къ концу дѣла—24 орудія) и ввелъ въ дѣло свѣжія войска. Однако, маіоръ Завойскій, не смотря на все превосходство неприятельскихъ силъ, сумѣлъ въ теченіи около трехъ часовъ не дать имъ перейти въ наступленіе. Наконецъ ряды Зарайцевъ отъ адскаго огня неприятеля стали страшно рѣдѣть; неприятель же продолжалъ упорно наступать и съ фронта и въ обходъ лѣваго фланга позиціи. Тогда маіоръ Завойскій направилъ на крайній лѣвый флангъ 3-ю стрѣлковую роту поручика Евреинова, приказавъ ему во что бы то ни стало удерживать стремленіе неприятеля къ обходу лѣваго фланга. Благодаря этому распоряженію, обходное движеніе неприятеля было на нѣкоторое время задержано. Но одна стрѣлковая рота не въ состояніи была совершенно остановить сильное и упорное наступленіе противника; она держалась до послѣдней степени, силы ея истощились въ неравной борьбѣ и она требовала подкрѣпленія. Тогда

маіоръ Завойскій послалъ туда еще 11-ю роту, которая, подъ командою штабсъ-капитана Леонова, геройски павшаго въ этой борьбѣ, быстро бросилась въ виноградникъ, заняла его, и, подъ страшнымъ огнемъ неприятеля, приблизилась къ стрѣлкамъ и поддержала ихъ. 3-я стрѣлковая рота, поддержанная 11-ю, кинулась въ атаку; неприятель не выдержалъ дружнаго натиска этихъ ротъ и отступилъ, поддерживая убійственный огонь.

Около двухъ часовъ по-полудни неприятель повелъ общую атаку по всей линіи. Внезапная пальба въ загорѣвшейся части селенія Карахасанкюй возвѣстила всѣмъ, что турки проникли туда безпрепятственно. Изъ темной лѣтвы противоположащихъ лѣсистыхъ холмовъ и съ окраины плоскихъ высотъ ежеминутно неслись кверху клубы голубоватаго дыма отъ выстрѣловъ турецкой артиллеріи, и на нашей позиціи то и дѣло взлетали кверху комки земли и облака пыли отъ разрывающихся снарядовъ. Вокругъ Зарайцевъ и передъ ними падалъ градъ пуль, пронизывавшихъ рощи и кустарники во всѣхъ направленіяхъ. Турки находились уже въ селеніи. Но на правой сторонѣ въ орѣховой рощѣ дѣйствовала еще наша пѣхота, не отступая передъ неприятелемъ ни на шагъ. На лѣвой сторонѣ несожженная часть селенія и другая роща были заняты 3-мъ батальономъ, который также упорно отстаивалъ свои позиціи. Орудія же наши всѣ были увезены въ аррьергардъ: два орудія донской батареи стали на возвышенности за д. Карахасанкюй, подъ прикрытіемъ 2-го эскадрона Атаманскаго полка, четыре орудія 1-й батареи 3-й артиллерійской бригады остановились на возвышенности правѣе д. Карахасанкюй, а остальные четыре орудія той же батареи стали на дорогѣ въ Гагово, у каменнаго моста черезъ Кара-Ломт.

Съ этого момента ружейная пальба уступила мѣсто оглушительнымъ залпамъ. Гулъ турецкихъ пушекъ, приближавшійся все ближе и ближе, потрясалъ воздухъ. Безпощадное солнце сіяло надъ измученными Зарайцами и куда бы они ни пошли, всюду слышался свистъ пуль и вой гранатъ. Позади, вдоль склоновъ холмовъ, по направленію къ Гагову, шатаясь, плелись наши раненые въ аррьергардъ. Храбрые молодцы были покрыты пылью и съ ногъ до головы обрызганы кровью. Утомленные

бойцы съ надеждой оглядывались назадъ въ Гагово, ожидая помощи, такъ какъ послѣ вятія непріятелемъ селенія, они возлагали всю надежду на удержаніе за собою позиціи только на прибытіе подкрѣпленій.

Но не долго владѣлъ непріятель новой позиціей: дружный натискъ Зарайцевъ по всей линіи заставилъ турокъ оставить деревню Карахасанкюй. Шесть разъ непріятель съ несоразмѣнно большими силами заставлялъ Зарайцевъ вновь уступать ему деревню, но каждый разъ Зарайцы снова выбивали изъ нея турокъ, хотя и съ большими потерями. Однако бой былъ слишкомъ неравный: это была геройская борьба противъ подавляющаго большинства; непріятель къ концу дѣла имѣлъ уже около 18,000 человекъ и вводилъ въ дѣло постоянно свѣжія войска. Зарайцы же дрались одни, въ числѣ 3,000 человекъ, и дрались какъ львы до четырехъ часовъ по-полудни. Въ теченіи восьми часовъ они удерживали деревню при пропорціи одного русскаго по крайней мѣрѣ, на шесть турокъ.

При этомъ Зарайцы выстояли въ теченіи всего этого времени подъ постояннымъ огнемъ, который свирѣпствовалъ вдоль всей передовой линіи, и кидались шесть разъ въ атаку, но ни одна пядь земли не была ими уступлена. Храбрецамъ нашимъ начинало уже надоѣдать однообразное занятіе—отгадывать направленіе будущаго ядра или гранаты, пущенныхъ въ наши ряды, когда, на ихъ счастье, около четырехъ часовъ по-полудни, наступила передышка, а вдаль показалась еще болѣе пріятная картина: сверканье ружей вдоль дороги изъ Гагова.

То былъ 1-й батальонъ Моршанскаго полка, посланный изъ Гагова генераломъ Барановымъ на помощь Зарайцамъ. Правда, тутъ было менѣе половины того числа, которое нужно было для пополненія убыли въ рядахъ, но пришедшіе горѣли нетерпѣніемъ занять свои мѣста и участвовать въ дѣлѣ. Они на мгновеніе прилегли на землю, но какъ только перестрѣлка послышалась слѣва и пришла вѣсть, что требуется подкрѣпленіе, они весело выступили впередъ. Генераль Леоновъ приказалъ направить Моршанцевъ на лѣвый флангъ, чтобы поддержать маіора Завойскаго. Послѣдній усилилъ

свою цѣпь, которая уже сильно порѣдѣла, 1-ю стрѣлковою ротою Моршанцевъ, а 1-ю и 2-ю линейныя роты направилъ на гору, чтобы удерживать непріятеля и ни въ какомъ случаѣ не дать ему обойти нашъ лѣвый флангъ. Моршанцы лихо и дружно пошли въ бой и скоро отчаянно схватились съ непріятелемъ.

Въ это время генераль Леоновъ потребовалъ на главную позицію дивизионъ 1-й батареи штабъ-капитана Карасюка; дивизионъ немедленно прибылъ на позицію, вмѣстѣ съ вновь присланнымъ изъ Гагова 3-мъ батальономъ Моршанскаго полка. Генераль Леоновъ приказалъ двумъ орудіямъ прибывшаго дивизиона занять позицію на правомъ флангѣ нашей линіи, давъ ему въ прикрытіе 10-ю роту Моршанскаго полка, а 3-ю стрѣлковою и 11-ю линейною ротами Моршанцевъ приказалъ полковнику Назарову усилить цѣпь центра; остальные же роты остались въ резервѣ.

Другимъ двумъ орудіямъ штабъ-капитана Карасюка было приказано занять мѣсто правѣе нашей позиціи, противъ д. Спахиларъ, откуда непріятель неожиданно двинулъ сначала 8, а затѣмъ еще 4 большихъ колонны пѣхоты, при сильной артиллеріи, съ кавалеріею впереди, съ цѣлью обойти насъ справа.

Непріятельская кавалерія, двигаясь впереди пѣхоты, быстро начала охватывать нашъ правый флангъ. Штабъ-капитанъ Карасюкъ и поручикъ Шестаковъ всѣми силами старались задержать движеніе непріятеля, посылая въ него мѣткіе и частые выстрѣлы, но это не останавливало противника. Тогда храбрые Атаманцы и Лубенскіе гусары кинулись въ атаку; завязалось жаркое кавалерійское дѣло. Четыре раза бросались наши кавалеристы на непріятельскую конницу, но безуспѣшно, потому что непріятельская пѣхота, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, продолжала подвигаться впередъ и поддерживала свою кавалерію.

Генераль Леоновъ, между тѣмъ, поспѣвалъ всюду. Весь штабъ его былъ разосланъ съ порученіями, а онъ самъ разбѣзжалъ по разнымъ пунктамъ, гдѣ являлся неожиданно и оставался по цѣлымъ часамъ подъ огнемъ. Солдаты не нуждались въ такомъ примѣрѣ,—они достаточно были подготовлены къ тому, чтобы жалдеть отомстить врагу; но присутствіе генерала ихъ ободряло какъ дока-

зательство, что они не забыты въ низменной заросли возвышенности, среди полей маисы и въ лабиринтѣ селенія.

Около двухъ часовъ продолжался жаркій бой, во время котораго все прибывали свѣжія силы у противной стороны. Куда ни погляди, со всѣхъ сторонъ видѣлись скачущіе по полямъ маиса непріятельскіе кавалерійскіе отряды и черныя массы пѣхоты, бѣгущія изъ лѣса вдоль маисовыхъ полей вправо, въ то время, какъ наши конныя орудія выдвигались впередъ и принимались за работу. Еще оставалось долго до потери нами позиціи, хотя она уже была очевидна; но отступленіе началось только въ шесть часовъ по-полудни, когда измученные пѣхотинцы вернулись, наконецъ, со всей линіи обратно...

Двѣнадцать часовъ Зарайцы были въ огнѣ; цѣлый день дрались они съ превосходнымъ по числу противникомъ, находясь все время подъ палицимъ солнечнымъ зноемъ и не имѣя времени даже подкрѣпить себя пищею. Девять ротъ Моршанскаго полка, присланныя изъ Гагова, были слишкомъ слабою помощію противъ огромныхъ силъ непріятеля, который выдвинулъ къ концу боя, по крайней мѣрѣ, еще 6,000 свѣжихъ войскъ. Все число непріятеля доходило теперь до 20,000 человекъ. Что могли сдѣлать противъ нихъ наши сильно уже порѣдѣвшіе пять батальоновъ?

Видя, что отрядъ нашъ больше уже не въ силахъ держаться на позиціи, генераль Леоновъ, въ шесть часовъ вечера, отдалъ приказаніе полковнику Назарову начать общее отступленіе.

Отступленіе было всеобщимъ горемъ. Ни одинъ солдатъ не отступалъ безъ горькаго сожалѣнія, что пришлось уступить передъ численнымъ превосходствомъ. Единственное замѣчаніе, повторявшееся время отъ времени въ рядахъ, состояло изъ восклицанія: „ихъ слишкомъ много!“

Чтобы лишить непріятеля возможности вывезти свою артиллерію черезъ деревню на высоты и вредить намъ артиллерійскимъ огнемъ, генераль Леоновъ приказалъ предать пламени деревню Карахасанкюй; а такъ какъ непріятель былъ уже близко и отрядъ нашъ, начавши отступленіе, не имѣлъ уже времени убрать и захватить съ собою ни палатокъ, ни ранцевъ съ багажемъ, ни кухонныхъ принадлежностей, то и это все было свалено въ кучу и за-

жжено на мѣстѣ, чтобы ничего не доставалось въ руки непріятеля.

Не смотря на то, что арріергарднымъ войскамъ нашего отряда, охваченнымъ уже съ фланговъ и отчасти съ тыла, пришлось пробивать себѣ путь штыками, однако же отступленіе совершено было въ примѣрномъ порядкѣ. Батальоны отступали шагъ за шагомъ, перебираясь съ одного холмика на другой и дѣлая передышки всякій разъ, когда огонь становился слишкомъ ужъ жаркимъ. При отступленіи на шемъ, непріятель успѣлъ уже обойти насъ справа, почему правый флангъ и центръ, отступая, все время имѣли жаркую перестрѣлку съ непріятелемъ. Наконецъ, когда большой отрядъ черкесовъ кинулся по долигѣ черезъ маисовое поле на нашъ правый флангъ, наши казаки и гусары были отряжены ему на встрѣчу. Въ то же время генераль Леоновъ выслалъ артиллерію на лѣвой берегъ Кара-Лома; туда же пристроилась и высланная генераломъ Барановымъ изъ Гагова 4-я батарея, которая своими мѣткими выстрѣлами значительно облегчила отступленіе. Взводъ 9-й донской батареи подпоручика Жирова также много содѣйствовалъ успешному отступленію, являясь всюду, гдѣ только требовалась необходимая помощь артиллеріи. Одновременно съ этимъ, генераль Леоновъ приказалъ только-что присланную изъ Гагова еще одну свѣжую роту Моршанскаго полка разсыпать въ цѣпь и прикрыть ею мостъ на Кара-Ломѣ, что позволило намъ въ полномъ порядкѣ начать переправу черезъ эту рѣку.

Отступленіе лѣваго фланга было сопряжено еще съ большими затрудненіями. Маіоръ Завойскій, обойденный слѣва нѣсколькими большими колоннами пѣхоты и не имѣя поддержки со стороны нашей артиллеріи, отступалъ, однако, блестящимъ образомъ. При сильномъ натискѣ непріятеля и при убійственномъ огнѣ, онъ нѣсколько разъ самъ переходилъ въ наступленіе и отбрасывалъ турокъ штыками. Благодаря этому, отступленіе и здѣсь совершено было въ полномъ порядкѣ.

Въ восьмомъ часу вечера весь отрядъ перешелъ уже на лѣвый берегъ Кара-Лома. Наша позиція была окончательно сдана, и войска пошли обратно въ Гагово по дорогѣ, извивающейся вдоль подножія холма. Раненые ползли насколько хватало силъ

Пѣхотинцы несли своихъ товарищей на ружейныхъ прикладахъ. Деревня Карахасанкіой, расположенная на холмѣ, была вся въ огнѣ. Равнина направо была наполнена черкесами, и одинъ эскадронъ несся черезъ нее галопомъ вдоль дороги... Артиллерія съ Гаговскаго холма послала имъ на встрѣчу нѣсколько залповъ, и черкесы быстро ретировались назадъ. Всѣ поля, окружающія карасанкіойскую возвышенность, чернѣли темными массами турецкой пѣхоты, а на самыхъ холмахъ тянулись уже колонны черкесовъ.

Отрядъ нашъ расположился вдоль возвышенности у Гагова, казаки заняли позиціи справа и слѣва; все приготовилось дать твердый отпоръ, если до заката будетъ сдѣлана непріателемъ попытка двинуться впередъ. Корпусный командиръ, прибывшій въ сумерки изъ Ковачицы, сдѣлалъ также всѣ распоряженія для защиты этой позиціи. Войска провели здѣсь ночь, разведя на позиціи нѣсколько костровъ. Ночной воздухъ и прохлада дѣйствовали успокоительно послѣ жаркаго зноя и движенія минувшаго дня. Возшедшая же луна блѣдно свѣтила на зарево покинутаго Зарайцами селенія.

Отрядъ генерала Леонова потерялъ въ сраженіи: убитыми — 4 офицера и 103 нижнихъ чина; ранеными — 12 офицеровъ и 357 нижнихъ чиновъ; контуженными — 9 офицеровъ и безъ вѣсти пропавшими — 15 нижнихъ чиновъ. Всего въ отрядѣ выбыло изъ строя 500 человекъ.

Утрата Карахасанкіойской позиціи послѣдовала вслѣдствіе того, во-первыхъ, что у насъ ощущался недостатокъ въ артиллеріи, а главное — что подкрѣпленія изъ Гагова подошли слишкомъ поздно. Это послѣднее обстоятельство зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ того, что въ штабѣ 13-го корпуса, какъ мы уже упоминали выше, было заранее рѣшено отступление съ Карахасанкіойской позиціи, причемъ генералу Леонову рекомендовалось только заставить непріателя развернуться. Но въ такомъ случаѣ корпусный штабъ вошелъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, выславъ, хотя и слишкомъ поздно, подкрѣпленія въ Карахасанкіой. Что нибудь одно изъ двухъ: или отрядъ нашъ долженъ былъ тотчасъ же отступить, какъ только непріатель обнаружитъ свои силы и намѣренія, что совершенно

выяснилось уже утромъ и притомъ самъ осязательнымъ образомъ, или же, рѣшившись разъ поддерживать бой до крайности, слѣдовало выслать подкрѣпленія еще утромъ. Но такъ какъ ни того, ни другого не было сдѣлано, то отрядъ нашъ, не смотря на всю свою по истинѣ геройскую стойкость, не могъ продержаться до ночи, что, въ свою очередь, повлекло къ тому, что высланные начальникомъ Руцукскаго отряда изъ Гениджеси и изъ Аблавы 4 батальона подкрѣпленій не успѣли къ дѣлу; напримѣръ, аблавскіе батальоны еще на пути узнали объ отступленіи генерала Леонова изъ Карахасанкіой и потому вернулись съ полудороги обратно на свою позицію. Послѣднее обстоятельство указываетъ однако на то, что генералъ Леоновъ имѣлъ серьезное основаніе ожидать большихъ подкрѣпленій и вслѣдствіе того поддерживать бой до крайности. Но вообще трудно совмѣстить съ этимъ намѣреніе корпуснаго штаба оставить карахасанкіойскую позицію безъ боя. Чтобы разрѣшить всѣ эти противорѣчія, нужно предположить, что генералъ Леоновъ, подчиненный непосредственно штабу 13-го корпуса, конечно зналъ о намѣреніи этого штаба оставить позицію, но, получивъ увѣдомленіе о высылкѣ ему подкрѣпленій изъ отряднаго резерва, рѣшился упорно обороняться на свой страхъ, или же штабъ 13-го корпуса, получивъ извѣстіе о рѣшеніи отряднаго штаба выслать подкрѣпленія въ Карахасанкіой, счелъ, наконецъ, необходимымъ также приказывать генералу Леонову по возможности держаться на позиціи.

Во всякомъ случаѣ, намѣреніе корпуснаго штаба оставить Карахасанкіойскую позицію безъ боя могло повести къ серьезнымъ для насъ послѣдствіямъ въ томъ отношеніи, что турки, занявъ Карахасанкіой безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны, могли двинуться въ тотъ же день впередъ и атаковать Гагово съ такою же настойчивостью, съ какою имъ пришлось дѣйствовать противъ Карахасанкіой, причемъ, въ случаѣ успѣха турокъ у Гагова, сообщенія 13-го корпуса съ войсками 12-го корпуса подверглись бы серьезной опасности, такъ какъ лѣвый флангъ 13-го корпуса со стороны атаки былъ почти совсѣмъ не прикрытъ, да и вообще тогда же пришлось бы очистить всѣ наши позиціи по Кара-Лому, къ чему войска

Руцукскаго отряда вовсе еще не были подготовлены.

Въ этомъ случаѣ заслуга генерала Леонова состояла въ томъ, что онъ своею упорною обороною Карахасанкіой остановилъ дальнѣйшее наступленіе непріателя противъ нашего праваго фланга да и вообще задержалъ на нѣсколько дней движеніе впередъ превосходной по числу арміи противника.

Однако же и очищеніе нами Карахасанкіой и Садины повело къ тому, что правый флангъ нашей кавалеріи на линіи Носово, Соленикъ и Костанца неожиданно остался на воздухѣ, и, сверхъ того, потеря Карахасанкіой неминуемо повлекла за собою отступление нашихъ войскъ изъ Аяслара и Хайдаркіой, противъ которыхъ турки повели наступленіе одновременно съ атакою на Карахасанкіой, и гдѣ возможно было удержаться лишь до тѣхъ поръ, пока лѣвый флангъ этихъ позицій обезпечивался занятыми Карахасанкіойскими высотами.

Хайдаркіойскій отрядъ нашъ, составлявшій лѣвый авангардъ папкіойскаго лагеря, былъ составленъ изъ слѣдующихъ частей: 3-го батальона Софійскаго полка, Вознесенскаго уланскаго полка, взвода 8-го казачьяго полка и 4-хъ орудій 9-й донской батареи, подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Каульбарса. Отрядъ этотъ во все время, пока шелъ бой подъ Карахасанкіойемъ, подвергался также усиленнымъ атакамъ со стороны турокъ. Однако полковникъ Каульбарсъ выдерживалъ неравный бой до 5 часовъ, когда непріатель, около этого времени, почти окружилъ наши войска.

Полковникъ Каульбарсъ, видя занятіе турками Карахасанкіойской позиціи, несравненно важнѣйшей его собственной и берущей его теперь уже во флангъ, приказалъ стрѣлкамъ въ деревнѣ и уланской цѣпи у рѣчки отойти къ своимъ частямъ. Только тогда турецкая цѣпь рѣшилась перейти мостъ; нѣсколько стрѣлковъ перебѣжали его, за ними быстро двинулись остальные; стоявшія у Сахаръ-тепе и на высотѣ за Кара-Ломомъ колонны направились туда же, и не прошло и десяти минутъ, какъ турецкая пѣхота съ крикомъ „Аллахъ!“ ворвалась въ деревню Хайдаркіой. вмѣстѣ съ тѣмъ, на всѣхъ командующихъ нашею позиціею высотамъ, на вершинѣ и на склонахъ Сахаръ-тепе, на высотѣ, отдѣ-

ляющей долину Башислера отъ Кара-Ломы и, наконецъ, на высотѣ къ сѣверу отъ Хайдаркіой, — загремѣли турецкія орудія, причемъ съ послѣдней высоты непріатель поражалъ внутренность нашихъ батарей и траншей.

При такихъ условіяхъ полковникъ Каульбарсъ распорядился общимъ отступленіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ уже на то непосредственное приказаніе начальника Попкіойскаго отряда генерала Прохорова, которому онъ былъ подчиненъ. Послѣ девятичасоваго боя, собравшійся батальонъ Софійцевъ, двинулся къ Попкію; снялась, наконецъ, и лихая донская батарея и, окруженная развернувшимися уланскими эскадронами, тоже направились къ Попкію. Турецкія батареи, сдвинувшіяся теперь уже совсѣмъ полукругомъ, бѣшено провожали отрядъ гранатами, но наши медленно и стройно двигались по широкому полю, отступая шагъ за шагомъ, тѣмъ болѣе, что у орудій часть лошадей была перебита, и только послѣ каждой попадавшей въ отрядъ гранаты по развернутому фронту громче раздавалась команда „равняйся“. Между тѣмъ, турки, съ своей стороны, тоже не медлили, и не успѣлъ отрядъ нашъ отойти и версты полторы, какъ весь курганъ, у котораго незадолго передъ тѣмъ стояли наши орудія, покрылся толпой турокъ. Не утерпѣли наши артиллеристы; два орудія снялись съ передковъ и вслѣдъ за тѣмъ двѣ шрапнели разорвались — одна на самомъ курганѣ, а другая надъ нимъ; моментально курганъ опустѣлъ, и даже вблизи его никого вдругъ не стало видно.

Наступившія вскорѣ затѣмъ сумерки совсѣмъ прекратили дѣло, и отрядъ нашъ благополучно прибылъ въ Попкію.

Благодаря траншеямъ, курганамъ и облегчавшей отступление складкѣ мѣстности, потери Хайдаркіойскаго отряда ограничились во весь день 4-мя убитыми и 12-ю ранеными нижними чинами.

Къ ночи у Попкіой собрался уже весь кавалерійскій обозъ и подходила пѣхота, которую генералъ Прохоровъ посылалъ къ Аяслару, такъ какъ съ этой стороны могъ быть отрѣзанъ путь отступления на Ковачицу. Наступила ночь, когда отдано было приказаніе уланскому Вознесенскому полку, вмѣстѣ съ донской батареей и двумя батальонами Софійскаго полка, занять до разсвѣта позііі

реди гѣса, между Гаговомъ и Попкіоемъ. Такимъ образомъ, съ этого времени новая укрѣпленная передовая позиція 13-го корпуса пролегла по прямой линіи отъ Гагова на Попкію вдоль опушки гѣса, имѣя впереди почти совершенно гладкое, на пять верстъ простирающееся поле.

Между тѣмъ, еще съ вечера 18-го августа всѣ возвышенности за Кара-Ломомъ, Карахасанкіоемъ, Хайдаркіоемъ, Сахаръ-тепе и Аясларомъ — освѣтились бивуачными огнями огромной арміи Мегемета-Али. Наши посты на линіи Попкію-Гагово

были выдвинуты такъ близко къ неприятелю, что ясно былъ слышенъ ихъ крикъ изъ Карахасанкіюя.

Въ тотъ же день, 18-го августа, начальникъ кавалеріи, баронъ Дризень, сообщилъ изъ Аблавы въ отрядный штабъ, депешю отъ 10 часовъ вечера, что развѣздъ отъ уланскаго Бѣлгородскаго полка доходилъ до Бекеринъ-Геникіюя, причемъ д. Садина была найдена занятою турками.

Отъ развѣздовъ же, ходившихъ изъ Аблавы на рушукско-разградское шоссе, получены были донесенія, что движенія войскъ на шоссе не было за-

Генераль-маіоръ Леоновъ 2-й.

мѣчено. Писанцы, Турлакъ и Езержи найдены покинутыми турками; изъ послѣдней деревни, впрочемъ, были выбиты уланами нѣсколько башибузуковъ, причемъ два были взяты въ плѣнъ. Между Писанцами и Ветовымъ развѣздъ нашъ сжегъ мельницу. Очевидно было, что турки продолжаютъ стягиваться къ нашему правому флангу.

Въ ночь съ 18-го на 19-е августа было получено увѣдомленіе изъ Тырновскаго отряда, что турки настойчиво наступаютъ на Бракицу, между

османъ-базарской и шумлинскою дорогами, и что тамъ, вообще, также ожидаютъ наступленія со стороны Османъ-Базара.

Извѣстіе это, въ виду возложенной на войска 13-го корпуса обязанности содѣйствія частямъ Тырновскаго отряда, должно было поставить Рушукскій отрядъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ войска 13-го корпуса и безъ того имѣли непосредственно предъ собою огромную армію Мегемета-Али-паши, обнаружившую себя уже весьма

Долина Кара-Ломъ.

рѣшительными дѣйствіями. При такихъ обстоятельствахъ, напоминаніе со стороны Тырновскаго отряда о необходимости ему помощи со стороны войскъ Русскаго отряда могло повергнуть въ отчаяніе любаго полководца. Легко поэтому представить себѣ положеніе, въ это критическое время Августѣйшаго начальника Русскаго отряда, который, однако, не поступилъ ни одною изъ возложенныхъ на его отрядъ обязанностей и продолжалъ попрежнему, хотя и вынужденную, но чрезвычайно смѣлую и расчетливую борьбу съ несоразмѣрно-превосходнымъ по числу противникомъ.

До сихъ поръ, т. е. съ 9-го по 18-е августа благодаря весьма искусному расположенію и всегда своевременнымъ передвиженіямъ войскъ Русскаго отряда, на ихъ крайне растянутой линіи неприятелю не удалось, однако, добиться никакихъ стратегическихъ выгодъ, исключая лишь нѣкотораго достигнутаго имъ, и то съ большимъ трудомъ, тактическаго успѣха у Аяслара и Карахасанкію.

Тѣмъ не менѣе, однако, появленіе арміи Мегемета-Али на карахасанкіюскомъ плато не заключало въ себѣ ничего успокоительнаго для насъ, и тѣмъ болѣе было опасно, что мы не могли еще опредѣлить окончательно избраннаго имъ направленія. Съ одной стороны, Мегеметъ-Али могъ двинуться изъ Карахасанкію прямо на Гагово, съ цѣлью прорваться черезъ Ковачицу на Церковну и оттуда на Тырновъ, или въ Бѣлу; а, съ другой стороны, совершивъ передвиженіе отъ Аяслара къ Карахасанкію, онъ тѣмъ самымъ какъ бы показывалъ, что намѣренъ приблизиться къ центру расположенія Русскаго отряда, у Кацелева и Аблавы, что было для насъ еще опаснѣе, въ виду крайней растянутости и слабости вообще всѣхъ нашихъ позицій. Чтобы, такимъ образомъ, парализовать уже занесенный Мегеметомъ-Али ударъ, нужна была съ нашей стороны необычайная и непрерывная бдительность и постоянная готовность ко всевозможнымъ случайностямъ.

Понятно, поэтому, что послѣ дѣла при Карахасанкію, вмѣстѣ съ усилившейся тревогой, возрасла и наша бдительность. Занятое турками карахасанкіюское плато, будучи почти неприступнымъ съ обращенной къ намъ западной стороны, по-

стоянно угрожало русскому лагерю у Гагова, находившемуся всего только въ четырехъ верстахъ оттуда и расположенному гораздо ниже. Нѣсколько орудій большаго калибра, поставленныхъ на вершинѣ плато, сдѣлали бы невозможнымъ держаться въ Гаговѣ и Опахѣ, и русскіе вынуждены были бы тогда же отступить къ Поломарцамъ, на пять верстъ западнѣе. Между тѣмъ, турки по всѣмъ признакамъ, продолжали стягиваться къ Карахасанкію. Бивуачные огни ясно мерцали по ночамъ на вершинѣ горы, а все-еще пылавшій Карахасанкію освѣщала окрестности. Съ нашей стороны ежеминутно ждали наступленія турецкой арміи, и въ теченіи всего 19-го августа наши наблюдали за движеніемъ турокъ съ значительною тревогою, ночь же на 20-е августа войска наши провели подъ ружьемъ и никто не снималъ съ себя аммуниціи; генералы Леоновъ и Барановъ находились всю ночь на самой линіи аванпостовъ. Но въ сторонѣ турокъ попрежнему продолжала господствовать полнѣйшая тишина. Вообще, бдительность съ нашей стороны, за послѣднее время дошла до крайней степени по всей линіи нашихъ аванпостовъ на Кара-Ломѣ. Особенно было тяжело въ это время положеніе кавалеріи барона Дризена на линіи Соленикьскаго ручья. Вслѣдствіе отступленія нашего отъ Садины и Карахасанкію, правый флангъ нашихъ постовъ въ Нисовѣ, Соленикѣ и Костанцѣ остался на воздухѣ, и Бѣлгородскіе уланы съ Стародубовскими драгунами, были одни, на протяженіи около 20 верстъ, выдвинуты въ районъ неприятельскаго расположенія. На флангѣ Садына была занята турками, а вскорѣ и на лѣвомъ флангѣ Кадыкію перешелъ въ руки неприятеля. Такъ оба наши кавалерійскіе полка простояли еще нѣсколько дней въ постоянной тревогѣ, съ минуты на минуту ожидая наступленія. Чтобы быстро отойти, въ случаѣ надобности, и не оставить неприятелю лишней добычи, обозы, палатки, кухни — все это было отправлено назадъ. Кавалеристы наши бивуакировали на голой землѣ, не раздѣвались, не разсѣдывали лошадей, не варили пищи, довольствовались одними сухарями; и ни днемъ, ни ночью не знали отдыха. Дни эти навсегда останутся имъ памяты; всѣ силы были напряжены, нравственное волненіе дошло до крайняго предѣла.

Еще утромъ 19-го августа, часовъ въ восемь, турки начали спускаться съ высотъ Карахасанкію по направленію къ Гагову. Въ теченіи получаса происходила горячая перестрѣлка и нѣсколько гранатъ было брошено съ русской позиціи, находившейся на низменномъ холмѣ близъ Гагова. Чтобы затруднить туркамъ доступъ къ нашей позиціи, былъ взорванъ каменный мостъ на Кара-Ломѣ. Общаго сраженія такимъ образомъ, не произошло. Турецкая кавалерія возвратилась черезъ кукурузныя поля и вскорѣ скрылась по узкой тропинкѣ, ведущей на верхъ горы, въ густомъ дубовомъ лѣскѣ. Часть спустя отошла туда и пѣхота, и въ полдень, весь гребень большой горы былъ занятъ ею.

Послѣ полудня непріятельская пѣхота и кавалерія колоннами потянулись черезъ высоты праваго берега Кара-Лома въ сторону Опаки. Въ то же время, отъ нашихъ постовъ на линіи Соленикаго ручья были получены донесенія, что турецкая кавалерія, а затѣмъ и пѣхота начали показываться около д. Садины и Яркиюя. Все это указывало на начатіе турками вновь фланговаго движенія къ сѣверу, въ направленіи къ нашему центру.

Тѣмъ не менѣе непріятель продолжалъ стягиваться и на высотахъ противъ Гагова.

Того же 19-го августа, часу въ девятомъ утра, непріятель, выйдя изъ Руцука, началъ сосредоточиваться у большой корчмы на руцукско-разградскомъ шоссе, въ составѣ около восьми батальоновъ и 5—6 эскадроновъ регулярной кавалеріи, при 14-ти орудіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ турки повели наступленіе на д. Кадыкію и опрокинули занимавшій ее донской 12-й казачій полкъ.

Какъ мы уже знаемъ, д. Кадыкію составляла передовую позицію авангарда 12-го корпуса, точно также, какъ Карахасанкію и Хайдаркію составляли передовыя позиціи авангардовъ 13-го корпуса. Для насъ полевно было занимать д. Кадыкію не большими силами въ томъ отношеніи, что съ этого пункта удобно было наблюденіе за руцукско-разградскимъ шоссе. Съ другой стороны, хотя занятіе этой далеко выдвинутой впередъ позиціи и произошло, собственно говоря, еще въ видахъ предполагавшагося прежде обложенія Руцука, тѣмъ не менѣе удерживать за собой д. Кадыкію было для насъ

выгодно и въ отношеніи обороны, такъ какъ эта передовая позиція прикрывала со стороны Руцука не только расположеніе главныхъ силъ 12-го корпуса но и авангардъ его (въ Ханъ-Гюль-Чесме).

Въ виду сказаннаго, переходъ турокъ въ наступленіе изъ Руцука на д. Кадыкію имѣлъ, можетъ быть, то же значеніе, какъ и дѣла турокъ у Аясла-ра, Хайдаркію и Карахасанкію, т. е. непріятель и здѣсь обнаружилъ намѣреніе совершить фланговое движеніе къ центру расположенія Руцукскаго отряда, на соединеніе съ войсками Мегемета-Али. Однако попытка турокъ не удалась. Командиру Украинскаго полка полковнику Немиру съ частями пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи удалось отразить всѣ нападенія турокъ, которые, послѣ неоднократныхъ попытокъ овладѣть Кадыкіемъ, въ 5¹/₂ часовъ вечера должны были отступитъ.

Тогда войска наши съ пѣсями отошли къ своимъ бивуакамъ, подъ прикрытіемъ сотни 37-го казачьяго полка, прибывшей къ концу дѣла, и 1-го батальона Одесскаго полка, только-что пришедшаго изъ корпуснаго резерва. Эти послѣднія части должны были остаться на ночь на позиціи у фонтановъ впереди д. Кадыкію.

Такимъ образомъ, попытка турокъ обезпечить за собою обладаніе Кадыкіемъ, съ цѣлью соединенія съ войсками Мегемета-Али въ этотъ разъ не удалась, не смотря на численное ихъ превосходство. Турки потеряли при этомъ до 100 человекъ. Наши потери состояли изъ трехъ убитыхъ, 23-хъ тяжело раненыхъ, четырехъ легко раненыхъ нижнихъ чиновъ и изъ контуженныхъ двухъ офицеровъ Украинскаго полка и четырехъ нижнихъ чиновъ. Всего выбыло изъ строя 36 человекъ.

Вслѣдствіе обнаруженнаго армією Мегемета-Али, въ теченіи 19-го августа, фланговаго движенія отъ Карахасанкію въ сторону Опаки, Садины и Яркиюя, въ расположеніи войскъ Руцукскаго отряда въ тотъ же день были произведены нѣкоторыя перемѣны. Такъ, командиръ 12-го корпуса, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, предписалъ занять Опаку Атаманцамъ и тремъ ротамъ съ двумя орудіями изъ резерва. Начальникъ кавалеріи, генералъ Дризень, для прикрытія войскъ, находившихся въ его распоряженіи у д. Кацелева

и Аблавы, приказалъ выдвинуть эскадронъ Лубенскихъ гусаръ къ сторонѣ противника, въ дер. Бекиринъ-Іеникію.

Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитою и штабомъ 19-го августа переѣхалъ въ Ковачицу, а осталая часть главной квартиры и обозъ перешли въ Копровицу. Расположеніе войскъ 13-го корпуса 19-го августа было слѣдующее: у Гагова—12 ротъ, 16 орудій, дивизионъ гусаровъ; у Папкіюя—батальонъ пѣхоты, четыре эскадрона, три сотни и 14 орудій; въ Амуркіюя—батальонъ пѣхоты, сотня и два орудія; 12 батальоновъ, три роты, 72 орудія заняли позицію на высотахъ къ востоку отъ Ковачицы и Поломарце. Остальныя девять батарей, двѣ сотни и три батальона стали въ резервъ—у Ковачицы. (Въ составъ войскъ на главной позиціи входили два батальона и батарея 33-й пѣхотной дивизіи).

20-го августа, рано утромъ, изъ Гагова было видно, что турки приступили къ возведенію батарей на самомъ высокомъ пунктѣ карахасанкіюской возвышенности, и три казака, пробравшіеся было въ теченіи ночи въ самый лагерь, подъ прикрытіемъ кустарниковъ, принесли оттуда, въ видѣ трофеевъ, множество патроновъ и сообщили, что турки заняты устройствомъ укрѣпленій.

Около 9-ти часовъ утра отрядъ конныхъ черкесовъ спустился было внизъ, противъ Опаки, и пытался отгѣснить назадъ казачьи пикеты, но былъ отброшенъ съ нѣкоторымъ урономъ эскадрономъ гусаръ.

Того же 20-го августа командиръ Стародубовскаго драгунскаго полка доносилъ, что непріятельская кавалерія стала уже появляться противъ центра расположенія Руцукскаго отряда, въ направленіи Костанцы и Соленика.

21-го августа Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ осматривать передовую линію гагово-попкіюской позиціи, отстоявшую на выстрѣлъ отъ непріятельскихъ постовъ. Турки въ этотъ день произвели рекогносцировку.

Вообще за послѣднее время на попкіюской позиціи не проходило дня безъ того, чтобы дежурныя части нашей кавалеріи не выносились впередъ на поддержку нашимъ постамъ, на встрѣчу наступающимъ турецкимъ кавалерійскимъ частямъ, которыя,

однако, не принимая атаки, ограничивались только трескотнею изъ своихъ магазинокъ, кончавшеяся, впрочемъ, постоянно нѣсколькими ранеными съ нашей стороны.

Того же 21-го августа опять замѣчено было движеніе въ большихъ силахъ турецкихъ войскъ по высотамъ праваго берега Кара-Лама отъ Опаки и по долинь Соленикаго ручья къ сѣверу.

22-го августа, наши посты Бѣлгородскихъ уланъ должны были отойти отъ Бекиринъ-Іеникію къ Отарчину, а Стародубовскихъ драгунъ—отъ Соленика и Костанцы къ Кацелеву.

Одновременно съ этимъ, около шести часовъ вечера 22-го числа, турки, выйдя изъ Руцука, въ числѣ 17 батальоновъ, 8-ми эскадроновъ и 14 орудій, вновь сосредоточились у большой корчмы на руцукско-разградскомъ шоссе.

Въ виду этого, командиръ Украинскаго полка, полковникъ Немира, усилилъ части у Кадыкію ротами своего полка, кромѣ трехъ ротъ, оставленныхъ при бивуакѣ на лѣвомъ берегу Лома. Вслѣдствіе же донесеній въ корпусный штабъ, ему были посланы утромъ 23-го августа еще подкрѣпленія, такъ что подъ начальствомъ полковника Немира собраны были: 14 ротъ Украинскаго полка, 5 ротъ Одесскаго полка, три сотни 37-го казачьяго полка, 4 сотни 12-го казачьяго полка, четыре орудія 2-й два, орудія 3-й и восемь орудій 12-й артиллерійской бригады и два орудія донской 5-й батареи; всего же—19 ротъ, 7 сотенъ и 16 орудій.

Утромъ 23-го августа авангардъ этого отряда, замѣтивъ движеніе въ турецкомъ бивуакѣ у корчмы, тотчасъ же занялъ позицію впереди Кадыкію—пѣхота въ ложементахъ, два казачьихъ орудія на лѣвомъ флангѣ, а три сотни 37-го полка на правомъ флангѣ, между деревнею Кадыкіюемъ и руцукско-разградскимъ шоссе.

Въ семь часовъ утра непріятель атаковалъ нашъ авангардъ сразу всѣми силами, охватывая оба фланга: правый кавалерією, а лѣвый пѣхотою, и, послѣ получасоваго боя, заставилъ нашъ авангардъ отступить къ виноградникамъ, тянувшимся длиною полоскою между р. Ломомъ и д. Кадыкіюемъ.

Между тѣмъ, главныя силы нашего отряда уже заняли позиціи въ виноградникахъ, и отступившій авангардъ пристроился къ правому флангу этой по-

зиці. Непріятель немедленно повелъ дальнѣйшую атаку и, пользуясь превосходствомъ силъ, началъ и здѣсь охватывать наши фланги. Прибытіе въ это время Одесскихъ ротъ и сотенъ 12-го казачьяго полка съ 5-ю батарею дало возможность возстановить бой на флангахъ, причемъ двѣ сотни казаковъ дѣйствовали въ пѣшемъ строю. Упорный бой на главной позиціи въ виноградникахъ продолжался съ 7 до 10-ти часовъ утра, причемъ виноградники четыре раза переходили изъ рукъ въ руки, а цѣпи стрѣляли, сходясь на 50 шаговъ.

Одновременно съ атакою на виноградники, неприятель направилъ часть своихъ силъ на д. Красна, откуда дѣйствовалъ командиръ 2-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи, генералъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ. Послѣ артиллерійскаго огня черезъ р. Ломъ генералъ Сталь рѣшилъ атаковать правый флангъ неприятеля и тѣмъ помочь отряду полковника Немиры. Первая атака, веденная сначала тремя, а потомъ шестью ротами Днѣпровскаго полка, была неудачна. Но въ это время подошли остальные роты Днѣпровскаго полка. Генералъ Сталь направилъ ихъ, подъ командою командира полка, полковника Будде, черезъ Ломъ. Турки не устояли и, замѣтивъ появленіе противъ своего праваго фланга нашей пѣхоты въ болѣе значительныхъ силахъ, начали въ безпорядкѣ отступать отъ виноградниковъ къ Кадкюю.

Тогда пѣхота полковника Немиры перешла въ наступленіе и ворвалась за неприятелемъ въ Кадкюю, который въ это время запылалъ, подожженный турками.

Послѣ непродолжительнаго боя въ улицахъ деревни, неприятель, тѣснимый съ фронта стрѣлковою цѣпью и угрожаемый съ фланговъ казаками, которые уже опрокинули неприятельскую кавалерію, началъ отступать къ Рущуку.

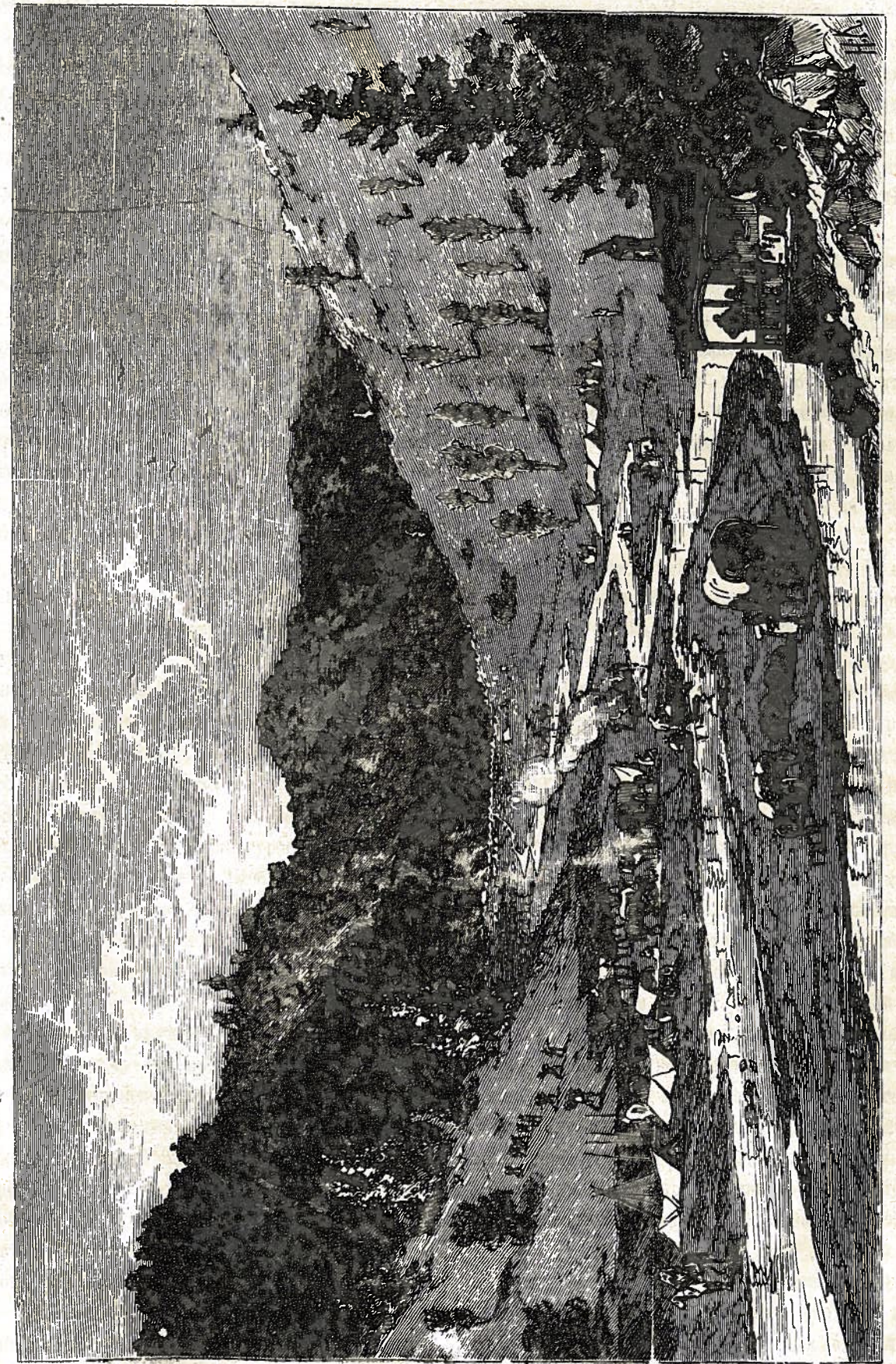
Въ это время подъ полковникомъ Немирою отъ разорвавшейся гранаты опрокинуло лошадь, самъ онъ сильно былъ ушибленъ въ ногу и контуженъ въ голову. Вслѣдствіе этого начальство надъ войсками было передано адъютанту Великаго Князя Владимира Александровича, полковнику Васмунду, который и принялъ дальнѣйшія мѣры для обезпеченія Кадкюю.

Одновременно съ наступленіемъ на Кадкюю, турки настойчиво демонстрировали и противъ праваго фланга Рущувскаго отряда, у Попкюю. Сначала показалась кавалерійская неприятельская цѣпь, а за нею двинулась и пѣхотная цѣпь, а вскорѣ съ Сахаръ-Тепе и отъ Аяслара послышались орудійные выстрѣлы, такъ что не только весь уланскій Вознесенскій полкъ, но и два батальона Софійскаго полка съ бывшею при нихъ пѣшею артиллерією вышли на позицію около Попкюю и завязали дѣло, состоявшее, впрочемъ, только изъ артиллерійской перестрѣлки, съ перепалкою между уланами и черкесами, и кончившееся тѣмъ, что часамъ къ пяти неприятель отступилъ.

Между тѣмъ, турки непрерывно продолжали передвиженіе въ направленіи къ центру расположенія Рущувскаго отряда. Единственные кавалерійскіе посты отъ нашего центра, оставшіеся въ д. Огорчинъ и состоявшіе изъ эскадрона Бѣлгородскихъ уланъ, 23-го августа вынуждены были, наконецъ, отойти къ самому Лому, такъ какъ противникъ, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ черкесовъ, направилъ въ Огорчинъ не менѣе батальона пѣхоты. Деревни Костанца и Соленикъ также были уже заняты неприятельскою пѣхотою, и турки начали приближаться къ Кацелеву и Аблавѣ.

Съ рѣшительнымъ наступленіемъ противника аванпостная служба кавалеріи центра прекращалась. Въ теченіи четырехъ дней, съ 20-го по 23-е августа, Бѣлгородскіе уланы и Стародубовскіе драгуны имѣли постоянныя столкновенія съ превосходнымъ по числу противникомъ, медленно, шагъ за шагомъ, отходили передъ неприятелемъ, открывая его силы, донося о его движеніяхъ и, наконецъ, дойдя до главной позиціи у Кацелева и Аблавы, присоединились къ остальнымъ войскамъ, очистивъ имъ фронтъ для принятія боя.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ предшествовавшихъ дѣйствій неприятеля ясно было видно, что Мегемед-Али-паша, прикрывшись со стороны нашего 13-го корпуса значительными отрядами, сильно окопавшимися на командующихъ высотахъ, и заставивъ нашу кавалерію послѣ дѣла у Карахасанкюю отойти назадъ, предпринялъ фланговое движеніе на сѣверъ. Вслѣдствіе этого можно было ожидать

Русскій бивакъ въ долину Лома.

главной атаки турокъ или противъ нашего лѣваго фланга, на которомъ оставалась одна только 12-я пѣхотная дивизія съ бригадою кавалеріи, или же, что было всего вѣроятнѣе и опаснѣе для насъ, противъ нашего центра, какъ наиболѣе слабого пункта при растянутомъ расположеніи Русскаго отряда. Опрокинувъ нашъ лѣвый флангъ, Мегемедъ - Али - паша могъ дѣйствовать по Дунаю на сообщенія нашей арміи. Прорвавъ же нашъ центръ, турки могли разбить Русскій отрядъ по частямъ, идти на Бѣлу и угрожать войскамъ нашимъ, расположеннымъ подъ Плевною.

При этомъ, атаки, которыя вели турки въ послѣднее время на Кадикюй, могли быть или рекогносцировками передъ атакою на нашъ лѣвый флангъ, или же усиленными демонстраціями съ цѣлью отвлеченія нашего вниманія отъ центра Русскаго отряда, куда въ этомъ случаѣ должна была направиться ихъ главная атака. За послѣднее предположеніе говорили почти всѣ данныя, тѣмъ болѣе, что лазутчики еще ранѣе сообщали, что турки собираются атаковать значительными силами нашу кавалерію центра.

Въ виду всего сказаннаго, 23-го августа Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ донесеніи къ Великому Князю Главнокомандующему, писалъ слѣдующее: „Сколько можно судить по полученнымъ донесеніямъ, главный пунктъ атаки турокъ есть Аблава. Я послалъ въ подкрѣпленіе 33-й пѣхотной дивизіи два полка 13-го корпуса и казачій полкъ № 31-го. Если бы это не оправдалось, то призвано 33-й дивизіи дѣйствовать наступательно на Соленикъ и Царовцу.“

Невозможно не видѣть въ простотѣ и твердости выраженій только-что приведеннаго нами письма начальника Русскаго отряда того же смысла и значенія, какой заключался и въ извѣстныхъ донесеніяхъ генерала Радецаго: „На Шипкѣ все спокойно.“ Чтобы вполне оцѣнить тѣ твердость и спокойствіе, съ которыми передавалось упомянутое извѣстіе объ одномъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ не только для всего нашего лѣваго фланга, но и для всей нашей арміи въ Болгаріи, нужно познакомиться предварительно съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ данное время на театрѣ войны и

въ частности съ положеніемъ въ этотъ моментъ войскъ Русскаго отряда.

Какъ извѣстно, въ теченіи второй половины августа мѣсяца вызванныя изъ Россіи подкрѣпленія еще не успѣли прибыть въ Болгарію. Большая же часть дѣйствующей за Дунаемъ арміи собралась подъ Плевною, приготовляясь нанести рѣшительный ударъ превосходнымъ по числу силамъ Османа-паши. На Шипкѣ отрядъ генерала Радецаго былъ почти уже окруженъ также превосходнымъ по числу противникомъ. Другихъ войскъ въ Болгаріи у насъ не было, кромѣ болѣе или менѣе мелкихъ заслоновъ въ менѣе опасныхъ пунктахъ, не исключая изъ этого числа и Тырновскаго отряда. Слѣдовательно Русскій отрядъ, передъ которымъ уже стояла въ полной готовности къ бою главная турецкая армія, не могъ ни откуда ожидать въ подкрѣпленіе себѣ ни одного солдата.

Такимъ образомъ, всѣ наши отряды въ Болгаріи въ описываемое нами время имѣли предъ собою непріятельскія войска въ превосходныхъ силахъ, и, въ сущности, ни одинъ изъ нихъ не могъ ожидать ни откуда подкрѣпленія себѣ. При этомъ всѣ наши отряды находились въ полной зависимости другъ отъ друга въ томъ отношеніи, что разбитіе одного отряда неминуемо вело къ отступленію всѣхъ прочихъ. Вообще, рѣдкая кампанія представляетъ такіе моменты, когда бы всѣ отдѣльные отряды которой-либо изъ воюющихъ сторонъ были такъ солидарны между собою, какъ наши Плевненскій, Шипкинскій и Русскій отряды въ теченіи всего плевненскаго періода прошлой кампаніи. А если мы припомнимъ при этомъ, что усилія наши въ это время были направлены главнымъ образомъ противъ Плевны, то намъ вполне будетъ понятно, сколько великодушія и, можно сказать, самоотверженія заключалось въ проникнутыхъ полнымъ спокойствіемъ и твердою увѣренностью донесеніяхъ начальниковъ Русскаго и Шипкинскаго отрядовъ, которые находились сами въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ наши отряды подъ Плевною.

Что же касается положенія собственно Русскаго отряда, то въ данный моментъ оно было наиболѣе тяжелымъ и опаснымъ, какъ для него самого, такъ и для всѣхъ прочихъ нашихъ отрядовъ.

На Шипкѣ, какъ извѣстно, кризисъ миновалъ еще 11-го августа, послѣ чего тамъ наступило просто трудное положеніе, продолжавшееся, впрочемъ, въ теченіи всего плевненскаго періода. Подъ Плевною же наши войска не столько тревожились угрожавшею имъ опасностью, сколько затруднялись выбить стойкаго противника изъ занятаго имъ пункта. Для Русскаго же отряда только теперь наступилъ критическій моментъ, который въ полной силѣ давалъ чувствовать всю тяжесть возложенныхъ на этотъ отрядъ непосильныхъ задачъ.

Какъ мы уже знаемъ, на войскахъ Русскаго отряда лежала задача охраненія вообще лѣваго фланга дѣйствующей арміи и, въ частности, охраненіе систовской переправы на Дунаѣ, прикрытіе нашихъ сообщеній между Систовомъ и Тырновомъ,

а слѣдовательно и прикрытіе тыла нашей плевненской арміи и отчасти прикрытіе доступовъ съ сѣверо-востока къ Тырнову и, кромѣ того, наблюденіе за Русукомъ и за русуко-разградскимъ шоссе. Обязанность выполненія всѣхъ этихъ задачъ заставила войска Русскаго отряда занять всю линію по Лому и Кара-Лому, на протяженіи около 70 верстъ, что было, какъ мы уже видѣли, далеко не по силамъ сравнительно малочисленному отряду, къ тому же давно уже лишенному, вслѣдствіе общаго хода дѣлъ подъ Плевною и событій на Балканахъ, всѣхъ обѣщанныхъ ему подкрѣпленій, не смотря на заявленія августѣйшаго начальника отряда, давно уже имѣвшаго довольно точныя свѣдѣнія о силахъ и рѣшительныхъ намѣреніяхъ своего противника.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Бой при Кацелевѣ и Аблавѣ. — Генералы фонъ-Дризенъ и Тимофѣевъ. — Трудность положенія и отступленіе. — Сосредоточеніе отряда на Банициномъ Ломѣ. — Заслуга Цесаревича.

По всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, Мегеметь-Али-паша выдвинулъ противъ Русскаго отряда до 80,000 человекъ, съ огромнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи, причемъ армія его подвигалась къ линіи Кара-Лома тремя концентрическими колоннами: отъ Русука, Разграда и Ески-Джумы *). Весь фронтъ этой длинной линіи наступленія, отъ Ески-Джумы до Кацелева, былъ сильно укрѣпленъ турками, съ цѣлью доставить линію обезпеченнаго отступленія въ случаѣ неуспѣха. Кромѣ того, армія Мегемета-Али опиралась на укрѣпленные лагеря въ Разградѣ и Ески-Джумѣ, и на крѣпость Русуку на правомъ флангѣ, и на Шумлу — на лѣвомъ. Обез-

печивъ себѣ такимъ образомъ пути отступленія, армія Мегемета-Али, въ то же время, пользовалась и всѣми удобствами для наступленія, какія представляла занятая ею мѣстность, какъ на примѣръ, прекрасными параллельными путями, идущими между правымъ и лѣвымъ ея флангами, т. е. шоссею и желѣзной дороги, и чрезвычайно холмистымъ плато, позволявшимъ ей свободно маневрировать и сосредоточивать свои силы противъ любого пункта нашего расположенія.

дроновъ, четыре батареи; в) отдѣльная бригада (изъ Русука) Мустафы-Зефи — 12-ть батальоновъ, двѣ батареи.

Второй армейскій корпусъ: Ферикъ Асафъ-паша: а) дивизія Асафа — 18-ть батальоновъ, шесть эскадроновъ, четыре батареи; б) дивизія Сабита — 12-ть батальоновъ, шесть эскадроновъ, три батареи. Итого, въ разградской арміи: 79 батальоновъ, 36 эскадроновъ и 108 орудій.

Джумская южная армія: командующій Гассавъ-паша принцъ египетскій; начальникъ штаба Гусни-паша; а) дивизія Измаила-паши, 15-ть батальоновъ, четыре эскадрона, пять батарей; б) дивизія Салиха, 16-ть батальоновъ, 18-ть эскадроновъ, шесть батарей, итого: 31 батальонъ, 22 эскадрона и 66 орудій.

Всего въ распоряженіи Мегемета-Али находилось: 110 батальоновъ, 58 эскадроновъ и 174 орудія, или около 100,000 человекъ.

*) По новому росписанію, составленному Мегеметомъ-Али на совѣщаніи съ Ахмедомъ-Эюбомъ въ Адакюфъ, восточно-дунайская полевая армія состояла изъ слѣдующихъ частей:

Главная армія — главнокомандующій муширъ Мехметъ-Али-паша, начальникъ штаба Рифадъ-паша.

Разградская сѣверная армія — командующій ею муширъ Ахметъ-Эюбъ-паша, начальникъ штаба Режебъ-паша.

Первый армейскій корпусъ: Ахмедъ-Эюбъ: а) дивизія Неджиба 19-ть батальоновъ, шесть эскадроновъ, пять батарей; б) дивизія Фуада — 18-ть батальоновъ, 18-ть эска-

Что же касается до Русскаго отряда, то онъ уступалъ противнику численностью по крайней мѣрѣ вдвое и при этомъ занималъ оборонительную линію, растянутую на семидесятиверстномъ протяженіи, не имѣя возможности оставить ее во всякое время, въ силу возложенныхъ на него обязанностей и задачъ. Такимъ образомъ, войска Русскаго отряда, оставаясь на Кара-Ломѣ и будучи разбросаны и разбиты на отдѣльные довольно слабые отряды, могли быть легко разбиты по частямъ превосходными силами противника, пользовавшагося всѣми выгодами наступленія.

Но если непріятелю до сихъ поръ и не удавалось вполне достигнуть этого, благодаря мастерски разсчитаннымъ передвиженіямъ войскъ Русскаго отряда, то теперь, съ появленіемъ огромной арміи Мегемета-Али передъ центромъ нашего растянутого расположенія, противъ Кацелева и Аблавы, положеніе всего Русскаго отряда становилось уже, можно сказать, безнадежнымъ.

Нужно замѣтить, что дд. Кацелево и Аблава, лежація въ центрѣ нашего расположенія, составляли ближайшій изъ передовой линіи пунктъ къ г. Бѣлѣ, находясь отъ него всего въ разстояніи около 25 верстъ. По причинѣ крайняго недостатка въ войскахъ, на пути отъ Кацелева въ Бѣлу, въ данное время, у насъ совсѣмъ не было войскъ, а въ самомъ г. Бѣлѣ оставлена была всего лишь одна рота Капорскаго полка, въ прикрытіе всѣмъ сосредоточеннымъ здѣсь обозамъ отряда. Непріятель, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ и имѣя на своей сторонѣ всѣ шансы для успѣха, могъ окончательно уничтожить нашъ сравнительно незначительный Аблаво-кацелевскій отрядъ, не имѣвшій обезпеченнаго пути отступленія, и, прорвавъ, такимъ образомъ, центръ общаго расположенія Русскаго отряда, безпрепятственно двинуться въ Бѣлу, что открыло бы туркамъ Систово съ главнымъ мостомъ черезъ Дунай и тылъ нашей плевненской арміи и равнялось бы тому, что Русскаго отрядъ былъ бы разрѣзанъ на двое, такъ какъ 13-й корпусъ былъ въ этотъ моментъ сосредоточенъ у Попкюя и Ковачицы въ 45 верстахъ отъ Бѣлы, а 12-й корпусъ былъ бы припертъ къ Дунаю.

Вотъ что теперь предстояло въ перспективѣ войскамъ Русскаго отряда.

Но если, вслѣдствіе общихъ распоряженій войска Русскаго отряда и вынуждены были занять далеко выдвинутую впередъ и крайне растянутую линію Кара-Лома, то теперь, съ приближеніемъ непріятельской арміи къ самому фронту этой линіи, для Русскаго отряда наблюденіе за Русукомъ и Разградомъ, помимо всей опасности этой задачи, было уже совершенно излишнимъ дѣломъ. Поэтому, единственное, что теперь оставалось сдѣлать Русскаго отряду, въ виду угрожавшей ему страшной опасности и для возможности выполненія всѣхъ остальныхъ возложенныхъ на него задачъ, — это отступить къ рѣкѣ Янтрѣ и сосредоточиться.

Теперь для Русскаго отряда рѣчь шла не только объ охраненіи линіи Тырново, Систово и тыла плевненской арміи, но и о спасеніи собственныхъ двухъ корпусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отступленіе и сосредоточеніе войскъ могло бы принести пользу отряду лишь въ томъ случаѣ, когда оно совершилось бы быстро. Но въ томъ-то и заключалась вся бѣда, что быстрое сосредоточеніе въ настоящій моментъ было невозможно, во-первыхъ, по крайнему недостатку въ войскахъ, который не позволялъ ни прикрыть это отступленіе со стороны крайне растянутой линіи передовыхъ позицій, ни обезпечить пути отступленія, а во-вторыхъ, вслѣдствіе большихъ разстояній и узкихъ дорогъ, крайне неудобныхъ для передвиженія большихъ массъ. Вообще, трудно представить себѣ положеніе войскъ Русскаго отряда въ данное время, безъ яснаго понятія о разстояніяхъ. Отъ Кадкюя, конечнаго пункта наступленія турокъ, до Кацелева, противъ котораго сосредоточились главные ихъ силы, верстъ 20 — 24; отъ Кацелева до Аблавы версты четыре, а отъ Аблавы до Гагова — опять верстъ 15. Итого болѣе 40 верстъ. Затѣмъ, отъ Гагова до Бѣлы около 45 верстъ и отъ Кадкюя до Бѣлы столько же, и все это при крайне узкихъ и дурныхъ дорогахъ. Можно уже судить по этому, возможно ли было быстрое сосредоточеніе Русскаго отряда, разбросаннаго на такихъ огромныхъ разстояніяхъ.

Быстрое отступленіе Русскаго отряда было еще затруднено массами бѣглецовъ-болгаръ, спасавшихся отъ неистовства турокъ подъ наше покровительство. Какъ мы уже знаемъ, съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай, все турецкое населеніе средней Бол-

гарии бѣжало въ сторону турецкихъ крѣпостей. Теперь же, съ переходомъ турокъ въ наступленіе, всѣ эти массы вооруженныхъ жителей, слѣдуя за своими войсками, постепенно занимали покинутыя ими деревни, безжалостно вытѣсняя и преслѣдуя, въ свою очередь, болгаръ. Каждый разъ, когда мы останавливались послѣ наступленія, изъ деревень, лежащихъ между нами и турками, болгары массами переселялись въ мѣста занятыя русскими войсками, убѣгая отъ населенія и злодѣйствъ баши-бузукковъ. Въ данное время, всѣ деревни по Кара-Лому, не исключая и Кацелева съ Аблавою, были уже покинуты жителями. Всѣ дороги въ тылу отряда были запружены болгарами, съ женами ихъ и дѣтьми, повозками со всѣмъ имуществомъ, выселявшимися изъ окрестныхъ деревень. Всюду видны были слѣды опустошенія, погорѣвшія села, разоренные дома, брошенные хозяйства и бѣгущіе жители. Спрашивается теперь, могли ли войска Рушукскаго отряда, помимо представляемыхъ этими бѣглецами препятствій къ быстрому отступленію, бросить ихъ на произволъ судьбы въ руки разъяреннаго врага? Наконецъ, отступленіе отряда было немислимо безъ боя потому еще, что непріятель подошелъ слишкомъ уже близко и такъ зорко сторожилъ насъ, что начини мы теперь добровольное отступленіе, онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ же опрокинулся бы на насъ всѣми своими силами, и, пользуясь своимъ превосходствомъ, разбилъ бы насъ по частямъ, прежде чѣмъ мы успѣли бы сосредоточиться на Янтрѣ, что открыло бы ему свободный доступъ къ Бѣлѣ, Систову и куда ему было угодно.

Съ другой стороны, и выжиданіе боя съ превосходными силами непріятеля у Кацелева и Аблавы, какъ мы уже видѣли выше, легко могло привести къ такому же печальному послѣдствію, хотя мы и могли здѣсь, по крайней мѣрѣ, изготовиться къ встрѣчѣ съ противникомъ.

Если ко всему вышесказанному прибавить еще, что подобное положеніе русскаго лѣваго фланга легко могло серьезно смутить наши войска подъ Плевною, которыя теперь готовились нанести рѣшительный ударъ своему противнику, то мы вполне поймемъ, какъ слѣдуетъ высоко цѣнить спокойный и твердый тонъ донесеній начальника Рушукскаго

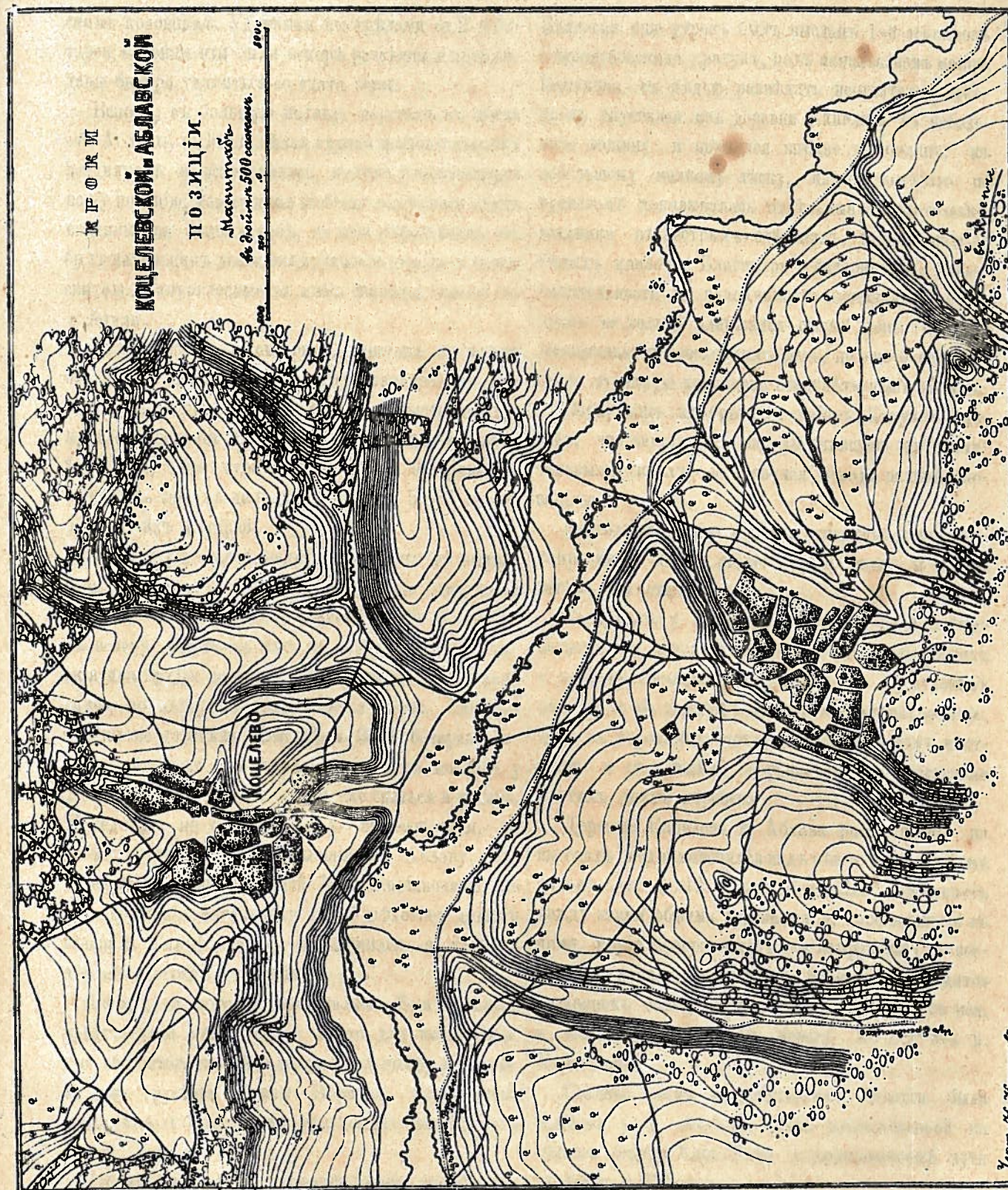
отряда въ такую по истинѣ критическую для него минуту.

Къ величайшей заслугѣ начальника отряда относится также и то обстоятельство, что турки, не смотря на всѣ ихъ старанія и превосходство силъ, не захватили насъ врасплохъ ни въ одномъ пунктѣ.

Принимая въ соображеніе сосредоточеніе турокъ противъ нашего центра, Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ 23-го августа сосредоточить всю 33-ю пѣхотную дивизию у Аблавы и подчинить ее генералъ-лейтенанту барону Дризену. Кавалерія генерала Дризена была усилена 31-мъ казачьимъ полкомъ, и, кромѣ того, 23-го же августа отдано было приказаніе двумъ полкамъ 1-й пѣхотной дивизіи перейти въ Аблаву. Того же числа Бессарабскій полкъ со скорострѣльной батареею перешелъ изъ Гениджессы въ Аблаву, выславъ двѣ роты со взводомъ скорострѣльной батареи въ д. Кречче для обороны переправы у этой деревни черезъ Ломъ.

Около двухъ часовъ по-полудни, того же 23-го августа, пока только еще начались вышеупомянутыя передвиженія войскъ, противъ деревни Аблавы, съ горъ праваго берега Кара-Лома, со стороны Разграда, стали уже спускаться конные черкесы, направившіеся длинною цѣпью къ ближайшимъ къ Лому гребнямъ; часу въ пятомъ вечера, внизу за рѣкою Ломомъ стали раздаваться отдѣльные ружейныя выстрѣлы, которые вскорѣ перешли въ довольно оживленную перестрѣлку; непріятельская кавалерійская цѣпь потѣснила нашихъ гусаровъ, и нѣсколько черкесовъ переправились на нашу сторону и бросились въ деревню Аблаву, но были встрѣчены огнемъ стрѣлковой роты Тираспольскаго полка, который и заставилъ ихъ вновь отойти за Ломъ.

Между тѣмъ непріятельскіе конные всадники продолжали подвигаться къ ближайшему противоположному гребню за рѣкою, и вскорѣ въ прогалинахъ на скатѣ горы появились новыя небольшія кавалерійскія колонны и начали выстраиваться противъ позиціи у Кацелева и Аблавы. Для того, чтобы съ одной стороны не дозволить приближаться къ нашей позиціи, а съ другой воспользоваться случаемъ пристрѣлять наши орудія, приказано было 2-й батарее, помѣщавшейся на самомъ высокомъ пунктѣ у Аблавы, сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по непріятель-

скимъ колоннамъ. Удачными выстрѣлами со 2-й батареи колонны эти были вскорѣ разсѣяны и принуждены быстро удалиться со ската горы.

Вскорѣ, въ большую поляну, верстахъ въ шести отъ Аблавы, выѣхала цѣлая группа непріятельскихъ всадниковъ и остановилась, видимо рекогносцируя нашу позицію; между ними особенно выдѣлялся одинъ всадникъ на бѣломъ конѣ, по всей вѣроятности, это былъ начальникъ рекогносцирующаго отряда со своею свитою. Направленные въ нихъ снаряды, однако, не долетали.

Между тѣмъ, на горизонтѣ, верстахъ въ восьми отъ нашей позиціи, показались значительныя пѣхотныя силы турокъ и также начали выстраиваться противъ позиціи Кацелева и Аблавы. Замѣчено было еще, что турки устраиваютъ батарею на одной изъ самыхъ дальнихъ горъ, въ 5—6 верстъ отъ нашихъ батарей.

Артиллерія своей непріятель долго не выдвигалъ впередъ, вѣроятно вслѣдствіе трудности провезти ее по неразработанной дорогѣ и только къ вечеру, часовъ въ пять по-полудни, непріятельскія два орудія выѣхали правѣ Кацелева и дали залпъ по лагерю Тираспольскаго полка. Снаряды однако не долетѣли. Выстрѣлы 3-й батареи, открывшей огонь по этимъ орудіямъ съ позиціи у Аблавы, заставили ихъ тотчасъ-же сняться и уѣхать. Немедленно по открытіи 3-ю батарею огня, ее посѣтилъ только-что прибывшій въ Аблаву Его Высочество герцогъ Сергій Максимиліановичъ, въ сопровожденіи начальника 33-й пѣхотной дивизіи генерала Тимофѣева, и освѣдомился о ходѣ и обстоятельствахъ стрѣльбы.

Горка, на которой помѣщалась 3-я батарея, представляла превосходное мѣсто для наблюденія; это обстоятельство привлекло сюда толпу зрителей, и даже трусливые сыны Израиля, маркитанты, движимые любопытствомъ, отважились стоять вблизи орудій.

Послѣ упомянутой перестрѣлки на нашихъ батареяхъ сдѣлано было нѣсколько приспособленій, указанныхъ практикою.

Такъ какъ расположеніе непріятеля, сосредоточившаго теперь противъ нашей позиціи всѣ свои силы, скрывалось холмистой мѣстностью, то изъ

Кацелева еще утромъ былъ высланъ 1-й эскадронъ Стародубовскихъ драгунъ, подъ начальствомъ маіора Канукова, съ цѣлью развѣдать непріятеля. Эскадронъ спустился изъ деревни Кацелева въ небольшую лощину и поднялся вправо на поляну, къ небольшому мелкому лѣску, изъ-за котораго по временамъ показывались отдѣльныя непріятельскіе всадники въ пестрыхъ одѣяніяхъ, гарцовавшіе на бѣлыхъ коняхъ. Благодаря хладнокровію, распорядительности и находчивости командира, эскадронъ не только удержался цѣлый день противъ значительно превосходныхъ силъ, но еще и не допустилъ турецкую кавалерію осматрѣть наши позиціи.

Вернувшись на бивуакъ, маіоръ Кануковъ донесъ, что непріятель, сосредоточившись въ значительныхъ силахъ, остановился передъ нашими позиціями.

Благодаря наступившимъ сумеркамъ, рекогносцировки съ обѣихъ сторонъ прекратились, и вскорѣ затѣмъ все стихло.

Такъ какъ у Кацелево и Аблавы должно было разыграться на завтра одно изъ рѣшительнѣйшихъ и кровопролитнѣйшихъ сраженій въ Русуцкомъ отрядѣ, то мы должны предварительно ознакомиться, хотя въ короткихъ чертахъ, съ характеромъ мѣстности и съ нашими оборонительными средствами у этихъ двухъ деревень.

Деревни Кацелево и Аблава расположены на высотахъ, поднимающихся надъ рѣкою Кара-Ломомъ футовъ на 1000. Рѣка Кара-Ломъ протекаетъ между этими обѣими деревнями и, поровнявшись съ ними, круто поворачиваетъ въ направленіи съ востока на западъ, причемъ д. Кацелево приходится на правомъ берегу этой рѣки, къ сѣверу отъ нея, а Аблава — на лѣвомъ берегу, къ югу отъ р. Кара-Лома.

Главная наша оборонительная позиція была выбрана у д. Аблавы, какъ расположенной на лѣвомъ берегу Кара-Лома и прикрывавшей пути въ Бѣлу и Церковну.

Деревня же Кацелево, хотя и на противоположномъ, такъ сказать, на непріятельскомъ берегу и отдѣляется отъ Аблавы рѣкою, тѣмъ не менѣе была занята частями Аблавскаго же отряда, на основаніи слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ,

д. Кацелево прикрываетъ двѣ дороги, изъ которыхъ одна идетъ отъ Кацелева по правому берегу Кара-Лома, черезъ дд. Острицу, Широко и Батинцы на Бѣлу, а другая—изъ Кацелева черезъ р. Кара-Ломъ, мимо д. Аблавы, на Еренджикъ въ Церковну или черезъ Баничку на Бѣлу. Во-вторыхъ, отъ Кацелева горы праваго берега Кара-Лома круто поворачиваютъ на востокъ и отгибаютъ дугою позицію у Аблавы, вслѣдствіе чего съ кацелевскихъ высотъ можно было фланкировать войска расположенныя на аблавской позиціи. Въ третьихъ, занятіе кацелевской позиціи могло препятствовать переходу турецкихъ войскъ черезъ Кара-Ломъ у Аблавы и, въ то же время, облегчить переходъ въ наступленіе съ аблавской позиціи. Последнее обстоятельство было важно въ томъ отношеніи, что войска Аблавскаго отряда, въ случаѣ наступленія турокъ на позиціи 12-й пѣхотной дивизіи, предположено было переправить на правый берегъ Кара-Лома, во флангъ неприятелю, на Церовцы и Соленикъ.

Тѣмъ не менѣе, позиціи у Кацелева и Аблавы были значительно разъединены между собою, какъ это мы увидимъ ниже изъ ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью.

Дорога изъ Еренджика въ Кацелево проходитъ позади д. Аблавы по узкому и глубокому ущелью, между двумя лѣсистыми гребнями, и выходитъ какъ разъ въ уголь, образуемый теченіемъ р. Кара-Лома, при поворотѣ его на западъ. На оконечности одного изъ упомянутыхъ гребней, именно восточнаго, и была выбрана и тщательно укрѣплена главная аблавская позиціи. Позиціи эта состояла изъ высокаго и обширнаго плато, отъ котораго по направлению къ Кара-Лому идетъ отлогіи спускъ, перерѣзанный нѣсколькими продольными оврагами, вслѣдствіе чего образуется какъ-бы нѣсколько гребней; на одномъ изъ этихъ второстепенныхъ гребней и частью въ примыкающемъ къ нему съ сѣверной стороны оврагѣ расположена деревня Аблава, на слѣдующемъ же гребнѣ, у сѣверо-западной опушки деревни, расположенъ виноградникъ, окруженный глубокою канавою.

На самомъ плато были устроены ложементы для четырехъ батарей; именно: одинъ ложементъ надъ

выходомъ еренджикской дороги изъ ущелья къ Лому, другой—правѣе надъ д. Аблавой, третій—на самой вершинѣ плато, и четвертый—на крайнемъ правомъ флангѣ для обстрѣливанія подступовъ на высоты со стороны дер. Крепче. Кромѣ того устроены были ложементы для батареи въ виноградникѣ, а по скату плато, по сторонамъ виноградника, выкопаны были ровики для стрѣлковъ и ложементы для резервовъ. Такъ какъ въ тылу позиціи тянулся лѣсъ, то съ плато разработаны были три спуска въ ущелье Еренджика.

Если не принимать во вниманіе весьма неудобнаго и опаснаго пути отступленія изъ Аблавы по ущелью Еренджика, то аблавскую возвышенность, поднимавшуюся уступами на верету и даже болѣе и представлявшую сильную трехъ ярусную оборону, можно было считать чрезвычайно удобной для принятія на ней боя.

Но далеко нельзя сказать того же о нашей кацелевской позиціи. Она хотя и помѣщалась на значительной высотѣ, но для обороны была крайне неудобна, какъ по обширности своей, такъ и по отсутствію какого-либо опорнаго пункта. Лѣвый флангъ этой позиціи примыкалъ къ небольшому лѣску. Позади праваго фланга была расположена деревня Кацелево, спускавшаяся по лоцинѣ къ Кара-Лому, высокіе берега котораго почти отвѣсно падали въ рѣку. Для усиленія позиціи были устроены батареи и выкопаны ровики для стрѣлковъ въ нѣсколько ярусовъ. Западнѣе деревни Кацелево устроена была вторая позиціи, параллельно фронту передней, на возвышенности, которая, по причинѣ своихъ крутыхъ скатовъ, представляла весьма удобную для обороны позиціи. Восточная сторона этой возвышенности также опоясывалась стрѣлковыми ровиками, а къ югу отъ дороги въ Широко былъ устроенъ редутъ значительной профили. Пути же отступленія съ этой позиціи были весьма неудобны. Такъ какъ и здѣсь позади позиціи шелъ сплошной лѣсъ, то въ утесистомъ правомъ берегу Кара-Лома былъ продѣланъ узкій спускъ прямо въ Острицу, по длинному ущелью, выходящему на рѣку Ломъ у Острицы. Кромѣ того, за лѣвымъ флангомъ позиціи шла лѣсомъ узкая тропинка въ направленіи къ д. Широко.

Но всего затруднительнѣе было сообщеніе кацелевской позиціи съ Аблавой. Между кацелевской и аблавской позиціями было около пяти верстъ разстоянія. При этомъ, правый берегъ Кара-Лома у Кацелева круто, почти отвѣсно падаетъ въ рѣку; потомъ сажень на 200 идетъ долина Кара-Лома, затѣмъ поднимается на версту и болѣе аблавское плато. Черезъ рѣку, между Аблавой и Кацелевымъ, были перекинута два, три мостика, но столь ненадежны, что сообщеніе между обѣими позиціями могло производиться лишь по долинѣ Лома, съ переправою въ бродъ черезъ эту рѣку; кромѣ того, по причинѣ крутого подъема у Кацелева, дорога эта была пригодна только для пѣхоты; артиллерія же должна была дѣлать изъ Аблавы обходъ на Острицу и подняться отъ этой деревни къ Кацелеву по упомянутому выше спуску по ущелью, что составляло вмѣстѣ болѣе 12 верстъ.

Такимъ образомъ, хотя кацелевская позиціи и составляла въ общемъ лѣвый флангъ аблавскаго расположенія, только выдвинутый значительно впередъ, тѣмъ не менѣе для обороны позиціи эта была крайне неудобна, какъ по обширности своей, такъ и вслѣдствіе изолированности ея отъ аблавскаго плато. Противникъ, значительно превосходившій насъ численностью, могъ удобно развернуть противъ Кацелева всѣ свои силы и охватить кацелевскую позиціи съ обѣихъ фланговъ. Такая позиціи, очевидно, вовсе не соответствовала главной цѣли кацелевскаго отряда, который, будучи перекинутъ на тотъ берегъ, долженъ былъ одинъ задержать наступленіе цѣлой арміи. Вообще, безъ большой ошибки можно утверждать, что высоты у Кацелева и Аблавы представляли въ сущности двѣ почти самостоятельныя позиціи; по этому кацелевская позиціи могла бы выполнить свое назначеніе только при занятіи ея сравнительно большимъ числомъ войскъ, которыхъ, однако, у насъ не было подъ рукою.

Тѣмъ не менѣе, занятіе кацелевской позиціи частями аблавскаго отряда было признано необходимымъ, въ виду того, что въ противномъ случаѣ неприятелю былъ бы открытъ свободный доступъ къ Аблавѣ черезъ рѣку Кара-Ломъ и даже сдѣлался бы возможнымъ обходъ аблавской позиціи

съ лѣваго фланга, не говоря уже объ опасности открытія путей въ Острицу и Широко—пунктовъ, весьма для насъ важныхъ, какъ лежащихъ на кратчайшей дорогѣ въ Бѣлу.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: не лучше ли было расположить главныя наши силы у Кацелева, а аблавскую позиціи, какъ саму по себѣ трудно доступную, занять лишь частью главныхъ силъ? На этотъ вопросъ едва ли можно отвѣчать утвердительно по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, кацелевская позиціи была слишкомъ слаба для того, чтобы подвергать на ней главныя наши силы риску встрѣчи съ превосходнымъ по числу противникомъ; во-вторыхъ, въ случаѣ полной неудачи нашихъ главныхъ силъ на этой, въ сущности, передовой позиціи, положительно нечѣмъ было бы прикрыть пути отъ Кацелева въ Бѣлу.

Такимъ образомъ, волей-неволей пришлось намъ ожидать рѣшительной встрѣчи съ огромной арміей Мегемета-Али далеко не при выгодныхъ для насъ условіяхъ, на двухъ крайне разобщенныхъ другъ отъ друга позиціяхъ.

Общее начальствованіе надъ обѣими позиціями было ввѣрено генералъ-лейтенанту барону Дризену; командованіе кацелевскимъ отрядомъ было возложено на командира 1-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи генералъ-маіора Арнольди. Войсками, расположенными на аблавской позиціи командовалъ начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Тимофеевъ, подъ общимъ руководствомъ генерала Дризена.

Кацелевскій отрядъ нашъ состоялъ всего изъ двухъ батальоновъ Бендерскаго полка *) съ 5-й батареей 33-й артиллерійской бригады и трехъ эскадроновъ Стародубовскаго драгунскаго полка **).

Аблавскій же отрядъ состоялъ изъ Тираспольскаго пѣхотнаго полка, Херсонскаго пѣхотнаго полка, двухъ батальоновъ и одной роты Бессарабскаго полка и трехъ эскадроновъ Бѣлгородскаго уланскаго полка ***) съ 1-ю, 3-ю и 4-ю батареями

*) Третій батальонъ Бендерскаго полка находился при главной квартирѣ Наслѣдника Цесаревича.

**) Одинъ эскадронъ драгунъ занималъ въ день боя аванпостъ у д. Нисова и отступилъ затѣмъ въ Трстенку.

***) Двѣ роты Бессарабцевъ съ эскадронномъ Бѣлгородскихъ уланъ и взводомъ скорострѣльной батареи нахо-

33-й артиллерийской бригады, съ четырьмя орудиями скорострѣльной батареи и 19-ю конною батареею.

Вечеромъ 23-го августа прибыли въ Аблаву изъ главной квартиры Наслѣдника Цесаревича, въ распоряженіе начальника аблавскаго отряда генерала Дризена, Его Императорское Высочество Князь Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій и помощникъ начальника штаба Рущукскаго отряда полковникъ Дохтуровъ. Черезъ послѣдняго генералъ Дризенъ получилъ увѣдомленіе отъ исполняющаго должность начальника штаба Рущукскаго отряда, что въ подкрѣпленіе войскамъ, собраннымъ подъ Аблавою, назначены и уже идутъ два полка 1-й пѣхотной дивизіи (Невскій и Капорскій) съ двумя батареями (2-й и 6-й) 1-й артиллерийской бригады и 31-мъ казачьимъ полкомъ.

Генералъ Дризенъ, узнавъ о посланномъ ему подкрѣпленіи, которое хотя, по расчету времени, и не могло прибыть раньше утра 24-го числа, но въ виду огромной массы турецкой кавалеріи, развернувшейся 23-го августа передъ фронтомъ и лѣвымъ флангомъ кацелевской позиціи, приказалъ въ ночь съ 23-го на 24-е направить изъ Аблавы въ подкрѣпленіе кацелевскаго отряда 2-й и 3-й батальоны Херсонскаго полка съ 1-ю батареею 33-й артиллерийской бригады и три сотни 31-го казачьяго полка. При этомъ начальнику кацелевскаго отряда, генералу Арнольди, дано было приказаніе: „въ случаѣ наступленія противника удерживать его по возможности и передъ превосходящими силами отступить на Острицу, гдѣ и занять позицію“. Части, посланныя въ подкрѣпленіе кацелевскому отряду, выступили изъ Аблавы въ четыре часа утра 24-го августа, причемъ, какъ мы уже знаемъ, имъ приходилось сдѣлать: пѣхотѣ около пяти, а артиллеріи около 12-ти верстъ.

Кромѣ подкрѣпленія, посланнаго къ Кацелеву, остальные войска обоехъ отрядовъ провели ночь на 24-е августа на своихъ позиціяхъ, которыя были указаны особымъ приказаніемъ; именно: верхнія ложементы на аблавской позиціи заняты были

двѣнадцатью въ д. Крепче, для прикрытія праваго фланга аблавскаго отряда и для обороны переправы у Крепче черезъ Ломъ.

2-ю и 3-ю пѣхими батареями, причемъ 3-я батарея заняла крайній лѣвый ложементъ, 2-я батарея заняла ложементъ надъ Аблавою, а самый верхній и крайній правый ложементы пока оставались не занятыми; ложементъ въ виноградникѣ заняла 4-я пѣшая батарея, а по сторонамъ виноградника, въ стрѣлковыхъ ровикахъ, расположились 2-й и 3-й батальоны Тираспольскаго полка. 1-й батальонъ того же полка расположился въ видѣ частнаго резерва на самомъ плато, позади 2-й и 3-й батарей, занявъ своей стрѣлковой ротой деревню Аблаву. 1-й батальонъ Херсонскаго полка расположился на правомъ флангѣ позиціи, какъ ближайшій резервъ и для обезпеченія праваго фланга позиціи, на случай дѣйствія непріятеля со стороны д. Аблавы, или д. Крепче. Такимъ образомъ, къ утру съ 24-го августа, на аблавской позиціи находилось всего четыре батальона и 24 орудія. Въ общемъ резервѣ, расположившемся въ ущельѣ по дорогѣ въ Еренджику, у фонтана, у котораго былъ устроенъ и перевязочный пунктъ, находилось всего, два батальона и одна рота Бессарабскаго полка, 6-я батарея, четыре орудія скорострѣльной батареи, три эскадрона уланскаго полка и 19-я конная батарея, всего—2¹/₄ батальона, 18 орудій и три эскадрона.

Войска у Кацелева на разсвѣтъ 24-го августа расположились слѣдующимъ образомъ: шесть орудій 5-й батареи стали на курганѣ на передовой позиціи, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 2-го батальона Бендерскаго полка; остальные три роты того же батальона заняли ровики, выкопанныя въ нѣсколько ярусовъ по склону возвышенности. На правомъ флангѣ расположился 3-й батальонъ Бендерскаго полка, имѣя стрѣлковую роту въ цѣпи по обѣимъ сторонамъ земляной батареи, въ которой находились остальные два орудія 5-й батареи. Три эскадрона Стародубовскихъ драгунъ должны были прикрывать лѣвый флангъ общаго расположенія.

Ночью въ Кацелево прибылъ генеральнаго штаба капитанъ Воеводичъ, который сообщилъ, что на усиленіе кацелевскаго отряда отправлены два батальона Херсонскаго полка съ 1-й батареею 33-й бригады и тремя сотнями 31-го казачьяго полка,

Херсонскіе батальоны прибыли на позицію лишь въ 6¹/₂ часовъ утра, причемъ одинъ батальонъ былъ поставленъ въ резервъ за лѣвымъ флангомъ, а другой за правымъ флангомъ позиціи.

Такимъ образомъ, обѣ противныя стороны, сойдясь на пушечный выстрѣлъ, переночевали въ виду другъ друга.

Баронъ фонъ-Дризенъ.

окички часовыхъ, свидѣтельствовавшіе о бдительности непріятеля.

Все предвѣщало на утро кровопролитный бой.

Съ нашей стороны еще съ вечера сдѣланы были всѣ приготовленія къ рѣшительному сраженію. Отряду приказано было во что бы то ни стало от-

стоять позицію. Шедшія въ Аблаву и Кацелево подкрѣпленія выбивались изъ силъ, преодолевая трудности на испорченныхъ дождемъ дорогахъ и стараясь во-время посѣть на позиціи. Но на сколько намъ необходимо было отстоять позицію, на столько же важно было и Мегемету-

Али-пашѣ прорвать эту позицію и открыть путь въ Бѣлу, въ тылъ войскамъ подѣ Плевной. Поэтому и турки не дремали: не смотря на дождь, они успѣли за ночь настроить порядочное число укрѣпленій.

Къ утру небо, наконецъ, очистилось, и взошедшее солнце освѣтило несмѣтные ряды неприятельскихъ полчищъ.

Въ шесть часовъ утра, противъ Кацелева, передъ фронтомъ 5-й батареи, показались вдали густыя неприятельскія колонны; по нимъ было сдѣлано съ 5-й батареи нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды наши не долетѣли.

Въ семь часовъ утра неприятель открылъ огонь изъ 10-ти орудій по 5-й батарее и, быстро пристрѣлявшись, скоро началъ наносить ей чувствительный вредъ, выбивая людей и лошадей изъ строя.

Разобщенность аблавской и кацелевской позицій сразу сказала: Аблавскій отрядъ долженъ былъ присутствовать при этомъ пока лишь въ роли безмолвнаго зрителя, изрѣдка только посылая гранаты въ неприятельскія колонны, пользуясь временемъ, когда эти послѣднія показывались изъ ложищъ.

Вскорѣ, однако, турки выдвинули цѣпь стрѣлковъ и противъ аблавской позиціи, почти внѣ пушечнаго выстрѣла, удлиняя ее постепенно до версты и оставивъ резервы за гребнемъ, шедшимъ параллельно позиціи. Цѣпь эта подвинулась было впередъ, но потомъ, встрѣченная выстрѣлами съ аблавской позиціи, отошла назадъ, не приближаясь даже на пушечный выстрѣлъ.

Вслѣдъ затѣмъ турки открыли артиллерійскій огонь и противъ Аблавы. Первые выстрѣлы были направлены съ самой крайней лѣво-фланговой турецкой батареи, изъ орудій дальняго боя. Первая граната была направлена на 4-хъ-фунтовую батарею у виноградника. Вслѣдствіе дальности разстоянія, наши орудія не отвѣчали этой батарее. Ободренная тѣмъ, что на нее не обращаютъ вниманія, турецкая батарея переѣхала на ближайшую дистанцію, но послѣ первыхъ же мѣткихъ выстрѣловъ 2-й батареи послѣдила вернуться на прежнюю позицію.

На аблавской позиціи дѣйствіями артиллеріи распорядился командиръ 4-й батареи полковникъ Разумихинъ, въ виноградникахъ командовалъ коман-

диръ Тираспольскаго полка, полковникъ Власенко, а резервомъ—генераль-маіоръ Корево.

По примѣру прошлаго дня, у нашей 3-й батареи на аблавскомъ плато снова собралась толпа нечастныхъ къ дѣлу зрителей, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ выстрѣломъ нашихъ артиллеристовъ, громко выражая аплодисментами свой восторгъ по поводу удачныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ, здѣсь вниманіе какъ зрителей, такъ и артиллеристовъ было занято главнымъ образомъ, ходомъ сраженія у Кацелева, а потому никто и не замѣтилъ, какъ въ укрѣпленіе правѣе села Кацелева проѣхала 12-ти-орудійная турецкая батарея. Залпъ двухъ орудій заставилъ всѣхъ невольно взглянуть по направленію вновь открывшейся батареи; раздавшееся вслѣдъ затѣмъ надъ 3-ю батарею шипѣнье снарядовъ, а потомъ и трескъ разорвавшихся невдалекѣ гранатъ, ясно указали, что предметомъ обстрѣливанія служила 3-я батарея.

Наши 2-я и 3-я батареи не замедлили отвѣтить на огонь 12-ти-орудійной турецкой батареи, и, такимъ образомъ, завязалась артиллерійская перестрѣлка и у Аблавы.

Началось на обѣихъ нашихъ позиціяхъ, у Кацелева и Аблавы, настоящее артиллерійское состязаніе. Турки просто засыпали наши батареи снарядами. Русскія гранаты, въ свою очередь, дождемъ падали на турецкія батареи, которыя держались, однако, хорошо, не смотря на этотъ адскій огонь съ нашей стороны. Благодаря возвышенному положенію аблавскихъ батарей, турецкій огонь пока не причинялъ имъ существеннаго вреда.

Что же касается до нашей 5-й кацелевской батареи, то, вслѣдствіе близости ея къ многочисленной неприятельской артиллеріи, она терпѣла страшный уронъ отъ огня, какъ въ прислугѣ, такъ и въ лошадяхъ.

Болѣе трехъ часовъ шель сильный, ожесточенный артиллерійскій бой; часовъ въ 10 утра онъ дошелъ до крайней степени своего напряженія, и наша 5-я батарея, потерявъ уже большую часть людей и лошадей, не могла болѣе состояться съ противникомъ.

Ослабивъ, такимъ образомъ, кацелевскую позицію артиллерійскимъ огнемъ, неприятельскія колонны,

предшествуемныя густыми стрѣлковыми цѣпями въ три ряда, перешли въ наступленіе противъ Кацелева.

Въ то же время (около 10 часовъ утра), генераль Дризенъ, находившійся на аблавской позиціи, получилъ донесеніе, что Капорскій полкъ, три роты Невскаго полка и двѣ батареи приближаются изъ Еренджики къ мѣсту расположенія резервовъ. Остальные части Невскаго полка подходили только еще къ Еренджику. Части эти выступили изъ Кавачицы еще наканунѣ, 23-го августа, въ 4 часа по-полудни; но проливной дождь, шедшій всю ночь, до того испортилъ единственную лѣсную дорогу, идущую на Еренджику изъ Кавачицы, что означенныя части должны были на ночь приостановить свое движеніе и ждать разсвѣта, вслѣдствіе чего онѣ и подошли такъ поздно къ позиціи.

Двумъ послѣднимъ Невскимъ батальонамъ генераль Дризенъ послалъ приказаніе въ Еренджику идти на Острицу, чтобы принять на себя возможное отступленіе Кацелевскаго отряда и закрыть съ этой стороны доступъ противнику въ тылъ Кацелевскому отряду.

Получивъ донесеніе о приближеніи подкрѣпленій изъ Еренджики, генераль Дризенъ, по совѣщаніи съ командующимъ Аблавскимъ отрядомъ генераломъ Тимоеевымъ, рѣшился активно помочь войскамъ, сражавшимся на кацелевской позиціи, для чего приказалъ отправить черезъ Острицу на кацелевскую позицію остальной (1-й) батальонъ Херсонскаго полка, чтобы поддержать тамъ войска; а чтобы отвлечь вниманіе противника, насѣдавшего на отрядъ генерала Арнольди, рѣшено было направить съ аблавской позиціи одинъ полкъ пѣхоты на деревню Кацелево, во флангъ противнику. Генераль Тимоеевъ назначилъ для этого Тираспольскій пѣхотный полкъ и 6-ю батарею 33-й бригады, замѣстивъ мѣсто Тираспольцевъ на аблавской позиціи Бессарабскимъ полкомъ, который и расположился въ виноградникѣ, выславъ 1-ю стрѣлковую роту въ деревню Аблаву. вмѣстѣ съ тѣмъ, на передовыхъ позиціяхъ у Аблавы принялъ начальство, вмѣсто командира Тираспольскаго полка, полковникъ Власенко, командиръ 1-й бригады 33-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Корево. Подошедшіе въ 10 часовъ утра три батальона Капорскаго

полка были поставлены на аблавскомъ плато, на мѣстахъ 1-го батальона Тираспольскаго и 1-го батальона Херсонскаго полковъ, и въ то же время, для усиленія артиллерійскаго огня, была выдвинута на позицію 2-я батарея 1-й артиллерійской бригады (шестиорудійнаго состава) и поставлена рядомъ съ 3-ю батареею 33-й артиллерійской бригады. Четыре орудія скорострѣльной батареи были поставлены ниже и лѣвѣе лѣвофланговой батареи. Для охраненія дороги въ Еренджику остались въ резервѣ одинъ батальонъ Невскаго полка и 6-я батарея 1-й бригады. Такимъ образомъ, на аблавской позиціи, считая даже Тираспольскій полкъ, остались всего 8½ батальоновъ, 32 орудія и три эскадрона.

Тираспольцы и 6-я батарея, подѣ командою полковника Власенко, живо собрались изъ виноградника, ровиковъ и ложементовъ и начали спускаться съ аблавской позиціи по направленію къ Кацелево; но, какъ мы уже знаемъ, имъ предстояло сдѣлать до послѣдней позиціи около пяти верстъ.

Между тѣмъ, на кацелевскую позицію, въ 10½ часовъ утра, прибыла 1-я батарея 33-й бригады, посланная наканунѣ изъ Аблавы вмѣстѣ съ двумя Херсонскими батальонами, которая и была проведена на кацелевскую позицію, и поставлена на склонѣ возвышенности позади земляной батареи. Въ то же время батальонъ Херсонскаго полка, бывшій до того въ резервѣ за правымъ флангомъ, былъ передвинутъ впередъ, влѣво отъ батареи. Въ это же время прибыли три сотни 31-го казачьяго полка и были отправлены на лѣвой флангъ къ драгунамъ, подѣ начальство командира Стародубовскаго полка, полковника Вильдерлинга.

Между тѣмъ, турки энергически наступали на Кацелево, и огонь неприятеля, сосредоточенный весь на 5-ю батарею, усилился до крайности. Шесть орудій 5-й батареи не могли болѣе держаться противъ пяти турецкихъ батарей, вслѣдствіе чего генераль Арнольди, дождавшись только прибытія 1-й батареи, подѣ прикрытіемъ огня послѣдней, принужденъ былъ въ 11 часовъ утра снять 4-хъ-фунтовую батарею, потерявшую уже болѣе половины прислуги и лошадей, и отвести ее на вторую позицію, въ устроенную для нея земляную насыпь; при

этомъ былъ смертельно раненъ осколкомъ гранаты въ животъ командующій 5-ю батареею капитанъ Нѣжинцевъ.

По отходѣ 5-й батареи на вторую позицію, противъ 1-й батареи сосредоточился уже огонь шести турецкихъ батарей. Въ то же время непріятель перешелъ въ общее наступленіе противъ кацелевской позиціи, огибая ее съ обоихъ фланговъ. При этомъ турки направили на 1-ю батарею массу ружейнаго огня. Постепенно разгораясь, ружейная пальба къ полудню достигла крайнихъ размѣровъ. Отдѣльныхъ выстрѣловъ нельзя уже было различить: они слились въ общій гулъ, усиливаемый громомъ канонады. Надъ курганомъ, гдѣ помѣщалась 1-я батарея, стояло облако густаго дыма, не позволявшаго намъ различать своихъ отъ непріятеля. По мѣрѣ общаго наступленія, все ближе и ближе подходили къ Кацелеву турецкія батареи, а за ними виднѣлись большія непріятельскія колонны, стрѣлявшія на ходу безъ умолку. Здѣсь опять сказалась разобщенность нашихъ позицій: аблавскія батареи, за дальностью разстоянія, къ общему сожалѣнію, не могли дѣйствовать по наступавшимъ на Кацелево турецкимъ колоннамъ.

Какъ мы уже знаемъ, Кацелевскій отрядъ, въ данную минуту, состоялъ всего изъ 4-хъ батальоновъ, 16-ти орудій и 6-ти эскадроновъ и сотенъ. Турки превосходили его числомъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ *). Генералъ Арнольди все время находился въ цѣпи или на батареѣ, подъ самымъ губительнымъ огнемъ, и своимъ хладнокровіемъ ободрялъ солдатъ, нѣсколько разъ отбивая съ ними натиски непріятеля. Но вида, такимъ образомъ, что турки значительно превосходятъ насъ числомъ и уже охватываютъ насъ съ обоихъ фланговъ, генералъ Арнольди рѣшился отвести войска назадъ, стараясь, по возможности, удержать ихъ нѣкоторое время на

*) Въ 12 часовъ по-полудни на поле битвы прибылъ Мегеметъ-Али-паша и принялъ самъ начальство надъ войсками, причемъ было установлено единство дѣйствій во время атаки обѣихъ дивизій Фуада и Сабита. Къ этому же времени присоединилась и бригада Решиды изъ дивизіи Фуада; послѣдняя (18 батальоновъ), охвативъ лѣвое крыло русскихъ, пошла въ атаку. Всего же противъ Кацелева турки направили до 40 батальоновъ и нѣсколько десятковъ орудій.

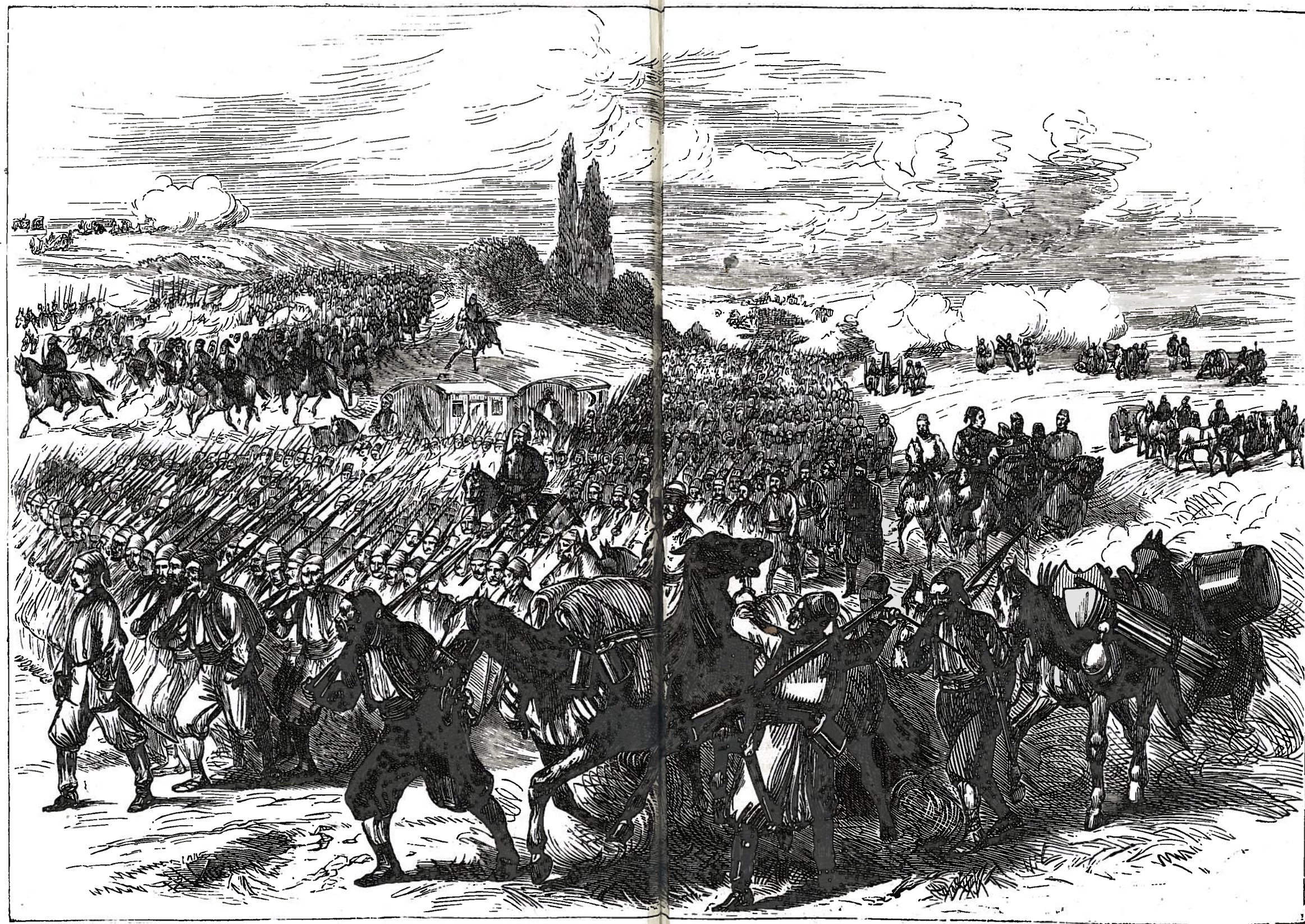
второй позиціи, дабы этимъ дать возможность убрать раненныхъ и артиллеріи сняться съ позиціи.

Для прикрытія отступленія артиллеріи, ея ложементы должны были занять частью 5-я и 6-я роты Бендерскаго полка, а частью 3-й батальонъ Херсонскаго полка. Остальныя войска вмѣстѣ съ артиллеріею должны были отходить на вторую позицію. Съ этимъ приказаніемъ былъ отправленъ къ командиру Бендерскаго полка полковнику Назимову, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Воеводичъ.

Въ часъ дня, штабсъ-капитанъ Воеводичъ подскочилъ къ полковнику Назимову и передалъ ему приказаніе генерала Арнольди, что, „когда снимется съ позиціи послѣднее орудіе, отступить и пѣхотнымъ частямъ“. Это были его послѣднія слова: пуля попала ему прямо въ грудь и онъ повалился съ лошади убитый. Въ то же время, около командира полка палъ жертвою штабъ-горнистъ, былъ раненъ тяжело начальникъ стрѣлковъ, майоръ князь Баратовъ, и были убиты лошади полковника Назимова и адъютанта Бендерскаго полка, поручика Гавликовскаго. Полковой жолонеръ, поручикъ Максимовъ, распорядился, чтобы тѣло убитаго Воеводича было вынесено съ поля сраженія; но судьба и тутъ его преслѣдовала: черезъ сто шаговъ одинъ изъ носильщиковъ былъ убитъ, а другой раненъ осколкомъ разорвавшейся гранаты. Между тѣмъ турки наседали массами и толпами бѣжали внизъ къ Лому, отгѣснивъ уже нашъ правый флангъ. Тѣло Воеводича такъ и пришлось оставить на полѣ.

Во второмъ часу дня натискъ турокъ сдѣлался необычайно силенъ. Части Бендерскаго и Херсонскаго полковъ, засѣвшія въ ложементахъ для прикрытія отступленія нашей артиллеріи, однако молодцами выдерживали напоръ турецкой пѣхоты. Офицеры показывали собою примѣръ храбрости и неустрашимости. Здѣсь былъ убитъ командиръ 6-й роты Бендерскаго полка капитанъ Узембло, ранены всѣ три офицера 10-й роты Херсонскаго полка и командиры 9-й, 11-й и 12-й ротъ того же полка.

Между тѣмъ, фронтъ непріятеля все болѣе распространялся вправо и влѣво. Турки уже начали занимать опушку лѣса противъ нашего лѣваго фланга, гдѣ стояли драгуны съ казаками, и послали

ОТСТУПЛЕНИЕ ТУРЬ ОТЪ АБЛАВОЙ.

въ обходъ нашего фланга всю свою кавалерію, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія *).

Эскадроны драгунъ стояли въ это время въ ложинѣ, и поднимавшаяся впереди мѣстность скрывала ихъ отъ глазъ противника. Видя приближеніе кавалеріи, полковникъ Вильдерлингъ спѣшилъ два эскадрона драгунъ и, применивъ ихъ къ лѣсу, закрылъ путь къ обхвату лѣваго фланга. Третье же сотнямъ казаковъ, поддерживавшимъ эскадрономъ драгунъ, приказалъ атаковать непріятеля. Турецкіе эскадроны смѣло на рысяхъ подавались впередъ, не ожидая встрѣтиться съ нами. Когда они приблизились, казаки неожиданно поднялись на верхъ, а драгуны открыли огонь во флангъ. Регулярная турецкая кавалерія, при внезапномъ появленіи казаковъ, была такъ озадачена, что не только не приняла атаку, но даже не повернула назадъ и шагахъ въ 50-ти отъ насъ остановилась въ нерѣшительности. Казаки вскочили въ ряды турокъ и пиками перекололи впереди стоявшихъ офицеровъ; только тогда турки повернули назадъ и усаkali вразсыпную, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ. Ободренные успѣхомъ, казаки увлеклись преслѣдованіемъ и наткнулись на пѣхоту, которая причинила имъ довольно значительный уронъ. Не будучи въ состояніи догнать противника, казаки, подъ прикрытіемъ огня спѣшенныхъ драгунъ, отошли назадъ.

Въ это время наша пѣхота оставила уже передовые ложементы. Отступивъ на вторую позицію, пѣхота снова залегла въ ровникахъ и завалахъ и дала тѣмъ возможность, подъ сильнымъ натискомъ противника, благополучно сняться съ позиціи сперва 5-й, а потомъ и 1-й батареи, которыя обѣ были направлены, по распоряженію генерала Арнольди, по дорогѣ на Острицу, съ приказаніемъ командиру 1-й батареи выбрать удобную позицію на этой дорогѣ, для удержанія дальнѣйшаго напора непріятеля.

*) Около часу по-полудни Мегеметъ-Али направилъ на Кацелево всю дивизію Фуада и одну изъ бригадъ дивизіи Сабита; другая же бригада этой дивизіи заняла позицію восточнѣе Кацелева противъ Аблавы. Бригада Решиды въ это время снова была отправлена обходною дорогою къ мосту на Ломъ у Широко. Высланные впереди этой бригады турецкіе эскадроны и встрѣтились съ русскою кавалеріею. Вслѣдствіе поздней отправкѣ, бригада Решиды не могла уже выполнить первоначально возложенной на нее задачи.

Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было отвести и всѣ остальные войска съ кацелевской позиціи, такъ какъ не было уже рѣшительно никакой возможности удержаться долѣе противъ натиска шестеро сильнѣйшаго противника, воодушевленнаго къ тому же удачнымъ для него оборотомъ дѣль *). Вслѣдствіе этого пѣхота наша вскорѣ послѣдовала за артиллеріею, а на позиціи остался одинъ только 3-й батальонъ Херсонскаго полка, майора Гопонова, которому было приказано держаться до послѣдней крайности, чтобы хотя сколько нибудь прикрыть общее отступленіе.

Преслѣдуя разстроенный большими потерями отрядъ, которому приходилось къ тому же отступать по очень невыгодной дорогѣ, непріятель могъ бы его совершенно уничтожить. Чтобы отвлечь непріятеля и дать нѣсколько оправиться Кацелевскому отряду, генералъ Дризенъ приказалъ аблавскимъ батареямъ обстрѣливать усиленно деревню Кацелево, которая находилась въ сферѣ огня этихъ батарей и куда уже проникли турки. Вслѣдствіе этого, наши 3-я и 4-я батареи съ аблавской возвышенности начали стрѣлять по густымъ непріятельскимъ пѣнямъ шрапнелью. Кромѣ того, была вызвана изъ резерва, для усиленія артиллерійскаго огня, 6-я батарея, которая, впрочемъ, стала на очень невыгодномъ мѣстѣ и вскорѣ должна была сняться и отойти въ резервъ.

Подъ прикрытіемъ огня съ аблавскихъ батарей, Тираспольскій полкъ съ 6-ю батареею 33-й бригады, спустившіеся раньше съ аблавскихъ высотъ и перешедшіе, подъ жестокимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля, въ бродъ рѣку Кара-Ломъ, двинулись на высоты къ Кацелеву. Въ это время кацелевская позиція была уже оставлена нашими войсками; тѣмъ не менѣе, демонстрація аблавскихъ батарей и движеніе Тираспольцевъ на Кацелево, а равно и прибытіе къ этому времени отъ Острицы къ Кацелевскому отряду 1-го батальона Херсонцевъ достигли желаемаго успѣха: турки, опасаясь за свой правый флангъ, приостановили преслѣдованіе и дали такимъ образомъ возможность большей части Кацелевскаго отряда отступить, согласно диспозиціи, на Острицу.

*) Въ это время, Мегеметъ Али, получивъ уведомленіе о приближеніи второй бригады дивизіи Неджиба, рѣшился ввести въ дѣло послѣдніе резервы и произвелъ атаку всѣми силами.

Во 2-мъ часу по полудни, весь отрядъ, выдержавъ шестичасовой бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ и находясь все время подъ страшнымъ и непрерывнымъ огнемъ со всѣхъ неприятельскихъ батарей, окончательно оставилъ кацелевскую позицію.

3-й батальонъ Херсонцевъ маіора Гапонова, еще нѣсколько разъ отбивъ штыками насѣдавшего противника, отступилъ съ позиціи послѣднимъ, въ полнѣйшемъ порядкѣ, направляясь по дорогѣ въ Острицу, за нѣкоторыми частями Бендерскаго полка и за 2-мъ батальонамъ Херсонскаго полка. Драгунскій полкъ, прикрывавшій все время нашъ лѣвый флангъ, не имѣя уже возможности отступить къ своимъ войскамъ, бросился влѣво въ лѣсъ и, втянувшись рядами, узкою лѣсною дорожкой спустился къ Лому. Нѣкоторыя же части драгунъ отступили на Широко. Опрокинутая драгунами турецкая кавалерія не преслѣдовала ихъ.

Предоставивъ батальону маіора Гапонова, съ боемъ и стройно отступавшему съ частями Бендерскаго полка, идти на Острицу, генералъ Арнольди рѣшился съ драгунскимъ полкомъ прикрыть отступление на Кара-Вербовку 5-й и 6-й ротъ Бендерскаго полка и только что подошедшаго къ отряду 1-го батальона Херсонскаго полка, который велъ теперь съ собою массу раненныхъ. Изъ Кара-Вербовки означенныя части отошли также на Острицу, а драгунскій полкъ въ Еренджиюкъ.

Часть 3-ю батальона Бендерскаго полка, вытѣсненная турками съ праваго фланга кацелевской позиціи и отрѣзанная отъ пути отступления на Острицу, отошла на Аблаву; туда же отступили три сотни 31-го казачьяго полка.

Генералъ-маіоръ Тимоѣевъ.

Неприятель, вообще, преслѣдовалъ слабо, вѣроятно вслѣдствіе молодецкаго отпора, даннаго ему батальономъ маіора Гапонова, а также вслѣдствіе наступленія Тираспольскаго полка и дѣйствія аблавскихъ батарей, заставившихъ его обратить все свое вниманіе на Аблаву.

Такимъ образомъ нашъ незначительный Кацелевскій отрядъ, геройски выдержавшій шести-часовой бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ и подавленный численностью, только послѣ упорной защиты, уже истощенный и разбросанный по разнымъ направленіямъ, медленно отступилъ съ позиціи,

не потерявъ при этомъ ни одного орудія, добравъ раненныхъ и не оставивъ въ рукахъ неприятеля никакихъ трофеевъ.

Оттѣснивъ наши войска изъ Кацелева, неприятель всѣми силами обрушился теперь на Аблавскій отрядъ. Еще наканунѣ многіе были убѣждены, что противникъ не рѣшится атаковать эту позицію, да онъ, вѣроятно, и не атаковалъ бы ея, если бы не выбилъ нашъ слабый передовой отрядъ изъ Кацелева.

Было около 2 часовъ по-полудни. Такъ какъ

въ это время цѣль наступленія Тираспольскаго полка была уже достигнута, то генералъ Тимоѣевъ приказалъ этому полку отойти отъ Кацелева на аблавскую позицію. Какъ только Тираспольцы начали отступать, турецкая пѣхота, перемѣнивъ фронтъ наступленія, атаковала ихъ; турки перешли въ наступленіе какъ съ нашей бывшей кацелевской позиціи, такъ и изъ деревни и съ лѣваго фланга, по дугѣ, охватывавшей нашу аблавскую позицію съ трехъ сторонъ. На правый нашъ флангъ, противъ Бессарабскаго полка, неприятель двинулъ совершенно свѣжія силы и, наступая густыми цѣпями, одна за

другую, потѣснилъ Тираспольцевъ и Бессарабцевъ, всѣ усилія которыхъ, подавляемыя громаднымъ численнымъ превосходствомъ неприятеля, были тщетны. Въ то же время, турецкая батарея, поставленная на высотахъ у Кацелева, прежде занятыхъ нашими войсками, начала фланкировать аблавское плато и наши аблавскія батареи, а вся та неприятельская артиллерія, которая до сихъ поръ дѣйствовала по Кацелевскому отряду, обратилась также противъ аблавскихъ батарей, вслѣдствіе чего эти послѣднія очутились подъ перекрестнымъ огнемъ. Противникъ выставилъ теперь противъ аблавской позиціи до 60 орудій, на восьми батареяхъ, охватывавшихъ дугою нашу позицію, начиная съ высотъ противъ дер. Кара-Вербовки до дер. Огарчина. Не смотря, однако, на то, что неприятель, по исчисленіямъ нашихъ артиллеристовъ, выпустилъ въ этотъ день на аблавскую позицію болѣе 3.000 снарядовъ, они не причиняли намъ существеннаго вреда. Наши же батареи, направляя огонь на ближайшія турецкія батареи, имѣли видимый успѣхъ, заставляя нѣкоторыя неприятельскія орудія прекращать дѣйствіе. Такъ, изъ двѣнадцати орудійной своей батареи, по окончаніи боя, турки увезли только семь орудій; остальные же пять, по всей вѣроятности подбитыя, остались на мѣстѣ.

Тираспольскій полкъ отступалъ отъ Кацелева шагъ за шагомъ и постепенно занялъ частію прежніе свои ложементы на аблавской позиціи, а частію отошелъ на плато, ближе къ ущелью и дорогѣ въ Еренджиюкъ.

Длинная, верстъ около четырехъ, дуга турецкой пѣхоты, въ восемь и болѣе линій, продолжала наступать на Тираспольцевъ, на виноградникъ и д. Аблаву.

Около 3-хъ часовъ по полудни артиллерійскій огонь неприятеля усилился, ружейный же огонь обратился, можно сказать, въ одинъ непрерывный залпъ, не прекращавшійся ни на одно мгновеніе.

Отъ массы ружейныхъ пуль болѣе всего терпѣла 4-я батарея, которая продолжала держаться на позиціи въ виноградникѣ, не смотря на то, что изъ фронта ея выбыли ранеными: 11 рядовыхъ и 18 лошадей, а также и самъ командующій батареею капитанъ Пржебыльскій и подпоручикъ Петровъ. Послѣдній, раненный пулею въ

колѣно, за отсутствіемъ носильщиковъ, около часу оставался на батарее, помогая уцѣлѣвшей прислугѣ устанавливать трубки картечныхъ гранатъ. Отъ ружейнаго огня турокъ также много пострадали батальоны Бессарабскаго полка, бывшіе въ томъ-же виноградникѣ.

Видимо рѣшительная минута приближалась: турецкая цѣпь сгущалась; были ясно видны восемь линій стрѣлковъ и кое-гдѣ на вершинѣ гребня показывались сомянутыя части.

Вдругъ небо заволокло тучами и проливной дождь охладилъ ярость сражающихся. Туча, остановившись надъ мѣстностью, превратила ее въ озеро и гроза заглушала по временамъ грохотъ пушечной пальбы.

Но, мало по малу, ливень прекратился, и турецкая пѣхота, вѣроятно считая насъ довольно уже ослабленными артиллерійскимъ огнемъ, шагая по колѣно въ грязи, начала подвигаться впередъ, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, въ направленіи на виноградникъ и д. Аблаву, т. е. на нашъ правый флангъ и фронтъ.

Замѣтивъ это движеніе, генералъ Тимоѣевъ, герой этого дня, приказалъ двумъ батальонамъ Капорскаго полка придвинутыя къ линіямъ верхнихъ батарей, остальному (1-му) батальону того же полка двинуться къ д. Аблавѣ; въ то же время, онъ послалъ приказаніе батальону Невскаго полка, бывшему въ ущельѣ, въ резервѣ, приблизиться къ боевымъ линіямъ.

Турецкія цѣпи, не смотря на большія потери, продолжали быстро подаваться впередъ. Резервы же турокъ спѣшили выступить изъ-за гребня, а также и изъ лощины, скрытой этимъ гребнемъ, но картечныя гранаты, удачно пущенныя съ нашихъ 4-й и 3-й батарей, не только остановили движеніе сомянутыхъ колоннъ противника, но даже заставили ихъ вновь скрыться за гребень.

Въ это время, двѣ сотни черкесовъ, перейдя рѣчку Ломъ и взобравшись на скаты аблавской возвышенности, начали обходить нашъ правый флангъ. Двѣ сотни 31-го казачьяго полка, спѣшившись, быстро сбили съ горы черкесовъ.

Между тѣмъ стрѣлковыя цѣпи турокъ упорно подвигались впередъ и подошли уже къ самой рѣкѣ. Перейдя Кара-Ломъ, турки бросились къ Аблавѣ и заняли эту деревню, не смотря на сильное сопро-

тивленіе оборонявшей ее 1-й стрѣлковой роты Бессарабцевъ, подъ командою штабъ-капитана Вальковскаго. Рота эта нѣсколько разъ бросалась въ атаку, выбивая турокъ изъ деревни, но, наконецъ, должна была уступить напору превосходныхъ силъ, прежде чѣмъ успѣлъ дойти по назначенію посланный сюда 1-й батальонъ Капорскаго полка. Въ это время былъ убитъ начальникъ стрѣлковъ Бессарабскаго полка, подполковникъ Манцевичъ.

Занявъ д. Аблаву, турки открыли оттуда сильнѣйшій фланговый огонь по частямъ, расположеннымъ въ виноградникѣ. Къ этому періоду боя относятся наибольшія потери нашего отряда. Батарея долѣе держаться въ виноградникѣ не могла, снялась и отошла. Тираспольцы и Бессарабцы продолжали еще держаться, но наконецъ вынуждены были также отступить.

Такимъ образомъ войска наши, шагъ за шагомъ, отошли до самаго гребня позиціи. Далѣе отходить было некуда. Единственный путь отступленія въ Еренджиевъ шель по узкому ущелью почти безъ развѣдовъ; по сторонамъ этой дороги росъ густой, колючій кустарникъ и высились обрывы и утесы. Дождь, шедшій ночью, въ конецъ разгразнилъ узкую дорогу; къ тому же она была загромождена обломкомъ и лаваретными линейками, отправленными съ позиціи, и зарядными ящиками, которые вткнулись въ ущелье за подошедшими подерѣвленіями. Одиночному всаднику трудно было пробраться въ этомъ хаосѣ. Сверхъ того дорога эта уже обстрѣливалась правофланговою турецкою батареею съ позиціи у Кацелева, и нѣсколько человекъ было уже ранено въ ущельѣ на перевязочномъ пунктѣ, у фонтана, осколками гранатъ.

Вслѣдствіе вышеописаннаго положенія единственной дороги въ тылу позиціи намъ невозможно было и думать объ отступленіи.

Между тѣмъ силы наступающихъ турокъ доходили до 50 таборовъ. Нашимъ 9¼ батальонамъ, прижатымъ къ гребню возвышенности, оставалось только остановиться и отбить нападеніе превосходнаго по числу непріятеля, или же биться до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ строя послѣдній человекъ.

Оставивъ въ покоѣ турецкую артиллерію, наши 2-я и 3-я батареи обратили весь свой огонь на

передовыя непріятельскія части. Къ этимъ батареямъ присоединилась и отступившая изъ виноградника 4-я батарея. Дружно и удачно дѣйствуя шрапнелью, батареи эти остановили дальнѣйшее движеніе противника.

Тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ становилось въ высшей степени критическимъ. Батальоны наши, какъ уже сказано было выше, отошли къ самому гребню позиціи и здѣсь остановились, вытянувшись въ одну линію. Они были приперты къ этому гребню и не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ. Турки же упорно продолжали насѣдать, не смотря на огромныя потери, и цѣпь ихъ была уже въ 200 или 300 шагахъ отъ нашихъ.

Это былъ страшный моментъ, когда весь нашъ отрядъ могъ быть однимъ ударомъ уничтоженъ на мѣстѣ.

Оставалось только одно средство, именно — попытаться отбросить непріятеля послѣднимъ отчаяннымъ натискомъ тѣхъ небольшихъ силъ, которыми располагалъ еще начальникъ отряда. Средствомъ этимъ воспользовались разумно и во-время.

Генералъ Тимоеевъ находился въ это время на плато за верхнею батареею. Когда 3-я батарея, а за нею Бессарабцы и Тираспольцы отступили, подскочивъ къ генералу Тимоееву генеральнаго штаба полковникъ Дохтуровъ, объѣхавшій, по приказанію начальника отряда, позицію, и доложилъ ему настоящее положеніе дѣла. Генералъ Тимоеевъ, спокойно выслушавъ донесеніе, отправился впередъ. Достигнувъ нашей цѣпи, генералъ слѣзъ съ лошади, взялъ въ руки ружье, прошелъ сквозь цѣпь и желая примѣромъ воодушевить своихъ солдатъ, направился съ ружьемъ въ рукахъ, на встрѣчу противнику, на явную смерть.

Части, увидѣвши впереди своего начальника дивизіи, съ крикомъ бросились за нимъ.

Въ то же время генералъ Дризень, возвращаясь съ праваго фланга и завидя отступленіе отъ деревни части Бессарабцевъ, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Достойные сыны матушки Россіи не отступаютъ! Во имя обожаемаго нашего Государя, славы и чести русскаго оружія, — впередъ, ребята! Барабанщики, бей наступленіе! За мной братцы! Ура!“ Въ одно мгновеніе отступавшая часть Бессарабцевъ съ крикомъ „ура“ повер-

Общій видъ Рущука.

нула назадъ. Къ молодцамъ Бессарабцамъ присоединился и 1-й батальонъ Капорскаго полка, находившійся въ резервѣ за правымъ флангомъ. Генераль Дризенъ провелъ эти части до центральной батареи и передалъ ихъ также генералу Тимофѣеву, который, вмѣстѣ съ генераломъ Корево, шелъ уже въ цѣпи, съ крикомъ „ура“, впередъ. „Ура“ подхватили и сосѣднія части и всѣ наши батальоны, не смотря на адскій огонь съ турецкихъ батарей и со стороны засѣвшихъ въ виноградникѣ турокъ, опрокинулись внизъ на турокъ. Тираспольцы и Бессарабцы съ 1-мъ и 3-мъ батальонами Капорскаго полка бросились за генераломъ Тимофѣевымъ въ виноградникъ и приняли турокъ въ штыки. 2-й батальонъ Капорскаго полка винулся въ Аблаву и выбилъ турокъ изъ этой деревни. Непритель, предполагая, по всей вѣроятности, что наши поддержаны были изъ-за гребня сильными резервами, повернулъ назадъ и бросился въ полномъ безпорядкѣ къ рѣкѣ Лому.

Въ это время артиллерія наша сосредоточила весь свой огонь на мостикахъ черезъ Ломъ и массою удачно пущенныхъ гранатъ усилила смятеніе въ рядахъ непріятели. Турки, желая избѣжать мостиковъ, бросились черезъ рѣку въ бродъ, но берега этой неглубокой рѣчки были тинисты и вязки; турки по-колѣна въ водѣ спѣшили перебраться чрезъ нее; нѣсколько всадниковъ, вѣхавъ въ рѣку, не могли уже оттуда выбраться и принуждены были бросить лошадей. Весь скатъ противоположной возвышенности покрылся также безпорядочною толпою бѣгущихъ турокъ; они бѣжали отстрѣливаясь, но на вѣтеръ пускаемыя ими пули не причиняли намъ почти никакого вреда. Турецкія батареи также начали сниматься по орудійно и одна за другою уходить съ поля сраженія.

Между тѣмъ наши войска, опрокинувъ турокъ за Ломъ и увлекшись преслѣдованіемъ, также перешли рѣку, причеиъ первымъ перебѣжалъ черезъ мостъ Бессарабскаго полка прапорщикъ Шиленко, раненный при этомъ въ грудь. За рѣкою наши гнали турокъ огнемъ и штыками вплоть до горъ, занятыхъ турецкими резервами. Далѣе преслѣдовать турокъ не было уже возможности, какъ въ виду усталости войскъ, такъ и въ особенности вслѣдствіе огромнаго перевѣса въ силахъ противника.

Такимъ образомъ непритель былъ отбитъ. Оставивъ множество убитыхъ и раненыхъ на нашей сторонѣ Лома, турки отошли къ своимъ позиціямъ за высоты. Русскія войска также заняли свои прежнія позиціи, въ полной готовности дать отпоръ, если будетъ вновь произведена атака.

Но послѣ нашей контръ-атаки поддерживалась только артиллерійская перестрѣлка, которая продолжалась еще до 6-ти часовъ вечера, когда, наконецъ, свинцовыя тучи, надвинувшіяся съ сѣвера, вновь заволокли небосклонъ, причеиъ пошелъ мелкій дождь, а всю мѣстность заволокло густымъ туманомъ, и сраженіе, продолжавшееся 11 часовъ безъ перерыва, прекратилось.

Изъ описанія этого весьма важнаго и крайне опаснаго для насъ дѣла ясно, что оно было выиграно храбростью и стойкостью солдатъ и распорядительностію, хладнокровіемъ и мужествомъ начальниковъ. Всѣ чины вели себя выше всякихъ похвалъ. Многіе раненые, послѣ перевязки, вновь возвращались въ строй, или просто оставались въ строю безъ перевязки. Такимъ образомъ, благодаря стойкости и мужеству солдатъ, было выиграно одно изъ рѣшительнѣйшихъ сраженій нашимъ незначительнымъ отрядомъ противъ главныхъ силъ турецкой арміи.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе о сраженіи, телеграфировалъ Цесаревичу: „Спасибо Моимъ молодцамъ, начиная съ Дризена“.

Потери наши 24-го августа на обѣихъ позиціяхъ, у Кацелева и Аблавы состояли: изъ убитыхъ—10 офицеровъ и 258 нижнихъ чиновъ, раненыхъ—46 офицеровъ и 976 нижнихъ чиновъ и 19 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшихъ. Всего вышло изъ строя 56 офицеровъ и 1,253 нижнихъ чиновъ *).

Потери турокъ, судя по огромному числу оставленныхъ ими раненыхъ и мертвыхъ тѣлъ на нашей сторонѣ Лома и въ виду того, что турки вели наступленіе, а мы оборонялись,—должны были быть гораздо больше нашихъ.

Войска наши ночевали на аблавской позиціи, причеиъ генераль Тимофѣевъ велѣлъ разложить какъ можно больше костровъ, чтобы ввести не-

*) Свѣдѣнія о потерѣ 1-й артиллерійской бригады не были представлены и здѣсь не приводятся.

приятеля въ заблужденіе относительно численности нашихъ войскъ. Аванпостная цѣпь впереди аблавской позиціи была выставлена отъ пѣхоты. Солдаты прочихъ частей собрались вокругъ костровъ, чтобы заварить въ котелкахъ чаю и вполголоса толковали о пережитомъ днѣ. Но, мало по-малу, сильное нервное напряженіе, не дававшее чувствовать усталости, прошло, и всѣ задремали, пріотившись кое-какъ у костровъ. На бивуахѣ воцарилась глубокая тишина, только изрѣдка прерываемая доносившимися съ рѣки окликаками турецкихъ часовыхъ.

Между тѣмъ въ тылу аблавской позиціи всю ночь происходило усиленное движеніе, показывавшее всю затруднительность положенія нашего отряда, хотя и одержавшаго блистательную побѣду. Еще съ вечера и затѣмъ въ продолженіе всей ночи у насъ шла уборка раненыхъ, перевязка и отправленіе ихъ, вмѣстѣ съ обозами и всѣмъ лишнимъ, что могло задержать движеніе войскъ, въ деревню Еренджикъ, гдѣ открытъ былъ дивизионный лазаретъ. Еренджикское ущелье было все загромождено фургонами съ ранеными. При этомъ цѣлую ночь шелъ мелкій дождь съ холоднымъ вѣтромъ. Единственная узкая дорога въ Еренджикъ, идущая нѣсколько верстъ ущельемъ, распустилась отъ дождя и покрылась густою грязью, такъ что лошади съ трудомъ вытягивали фургоны. Всю ночь здѣсь бились повозки и стонали раненые.

Небольшая разоренная деревушка Еренджикъ должна была принять массу этихъ раненыхъ. Въ помощь дивизионному лазарету пріѣхали туда врачи, прислуга и сестры „Краснаго Креста“, подъ руководствомъ энергическаго и дѣятельнаго молодого князя Щербатова, и работа закипѣла. Надлежало какъ можно скорѣе, подавъ первую помощь раненымъ, отправить ихъ дальше, въ виду близости непріятеля и ожидаемаго на завтра новаго наступленія турокъ.

Кромѣ того къ вечеру 24-го въ Еренджикъ подошли: рота Бендерскаго полка, отрѣзанная отъ своего полка у Кацелева, драгуны и часть казаковъ и улановъ. Два батальона Бендерскаго полка два батальона Херсонскаго полка и 1-я и 5-я батареи отошли къ ночи въ Острицу и затѣмъ далѣе въ Бѣлу. Два батальона Невскаго полка

и 1-й батальонъ Херсонскаго полка заняли Острицу. Двѣ роты Бессарабцевъ и эскадронъ улановъ оставались въ Крепче, а для связи Крепче съ Аблавой—три сотни казаковъ 31-го полка.

Изъ предъидущаго можно видѣть, что часть аблаво-кацелевскаго отряда была уже разстроена.

Чтобы покончить съ 24-мъ августа, нужно еще замѣтить, что во время аблавскаго боя турки вновь демонстрировали противъ Кадкюя значительными силами и противъ ковачицкой позиціи отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія.

Такимъ образомъ, хотя аблавскій отрядъ и одержалъ при Аблавѣ блистательную побѣду надъ значительно превосходными силами противника, тѣмъ не менѣе положеніе наше въ центрѣ было въ высшей степени опасно. Войска на аблавской позиціи были значительно уже ослаблены понесеннымъ накануне урономъ и разстройствомъ нѣкоторыхъ частей, а главное—потерю кацелевской позиціи. При этомъ отрядъ нашъ не имѣлъ свободнаго пути отступленія. Къ тому же, солдаты наши, не смотря на все утомленіе ихъ предъидущимъ боемъ и на холодъ и дождь, шедшій цѣлую ночь и утро 25-го августа, не имѣли горячей пищи и должны были остаться безъ нея и 25-го, такъ какъ всѣ обозы были отправлены назадъ и возвратитъ ихъ не было возможности, во-первыхъ, потому, что можно было ожидать возобновленія атаки на слѣдующій день, а главное—втянуть ихъ въ ущелье рѣшительно было невозможно, такъ какъ оно было загромождено фургонами съ ранеными.

Между тѣмъ превосходный по числу противникъ могъ быстро оправиться послѣ нанесеннаго ему пораженія 24-го числа, и немедленно вновь перейти въ наступленіе, сосредоточивъ всѣ свои усилія противъ аблавской позиціи, съ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ шансомъ на успѣхъ, причемъ нашему малочисленному и ослабленному отряду, не имѣвшему свободнаго пути отступленія, грозила страшная участь.

Впрочемъ, туркамъ, послѣ занятія ими Кацелева, не было даже надобности вновь атаковать нашу позицію. У нихъ было такое превосходство въ силахъ, что они могли оставить лишь заслоны противъ Аблавы, Крепче и Опаки, а съ остальными войсками двинуться внизъ по правому берегу

Кара-Лома, занять Острицу или Широко, гдѣ у насъ совѣтъ не было войскъ, а частью силъ Еренджикъ, чтобы окончательно отрѣзать путь отступленія войскамъ аблавскаго отряда, затѣмъ наступать отъ Широко прямо на Бѣлу, на пути въ которую у насъ, какъ мы уже знаемъ, также не было ни одного солдата. Въ самомъ городѣ Бѣлѣ, отстоящемъ отъ Широко на 20 верстъ и въ которомъ были сосредоточены наши обозы, госпиталь и склады, находилась всего одна рота Капорскаго полка, состоявшая въ распоряженіи этапнаго коменданта. Помѣшать наступленію турокъ на Бѣлу не было, такимъ образомъ, никакихъ средствъ. На лѣвомъ флангѣ Руцукскаго отряда, у Дуная, противъ Руцука была только одна 12-я пѣхотная дивизія въ положеніи весьма рискованномъ. Въ центрѣ, у Аблавы, 33-я пѣхотная дивизія и части 1-й пѣхотной дивизіи были приперты превосходными силами противника. На правомъ флангѣ, на верхнемъ Ломѣ отъ Опаки до Попкюя стоялъ 13-й корпусъ, кромѣ двухъ полковъ, откомандированныхъ къ Аблавѣ, и былъ также прикованъ къ мѣсту выставленными въ его сторону сильными турецкими заслонами. Ослабленіе нашего лѣваго фланга и центра и большое тяготѣніе къ правому флангу, какъ мы уже знаемъ, вызваны были опасеніями полевого штаба арміи относительно наступленія турокъ по османъ-базарской дорогѣ на Тырновъ. При такихъ обстоятельствахъ рѣшительное наступленіе Мегемета-Али отъ Кацелева на Бѣлу, безъ сомнѣнія, поставило бы на карту судьбу обоихъ корпусовъ Руцукскаго отряда *).

Въ виду всего вышеизложеннаго, единственное, что теперь неизбежно оставалось сдѣлать всѣмъ войскамъ Руцукскаго отряда,—это быстро отступить и сосредоточиться на пути въ Бѣлу, хотя выполнить это движеніе, въ виду превосходныхъ силъ противника и отсутствія удобныхъ дорогъ, можетъ быть, было труднѣе, чѣмъ рѣшиться встрѣтить противника, не двигаясь съ мѣста.

* Мегеметъ-Али, дѣйствительно, утромъ 25-го августа собралъ дивизіи Фуада, Неджиба и Сабита на кацелевскомъ плато и ожидалъ, что не позже 24-хъ часовъ подойдетъ туда же находившаяся уже на маршѣ дивизія Асафа; кромѣ того, онъ могъ притянуть сюда еще бригаду Мустафы и со всѣми вышеупомянутыми силами броситься черезъ Широко на Бѣлу.

Какъ мы уже знаемъ, отступленіе въ рѣкѣ Янтрѣ давно уже было желательно для войскъ Руцукскаго отряда, но оно не могло быть выполнено до сихъ поръ, вслѣдствіе малочисленности отряда, дурныхъ дорогъ и невозможности вывести войска безъ боя, такъ сказать, изъ-подъ носа превосходнаго по числу непріятеля. Теперь же, хотя затрудненія эти и не уменьшились, однакоже, отступленіе и сосредоточеніе отряда сдѣлалось уже настоятельною необходимостью, во-первыхъ потому, что только этимъ отступленіемъ и сосредоточеніемъ можно было спасти оба корпуса и продолжать выполнение возложенныхъ на нихъ задачъ; во-вторыхъ, только своимъ отступленіемъ и сосредоточеніемъ Руцукскій отрядъ могъ разрушить планъ противника, имѣвшаго въ виду воспользоваться нашею малочисленностью и разбросанностью войскъ по Кара-Лому и Лому. Наконецъ, теперь, послѣ блистательнаго отбитія атаки Мегемета-Али на Аблаву, была, можетъ быть, единственная и самая удобная минута начать столь желаемое сосредоточеніе войскъ.

Вотъ почему отступленіе Руцукскаго отряда, по своему стратегическому значенію, могло составить одно изъ самыхъ существенныхъ для пользы дѣла движеній, хотя и было сопряжено, какъ мы уже сказали, съ большими трудностями и даже, можетъ быть, съ величайшимъ рискомъ.

Въ виду всего сказаннаго, Наслѣдникъ Цесаревичъ, получивъ утромъ 25-го августа подробное донесеніе о сраженіи 24-го числа и о критическомъ положеніи Аблавскаго отряда, рѣшилъ наконецъ немедленно произвести общее отступленіе Руцукскаго отряда къ рѣкѣ Янтрѣ.

Такимъ образомъ начальнику отряда предстояла страшно трудная задача, выполненіе которой равнялось, можно сказать, цѣлому подвигу: нужно было стягивать отдѣльные отряды въ виду превосходнаго по числу противника, который могъ пользоваться этимъ и по временамъ насѣдать на насъ съ дерзостью, могущею раздражить насъ, причемъ потерялись бы хладнокровіе и присутствіе духа, столь полезныя, когда имѣешь дѣло съ русскими солдатами, рвущимися въ бой, и столь необходимыя, когда предстоитъ такая трудная задача, какъ стягиваніе разбросанныхъ частей въ виду превосходныхъ силъ противника.

Августѣйшій начальникъ отряда приступилъ къ упомянутой операціи съ большимъ умѣньемъ и хладнокровіемъ: 25-го августа, турки, противъ всякаго ожиданія не двигались, вѣроятно, вслѣдствіе даннаго имъ наканунѣ отпора. Этимъ ватишьемъ передъ бурю Наслѣдникъ Цесаревичъ воспользовался въ полной мѣрѣ. Давно уже сознавая, что не отъ него зависѣвшая разбросанность войскъ составляетъ нашу слабость, Его Высочество тотчасъ же сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія къ сплоченію отрядовъ

Генераль-маіоръ Арнольди.

войсками 13-го корпуса позиціи у м. Бѣлы. Войскамъ лѣваго фланга держаться на сказанной позиціи, буде возможно, три дня, а въ случаѣ, невозможности удержаться, или въ случаѣ обхода нашего лѣваго фланга, отступать къ Батину, гдѣ занять позицію, съ цѣлью прикрыть переправы. Правому флангу, т. е. 13-му корпусу, начать отступление 25-го на Бѣлу, прикрывшись отрядами, расположенными въ Опакѣ, Гаговѣ и Амуркіюф, обимъ начать отступление на слѣдующій день, т. е.

въ болѣе компактную массу, которая, по мѣрѣ сосредоточенія, естественно приобрѣтала большую тактическую способность.

Утромъ-же 25-го августа отдано было приказаніе, чтобы войска лѣваго фланга (12-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи), расположенныя отъ Пиргоса до Кадыкіоя, отошли 25-го на позицію Трстеникъ и Домогила для прикрытія отступления отряда генерала Дризена и для выигранія времени при занятіи

26-го, выславъ боковой отрядъ въ Баничку (Баницка). Въ Бѣлѣ 13-му корпусу занять южную часть укрѣпленной позиціи, выславъ бригаду къ переправамъ у Косовой и Трембеша.

Отряду генерала Дризена держаться еще 25-го числа на позиціи, чтобы дать возможность окончить эвакуацію раненныхъ, и затѣмъ отступить на Баницкій Ломъ, избравъ пути въ пространствѣ между дд. Широко и Баницкой. Если будетъ возможно, то на Баницкомъ Ломѣ задержаться и

ожидать приказаній; въ случаѣ же напора противника отступить къ Бѣлѣ и занять сѣверную часть укрѣпленной позиціи.

Отступление всѣхъ означенныхъ частей должно было начаться почти на виду непріятеля, который, занявъ непосредственно передъ нами всю линію по ту сторону Кара-Лома, зорко слѣдилъ за русскими позиціями. Поэтому войскамъ нашимъ приказано было при отступленіи принять всѣ мѣры, чтобы скрыть свои движенія и не снимать даже аванпостовъ до поры до времени.

Тѣмъ не менѣе, трудно было скрыть отъ глазъ противника отступление нашихъ войскъ, въ особенности отряда генерала Дризена, расположеннаго на аблавской возвышенности, на виду у непріятеля. Малѣйшее движеніе на аблавской позиціи могло быть тотчасъ же замѣчено турками, причемъ отрядъ нашъ, имѣвшій въ тылу у себя единственную узкую дорогу, запруженную обозами и фургонами съ ранеными, могъ подвергнуться весьма опасному для него преслѣдованію. Еще болѣе печальная участь могла постигнуть отрядъ въ случаѣ быстрого и рѣшительнаго перехода турокъ въ наступленіе. Вся надежда оставалась теперь только на благоприятный случай, на сообразительность нашихъ начальниковъ и на оплошность турокъ.

Съ 24-го на 25-е августа, какъ мы уже знаемъ, обѣ стороны у Аблавы ночевали на своихъ позиціяхъ, въ виду другъ друга, отдѣленные только долиною Лома. На утро всѣми, съ попятною тревогой, ожидалось возобновленіе турками наступленія.

Наступило утро. Густой туманъ окуталъ всю мѣстность, не позволяя различать предметовъ даже въ двадцати шагахъ. Мелкій дождь, лившій въ теченіе всей ночи, не переставалъ и теперь. Это было очень удобно для насъ, чтобы скрытно начать отступление, но послѣднее пока не могло еще состояться, такъ какъ въ тылу позиціи Еренджикское ущелье далеко еще не было очищено отъ раненныхъ и обозовъ.

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили съ аблавской позиціи за движеніями непріятеля. По временамъ густой туманъ разсѣвался, и видно было какъ неутомимо рылись турки, укрѣпляя каждое, мало мальски важное мѣсто. Это былъ тоже благоприятный для насъ признакъ: занявшись окапыва-

ніемъ, турки какъ-бы показывали этимъ, что они сами не рѣшаются, по крайней мѣрѣ не имѣютъ намѣренія въ скоромъ времени, предпринять что либо серьезное. Тутъ сказалась вся польза выиграннаго нами наканунѣ сраженія.

Въ 12 часовъ дня туманъ на нѣсколько минутъ снова разсѣялся, и всѣ увидѣли на скатѣ противоположной возвышенности кучку турокъ, которые несли передъ собою бѣлый флагъ. Тотчасъ же обѣ стороны дали знать начальнику отряда, генералъ-лейтенанту Дризену, который, лично проѣхавъ къ цѣпи и удостоверившись своими глазами въ столь необыкновенномъ фактѣ—въ появленіи турецкаго парламентаря, тотчасъ же назначилъ парламентаря и съ нашей стороны. Пронесся по всей линіи сигналъ: „слушайте всѣ“, и начались переговоры.

Къ величайшей нашей радости и изумленію, оказалось, что Мегеметъ-Али-паша прислалъ просить о заключеніи съ нимъ перемирія для уборки турецкихъ раненныхъ и убитыхъ, оставленныхъ на нашей сторонѣ Лома.

Намъ только этого и нужно было! Вслѣдствіе этого перемирія мы могли выиграть еще цѣлый день, что было для насъ особенно важно, въ виду невозможности для войскъ отряда окончить 25-го августа назначенныхъ имъ передвиженій, такъ какъ дурныя дороги и скопленіе обозовъ продолжали задерживать наше движеніе. Очевидно, было, что турки, обезкураженные нашею предъидущею побѣдою, дѣлали ошибку за ошибкою.

Генералъ Дризень, разумѣется, сейчасъ же согласился на перемиріе, но лишь на слѣдующихъ условіяхъ: перемиріе продолжается до заката солнца; люди назначенные для уборки раненныхъ, должны быть безъ оружія; деморвационною линіею была назначена линія р. Кара-Лома, причемъ убитыхъ и раненныхъ турокъ на нашей сторонѣ мы должны были передавать турецкимъ санитарамъ на ту сторону рѣки; въ свою очередь, нашихъ убитыхъ турки должны были передавать на нашу сторону.

Въ этихъ условіяхъ, очевидно, заключалось все, что могло способствовать началю нами, вечеромъ того же дня, скрытаго отступления съ аблавской позиціи.

Лишь только объявлено было о перемирії, тотчасъ же наши солдаты, пользуясь незначитель-

ною шириною рѣки, завязали разговоры съ турецкими солдатами, причѣмъ переводчиками служили по обычаю наши солдаты изъ татаръ, а иногда и сами турецкіе солдаты, изъ которыхъ нѣкоторые знали кое-какъ русскій языкъ. Уборка убитыхъ не обошлась, разумѣется, и безъ курьезовъ. Замѣтили, наприимѣръ, Тираспольцы, что съ ихняго вольноопредѣляющагося, убитаго по ту сторону рѣки, турецкіе санитары возымѣли намѣреніе стащить сапоги, прежде чѣмъ передать его на нашу сторону. Обидно стало Тираспольцамъ за своего вольноопредѣляющагося, и они, долго не думая, перебрались черезъ рѣку и послѣ непродолжительной безкровной рукопашной схватки отбили трупъ съ сапогами и преспокойно затѣмъ вернулись во свояси. Турки, должно быть сознавая свою неправоту, не выразили никакого неудовольствія на подобную расправу, соединенную съ нарушеніемъ условій о демаркаціонной линіи.

Между тѣмъ, вечеромъ 25-го, войска наши получили приказаніе отступить на Еренджикъ, по возможности тихо и незамѣтно. Съ этою цѣлію нарочно разведано было на позиціи множество костровъ, огонь которыхъ поддерживался всю ночь. Благодаря также густому туману съ мелкимъ дождемъ, продолжавшему совершенно скрывать мѣстность, не позволяя различить что-либо въ двухъ шагахъ, войска наши, въ 9 часовъ вечера, стали сниматься съ позиціи и послѣдовательно отходить, не замѣченныя и нетревожимыя турками.

Въ авангардѣ пошелъ 1-й батальонъ Херсонскаго полка, перешедшій изъ Острицы въ Еренджикъ; за нимъ двинулась отъ Аблавы вся артиллерія, къ которой были приданы на всякій случай роты Тираспольскаго полка, главнымъ образомъ для исправленія дороги, такъ какъ вообще узкая и опасная, вслѣдствіе крутыхъ обрывовъ, она совершенно испортилась отъ дождей и образовала выбоины и глубокія колеи, что крайне затрудняло движеніе артиллеріи. За артиллеріей выступили остальные части Аблавскаго отряда, имѣя въ арріергардѣ Бессарабскій полкъ.

Ночь была темная. Войска отступали, ощупью отыскивая дорогу въ извилистомъ ущельѣ. Въ мѣстахъ болѣе опасныхъ были зажжены костры, чтобы сколько нибудь освѣтить трудный путь. При

всемъ томъ движеніе не обошлось безъ приключеній. На одномъ изъ самыхъ крутыхъ поворотовъ одно орудіе 3-й батареи закатилось по грязи и слетѣло въ оврагъ, который по счастью не былъ глубокъ; не смотря на поданную пѣхотою помощь, артиллеристы провозились около получаса надъ вытаскиваніемъ орудія, запрудивъ тѣмъ самымъ дорогу остальнымъ войскамъ. Между тѣмъ каждая минута была дорога: догадайся турки о нашемъ ночномъ движеніи по ущелью, и тогда все пропало. Но турки, вѣрно, крѣпко спали въ эту ночь.

Къ 6-ти часамъ утра, 26-го августа, вся 33-я дивизія стянулась благополучно къ Еренджику. Возшедшее солнце освѣтило блѣдныя, изнуренныя двумя безсонными ночами лица солдатъ. Всѣ были страшно утомлены и нервно разстроены.

Между тѣмъ въ Еренджикѣ весь день 25-го августа и слѣдующую ночь шла усиленная работа по перевязкѣ и отправленію раненыхъ въ Бѣлу. Слѣдовало торопиться съ отправкою послѣднихъ, чтобы не оставить ихъ вблизи непріятеля, который, послѣ ухода нашихъ войскъ изъ Аблавы, легко могъ перейти въ наступленіе. Прикрытіемъ для раненыхъ въ Еренджикѣ служилъ драгунскій Стародубовскій полкъ. Офицеры этого полка были немедленно разосланы въ окрестныя деревни для сбора повозокъ. Всѣ свободные волю, лошади и повозки были отобраны у болгаръ подъ нашихъ раненыхъ, и утромъ 26-го началось укладываніе послѣднихъ въ повозки по нѣсколькѣ человекъ, послѣ чего стали отправлять въ Бѣлу одну повозку за другою. Къ девяти часамъ утра все уже было вывезено.

Часть спустя послѣ этого двинулись изъ Еренджика и войска 33-й дивизіи, чрезъ деревню Синанкію, на мѣста, назначенныя этой дивизіи на Баницкомъ Ломѣ. Погода въ этотъ день стояла прекрасная, и къ вечеру 26-го августа 33-я дивизія достигла уже деревни Баницки, гдѣ и расположилась бивуакомъ, выславъ къ сторонѣ непріятеля дежурныя части. Здѣсь 33-я дивизія впервые послѣ аблавскаго боя провела ночь спокойно.

Между тѣмъ въ арріергардѣ этой дивизіи, прикрывая ея отступленіе, слѣдовали Стародубовскій драгунскій и Бѣлгородскій уланскій полкъ, съ 19-ю конною батареею, получившіе приказаніе перейти изъ Еренджика въ Челново (Черница), выше на Ломѣ,

гдѣ и держаться противъ непріятеля, пока не пройдутъ войска 13-го корпуса, всѣ обозы и раненые. Быстрымъ движеніемъ драгуны и уланы, послѣ полудня 26-го августа, заняли Челново, гдѣ къ нимъ въ тотъ же день присоединились еще два батальона Софійскаго полка съ позиціи 13-го корпуса.

13-й корпусъ весь день 25-го августа оставался на ковачицкой позиціи въ полной готовности къ бою, такъ какъ впереди, по линіи р. Кара-Лома, стоялъ непріятель въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Но, кромѣ обыкновенной перестрѣлки на аванпостахъ, ничего въ этотъ день здѣсь не произошло. Послѣ полудня начали отходить отъ Ковачицы три полка 35-й дивизіи, выславъ одинъ полкъ въ направленіи на Баницку, въ видѣ боковаго авангарда. Вечеромъ же, какъ только стемнѣло, началось отступленіе и арріергарда 13-го корпуса, подъ начальствомъ командира 1-й пѣхотной дивизіи, генерала Прохорова. Благодаря лѣсистой и пересѣченной мѣстности на фронтѣ передовой позиціи корпуса (на линіи Гагово-Попкію), явилась возможность отступить и здѣсь скрытно: сначала стала отходить пѣшая артиллерія, а за нею и пѣхота арріергарда, т. е. два батальона Софійскаго полка, и весь обозъ кавалеріи. Къ ночи на передовой позиціи у Попкію остался одинъ лишь кавалерійскій арріергардъ изъ Вознесенскаго уланскаго полка, пяти сотенъ 8-го казачьяго полка и 9-й донской батареи, подъ начальствомъ полковника Каульбарса.

Часу въ первомъ ночи Вознесенскій полкъ, вмѣстѣ съ 9-ю конною батареею, тоже отошелъ назадъ версты за двѣ, такъ какъ съ боемъ трудно было отступать нашей конной артиллеріи по мягко распаханному полю. Посты же наши (отъ 2-го эскадрона уланы) продолжали стоять какъ ни въ чемъ не бывало на своихъ прежнихъ мѣстахъ, такъ что туркамъ трудно было догадаться, что за этими нѣсколькими уланами не было уже сравнительно грозной силы, готовой встрѣтить наступленіе, и что на двадцать верстъ назадъ вся мѣстность уже была почти очищена нашими войсками. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ около четырехъ часовъ утра 26-го августа, полковникъ Каульбарсъ, пробывшій всю ночь среди послѣднихъ войскъ, оставшихся на по-

зиціи, послалъ поручику Руденко приказаніе снять посты и присоединиться къ полку.

Когда уже совсѣмъ разсвѣло, всѣ кавалерійскія части, съ конною артиллеріей, расположенныя на позиціяхъ у Опаки, Гагова, Попкію и Амуркію, въ свою очередь, начали отходить къ Ковачицѣ. Но, не доходя нѣсколько верстъ до этой деревни, изъ которой еще не успѣла вытянуться пѣхота 13-го корпуса, кавалерія наша остановилась впереди пѣхотныхъ частей генерала Прохорова, прикрывавшаго отступленіе всего корпуса, готовая встрѣтить непріятеля, если ему вздумается насъ преслѣдовать. Непріятельская кавалерія, дѣйствительно, не замедлила появиться, и арріергардъ нашъ былъ атакованъ восемью эскадронами турецкой регулярной конницы, сопутствуемой значительною толпою черкесовъ и баши-бузукъ, вступившихъ въ оживленную перестрѣлку съ нашими казаками. Однако, мѣстность не способствовала развитію кавалерійскаго боя; произошла лихая атака одной полусотни 8-го казачьяго полка, а огонь двухъ донскихъ орудій заставилъ непріятельскіе эскадроны удалиться къ Попкію и Аяслару, оставивъ на мѣстѣ схватки нѣсколько тѣлъ. Во время этого дѣла видны были части турецкой пѣхоты, бѣгомъ спускавшіяся отъ Аяслара въ попкіюскую долину.

Такъ какъ къ полудню 26-го числа головная часть 13-го корпуса находилась лишь только въ пяти верстахъ отъ Копривицы, Бѣла же оставалась еще неприкрытою, то Наслѣдникъ Цесаревичъ, съ понятною тревогою слѣдившій за движеніями своихъ войскъ, опасаясь за Бѣлу, приказалъ 12-й пѣхотной дивизіи, благополучно уже отошедшей на линію Третеникъ-Дамогіла, въ случаѣ надобности, оставить эту позицію и отходить не на Батинъ, а къ Бѣлѣ, пославъ въ Батинъ одинъ лишь полкъ.

Какъ еще трудно было положеніе наше около полудня 26-го числа, можно уже видѣть изъ того обстоятельства, что на всемъ пути отъ Острицы до самой Бѣлы встрѣчались еще массы раненыхъ. Кара-Вербовка, Острица, Пепелене, Челново—все было полно ими. Въ самой Бѣлѣ всѣ лазареты, госпитали были уже полны—а все еще подвозили раненыхъ. Сверхъ того, предупрежденные о нашемъ отступленіи жители деревень: Вербовки, Монастыря,

Банички, Копривицы и многих других бѣжали теперь толпами въ Бѣлу. Это былъ какой-то Содомъ и Гоморра! Все стремилось въ Бѣлу, загромядая дороги и затрудняя движеніе войскъ.

Къ вечеру 26-го августа положеніе наше значительно улучшилось: отступленіе приводилось къ окончанію и совершенно было въ полномъ порядкѣ. Раненые Аблавскаго отряда всѣ были перевязаны и отправлены въ Бѣлу. Пѣхота арріергарда 13-го корпуса къ вечеру этого дня дошла до Копривицы; кавалерія остановилась у Церковны, имѣя передовый отрядъ въ Водицѣ.

Утромъ 27-го августа пять полковъ пѣхоты 13-го корпуса уже занимали Бѣлу; одинъ полкъ былъ оставленъ въ Баницѣ. 33-я дивизія перешла изъ Банички черезъ Бузовцу къ Батинцѣ. 12-я пѣхотная дивизія оставалась на позиціи Трстеникъ-Дамогила.

Главная квартира Наслѣдника Цесаревича и отрядный штабъ еще 25-го августа перешли въ Копривицу, а 27-го—въ Бѣлу.

Такимъ образомъ въ три дня (25-го, 26-го и 27-го августа) совершенно было одно изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ передвиженій войскъ Русскаго отряда, въ строжайшемъ порядкѣ и полной стройности, почти въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, который, однако, ни разу не догадался потревожить насъ во время отступленія, благодаря конечно, отпору, данному ему у Аблавы, и тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты нашими войсками, чтобы скрыть свои движенія.

Мегеметь-Али, собравъ, 25-го августа, свои войска на кацелевскомъ плато, замедлил отдать окончательный приказъ о рѣшительномъ наступленіи на Бѣлу, такъ какъ взгляды, выраженные его штабомъ, будто бы заставляли его сомнѣваться въ счастливомъ исходѣ задуманнаго имъ плана. При этомъ, очищеніе русскими укрѣпленныхъ позицій у Острицы и Аблавы почему-то дало поводъ туркамъ предполагать, что къ русскимъ подошли подкрѣпленія. Затѣмъ, во время этихъ колебаній, которыя еще болѣе возрастали отъ преириятельствъ въ военномъ совѣтѣ, Мегеметь-Али 27-го августа отправился въ Сарнасуфларъ, поводомъ къ чему послужила жалоба Салиха-паши на своего начальника, принца Гассана Египетскаго.

Салихъ-паша 25-го августа, находясь на Сахаръ-тепе, узналъ о сильныхъ движеніяхъ въ русскомъ лагерѣ при Попкію и вслѣдствіе этого поспѣшилъ сосредоточить свою дивизію въ Ломской долигѣ. Когда же русскіе 26-го августа рано утромъ намѣревались окончательно очистить Попкію, Салихъ-паша поспѣшилъ къ принцу Гассану, чтобы получить позволеніе начать тотчасъ же атаку; но послѣдній, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность, хотѣлъ посоветоваться со своимъ штабомъ. „Послѣ продолжительныхъ поисковъ, — рассказываетъ авторъ „Турецкой арміи подъ начальствомъ Мегеметь-Али“, — штабъ былъ найденъ на вершинѣ Сахаръ-Теппе, причемъ штабные выражали свою радость о выступленіи русскихъ войскъ тѣмъ, что положили длинную доску на срубъ дерева и сидя на ней верхомъ стали качаться... На предложеніе же начать атаку противъ Попкію они возражали, что это предпріятіе слишкомъ опасно“.

По прибытіи въ Сарнасуфларъ 28-го августа самаго Мегемета-Али, онъ не нашелъ уже возможнымъ предпринять наступательное движеніе въ томъ смыслѣ, какъ предлагалъ Салихъ-паша, хотя и былъ вполне согласенъ со взглядами послѣдняго.

Ко всему вышеизложенному нужно прибавить еще слѣдующее обстоятельство. 25-го августа, у Мегеметь-Али-паши, въ Соленикѣ, былъ нашъ полковникъ графъ Шереметьевъ, посланный чрезъ Попкію парламентаромъ съ письменнымъ отвѣтомъ Великаго Князя Главнокомандующаго на заявленіе турокъ о присоединеніи ихъ къ Женевской конвенціи. Прибытіе графа Шереметьева въ Соленикѣ было для насъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ оно, нужно думать, и послужило поводомъ для Мегемета-Али къ высылкѣ въ тотъ же день парламентаря въ Аблаву съ просьбою объ уборкѣ раненныхъ. Возвратившись отъ турокъ 26-го августа въ Ковачицу, графъ Шереметьевъ передавалъ, что турки вовсе не подозрѣвали нашего отступленія и съ большимъ удивленіемъ и осторожностью подвигались по оставленной нами мѣстности.

Только по отступленіи отряда генерала Дризена за Баницкій Ломъ, турки рѣшились двинуться впередъ, и выставили свои аванпосты по другую сторону рѣки, на высотахъ праваго берега Кара-Ломы, расположивъ позади ихъ бивуаки значительныхъ

СРАЖЕНІЕ ПРИ СІНАНКІОЙЪ.

силъ, противъ деревень Пепелени, Широко и Острицы. Однако турки, въ виду быстрого занятія этихъ пунктовъ нашей пѣхотой, артиллеріей и кавалеріей, не рѣшились перейти черезъ Ломъ и остановились неподвижно.

Вскорѣ передъ Баницкимъ Ломомъ, около Синанкіюя, появился также большой непріятельскій лагерь, откуда по вечерамъ, въ особенности когда вѣтеръ былъ съ непріятельской стороны, къ намъ доносились звуки рожковъ.

Но большею частію о непріятелѣ напоминала намъ теперь только непрерывная перестрѣлка на аванпостахъ. У деревни Широко, гдѣ разстояніе между цѣпями было не болѣе дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, казаки наши, занимавшіе аванпосты, вырыли для себя ложементики, а турки, на противоположномъ берегу, сложили себѣ закрытія изъ камней и, сидя въ нихъ, зорко слѣдили другъ за другомъ. Поважи только казакъ голову, ужь непременно двѣ или три пули просвистятъ мимо него; но за то и фескамъ не безопасно было показываться! Впрочемъ, при этихъ аванпостныхъ перестрѣлкахъ у насъ потерь совсѣмъ не было.

Словомъ, положеніе наше съ этихъ поръ было вполне обеспечено, какъ вполне удачно закончившимся сосредоточеніемъ отрядовъ на линіи Баницкаго Лома, такъ и быстро воздвигнутыми здѣсь сильными укрѣпленіями, а равно и прикрытіемъ нашего новаго расположенія крутыми и скалистыми берегами Кара-Лома и Баницкаго Лома.

Кромѣ того, къ правому флангу Рущукскаго отряда, у Чаиркюя, вскорѣ применилъ лѣвый флангъ 11-го корпуса князя Шаховскаго, такъ какъ сосредоточеніе всѣхъ войскъ Тырновскаго отряда на османъ-базарской дорогѣ оказалось болѣе ненужнымъ, въ виду окончательно выяснившагося факта движенія всей арміи Мегмета-Али на линію рѣки Кара-Лома.

Тотчасъ же по сосредоточеніи войскъ на линіи р. Баницкаго Лома, Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ поставилъ цѣлью отряда препятствовать непріятелю перейти черезъ Баницкій-Ломъ на пространство отъ Пепелени до Колпровицы и не дать ему утвердиться на лѣвомъ берегу этой рѣки.

Для выполненія этой цѣли, 1-я и 33-я пѣхотныя дивизіи были расположены на высотахъ лѣваго

берега Баницкаго Лома, между Черницею и Баницкою, 11-я пѣхотная дивизія оставлена на позиціяхъ между Мечкой, Третеникомъ, Домогилой и Обретеникомъ для прикрытія шоссе изъ Рущука на Бѣлу, а общій резервъ въ составѣ 35-й пѣхотной дивизіи переведенъ изъ Вѣлы въ Дольній-Монастырь, куда 28-го августа перешла и главная квартира Цесаревича съ отряднымъ штабомъ *).

Сверхъ того, въ поддержаніе Рущукскаго отряда были присланы, наконецъ, 26-я пѣхотная дивизія и бригада 2-й донской казачьей дивизіи.

26-ю дивизію Наслѣдникъ Цесаревичъ направилъ въ Церковну и Колпровицу, гдѣ предписано ей стать по бригадно. Казачья бригада направлена на усиленіе кавалеріи 12-го корпуса.

Вслѣдствіе такого расположенія войскъ Рущукскій отрядъ могъ быть готовъ ко всѣмъ случаямъ.

Если бы турки двинулись изъ Рущука, то можно было бы тотчасъ двинуть на поддержку 12-й пѣхотной дивизіи шесть полковъ пѣхоты (четыре изъ общаго резерва у Дольнаго-Монастыря и два полка изъ Ватинцы).

При движеніи изъ центра на Бѣлу, непріятеля могли встрѣтить въ полномъ составѣ 13-й корпусъ и дивизія 12-го корпуса.

Въ случаѣ нападенія на князя Шаховскаго, можно было, сверхъ 26-й пѣхотной дивизіи, двинуть къ нему бригаду или дивизію 13-го корпуса изъ Баницы и Бешбунара.

Словомъ, трудное и опасное дѣло стягиванія войскъ закончилось самымъ блестящимъ образомъ, и съ быстротою, какую только можно было пожелать.

Такимъ образомъ, два наши корпуса, которые были вынуждены, самымъ ходомъ дѣла выдвинуться далеко внутрь непріятельской страны и стать лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ противникомъ, на крайне растянутыхъ позиціяхъ, безъ всякой надежды на поддержку, и которые были почти уже

*) Кавалерія Рущукскаго отряда занимала въ это время слѣдующее расположеніе: 12-я кавалерійская дивизія была присоединена къ своему корпусу и наблюдала линію по Лому и Кара-Лому до Черницы; 8-я кавалерійская дивизія оставалась при 13-мъ корпусѣ, и наблюдала линію отъ Черницы на Синанкію, Іениджеси и Водичу, гдѣ входила въ связь съ кавалеріей 11-го корпуса.

отрѣзаны другъ отъ друга, подвергаясь страшной участи быть разбитыми по частямъ,—оба эти корпуса искусно и смѣло рукою начальника отряда были быстро вырваны изъ-подъ занесеннаго на нихъ удара, въ самый критическій для нихъ моментъ, когда врагъ собирался уже торжествовать свою побѣду. Быстро отойдя съ растянутыхъ позицій на значительное разстояніе отъ противника, оба корпуса заняли немедленно сосредоточенное положеніе, на весьма выгодной позиціи, и наконецъ, вошли между собою въ тѣсную связь.

Можно послѣ этого представить себѣ то неловкое положеніе, въ которомъ очутился противникъ, когда уже вѣрно намѣченная имъ добыча совершенно неожиданно для него ускользнула изъ-подъ его рукъ.

Значеніе столь блистательно выполненной диверсіи Рущукскаго отряда было громадно. Это былъ настоящій подвигъ, могущій сдѣлать честь любому полководцу и радикально измѣнявшій въ нашу пользу ходъ событій въ ближайшемъ будущемъ. Во-первыхъ, существенная ошибка въ расположеніи войскъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, зависѣвшая отъ общаго распорядка и даже, можетъ быть, отъ всего плана кампаніи и заключающаяся въ крайней разбросанности войскъ, была теперь вполне исправлена, и кризисъ для Рущукскаго отряда навсегда миновалъ. Затѣмъ, совершенная отрядомъ диверсіа не только дала ему вполне обезпеченное положеніе, но, какъ мы убѣдимся послѣ, и окончательно парализовала планъ Мегемета-Али-паши, основанный на растянутомъ расположеніи нашего отряда по Кара-Лому. Съ благополучнымъ и быстрымъ оставленіемъ нами этой линіи, столь долго и тщательно подготовляемый планъ противника прорвать центръ нашего расположенія, самъ собою рушился. Потому то, предоставленіе намъ Мегеметомъ-Али возможности безпрепятственно покинуть линію Кара-Лома, составляетъ громадную ошибку этого полководца. Онъ долженъ былъ во что бы то ни стало удерживать насъ на этой линіи, такъ какъ лишь въ этомъ случаѣ онъ могъ господствовать надъ положеніемъ дѣлъ и только тогда представлялась ему полная возможность нанести серьезное пораженіе Рущукскому отряду; но разъ намъ удалось поки-

нуть линію р. Кара-Лома, планъ Мегемета-Али терялъ уже подъ собою всякую почву.

Впрочемъ, допущенная Мегеметомъ-Али ошибка вовсе не была такого свойства, которая неминуемо бы вела къ неудачѣ. Не даромъ турки, столь щепетильно отнесшіеся послѣ къ многимъ изъ своихъ командировъ, призвавъ ихъ къ суду, оставили Мегемета-Али совершенно въ покоѣ. И дѣйствительно, послѣдняго нельзя упрекнуть въ недостаточной основательности составленнаго имъ плана, или въ нецѣлесообразности выбранныхъ имъ средствъ для осуществленія этого плана. Планъ его дѣйствій былъ составленъ весьма основательно и, не нужно забывать, былъ уже близокъ къ выполненію. Если и можно въ чемъ упрекнуть Мегемета-Али, это въ совершенномъ упущеніи имъ изъ виду возможности съ нашей стороны быстро покинуть линію Кара-Лома или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, въ недостаточно энергическомъ веденіи наступленія, чѣмъ и воспользовался съ такимъ успѣхомъ Августѣйшій начальникъ Рущукскаго отряда.

Что же касается нашего образа дѣйствій, то во всемъ этомъ дѣлѣ, помимо храбрости и самоотверженія войскъ, нельзя также не обратить вниманія въ особенности на крайнюю расчетливость въ распоряженіи, если можно такъ выразиться, каждымъ солдатомъ и каждою малѣйшею частью, не жертвуя ею безъ крайней надобности. Здѣсь каждый солдатъ, каждый отрядъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ, былъ постоянно на счету и выполнялъ строго опредѣленное ему назначеніе въ Рущукскомъ отрядѣ. Конечно, къ этому вынуждала отчасти и самая малочисленность войскъ; но, только благодаря этой расчетливости въ распоряженіи войсками, мы и могли, при всей нашей малочисленности, продержаться на Ломѣ нѣсколько недѣль въ виду огромной арміи турокъ. Съ другой стороны, нельзя также не принять во вниманіе и того серьезнаго нашего отношенія здѣсь къ врагу, которое ни на минуту не позволяло намъ забыться или пренебречь силами противника, и того искусства, съ которымъ войска наши пользовались всякимъ благопріятнымъ случаемъ и малѣйшею оплошностью непріятеля, чтобы только выиграть удобное положеніе, что и позволило намъ съ такимъ успѣхомъ и такъ стройно

выполнить опасную задачу вывода войскъ изъ-подъ натиска превосходныхъ силъ непріятеля.

Вообще нельзя приписывать успѣхъ совершеннаго нами движенія однімъ лишь ошибкамъ турецкаго главнокомандующаго. Правда, ошибки съ его стороны были, но воспользоваться ими было дѣломъ далеко не легкимъ. Въ этомъ отношеніи представляется знаменательнымъ то обстоятельство, что въ то время, когда на нашемъ правомъ флангѣ и отчасти фронтѣ турки съ большимъ успѣхомъ пользовались нѣкоторыми нашими ошибками, на нашемъ же лѣвомъ флангѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ весьма искусно пользовался ошибками турокъ.

Наконецъ мы обязаны бы были сказать еще нѣсколько словъ, ежели бы не были увѣрены въ томъ, что люди, принимавшіе личное участіе въ обсужденіяхъ плана сосредоточенія войскъ, сохранить для историка и передадутъ вполне фактъ, гдѣ Начальникъ отряда выказалъ такъ много личного самоотверженія, рѣшимости и твердости среди почти отчаяннаго своего личнаго положенія.

Занявъ сосредоточенное положеніе на линіи Баницкаго Лома, войска Рущукскаго отряда сразу почувствовали себя въ полной безопасности и быстро сознали все важное стратегическое значеніе совершенной ими диверсіи и всю ту опасность положенія, изъ котораго они такъ благополучно вышли.

Въ то время вниманіе всѣхъ было обращено главнымъ образомъ на Плевну, гдѣ 30-го августа готовилось великое кровавое дѣло. Поэтому вышеописанное знаменательное движеніе войскъ Рущукскаго отряда осталось тогда какъ-то мало оцѣненнымъ. Но сами участники этого движенія, пробывшіе нѣсколько недѣль въ весьма критическомъ положеніи, измученные долгою борьбою съ превосходными силами противника, значительно утомленные и порядочно уже порѣдѣвшіе и обрвавшіеся, благополучно отойдя, наконецъ, изъ-подъ натиска непріятеля къ Баницкому Лому, не могли не почувствовать, что кризисъ для нихъ миновалъ на долго, что настало время отдыха, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченнаго положенія какъ для нихъ самихъ, такъ и для нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ съ такимъ самоотверженіемъ подъ Плевною. Вотъ почему войска Рущукскаго отряда не только не были

обезкуражены потерю переданныхъ позицій на Кара-Ломѣ, но, напротивъ, были теперь исполнены довѣрія и сильно воодушевлены, какъ-бы послѣ блистательно одержанной побѣды. Въ особенности войска не могли не относиться съ особеннымъ одушевленіемъ къ Виновнику столь искусной вырочки ихъ изъ крайне опаснаго положенія на Кара-Ломѣ, къ его высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Вездѣ, гдѣ слышались радостные крики,—это уже былъ вѣрный признакъ, что войска и населеніе увидѣли Наслѣдника Цесаревича. Солдаты просто боготворили своего Августѣйшаго начальника и любовались на Его Высочество. Гдѣ былъ Цесаревичъ, тамъ и ликовавія.

Изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей Рущукскаго отряда сдѣлался общимъ любимцемъ генераль Тимоѣевъ, которымъ много было сдѣлано при отраженіи турокъ отъ Аблавы.

27-го августа, по окончательномъ распредѣленіи войскъ на новыхъ позиціяхъ, войска открыли восторженно праздники; хоры солдатъ пѣли патристическія пѣсни; музыканты играли лучшія пьесы. Генералы, сражавшіеся бокъ-о-бокъ со своими солдатами, теперь обнимали ихъ; особенно отличившихся вызывали изъ рядовъ, цѣловали ихъ и благодарили. Это было словно торжество великой побѣды, и невозможно было подумать, что день этотъ—день закончившагося отступленія.

Самыя позиціи войскъ Рущукскаго отряда были теперь неузнаваемы. Недѣлю назадъ, линію рущукской арміи можно было съ трудомъ осмотрѣть въ теченіи двухъ дней ѣзды. Теперь же каждая позиція могла быть инспектируема въ нѣсколько часовъ. Вся линія стянулась и сосредоточилась между Трестеникомъ и Бѣлою. Почти въ каждой деревнѣ былъ разбитъ лагерь и разстоянія между ними были очень короткія. Съ лѣваго фланга Ширгосъ былъ покинутъ, и сообщенія на Дунаѣ по парому прекращены. Русскіе заняли Мечку. Вблизи дер. Батина, лежащей также на Дунаѣ, былъ устроенъ новый паромъ на противоположной сторонѣ близъ Петрочени. Здѣсь начали строить новый мостъ, и по холмамъ далеко внутри страны была продѣлана дорога. Передовые посты шли отъ Трестеника до Черницы и Бузувицы, прикрывая, такимъ образомъ, дорогу между Трестеникомъ и главною квартирою начальника отряда въ деревнѣ

Монастырь. Такимъ образомъ послѣдняя была расположена въ разстояніи какихъ-нибудь трехъ часовъ ѣзды отъ крайнихъ пунктовъ линіи. Вообще, судя по расположенію войскъ и по многочисленнымъ землянымъ работамъ, Русуцкскій отрядъ въ настоящее время былъ дѣйствительно въ силахъ противостоятъ дальнѣйшему движенію турокъ, о которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней не было ни слуху, ни духу.

Однако, спустя недѣли двѣ послѣ сраженія при Аблавѣ, Мегемедъ-Али вновь сосредоточилъ свои войска противъ праваго фланга Русуцскаго отряда, и 9-го сентября еще разъ атаковалъ войска, находившіяся подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта Татищева, на позиціи у Церковны. Здѣсь-то сказалась вся выгода занятаго нами расположенія на Баницеомъ Ломѣ, вся оплошность Мегемедъ-Али, допустившаго насъ во время уйти съ линіи Кара-Лома.